

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 83

1

Москва
2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 83 № 1

Январь—Февраль—Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 Г.

МОСКВА
2023

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом всеобщей истории РАН в сотрудничестве с Государственным Эрмитажем и Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *М.Б. Пиотровский* (Санкт-Петербург)

проф. *Э. Андерсен* (Осло), проф. *К. Антонетти* (Венеция),
проф. *Г. Бауэрсок* (Принстон), проф. *Д. Браунд* (Эксетер),
проф. *А. Брессон* (Чикаго), проф. *Г.-И. Герке* (Фрайбург),
акад. РАН *Н.Н. Казанский* (Санкт-Петербург), проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель),
проф. *П. Калльери* (Болонья), акад. РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск),
акад. РАН *В.С. Мясников* (Москва), проф. *Г. Парцингер* (Берлин),
проф. *Х. Ремесаль Родригес* (Барселона), проф. *С. Розен* (Стокгольм),
проф. *Ч.Б. Роуз* (Филадельфия), проф. *Н. Симс-Вильямс* (Лондон),
проф. *П. Функе* (Мюнстер), проф. *М. Хадзопулос* (Афины),
проф. *А. Ханиотис* (Принстон), проф. *Ш. Шакед* (Иерусалим),
проф. *Д. Шарпен* (Париж)

Редакционная коллегия

Главный редактор член-корр. РАН *А.И. Иванчик* (Москва)

д.и.н. *А.Ю. Алексеев* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *И.С. Архипов* (ответственный секретарь, Москва),
д. филол. н. *Л.С. Баюн* (Москва), д.и.н. *А.О. Большаков* (Санкт-Петербург),
д.и.н. *А.А. Вигасин* (Москва), к.и.н. *В.А. Головина* (зам. главного редактора, Москва),
член-корр. РАН *Н.П. Гринцер* (Москва), к.и.н. *М.М. Дандамаева* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *А.А. Ильин-Томич* (Майнц), д-р *Г.М. Кантор* (Оксфорд),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (Москва), к. филол. н. *П.Б. Лурье* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *Е.В. Ляпустина* (Москва), к.и.н. *И.А. Макаров* (Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва), к.и.н. *А.В. Муравьев* (Москва),
к.и.н. *А.А. Немировский* (Москва), д.и.н. *А.В. Подосинов* (Москва),
д.и.н. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *А.В. Седов* (Москва),
к. филол. н. *И.С. Смирнов* (Москва), к.и.н. *С.В. Смирнов* (Москва),
д.и.н. *А.М. Сморгчов* (Москва), к. филол. н. *С.А. Степанцов* (Москва),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), член-корр. РАН *И.В. Тункина* (Санкт-Петербург)

Заведующая редакцией *А.В. Иванова*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

Volume 83 Issue 1

January–February–March

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED IN 1937

MOSCOW
2023

The content is prepared in the Institute of World History (Russian Academy of Sciences)
in cooperation with the State Hermitage and the Lomonosov Moscow State University

International Council

Prof. *Mikhail Piotrovsky* (Chairman, Saint Petersburg)

Prof. *Øivind Andersen* (Oslo), Prof. *Claudia Antonetti* (Venice),
Prof. *Glen Bowersock* (Princeton), Prof. *David Braund* (Exeter), Prof. *Alain Bresson* (Chicago),
Prof. *François de Callatay* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Angelos Chaniotis* (Princeton), Prof. *Dominique Charpin* (Paris),
Prof. *Peter Funke* (Münster), Prof. *Hans-Joachim Gehrke* (Freiburg),
Prof. *Miltiades Hatzopoulos* (Athens), Prof. *Nikolai Kazansky* (Saint Petersburg),
Prof. *Vyacheslav Molodin* (Novosibirsk), Prof. *Vladimir Myasnikov* (Moscow),
Prof. *Hermann Parzinger* (Berlin), Prof. *José Remesal Rodríguez* (Barcelona),
Prof. *C. Brian Rose* (Philadelphia), Prof. *Staffan Rosén* (Stockholm),
Prof. *Nicholas Sims-Williams* (London), Prof. *Shaul Shaked* (Jerusalem)

Editorial Board

Prof. *Askold Ivantchik* (Editor-in-Chief, Moscow)

Prof. *Andrey Alekseev* (Saint Petersburg), Dr. *Ilya Arkhipov* (Moscow),
Prof. *Liliia Bayun* (Moscow), Prof. *Andrey Bolshakov* (Saint Petersburg),
Dr. *Maryam Dandamayeva* (Saint Petersburg), Dr. *Vera Golovina* (Moscow),
Prof. *Nikolay Grintser* (Moscow), Dr. *Alexander Ilin-Tomich* (Mainz),
Ph.D. *Georgy Kantor* (Oxford), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Pavel Lurje* (Saint Petersburg), Dr. *Elena Lyapustina* (Moscow),
Dr. *Igor Makarov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Dr. *Alexey Muraviev* (Moscow), Dr. *Alexander Nemirovsky* (Moscow),
Prof. *Alexander Podossinov* (Moscow), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Alexander Sedov* (Moscow), Dr. *Ilya Smirnov* (Moscow),
Dr. *Svyatoslav Smirnov* (Moscow), Prof. *Andrey Smorchkov* (Moscow),
Dr. *Sergey Stepantsov* (Moscow), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Irina Tunkina* (Saint Petersburg), Prof. *Alexey Vigasin* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Anna Ivanova*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

DOI: 10.31857/S032103910021908-1

“DAIVA INSCRIPTION” OF XERXES: HISTORICAL ACCOUNT, IDEOLOGICAL STATEMENT, OR PROPAGANDA?

I. Yakubovich

University of Marburg, Marburg, Germany

E-mail: yakubovi@staff.uni-marburg.de

ORCID: 0000-0002-7576-7930

The so-called “Daiva inscription” of Xerxes found at Persepolis addresses the activity of this Achaemenid Persian king in two lands, one of which is said to have been in commotion, while the other is alleged to have been characterized by unacceptable religious practices. Xerxes stresses his involvement in the restoration of order in both countries but does not mention their names. Egypt, Babylon, Greece and Bactria were all adduced as candidates by twentieth century scholars, while the recent mainstream of scholarship tends to interpret the same accounts as abstract ideological statements without an anchor in time or space. The new approach advocated in this paper assumes that Xerxes resorted to historical narratives only in order to provide his own apologetic version of embarrassing events. In particular, his self-professed involvement in the destruction of the cults of evil gods is to be interpreted as a twisted account of the destruction of the Acropolis of Athens by the Persian army in 480 BC. In the wake of the disastrous war against the Greeks, Xerxes strove to present it as a successful special operation against the Greek deities.

Keywords: Xerxes, Achaemenid propaganda, Old Persian, Daiva inscription, Greek and Persian Wars

ИСТОРИЯ, ИДЕОЛОГИЯ И ПРОПАГАНДА В АНТИДЭВОВСКОЙ НАДПИСИ КСЕРКСА

И. С. Якубович

Марбургский университет, Марбург, Германия

E-mail: yakubovi@staff.uni-marburg.de

Текст, найденный в Персеполе и известный как антидэвовская надпись Ксеркса, содержит описание репрессий этого ахеменидского монарха в отношении двух стран, в одной из которых происходили волнения, а другая якобы запятнала себя недопустимыми религиозными культами (почитанием дэвов). Ксеркс подчеркивает свою роль в восстановлении порядка в обеих странах, при этом прямо не называя их. Ученые двадцатого века рассматривали Египет, Вавилонию, Грецию и Бактрию в качестве возможных кандидатов, тогда как большинство современных исследователей склонны рассматривать нарратив Ксеркса как абстрактный идеологический манифест. В настоящей статье предлагается новый подход, согласно которому исторический нарратив в надписях Ксеркса всегда представляет собой апологетическую пропаганду, призванную завуалировать неудобные для царя факты. В частности, рассказ о роли Ксеркса в борьбе с дэвовскими культами следует интерпретировать как пропагандистское описание сожжения афинского акрополя в 480 году до н.э. Иными словами, антидэвовская надпись пытается представить проигранную войну персов с греческими полисами как успешную специальную операцию, направленную против греческих богов.

Ключевые слова: Ксеркс, Ахеменидская пропаганда, древнеперсидский язык, анти-дэвовская надпись, греко-персидские войны

1. INTRODUCTION

The trilingual inscription attributed to the Achaemenid king Xerxes (ruled in 486–465 BC), commonly abbreviated as *XPh* and also known as the “Daiva inscription”, was discovered in Persepolis in 1935 in the course of the excavations funded by the Oriental Institute of the University of Chicago and directed by Erich Schmitt¹. The slabs with the text of the inscription were found in a rather unlikely location: two copies of its Old Persian version and its Babylonian version were found in Room 16 of the Garrison Quarters². The four other slabs found next to them bore the text of another inscription of Xerxes, commonly abbreviated as *XPf* and also known as the “Harem inscription”³. Six of the seven slabs stood in an almost vertical position, while a row of

¹ I am deeply obliged to my students at the University of Oxford (2011–2012) and the University of Marburg (2013–2014) for asking many insightful questions in the course of the close reading of the *XPh* inscription, which made me undertake the task of its overall interpretation. The preliminary version of this paper was presented at the 8th European Conference of Iranian Studies (Saint-Petersburg, September 2015). The invited talks on the subject at the University of Hamburg (December 2014) and the University of Marburg (December 2018) were both conducive to improving my line of argumentation. I am grateful to Pavel Lurje (Saint-Petersburg), Ludwig Paul (Hamburg), Niels Hessel and Elyze Zomer (Marburg), who contributed to the organization of these presentations. I am no less obliged to Douglas Hitch (Whitehorse, Yukon), H. Craig Melchert (Carrboro, NC), and Florian Réveilhac (Paris/Marburg), who thoroughly checked the style of this paper, Norbert Oettinger (Erlangen), who helped me to formulate its historical conclusions, and Elizabeth Tucker (Oxford), who contributed to the discussion of both historical and linguistic matters.

² A copy of the Babylonian version of the “Daiva inscription” is now on display at the Oriental Institute Museum, Chicago.

³ A brief remark on the abbreviation of Achaemenid royal inscriptions is in order. Their first capital letter refers to the name of the king, while the second one abbreviates the discovery place. The final small letters represent indices reflecting the order of discovery or publication of the respective texts. Thus, both *XPf* and *XPh* belong to the inscriptions of Xerxes found in

three upright baked bricks stood parallel to some of those. The excavators quickly realized that the location and arrangement of inscriptional finds precluded their meaningful display: as hypothesized in Schmidt 1953, 209: “the discarded royal records, as well as the bricks, had simply been used to face a bench or benches of mud”. As for the Elamite version of *XPh*, its fragments were found in Room 5 of the Garrison quarters, likewise in a secondary context. Furthermore, the excavations at Tall-i Takht in Pasargadae revealed an additional Old Persian version of the text under discussion, reused as a makeshift drain-cover⁴.

Although the text of *XPh* is generally understandable at the linguistic level, its pragmatic content is arguably as obscure as the original location of the inscriptions. The usual set of formulae featuring the Achaemenid royal titles and the list of lands controlled by Xerxes are followed by the narrative part consisting of two episodes, which are apparently associated with two different lands. One of them is said to have been in commotion but was put by Xerxes in its place with the help of Auramazda, the turn of phrase that is compatible with an account of quenching a rebellion. Another land is presented as the place of worshipping the evil gods. The term *daiva-*, used by Xerxes with reference to these supernatural beings, represents a transparent Old Persian cognate of Avestan *daēuua-*, the designation of the evil gods in the Zoroastrian religion⁵. Xerxes remedied the situation by destroying the temples of evil gods (*daivadāna-*) and worshipping Auramazda in a proper way at the place of the destruction. The final part of the inscription contains an exhortation to future readers to worship Auramazda in a proper way.

What significantly complicated the understanding of this text was the unspecified identity of either of the lands. Below I provide the Old Persian version of the crucial passages together with their translation⁶. While I had to make choices in the instances of scholarly disagreement, none of them appears to impact the historical interpretations proposed below.

(*XPh* 28–35) y-θ-a: t-y: a-d-m: x-š-a-y-θ-i-y: a-b- When I became king, (there) is (a land) among those
v-m: a-s-t-i-y: a-t-r: a-i-t-a: d-h-y-a-v: t-y-i-y: u-p- lands that were recorded above, (which) was in com-
r-i-y: n-i-p-i-š-t-a: a-y-u-d: p-s-a-v-m-i-y: a-u-r- motion. Afterwards Auramazda brought me assis-
m-z-d-a: u-p-s-t-a-m: a-b-r: v-š-n-a: a-u-r-m-z- tance. By the strength of Auramazda I smote this
d-h-a: a-v-<a-m>: d-h-y-a-v-m: a-d-m: a-j-n-m: land and put it in its place.
u-t-š-i-m: g-a-θ-v-a: n-i-š-a-d-y-m:

Persepolis but *XPf* was discovered before *XPh*. The list of abbreviations used in the article: *DB* – Bisitun Inscription of Darius I; *DNa* – Upper inscription of Darius I from Naqsh-e Rostam; *DNb* – Lower inscription of Darius I from Naqsh-e Rostam; *DPe* – Inscription of Darius I on the southern wall of the Persepolis terrace; *DSe* – Inscription of Darius I commemorating the reparation of the city wall in Susa; *DSf* – Inscription of Darius I commemorating the construction of a palace in Susa; *XPf* – “Harem inscription” of Xerxes I; *XPh* – “Daiva inscription” of Xerxes I; *XPl* – Inscription of Xerxes I modelled on *DNb*.

⁴ Stronach 1965, 19.

⁵ The English translation of Avestan *daēuua-* as ‘evil gods’ follows the practice adopted by P. O. Skjærvø in his numerous contributions to the study of Iranian religion (see e.g. Skjærvø 2012). An additional reason why this translation is extended here to the Daivas of the *XPh* inscription is that they are explicitly called *lemnu*^{MES} ‘the evil ones’ in its Babylonian version (Filippone 2010, 70).

⁶ For the photograph of the relevant passage, see Schmitt 2000, plates 43b and 44a. The tablet on the photograph is *XPh* 1, one of the copies of the Old Persian version of the *XPh* inscription found at Persepolis. It is now kept in the National Museum of Iran (inventory number B.K. 805). I am grateful to Gian Pietro Basello for this valuable information.

(*XPh* 35–41) u-t-a: a-t-r: a-i-t-a: d-h-y-a-v: a-h: And among those lands (there) was (one) where formerly the evil gods were worshipped. Afterwards, by the strength of Auramazda I destroyed this temple of evil gods⁷ and proclaimed: “The evil gods shall not be worshipped”. Wherever⁸ formerly the evil gods were worshipped, I worshipped Auramazda, sincerely and in the right fashion.

It would be certainly incorrect to assign the lack of consensus on the identity of the lands mentioned in *XPh* to a want of trying. The intervening years saw multiple attempts to position the content of this inscription in time and space or, as the case may be, to argue against the necessity of such a positioning. Huayna Ávila 2020 contains a useful synopsis and classification of the previous hypotheses, as well as a discussion of their potential shortcomings. The ten-page bibliography of secondary sources quoted in this paper effectively documents the previous scholarly involvement with the issues treated here. Against such a background, it might look presumptuous to advance a new interpretation that is not based on new empirical discoveries.

Nevertheless, I believe that the new methodological stance of the present paper warrants tackling once again the content of *XPh*. The common denominator of the previous research on the subject appears to have been the focus on what the inscription actually says. The plausibility of its reference to the known historical events/facts was evaluated in light of its congruence with the description of the same events/facts in other sources; the identified discrepancies were used as an argument for dismissing the respective hypotheses. The approach advocated in this paper implies that the “Daiva inscription” represents a specimen of royal propaganda, and thus says truth but not the whole truth. The positive argument for such a genre assignment is the omission of the names of lands in the narrative part of the text. If one accepts this basic methodological premise, then the facts that Xerxes attempted to suppress and reasons for their suppression may themselves become subjects of a meaningful enquiry.

The rest of the paper will be organized as follows. Section 2 contains the review of those interpretations of the “Daiva inscription” that linked the lands mentioned there to specific geographic locations. Section 3 will be devoted to the evaluation of the claim that the inscription under discussion has no historical relevance. Section 4 will introduce the readers to the better-known species of Achaemenid propaganda and discuss the mode of its operation. The concluding section 5 features my own analysis of *XPh* as a propagandistic account of the early years of Xerxes’ rule and addresses potential objections against the proposed interpretation. Since Huayna Ávila 2020 can still be used as a handy guide to the early scholarship on the topic of the “Daiva inscription”, I intend to be more frugal in references to secondary literature, focusing on the most recent research papers, some of which did not find their way into the previous surveys.

⁷The stem *ava-* belongs to the paradigm of the distal demonstrative pronoun in Old Persian and therefore is conventionally translated as ‘that’, but in the phrases *a-v-<a-m>*: *d-h-y-a-v-m* ‘this land’ and *a-v-m*: *d-i-v-d-a-n-m* ‘this temple of evil gods’ it is clearly used in the anaphoric function, therefore the translation ‘this’ appears to be more idiomatic.

⁸For the interpretation of *y-d-a-y-a* as a free choice pronominal adverb ‘wherever’, I tentatively follow Schmitt 2014, 288–289 but do not consider the issue settled. The alternative interpretation ‘where’, typical of earlier translations, also remains possible.

2. EGYPT, BABYLON, GREECE, OR IRAN?

The initial years of the reign of Xerxes I, son of Darius I are reasonably well documented, but the sources coming from different traditions do not always agree with each other. Thus, the *Histories* of Herodotus (VII. 1, 7) mention a rebellion in Egypt, which started late in the reign of Darius and which Xerxes had to suppress shortly upon his accession to the throne. Unfortunately, the matching evidence on the Egyptian side is extremely meagre: we have only a handful of documents arguably dated to the second regnal year of the interloper Psamtik IV⁹. Nevertheless, the reality and serious character of this uprising is accepted by Egyptologists, who mostly argue about its chronology. The documents dated to the first regnal year of Xerxes are entirely missing in the Egyptian record, although there is a text assigned to January of 484 BC, early in year two of the reign of Xerxes¹⁰. The suppression of a rebellion that lasted more than a year and involved an important satrapy may well be reflected on general grounds in an Old Persian royal inscription. In the discussion of *XPh*, however, the events in Egypt only played a marginal role¹¹. A possible reason for such a scholarly attitude is the lack of evidence for the destruction of Egyptian temples by Xerxes, or indeed any shift in cultural policy in Egypt in the wake of the revolt. Naturally, this should constitute a difficulty only for those scholars who assume that both episodes mentioned in *XPh* occurred in the same land (cf. section 3).

In contrast, the two rebellions in Babylonia that took place early in the reign of Xerxes are primarily documented in indigenous sources. Numerous cuneiform tablets bear witness to two individuals, Shamash-eriba and Bel-shimanni, who both acted as supreme rulers in various Mesopotamian towns in lieu of the Persian king in 484 BC. The rebellion of Bel-shimanni had a very short span, but Shamash-eriba exercised power in certain locations for some three months¹². Arguably more important than these short-lived revolts were their consequences for Babylonian society: Xerxes availed himself of their suppression for tightening his grip over the rebellious satrapy. Although his retaliation did not amount to the destruction of the local temples, some of his measures concerned them directly: thus, the Babylonian priests were deprived of their prebends and provided instead with ration-based remuneration, which directly impacted their autonomy¹³. Ctesias is the only Greek historian whom we can credit with direct knowledge of the Babylonian uprising against Xerxes, but several others were vaguely aware of Persian reprisals. They appear, however, to have overstated his response: thus, Strabo and Arrian attribute to him the destruction of Babylonian religious installations¹⁴.

A source of disproportional impact on the interpretation of the “Daiva inscription” was the statement of Herodotus (I. 183), according to which Xerxes removed a large

⁹ Wijnsma 2019, 49–53.

¹⁰ Wijnsma 2019, 39.

¹¹ Huayna Ávila 2020, 139 with n. 36. Cf., however, Wijnsma 2019, 34: “Xerxes invaded Greece only after he had captured Egypt, which suggests that Egypt had rebelled in or before Xerxes’s early reign. Something similar is suggested by a royal inscription from Xerxes’s reign, which claims that one of the Empire’s satrapies was in rebellion when he became king – after which Xerxes subdued the unrest”.

¹² Waerzeggers 2018, 12.

¹³ Waerzeggers 2018, 7 with the sources cited.

¹⁴ Huayna Ávila 2020, 141–142.

golden statue from the precinct of the Babylonian supreme god and killed a priest who tried to protect it. This act of pillage was widely taken as perpetrated against the statue of Bel-Marduk, which would be consistent with the claim that the temples of evil gods mentioned in *XPh* were the temples of Babylon, or perhaps Mesopotamian temples in general. Such a hypothesis was indeed promulgated almost immediately after the discovery of the inscription¹⁵ and continued to enjoy scholarly favour for several more decades, even though some researchers mentioned Egypt alongside Babylon¹⁶. Its popularity dropped after Kuhrt and Sherwin-White 1987 demonstrated that the relevant passage of Herodotus need not refer to a divine statue. As for Strabo and Arrian, one can argue that their exaggerations reflected the overall negative image of Xerxes in Greek tradition, understandably prompted by the memories of his expedition against the Greeks¹⁷.

This brings us to the campaign of 480–479 BC as yet another candidate for the historical events behind the “Daiva inscription”. Xerxes’ invasion of continental Greece culminated in burning the Acropolis of Athens with its temples (Hdt. VIII. 51–53), which could be conceivably called *daivadāna*- in the subsequent account of the Persian king. “Greeks dwelling beyond the sea” (Old Persian *y-u-n-a ... t-y-i-y p-r-d-r-y d-a-r-y-t-i-y*) are mentioned in the list of subject peoples at *XPh* 23–25, so it is again conceivable that Xerxes referred to the Greeks living in Europe as his rebellious subjects (see section 5 for more details). The main difficulty of such an identification is, of course the well-known outcome of the Persian campaign: shortly after Xerxes captured the Athens, the Persian fleet was destroyed at Salamis in September 480, upon which Xerxes chose to depart home, leaving his remaining land troops to suffer a decisive defeat in the Battle of Plataea in the following summer. Therefore, if Xerxes was sincere about claiming victory over the Athenians, he had a fairly short time span for ordering the execution of the “Daiva inscription”.

This is precisely the scenario advocated in Lévy 1939, the only paper known to me that explicitly argues for the *interpretatio graeca* of *XPh*. According to this paper, Xerxes had reasons to treat Athenians as both disloyal subjects and religious criminals¹⁸. Yet, the

¹⁵ Hartmann 1937, 158–159; Nyberg 1938, 365.

¹⁶ A testimony to the lingering appeal of this hypothesis is its endorsement at the *Encyclopedia Britannica* website (URL: <https://www.britannica.com/biography/Xerxes-I>; accessed on: 19.06.2022). For a list of scholars reading the *XPh* inscription through the lens of the events of Babylon, see Huayna Ávila 2020, 140, n. 41. One name in this list appears, however, to represent a misattribution: although Muhammad Dandamaev did emphasize the repressions of Xerxes against Babylon, he persistently linked the content of the “Daiva inscription” with the alleged religious reform in Iran (see e.g. Dandamaev 1976, 226; 1985, 175).

¹⁷ The arguments against the destruction of Babylonian temples by Xerxes were recently summarized in Kuhrt 2014. For the (negative) reception of Xerxes in Greek historiography, see in general Bridges 2015. Compare Scheer 2003, 67–73 on the artificial opposition between the religious tolerance of Darius and the intolerance of Xerxes, which was constructed in modern scholarship following in part the Greek example and mostly based on Greek sources.

¹⁸ “Tous les indices convergent sur Athènes, que Xerxès pouvait traiter de tributaire indocile, car elle avait rejeté les Pisistratides, féaux du roi... En représailles du sacrilège que les Athéniens avaient commis à Sardes en brûlant les bois sacrés et les temples, il ne s’arrêtera pas avant d’avoir pris et incendié Athènes. Il prépare longuement une guerre de revanche qui est une guerre sainte ; la ville conquise, il incendie l’Acropole et ses temples — le daivadana” (Lévy 1939, 120).

content of the inscription, if taken at face value, implies its fairly specific dating between the first Persian occupation of Athens and the Battle of Plataea¹⁹. This perhaps explains why Lévy’s hypothesis failed to convince scholars in the long run: an assumption that a stone inscription addresses an interim state of a military campaign obviously requires much special pleading. The lack of its immediate reception may have a more mundane explanation: it had the ill fate to appear on the eve of a war that silenced most academic discussions for six long years²⁰. Be it as it may, Lévy’s hypothesis “had neither a positive nor a negative impact on the further academic debate”²¹.

Finally, there is a school of thought that does not seek to establish a connection between any known war/rebellion against Xerxes and the content of *XPh* but takes the mention of the evil gods (Old Persian *daivā*) as its principal historical clue. The religious dualism associated with the Iranian prophet Zarathustra (Zoroaster) famously emphasizes the existential fight between the forces of good and evil, where a decisive role is allotted to the humans. One of the poems belonging to the Gathas of Zarathustra (Yasna 32) portrays the evil gods (Avestan *daēuuā*, nom.pl.) as those who were led astray by the destructive spirit Angra Mainyu and thus chose the wrong side in this struggle. In historical terms, Avestan *daēuuā* and Old Persian *daivā* both represent a reflex of Indo-Iranian **daiuās*, the designation of a class of deities. The pejoration of this term is the peculiarity of the Iranian languages, while in Old Indic (Vedic) religion *devās* evolved into the main designation of divine beings. Scholars tend to agree that the Gathas of Zarathustra (the core part of the Avesta) stigmatize an inherited group of supernatural beings, not some foreign deities encountered by Iranians in the course of their migrations²². Whether or not one treats the Achaemenid religion as a variety of Zoroastrianism, one can argue that Xerxes shared the disdain for those traditional deities that fell out of favour (either permanently or temporarily) as a result of religious reforms in Iran²³.

¹⁹ “La proclamation de Xerxès ne peut être postérieure au désastre de Platées, rapidement suivi de l’évacuation de toute la Grèce d’Europe; elle suppose accompli le sacrifice sur l’Acropole. Elle a donc été rédigée au plus tôt fin septembre 480, au plus tard vers le 27 août 479” (Lévy 1939, 121).

²⁰ It might also be worth mentioning that the academic career of Isidore Lévy ended with him being forced to retire from Collège de France as a part of the Nazi effort to eliminate Jews from public life at the time of the German occupation of Paris (URL: <https://archibib-scdf.hypotheses.org/7614>; accessed on: 16.02.2023). Is it possible that other contemporary researchers felt less need to respond to someone whom they no longer considered an active scholar in the field?

²¹ Huayna Ávila 2020, 147.

²² An indirect linguistic argument against the foreign (e.g. Indo-Aryan) origin of the deities classified as evil gods stems from the recent study of the so-called “Daevic” vocabulary in the Avesta (Tucker 2022). While a number of Avestan lexemes tend to be associated with the description of the *daēuuā*, one cannot generalize as to whether they represent archaisms or innovations vis-à-vis the Proto-Iranian lexicon. Furthermore, different stages of the Avestan language exhibit different sets of lexemes that qualify as “Daevic”, and their use in the relevant contexts is not obligatory. These data are consistent with the status of the “Daevic” vocabulary as a literary convention and do not yield support to tracing it back to a situation of diglossia.

²³ Since the Achaemenid royal inscriptions never mention Zarathustra, the question whether the Achaemenid state religion can be regarded as a variety of Zoroastrianism was

In fact, the attempt to seek the *daivā*-worshippers among the Iranians represented one of the first responses to the discovery of *XPh*. It was inaugurated with Herzfeld 1937, which makes it an early rival of the Babylonian hypothesis, while Riminucci 2006, Abdi 2007, and Gnoli 2011 bear witness to its lingering allure in the 21st century. The hypotheses accommodating the Iranian origin of the evil gods differ in their nuances. On the one hand, Boyce²⁴ draws a bridge between the theories of Zarathustra and the practices of Xerxes without specifying the identities of the evil gods: “Old Persian ‘daiva’ is equivalent to Avestan ‘daeva’; and the natural interpretation of Xerxes’s words is that, as a Zoroastrian, he was recording the destruction of an Iranian sanctuary devoted to the worship of those warlike beings condemned by the prophet”. On the other hand, Dandamaev identifies the evil gods as the god Mithra and the goddess Anahita²⁵. These two Iranian deities are indeed never mentioned by Xerxes and his father Darius, even though they emerge in the fourth-century inscriptions of Artaxerxes II. Neither do they appear in the Gathas, even though the hymns (Yashts) devoted to Mithra and Anahita were eventually incorporated into the Avesta. While the link between the extension of the Achaemenid pantheon and the formation of the Avestan canon is certainly a leap of faith, its appeal lies in the hope to pin down a milestone event in the history of Zoroastrianism, which otherwise defies chronological interpretation.

Despite this advantage, the hypothesis that the *XPh* inscription refers to a holy war under the leadership of Xerxes never gained universal recognition. The information that is scarcely compatible with such an assumption comes from tablet archives in the Elamite language, which reflect the administrative practice at the time of Darius I and Xerxes I and were likewise discovered in Persepolis in the course of the Oriental Institute excavations. The accounts of periodic food offerings to a variety of deities contained in these archives are in stark contrast with the role of Auramazda in Achaemenid royal inscriptions: here he receives more modest oblations than the Elamite god Humban²⁶. A number of other deities never mentioned in the royal inscriptions, such as the Babylonian Storm-god Adad or the local mountains, likewise receive food offerings²⁷. It stands to reason that the early Achaemenid rulers failed to implement their declared henotheism in the state cult, which casts doubt on their inclination to do so in a distant land without a particular reason.

and remains a matter of debate. Those who identify King Vishtaspa, the patron of Zarathustra mentioned in the Gathas with Vishtaspa, father of Darius I mentioned in the Bisitun inscription, naturally tend to favour the view that the Achaemenid kings considered themselves as the prophet’s followers. Nowadays this hypothesis has lost most of its partisans, since linguistic considerations lend multi-pronged support to moving the composition date of the Gathas at least several centuries before Darius I (Hintze 2015). Nevertheless, one cannot a priori rule out that the rulers of Persepolis were orthoprax Zoroastrians even if their family was not historically connected with the prophet. See Bianchi 1977 for a particularly thorough attempt to interpret the *XPh* inscription as a testimony to the Zoroastrian faith of its author.

²⁴ Boyce 1982, 175.

²⁵ “Xerxes verbot den Kult Mithras, Anahitas, und der anderen von Zarathushtra verworfenen Gottheiten, die unter der Bezeichnung *daēva* bekannt werden, und zerstörte ihre Tempel” (Dandamaev 1976, 225).

²⁶ Henkelman 2008, 216.

²⁷ See e.g. Henkelman 2008, 218.

But the uncertainties do not end at this point. Even if we limit ourselves to the royal inscriptions, there is no evidence for religious proselytizing on the part of the Achaemenid kings. This is aptly observed in Tuplin 2017, 34 with regard to *XPh*: “Suppression of *daivā*-worship is followed by Xerxes worshipping Ahuramazda. But the *daivā*-worshippers are not made to worship Ahuramazda”. The hypothesis that the real focus of the Persian campaign was the punishment of the *daivā*-worshippers rather than their conversion can be fleshed out with the more transparent rhetoric in the Bisitun inscription of Darius I. Upon describing a suppressed rebellion of the Elamites under the leadership of a certain Athamaita, Darius adds: “Those Elamites were disloyal and by them Auramazda was not worshipped. I worshipped Auramazda; by the strength of Auramazda, as was my desire, so I treated them” (*DB V* 14–17, cf. Schmitt 1991, 75)²⁸. At this point it must be recalled that the *XPh* inscription likewise mentions an unsuccessful uprising. These facts are consistent with the pragmatic interpretation of the evil gods on the part of the Achaemenids: “If a rebellious country worships god who back such a rebellion against the Achaemenid reign and Auramazda’s will, these gods are daivas, opposing Auramazda and the (political) truth”²⁹.

Naturally, it is impossible to refute the hypothesis of a quelled uprising against Xerxes in the eastern part of the empire³⁰. The lack of literacy outside the state bureaucracy among the Iranians of the Achaemenid period precludes the possibility of any records coming from the opposite side, while the inhabitants of the western part of the Achaemenid Empire would have little interest in recording the events of an inner-Iranian strife³¹. But as long as one accepts the use of the term *daivā* as a value judgment, the advantage of reconstructing an otherwise unknown rebellion over linking *XPh* to the known campaigns of Xerxes becomes no longer clear.

We have seen that part of the problem with assigning the content of *XPh* to specific regions is the embarrassment of the choice. Yet, on top of the pros and cons concerning

²⁸ The rebel Athamaita (*ʾaʿ-θ-m-i-t*) of the Bisitun inscription has been identified with Atta-hamiti-Inšušinak, son of Hutran-Tepti, the last one in the line of Elamite kings (Tavernier 2004, 22–29 with ref.). Therefore, Athamaita’s rebellion presumably amounted to asserting his fully independence from the Persians, as opposed to the earlier “loyal” Elamite kings, who pledged allegiance to Cyrus and Cambyses.

²⁹ Hutter 2021, 1289. For fairness’ sake, one must mention that the similarity between the stances of *DB V* 14–17 and the *XPh* inscription prompts a quite different conclusion in Abaev 1963, where the militant proselytism is attributed to both Darius and Xerxes. The significance of the Persepolis administrative texts for the study of the Achaemenid religion had not yet been fully appreciated at the time.

³⁰ An archaeological argument against such a hypothesis would be the absence of excavated temples with sculptures or pictorial representations of deities in eastern Iran that could be dated to the Achaemenid period (Shenkar 2017, 2–3). It seems less likely that an aniconic religious installation would be called *daivadāna*- by Xerxes, although he could certainly do it if he had ulterior reasons.

³¹ There was one attempt to link the rebellion mentioned in the *XPh* inscription with the alleged claims to the throne by Ariamenes, satrap of Bactria, the eldest son of Darius I (Olmstead 1948, 231–232). The objections against this hypothesis are summarized in Huayna Ávila 2020, 164–165. For our present purposes it is enough to state that Olmstead did not connect the destruction of the temples of evil gods with these alleged events, and therefore we are not dealing here with an additional historical scenario having religious implications.

individual historical scenarios addressed in this section, there is also a more general problem, which was succinctly formulated in the recent survey. “Should the public embarrassment and punishment of a specific rebellious population have been the paramount consideration for *XPh*, the question arises by itself: why then did not Xerxes order his officers to explicitly name that treacherous province so everyone could undoubtedly know to whom *XPh* is referring? By doing so, Xerxes not only could have set a prime example on how to deal with insubordination through public humiliation but also could have allowed him to present himself as a more active ruler and eager to defend the interest of his empire no matter what”³². The issue becomes particularly clear if one contrasts the narrative of *XPh* with the detailed account of the Bisitun inscription (*DB*), which lists not only all the rebellious provinces but also the place and time of each battle that led to their submission. If *XPh* were conceived as *res gestae*, Xerxes would surely have been tempted to imitate the annalistic style of *DB*³³. This is probably the main reason for the paradigmatic shift, which is manifest in the recent treatments of the “Daiva inscription” and will be addressed in the next section.

3. ONE LAND = TWO LANDS = EVERY LAND?

In recent years there has been a near-consensus about the interpretation of the “Daiva inscription”, at least among the historians of the Achaemenid Empire. Neither the commotion in a subject country and its pacification nor the worship of evil gods and its punishment are to be associated with known historical events. The passages in question in *XPh* are rather to be read as illustrations of eternal ideological truths. This interpretation appears to have been first promoted in Sancisi-Weerdenburg 1980, 29–31, but in the twenty-first century it was iterated in several monographs, as illustrated by the citations below:

Xerxes had no specific event in view, he proclaimed once and for all: “Whoever defects from the king will be punished, and the holy places of rebels will be destroyed”. This is an ‘ideological and programmatic’ declaration, not a reaction of the king that can be historically pinpointed (Wiesehöfer 2001, 54).

In the *daivā* inscription, Xerxes makes no allusion to a rebellious country or to royal activities specifically located in space and time. His inscription is instead intended to illustrate the permanence of his power and the transcendence of his royal virtues. The repetition of formulas borrowed from Darius contributes to anchoring this impression of permanence and at the same time further legitimates Xerxes’ power (Briant 2002, 553).

In those places where the *daivā* were worshipped – and, by extension, where Ahuramazda was not worshipped – Xerxes made certain that the proper worship of Ahuramazda was (re?)-instituted. What does that mean? Is Xerxes referring to Babylonia, Greece, Egypt, somewhere else? Perhaps

³² Huayna Ávila 2020, 171. This objection is also fully applicable to a lesser-known interpretation of the *XPh* inscription, which looks for the worshipers of evil gods in India (Valetov 1998). Since Vedic *devá-*, originally used with reference to a type of supernatural beings but eventually extended to the whole pantheon, is a transparent cognate of Old Persian *daiva*-‘evil god’, the author argues that the Achaemenid could regard the Indian cults as inherently offensive (“demonic”).

³³ A particularly salient example of Xerxes availing himself of his father’s formulaic repertoire is the inscription *XPl*, which closely follows the context of *DNb* (see Schmitt 2009, 21 and the respective editions in the same volume).

the best answer is all of them and none of them – by that it is meant that Xerxes’ expression is an idealized one: a powerful, but generalized, expression of the royal ideology that may not apply to one specific episode or place. We cannot say that Xerxes did not specifically apply these sentiments to one or more of his conquests, but we also cannot find evidence that the compulsory worship of Ahuramazda was instituted anywhere (Waters 2014, 119).

The obvious peculiarity of this hypothesis – which can be evaluated as its advantage or disadvantage depending on one’s methodological perspective – is that it cannot in principle be falsified by adducing historical arguments. As long as one compares events situated in space and time, it is possible to use objective criteria with the intention of establishing the historical episode that represents a better match to a particular narrative. Once the option “all of them and none of them” is introduced, one can no longer argue for or against using the historical methodology. The only possibility of continuing the discussion is checking whether such an interpretation is warranted on linguistic grounds.

This issue is addressed in Filippone 2010, a paper that scrutinizes the discourse structure of the relevant passages of the “Daiva inscription” based on all three versions. The author argues that both the Old Babylonian and the Elamite version are compatible with the plural reference to the regions mentioned in both episodes, namely in connection with the suppression of a rebellion and the confrontation with the worship of evil gods. In particular, she stresses the use of the Elamite pronoun *appin* ‘them’ as an equivalent of Old Persian *=šim* ‘it’ with reference to the land in the first episode (p. 67) and Elamite *ap* ‘to them’ as the addressee of Xerxes order in the second episode (p. 71). Furthermore, she acknowledges that the Babylonian version features KUR.KUR^{MEŠ} ‘the lands’ in the first episode (p. 62) and hypothesizes that É *lemnu*^{MEŠ} ‘house of the evil ones’ may have been used as an abbreviated spelling of É^{MEŠ} *lemnu*^{MEŠ} ‘houses of the evil ones’ in the second episode (p. 71).

The Elamite plural pronouns hardly constitute a conclusive argument, because they could be used with reference to the population of the respective lands, while the abbreviated spelling in Akkadian is a mere possibility, but KUR.KUR^{MEŠ} ‘the lands’ is clearly a discrepancy vis-à-vis *av<ām> dahyāvam* ‘this land’ in the Old Persian version of the first episode. Consequently, one must acknowledge that the Akkadian translator misunderstood the grammar of the Old Persian original, which was all the easier given that the Old Persian version begins the narrative here with an unusual elliptical construction (see below). This is, however, a far cry from accepting that the plural reference to the lands is required for all the three versions of the two episodes: despite the necessary emendation, Old Persian *a-v<-a-m> d-h-y-a-v-m* ‘this land’ prompts singular interpretation, and so does *a-v-m d-i-v-d-a-n-m* ‘this temple of evil gods’³⁴.

Another question of no less importance is the status of the elliptical presentational constructions *a-s-t-i-y: a-t-r: a-i-t-a: d-h-y-a-v: t-y-i-y: u-p-r-i-y: n-i-p-i-š-t-a: a-y-u-d* ‘there is (a land) among those lands that were recorded above, (which) was in

³⁴ It is claimed in the paper under discussion that singular nouns are unmarked with regard to number in Old Persian and can be interpreted as plural *ad sensum* (Filippone 2010, 67–68). This argument, however, is not applicable to *av<ām> dahyāvam* ‘this land’, since the underspecification of singular forms is cross-linguistically typical of unidentifiable nouns. Filippone (2010, 68) preempts this objection by stating: “In fact, “identifiability” is not a discrete character and a referent may be identifiable to a degree”. The readers are invited to decide for themselves whether they consider this observation cogent in the context of the present discussion.

commotion' and *a-t-r: a-i-t-a: d-h-y-a-v: a-h: y-d-a-t-y: p-r^u-u-v-m: d-i-v-a: a-y-dⁱ-i-y* 'among those lands there was (one) where formerly the evil gods were worshipped'. In Filippone's view, the ellipsis of the relative pronoun in the first case is akin to the similar phenomena in colloquial English sentences, such as *there is nothing pleases me more* or *there was a farmer had a dog* (p. 65). This may well be a partial answer but it hardly goes to the heart of the matter: the colloquial constructions of the type listed above normally do not occur in English monumental inscriptions. There must surely have been a way to present new geographic settings while spelling out the number of the lands involved. If Xerxes (or the person who commissioned *XPh* on his behalf) failed to do it, this means that backgrounding this information was acceptable or even desirable for him. Assuming the latter scenario, his strategy was successful, because the Akkadian and perhaps the Elamite translators partially misunderstood the message. Yet again, it is a far cry from saying that the number of lands involved in both episodes were not familiar to Xerxes.

The linguistic dilemmas addressed thus far in this section reflect a more basic distinction between non-specific and specific indefinite nouns. If a noun is non-specific, its reference is not known to the speaker, if it is specific but indefinite, its reference is familiar to the speaker but not disclosed to the addressee³⁵. For example, (1) *the unicorn is extinct* and (2) *I saw a unicorn at the zoo yesterday* feature respectively non-specific generic and specific indefinite reference to the same animal. The languages without definite articles, such as Old Persian, do not have standard means of distinguishing between the two categories, which must therefore be differentiated based on contextual cues. The presentational constructions display predilection for specific referents: generic notions (like the unicorn species) tend to be described rather than presented. Another test for setting apart the two groups is the use of demonstrative pronouns, which are expected to modify the specific nouns. For instance, *this species* and *this unicorn* are the appropriate anaphoric expressions resuming the sentences (1) and (2) respectively.

Thus, both the presentational constructions and the anaphoric expressions ('this land' / 'this temple of evil gods') suggests that the lands of both episodes mentioned in the *XPh* inscription were familiar to Xerxes but not disclosed to the readers of the inscription. The interpretation of either of the two settings as generic lacks linguistic foundation. In fact, the specific indefinite referents in the passages under discussion can be contrasted with the common use of generic referents in Achaemenid royal inscriptions. For example, a formula stating that Auramazda *š-i-y-a-t-i-m: a-d-a: m-r-t-i-y-h-y-a* 'created happiness for man', which occurs at the beginning of most Old Persian texts (also in *XPh* 3–4), clearly uses 'man' with reference to the totality of human beings. In a similar fashion, *DNb* 10 *n-i-m-a: a-v: k-a-m: t-y: t^u-[u]-n^u-w-a: s-k-u-θ-i-š: r-a-dⁱ-i-y: mⁱ-i-θ: k-r-y-i-š* 'It is not my wish that the rich be mistreated because of the poor' implies the non-specific reference to both the rich and the poor (expressed by singular adjectives). Therefore, if Xerxes resorts to specific referents to locate his campaigns in the "Daiva inscription", this must have reflected his communicative intent.

Under such circumstances, one cannot help wondering why an interpretation that plainly contradicts linguistic evidence became almost mainstream in modern Achaemenid studies. A part of the explanation probably has to do with the fact that the majority

³⁵ Baker, Hengeveld 2012, 201.

of its proponents are not linguists, but a more nuanced answer should pay attention to the prerequisites for its genesis. In fact, its embryo can already be spotted in the much earlier belief that the events of both episodes, namely the suppression of a rebellion and the destruction of a temple of evil gods, took place in the same area³⁶. Nothing in the structure of the text under discussion can promote such a view either. The presentation of the rebellious land as one of the Achaemenid satrapies in the first episode is followed by the anaphoric reference to ‘that land’. If Xerxes wished to dwell on his activities in the same region in the second episode, it would be sufficient to renew the same anaphor at its beginning. Instead, we find one more presentational construction, which presumably refers back to the list of satrapies belonging to the empire, and introduces one of them as the land of evil gods. On unprejudiced reading, we are dealing with two distinct lands characterized by two different vices.

It would be, of course, useful to know the reasons why Hartmann 1937, Nyberg 1938, Lévy 1939, and Riminucci 2006 concur in assigning both episodes to the same area, even though they differently identify it as Babylon (Hartman, Nyberg), Greece (Lévy) and Iran (Riminucci). Yet the first three authors appear to take this identity for granted, while Riminucci seems to accept it on the authority of previous scholarship. For fairness’ sake, one must also acknowledge voices of dissent. Thus, both episodes are assigned to two separate locations, namely Bactria and the land of the Dahae, in Olmstead 1948, 231–232, while an agnostic stance about the number of locations involved is taken in Briant 2002, 552. But the majority of scholars followed the unitarian approach. A retrospective attempt to justify this approach is undertaken in Huayna Ávila 2020, 132, but the only argument adduced in the defence of such a scenario is the phrase *a-t-r: a-i-t-a: d-h-y-a-v* ‘among those lands’, which introduces both sections. I fail to see how this repetition can promote the identity of settings in the respective episodes, given that the phrase under discussion refers back to the comprehensive list of satrapies presented earlier in the same text.

All in all, the early summary treatment of the rebellious land and the land of evil gods appears to be rooted in the cognitive challenge offered by the newly found *XPh* inscription. We have seen in the previous section that the geographic context of this text posed unsurmountable difficulties for the mid-twentieth-century researchers, so one can make an educated guess that they chose to avoid multiplying entities any further. I submit, however, that such an application of Occam’s razor ultimately represented an error. It promoted the false view that as long as country X and country Y were identified with reference to the same list but not mentioned by name, one is allowed to conclude that $X = Y$. From this assumption there was just one step to the inference that both countries not mentioned by name have the generic reference. Interpreting the narrative of the “Daiva inscription” as an abstract ideological statement had a perceived advantage of cutting through the Gordian Knot, as one no longer had to cope with a seemingly unsolvable problem. Yet, from the linguistic viewpoint, it was the just one more arbitrary decision. It follows that if one is able to find a solution that is both linguistically and historically plausible, it must be given preference to the one addressed in this section.

³⁶ Huayna Ávila 2020, 132 with the sources cited.

4. ACHAEMENID PROPAGANDA AT WORK

It is a well-known fact that the bulk of inscriptions of Darius and Xerxes celebrate the royal building projects, as befits their monumental appearance. The longer representatives of this genre tend to go beyond a mere mention of the objects constructed but engage in a variety of digressions that can be fairly labeled propagandistic. Arguably the best known among them is the trilingual *DSf* inscription, which dwells on the harmonious cooperation of various parts of the empire in the construction of the royal palace in Susa³⁷. This building project, to which individual satrapies contributed their respective natural resources and/or skilled artisans, emerges from this text as a culmination of the imperial project. The rhetorical strategies deployed in *DSf* have even been regarded as inspiration sources for some specimens of Ptolemaic court poetry³⁸. At the same time, the main historical event addressed in the inscription is well-grounded in time and space: the palatial complex of Darius I was excavated in the course of French diggings in Susa, and several copies of *DSf* were found on premises.

The assumption that the building inscriptions of Achaemenid kings combine factual and propagandistic content appears to be reasonably uncontroversial³⁹. The same, however, cannot be said about those inscriptions of the same corpus that are traditionally classified as historical. Thus Rollinger⁴⁰ follows Sancisi-Weerdenburg 1999 in reconstructing several stages of the Achaemenid perception of history. While Columns I–IV of the Bisitun inscription of Darius I “reflect the classical view of history as a sequence of events”, already Column V of the same inscription contains a different message “since world dominion has been accomplished in its ultimate form in the reign of Darius, history has reached an end”. Against this background, the *XPh* inscription reduces historical events “to an archetypal dichotomy between order and disorder in a static world ruled by a universal king who is guided by his god Auramazda”, while the later Achaemenid kings exhibit a completely timeless attitude toward history. Rollinger’s analysis of the *XPh* inscription must have been influenced by its common but unwarranted pragmatic interpretation, which was addressed in the preceding section⁴¹.

There is, however, one more quasi-historical text associated with Xerxes and mentioned in the same paper, namely the so-called “Harem inscription” (*XPf*). The key

³⁷ Schmitt 2009, 127–134.

³⁸ Petrovic 2014. Not being a specialist in Hellenistic poetry, I do not take it upon myself to judge the substance of the hypothesis offered in Petrovic 2014. My point does not go beyond concurring with the author that the rhetorical structure of *DSf* is remarkable enough to prompt the possibility of external comparison.

³⁹ Cf. Huayna Ávila 2020, 166–167, n. 136.

⁴⁰ Rollinger 2014, 195–202.

⁴¹ The only original linguistic argument supporting the “timeless” interpretation of *XPh* in the paper under discussion is the alleged contrast between the Old Persian verb *yaud-* ‘to be in turmoil’, allegedly indicating “an archetypal perspective”, and the phrase *hamiçiya abava* ‘became rebellious’, used in the historical narrative of the Bisitun inscription (Rollinger 2014, 200–201). The expression “archetypal perspective” is not fully clear to me in linguistic context, but the assumption that *yaud-* is a stative verb in no way contradicts its use as a background for specific historical events. In the instance of *XPh*, this must have been the ascension of Xerxes to the throne (cf. the translation of the relevant passage in section 1).

passage of this text is dealing with the problem of royal succession: “Darius had other sons also; (but) this was the desire of Auramazda: Darius, my father, made me the greatest after himself. When my father Darius went to his (allotted) place, by the favour of Auramazda I became king in my father’s place”⁴². The content of this passage could perhaps be taken as a mere rhetorical exercise, were it not for an independent account of the troubles surrounding the transition of power from Darius to Xerxes, offered by Herodotus (VII. 2–3). Xerxes was not the eldest son of Darius, but he was the eldest son of Atossa, daughter of Cyrus, whom Darius married after he became king. Xerxes claimed the status of heir apparent arguing that he was the eldest son of Darius the king, allegedly at the advice of Demaratus, the emigrant king of Sparta. This cunning strategy helped him to convince Darius, who designated Xerxes as future king instead of his elder half-brother Artabazanes. Another, and perhaps more important reason for the same decision was the influence of Atossa upon her husband.

This was not the only instance where the agency of Auramazda was invoked for hedging the problematic aspects of power transition in Ancient Persia. An inscription of Darius from Naqsh-e-Rustam contains the following laconic statement: “When Auramazda saw this land in commotion, he granted it to me, he made me king. I am king: by the strength of Auramazda I put it in its place” (*DNa* 31–36; cf. Schmitt 2009, 102–103). This short passage presumably refers to the state of affairs described at length in the Bisitun inscription (*DB*). Darius came to power by slaying the preceding ruler Smerdis, whom he claimed to be a usurper⁴³. The first years of the reign of Darius were marked by numerous rebellions in various parts of the empire, which were all suppressed by the new king. One can debate whether the narrative of *DNa* 31–36 only alludes to Smerdis’ usurpation or includes the local rebellions under the umbrella of “the land in commotion”. Whichever answer one chooses, it is clear that the narrative of *DNa* dispensed with all the details of the account presented in *DB*. Jacobs 2014 convincingly compares it to the narrative of *XPf* on the grounds that the rhetoric of both inscriptions obfuscates the relevant historical episodes and bleaches out to the extreme their dramatic character⁴⁴. Yet this does make these narratives generic: both Darius and Xerxes were keenly aware of the events that called them into being.

One can, however, stress an additional similarity: the events addressed in both *DNa* and *XPf* can fairly be called embarrassing for the respective rulers, as they had the potential of

⁴² Rollinger 2014, 200 after Schmitt 2009, 160–63.

⁴³ The present paper leaves aside the question whether Smerdis was indeed an interloper or a legitimate heir to the throne, the last member of the dynasty founded by Cyrus II. The latter hypothesis was defended at length in Dandamaev 1976 and has gained wide albeit not universal acceptance in the years to follow. Its consequence is that the main claim of the Bisitun inscription is a lie or, using modern parlance, “fake news”. It is, however, to be stressed that *DB* would then reflect a kind of royal propaganda that is very different from the half-truth one, which is addressed in the rest of this paper. In addition, *DB* is replete with factual details, while the other Achaemenid historical texts strive to omit them, as argued in the rest of this section.

⁴⁴ “Ohne die durch die Bisutūn-Inschrift resp. Hdt. VII 2–3 vermittelten Vorkenntnisse wäre der konkrete Hintergrund der in *DNa* § 4 und *XPf* § 4 so vage angedeuteten Vorkommnisse kaum zu eruieren. Der undramatische Charakter der Inschriften bedingt, dass selbst Ereignisse von entscheidender Bedeutung oder krisenhaften Ausmaßen wie beiläufig einfließen” (Jacobs 2014, 346).

undermining their legitimacy. Darius and Xerxes chose a uniform strategy of asserting their credentials: they emphasize the positive impact that their ascension to the throne had for the country, with the implication that it was divinely sanctioned. Darius is explicit about “putting in place” the empire that “was in commotion” at the point of his coming to power. Again, one can debate whether it refers to the restoration of social order shaken at the time of Smerdis (cf. *DB* I 61–71; Schmitt 1991, 53), to the suppression of the rebellions, or to both activities: in any event, the success of the new ruler could be retroactively interpreted as proof that Auramazda had sanctioned the transfer of power⁴⁵. Xerxes is no less explicit: “when I became king, I did much that was outstanding: what had been made by my father, I protected, and I added other works” (*XPf* 36–40; cf. Schmitt 2009, 162). In this case, the allusion is apparently made to the construction projects, the favorite topic of the Achaemenid inscriptions. The success of the building program could likewise be interpreted as a confirmation of Auramazda’s unflinching support.

At the same time, one cannot agree more with Rollinger 2014 that the Old Persian inscriptions after *DB* do not contain conventional historical narratives, thus offering a sharp contrast with the annalistic traditions reflected, for example, in Neo-Assyrian and Urartian royal inscriptions, or in *DB* itself. The uncomfortable events are the only ones that deserve to be mentioned in this tradition. The purpose of such a mention in *DNa* and *XPf* appears to have been twofold: trivializing the dramatic events and providing their retrospective justification. Both purposes justify the extension of the term ‘propaganda’ to the content of the relevant texts, with the caveat that its target audience, as well as the target audience of the other Achaemenid royal inscriptions, was assumed to belong at least in part to future generations⁴⁶. On face value, this follows from several addresses to future readers that are found in this corpus (notably *DNa* 38–47; Schmitt 2009, 103). An additional rhetorical device that supports the same conclusion is the omission of any details associated with the problematic episodes. The circumstances of “commotion” are not mentioned in *DNa*, while the names of Xerxes’ brothers are omitted in *XPf*. This was an efficient strategy only if one expected that the missing details could not be easily retrieved, which would be a futile hope if the target audience were limited to the king’s contemporaries.

It is now time to return to the “Daiva inscription”. We have seen that both historical episodes addressed in this text emphatically resist localization, while what follows

⁴⁵ Cf. also *DNa* 41–47 (Schmitt 2009, 103), where the further extension of the empire by Darius is apparently invoked, again in very vague terms, as an additional piece of evidence for the divine sanction of his rule.

⁴⁶ The question about the remaining part of the target audience is a complicated one. I personally favour the view that it was Auramazda, on the assumption that the Achaemenid kings did not bother as a rule to present the alternative versions of problematic historical events to their subjects. This hypothesis, which is fleshed out below in connection with *XPh*, correlates with numerous invocations to Auramazda in the relevant corpus. It would, however, draw one more boundary between the bulk of this corpus and the Bisitun inscription, which probably had a wide contemporary readership. The discovery of the Aramaic version of *DB* in Elephantine indicates that its content was made known in various parts of the empire. Furthermore, the version of the events that brought Darius to power are similar in *DB* and the *Histories* of Herodotus, which suggests that if we are dealing with “fake news”, it was an efficient tool of spreading such news. There is even some evidence for an oral-written continuum in the transmission of the relevant version of the events (David 2017).

features an address to future readers (*XPh* 46–56; Schmitt 2009, 168). Under such conditions, it is legitimate to wonder whether we are dealing with another instance of royal propaganda geared at least in part to future generations. A proper way of checking this hypothesis is to look for the uncomfortable events that took place in the reign of Xerxes and examine them for compatibility with the content of our text.

5. A NEW INTERPRETATION OF THE “DAIVA INSCRIPTION”

The most well-known event associated with the reign of Xerxes nowadays is his defeat in the war against the Greeks in 480–478 BC. Our knowledge of this conflict is mainly based on the *Histories* of Herodotus and thus primarily reflects the Greek perspective. The contemporary Persian account of the same events has not been identified up to now. It is nonetheless instructive to take a look at the account of the Greek and Persian wars attributed to a certain “Mede” in the *Trojan Discourse* of Dio Chrysostom.

I heard, for instance, a Mede declare that the Persians concede none of the claims made by the Greeks, but maintain that Darius dispatched Datis and Artaphernes against Naxos and Eretria, and that after capturing these cities they returned to the king; that, however, while they were lying at anchor off Euboea, a few of their ships were driven on to the Attic coast – not more than twenty – and their crews had some kind of an engagement with the inhabitants of that place; that, later on, Xerxes in his expedition against Greece conquered the Lacedaemonians at Thermopylae and slew their king Leonidas, then captured and razed the city of the Athenians and sold into slavery all who did not escape; and that after these successes he laid tribute upon the Greeks and withdrew to Asia. Now it is quite clear that this is a false account, but, since it was the natural thing to do, it is quite possible that the king ordered this story to be spread among the inland tribes in order to keep them quiet (D. Chr. 11, 148–149; Cohoon 1932, 558–559).

It is, of course, unlikely that this account, which was written in the late first century CE and belongs to a rhetorical exercise striving to demonstrate that Greeks have never captured Troy, directly reflects the Achaemenid Persian perspective on the wars against the Greeks. One may even doubt whether the author actually met the “Mede” (a Parthian?) or the whole story represents an additional rhetorical exercise. Yet, the rhetorical dimension of this passage is in itself important: it shows that if Xerxes looked for a suitable account of the expedition of Xerxes against the Greeks, emphasizing the interim success and downplaying its ultimate failure was a perfectly logical thing to do. Naturally, his exact choice of what to say and what to gloss over would have been different from that of Dio Chrysostom.

It was argued that burning the Acropolis of Athens with its temples in 480 BC was conceived as an act of retaliation for the Athenian ravage in Sardis at the time of the Ionian Revolt⁴⁷. Whatever the exact motivation, the symbolic significance of this act appears to be confirmed by the conciliatory offer of rebuilding the same temples, allegedly made by Xerxes via Mardonius to the Athenians in 479 BC (Hdt. VIII. 140; cf. Briant 2002, 542). After the Persian army was driven out from Greece, Xerxes could regard the ashes of the Acropolis as the only long-lasting achievement of his Greek campaign. Its official account could then present it as a kind of successful special operation whose ultimate goal was destroying the sanctuaries of evil gods in Athens.

⁴⁷ Lévy 1939, 120.

As discussed in section 2, Isidore Lévy was the first and seemingly only scholar to advance the connection between the Greek campaign of Xerxes and the content of the “Daiva inscription”⁴⁸. The interpretation of the *XPh* inscription offered here assumes his hypothesis as its starting point but modifies it in two respects. On the one hand, the focus on the destruction of the Acropolis is not a testimony to the inconclusive results of the war at the point of the composition of the inscription but a carefully considered strategy of coping with the military defeat. On the other hand, only the second of the two historical episodes related in *XPh* has to do with the Greek campaign. The linguistic reasons for this assumption were addressed in section 3, but it also appears to make better sense from the historical viewpoint. Xerxes need not have endorsed a direct lie by describing Athens as a rebellious land when he could merely juxtapose the accounts of his expedition to Greece and the suppression of an actual rebellion early in his reign⁴⁹. In rhetorical terms, this represented a way of saying “to each his own”: Xerxes pacified the rebellious land, and punished the land of evil gods by destroying their temples. Since the first endeavour was obviously a success, the readers are prompted to believe that the second one likewise represented a spectacular accomplishment.

The determination of the land “in commotion” referred to in *XPh* 28–35 must remain provisional. Egypt and Babylonia are obviously the best candidates, as the satrapies where rebellions demonstrably took place at the beginning of Xerxes’ reign. The lack of evidence for the destruction of the temples in either of the countries no longer qualifies as an objection once the temple destruction is assigned to a different historical episode. One could argue that the rebellion in Egypt lasted longer and had more outside impact, because it was known to Herodotus, but from the perspective of Xerxes the Babylonian rebellions may have been more important because they were closer to the Persian core area. A linguistic test could help to determine whether the rebellion started before Xerxes became king (as was the case in Egypt) or during his reign (as was the case in Babylon), but the researches show no agreement on this account⁵⁰. One can, however, say that whichever identity is assigned to the land of the first episode, this would not affect the identification of Athens (or continental Greece in general) as the setting of the second one.

As mentioned in section 4, the omission of geographic names in both episodes finds direct parallels in the historical narratives embedded in *DNa* and *XPf* inscriptions and thus constituted a common device of Achaemenid propaganda. The parallel between *XPf* and *XPh*

⁴⁸ An indirect endorsement of Lévy’s hypothesis appears to be offered in Konijndijk 2021, 1145: “The text of *XPh*, for instance, gives no indication that Xerxes failed to conquer Greece, and Dio Chrysostom related a “Persian version” denying that this failure ever occurred”. Later on, Konijndijk refers to the relevant passages of *XPh* as “open-ended”.

⁴⁹ One could object that referring to Athens as one of the lands under Achaemenid sway already constitutes “fake news”. The actual situation was, however, more nuanced: the Athenians may have been merely identified as part of the “Greeks beyond the sea”, while certain other “Greeks beyond the sea” (for example, the Boeotians), did submit themselves to the Persians at the time of Xerxes’ campaign.

⁵⁰ Cf. Filippone 2010, 63. My slight preference for Egypt as the rebellious land of *XPh* is prompted by the assumed parallelism between both historical episodes mentioned in this inscription. Since the worship of evil gods in the second episode is clearly addressed as the pre-existing condition, there are more chances that the rebellion in the first episode had likewise begun before Xerxes became king.

appears to be particularly close, since the apologetic content lies in the focus of both texts. Another similarity concerns their diplomatics: neither *XPf* and *XPh* represent monumental inscriptions in the conventional sense, since they were inscribed on stone slabs imitating clay tablets. This observation is consistent with a hypothesis that the apologetic propaganda of Xerxes was not meant for public display, unlike his monumental building inscriptions, but represented a sort of deposit for future generations. The obscure presentational constructions addressed in section 3 presumably served the goal of complicating fact-checking on their part. The archaeological context of the discovery of *XPh* suggests, however, that the future generations remained unimpressed by this composition (cf. section 1). Was it because the memories of the disastrous Greek campaign were still too vivid in the wake of the assassination of Xerxes in 465 BC to lend any credibility to the message of the “Daiva inscription”?

An additional probable addressee of *XPh* was Auramazda. The account of Xerxes’ piety in the land of evil gods is followed by the promise that those who exhibit similar behaviour in the future will enjoy divine favour both when alive and after death (*XPh* 51–56; Schmitt 2009, 168). It stands to reason that Xerxes claimed similar benefits for himself, which in turn suggests implicit bargaining with Auramazda, who was expected to accept the propagandistic version of the events in Greece. In fact, had it not been for his god, Xerxes might not have at all needed to dwell on his Greek debacle: focusing on his accomplishments, such as building projects, would arguably represent a more successful rhetorical strategy geared toward posterity. Auramazda, however, could not be reasonably expected to forget the humiliating defeats and required a finer approach. Portraying the Greek pantheon as evil gods and presenting the goals of the military operation in Greece as essentially religious could both have served the cause of reconciliation between Xerxes and his divine patron.

I submit that the scenario offered in this section has the triple advantage of taking linguistic evidence at face value, finding distinct historical counterparts for both episodes addressed in the *XPh* inscription, and offering non-trivial motivations for the rhetorical strategies of their presentation. For the sake of fairness, one must also acknowledge its potential weaknesses addressed in previous scholarship. Since the scenario under discussion has never been published in its present shape, one has to focus on those objections advanced against the scenario of Lévy 1939 that will also be relevant here.

One potential difficulty is the reference to the Greeks as *yaunā*, the term that is borrowed from Ἰωνες, the self-designation of the Ionian tribe of the Greeks, who did not live on the Greek mainland⁵¹. Ionians were certainly the first Greek tribe to become familiar to the Persians, but there is evidence that they quickly extended the same designation to the other Greeks. Thus, the “Daiva inscription” refers to *y-u-n-a: t-y<-i-y>: d-r-y-h-i-y-a: d-a-r-y-t-i-y: u-t-a: t-y-i-y: p-r-d-r-y: d-a-r-y-t-i-y* ‘the Greeks that live in the sea and that live beyond the sea’ (*XPh* 23–25; Schmitt 2009, 166); the latter category, on unprejudiced reading, refers to the continental Greeks. There is definitely no other word for the Greeks in the Achaemenid inscriptions, and other terms that are probably derived via Old Persian *yauna-*, for example Sanskrit *yavana-* ‘Greek’ or Parthian *ywn’w* ‘the Greek language’, likewise show no trace of tribal affiliation⁵².

⁵¹ Hutter 2021, 1288.

⁵² It is remarkable that the inscriptions of Darius portray the region “beyond the sea” as multi-ethnic. Thus, *DPe* contains the mention of “the Greeks of the plain and the sea and

A stronger objection concerns the passage of Herodotus (VIII. 54) where Xerxes orders the Athenian exiles in his camp to go to the Acropolis shortly after its destruction and offer sacrifices in their usual manner. This attitude was widely regarded as incompatible with the tenor of the “Daiva inscription”, where Xerxes mentions his dictum: “The evil gods shall not be worshipped”, which provided the rationale for destroying the temples. This incongruence is frequently cited as a decisive argument against identifying the daivas of *XPh* with the Greek deities⁵³. While a contradiction between the two sources must be acknowledged in this case, the hypothesis that the actual attitudes of Xerxes in Athens were different from his later propagandistic stance does not strain credulity. As someone who must have felt very close to winning the Greek campaign, Xerxes could afford gestures of reconciliation toward the Greek gods after the capture of Athens⁵⁴. In contrast, the “Daiva inscription” emphasizes the piety of Xerxes at the time when the destruction of Athenian temples was arguably perceived as the main accomplishment of his lost campaign. No equivocation regarding the status of the Greek deities was possible in such a situation⁵⁵.

Finally, modern scholarship frequently criticizes “a futile effort to assign the same prominence to the Greek-Persian conflict for both the Greek and Persian world view”⁵⁶. In this connection one may wonder whether the Persian defeats in 480–478 BC represented a sufficient reason for apologetic propaganda⁵⁷. While I broadly agree with the necessity to overcome the Hellenocentric bias in the interpretation of the Greek-Persian wars, I submit that the failure of a military campaign personally led by a King of Kings had a potential of dealing a heavy blow to the Achaemenid Empire. The aftermath of the Japanese-Russian war of 1904–1905 provides a good illustration of how a debacle at a remote frontier can shake the foundations of an absolute monarchy. While the known consequences of Salamis and Plataea were less significant for the power structures of the defeated empire than those of Mukden and Tsushima, Xerxes’ attempt to hedge his defeat does not strike me as over-reaction.

the lands beyond the sea”, while *DSe* features a block of “Sakas beyond the sea, Thracians, and Greeks beyond the sea” (Briant 2002, 183). Presumably, the latter nomenclature reflects the experience of Darius in his expedition against the Scythians. In contrast, the European campaign of Xerxes focused on Greece, and therefore Greeks represent the only ethnic group mentioned in connection with the sea in the *XPh* inscription.

⁵³ See e.g. Huayna Ávila 2020, 149–150.

⁵⁴ Elizabeth Tucker (pers. comm.) indicates an additional possibility: the invitation of the Greek exiles to the Acropolis was conceived as a way of exposing them to the powerlessness of the Greek gods, who turned out to be unable even to defend their own temples.

⁵⁵ There is little doubt that the royal celebration of Auramazda did take place after the capture of Athens, because the occasion called for a thanksgiving prayer. I leave it open, however, whether it was accompanied at the time by any official proclamation directed against the Greek deities. As a possibility, Xerxes had uttered something similar to the dictum of Darius about the Elamites (*DB V* 14–17, cf. the discussion in section 2) and later tried to convince Auramazda that it amounted to a proclamation of religious intolerance.

⁵⁶ Huayna Ávila 2020, 129.

⁵⁷ This statement reformulates a question posed after my talk in Hamburg in December 2014, while the previous citation from Huayna Ávila 2020, 129 belongs to the section of this paper that addresses the date of the “Daiva inscription”.

References

- Abaev, V.I. 1963: [Column Five of the Bisitun Inscription of Darius I and the Daiva Inscription of Xerxes]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 113–118.
- Абаев, В.И. Пятый столбец Бехистунской надписи Дария I и антидэвовская надпись Ксеркса. *ВДИ* 3, 113–118.
- Abdi, K. 2007: The ‘Daivā’ Inscription Revisited. *Nāme-ye Irān-e Bāstān* 6/1–2, 45–74.
- Baker, A.E., Hengeveld, K. (eds.) 2012: *Linguistics*. Oxford.
- Bianchi, U. 1977: L’inscription «des daivas» et le zoroastrisme des Achéménides. *Revue de l’histoire des religions* 192/1, 3–30.
- Boyce, M. 1982: *A History of Zoroastrianism: Zoroastrianism under the Achaemenians*. Leiden.
- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire*. Winona Lake (IN).
- Bridges, E. 2015: *Imagining Xerxes: Ancient Perspectives on a Persian King*. London.
- Cohoon, J.W. (ed.) 1932: *Dio Chrysostom, Discourses 1–11*. Cambridge (MA).
- Dandamaev, M.A. 1976: *Persien unter der ersten Achämeniden (6. Jahrhundert v. Chr.)*. Wiesbaden.
- Dandamaev, M.A. 1985: *Politicheskaya istoriya Akhemenidskoy derzhavy [Political History of the Achaemenid Empire]*. Moscow.
- Дандамаев, М.А. *Политическая история Ахеменидской державы*. М.
- David, J. 2017: Achaemenid Propaganda and Oral Tradition: A Reassessment of Herodotus’ Early Persian *Logoi*. In: B. Halpern, K.S. Sacks (eds.), *Cultural Contact and Appropriation in the Axial-Age Mediterranean World: A Periplos*. Leiden, 60–82.
- Filippone, E. 2010: Xerxes Persepolis h, § 4 in the Light of the Old Persian Information Structure. In: M. Macuch, D. Weber, D. Durkin-Meisterernst (eds.), *Ancient and Middle Iranian Studies, Proceedings of the 6th European Conference of Iranian Studies, held in Vienna 18–22 September 2007*. Wiesbaden, 61–76.
- Gnoli, G. 2011: Daivadāna. In: *Encyclopedia Iranica*. URL: <https://iranicaonline.org/articles/daivadana-lit>; accessed on: 21.01.2023.
- Hartmann, H. 1937: Zur neuen Inschrift des Xerxes von Persepolis. *Orientalistische Literaturzeitung* 40/3, 145–160.
- Henkelman, W.F.M. 2008: *The Other Gods Who Are: Studies in Elamite-Iranian Acculturation Based on the Persepolis Fortification Texts*. Leiden.
- Herzfeld, E. 1937: Xerxes’ Verbot des Daiva-Cultes. *Archäologische Mitteilungen aus Iran* 8, 56–77.
- Hintze, A. 2015: Zarathustra’s Time and Homeland: Linguistic Perspectives. In: M. Strausberg, Y.S. Vevaina (eds.), *The Wiley-Blackwell Companion to Zoroastrianism*. Oxford, 31–38.
- Huayna Ávila, C.S. 2020: Some Thoughts on Xerxes’s “Daiva” Inscription and its Interpretation. *Antiguo Oriente* 18, 119–186.
- Hutter, M. 2021: Religions in the Empire. In: B. Jacobs, R. Rollinger (eds.), *A Companion to the Achaemenid Persian Empire*. Vol. II. Hoboken (NJ), 1285–1302.
- Jacobs, B. 2014: Historische Aussagen in den Achämenideninschriften im Licht sich wandelnder Legitimationsstrategien. In: S. Gaspa, A. Greco, D. Morandi Bonacossi, S. Ponchia, R. Rollinger (eds.), *From Source to History: Studies on Ancient Near Eastern Worlds and Beyond Dedicated to Giovanni Battista Lanfranchi on the Occasion of His 65th Birthday on June 23, 2014*. Münster, 341–352.
- Konijnendijk, R. 2021: Legitimization of War. In: B. Jacobs, R. Rollinger (eds.), *A Companion to the Achaemenid Persian Empire*. Vol. II. Hoboken (NJ), 1141–1150.
- Kuhrt, A., Sherwin-White, S.M. 1987: Xerxes’ Destruction of Babylonian Temples. In: H.W.A.M. Sancisi-Weerdenburg, A. Kuhrt (eds.), *Achaemenid History II. The Greek Sources: Proceedings of the Groningen 1984 Achaemenid History Workshop*. Leiden, 69–78.
- Kuhrt, A. 2014: Reassessing the Reign of Xerxes in the Light of New Evidence. In: M. Kozuh, W.F.M. Henkelman, Ch.E. Jones, Chr. Woods (eds.), *Extraction and Control: Studies in Honor of Matthew W. Stolper*. Chicago, 163–170.
- Lévy, I. 1939: L’inscription triomphale de Xerxès. *Revue historique* 185/1, 105–122.
- Nyberg, H.S. 1938: *Die Religionen des alten Irans*. Leipzig.
- Olmstead, A.T. 1948: *History of the Persian Empire*. Chicago.
- Petrovic, I. 2014: Posidippus and Achaemenid Royal Propaganda. In: R. Hunter, A. Rengakos, E. Sistakou (eds.), *Hellenistic Studies at a Crossroads: Exploring Texts, Contexts and Metatexts*. Berlin, 273–300.

- Riminucci, Ch. 2006: Les *daiva* dans l'inscription de Xerxès (*XPh*): entités étrangères ou anciennes divinités iraniennes? In: A. Panaino, A. Piras (eds.), *Proceedings of the 5th Conference of the Societas Iranologica Europæa Held in Ravenna, 6–11 October 2003*. Vol. I. *Ancient and Middle Iranian Studies*. Milan, 183–200.
- Rollinger, R. 2014: Thinking and Writing about History in Teispid and Achaemenid Persia. In: K.A. Raaflaub (ed.), *Thinking, Recording, and Writing History in the Ancient World*. Oxford, 187–212.
- Sancisi-Weerdenburg, H.W.A.M. 1980: *Yauna en Persai. Grieken en Perzen in een ander perspectief*. PhD thesis. Leiden.
- Sancisi-Weerdenburg, H.W.A.M. 1999: The Persian Kings and History. In: Ch. Shuttleworth Kraus (ed.), *The Limits of Historiography: Genre and Narrative in Ancient Historical Texts*. Leiden, 91–112.
- Scheer, T.S. 2003: Die geraubte Artemis. Griechen, Perser, und die Kultbilder der Götter. In: M. Witte, S. Alkier (Hrsg.), *Die Griechen und der Vordere Orient: Beiträge zum Kultur- und Religionskontakt zwischen Griechenland und dem Vorderen Orient im 1. Jahrtausend v. Chr.* Goettingen, 59–86.
- Schmidt, E.F. 1953: *Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions*. Chicago.
- Schmitt, R. 1991: *The Bisitun Inscription of Darius the Great: Old Persian Text*. London.
- Schmitt, R. 2000: *The Old Persian Inscription of Naqsh-e Rostam and Persepolis*. London.
- Schmitt, R. 2009: *Die altpersischen Inschriften der Achaimeniden*. Wiesbaden.
- Schmitt, R. 2014: *Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften*. Wiesbaden.
- Shenkar, M. 2017: The Great Iranian Divide: Between Aniconic West and Anthropomorphic East. *Religion* 47/3, 378–398.
- Skjærvø, P.O. 2012: *The Spirit of Zoroastrianism*. New Haven–London.
- Stronach, D. 1965: Excavations at Pasargadae: Third Preliminary Report. *Iran* 3/1, 9–40.
- Tavernier, J. 2004: Some Thoughts on Neo-Elamite Chronology. *ARTA: Achaemenid Research on Texts and Archaeology* 3, 1–44.
- Tucker, E. 2022: Lexical Variation in Young Avestan: The Problem of the ‘Ahuric’ and ‘Daevic’ Vocabularies Revisited. In: M. Bianconi, M. Capano, D. Romagno, F. Rovai (eds.), *Ancient Indo-European Languages Between Linguistics and Philology: Contact, Variation, and Reconstruction*. Leiden, 254–275.
- Tuplin, Ch. 2017: War and Peace in Achaemenid Imperial Ideology. *Electrum* 24, 31–54.
- Valetov, T. Ya. 1999: The Analysis of the Daiva Inscription of Xerxes. In: *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii studentov i aspirantov po fundamental'nyim naukam "Lomonosov-98"* [*Proceedings of the International Student Conference on Fundamental Research Disciplines "Lomonosov 98"*]. Moscow.
- Валетов, Т.Я. Анализ Антидэвовской надписи Ксеркса. В сб.: *Материалы Международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам "Ломоносов-98"*. М.
- Waerzeggers, C. 2018: Introduction: Debating Xerxes' Rule in Babylonia. In: C. Waerzeggers, M. Seire (eds.), *Xerxes and Babylonia: The Cuneiform Evidence*. Leuven, 1–18.
- Waters, M. 2014: *Ancient Persia: A Concise History of the Achaemenid Empire, 550–330 BCE*. Cambridge.
- Wiesehöfer, J. 2001: *Ancient Persia*. London.
- Wijnsma, U.Z. 2019: “And in the fourth year Egypt rebelled ...” The Chronology of and Sources for Egypt's Second Revolt (ca. 487–484 BC). *Journal of Ancient History* 7/1, 32–61.

DOI: 10.31857/S032103910016377-7-2

ПАПИРУС *P. ОХУ*. 2180 И ТЕКСТ «ЦАРЯ ЭДИПА» СОФОКЛА

Часть II. ОШИБОЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

Б. М. Никольский

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия*

E-mail: borisnikolsky@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0266-421X

Во второй части статьи рассмотрены чтения папируса *P. Оху*. 2180 с текстом «Царя Эдипа» Софокла, которые следует считать ошибочными. В ней показано, что ошибками являются в том числе и некоторые варианты, принимаемые современными издателями трагедии. Древность папируса не является залогом правильности чтений, и издатели в некоторых случаях излишне доверяются ему. Все важнейшие разночтения средневековой рукописной традиции восходят к античности и предшествуют времени создания папируса, и потому он не имеет особенного текстологического авторитета. Но в то же время обсуждение папирусных вариантов заставляет поставить некоторые общие вопросы, как палеографические (о количестве строк в столбце папируса) и лингвистические (об обращении Софокла к архаическим формам, известным ему из эпической традиции), так и вопросы о сценических конвенциях (например, о представлении персонажей в момент их появления на сцене).

Ключевые слова: трагедия, Софокл, Эдип, папирология, текстология

Данные об авторе. Борис Михайлович Никольский — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС.

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

*P. OXY. 2180 AND THE TEXT OF SOPHOCLES'
OEDIPUS TYRANNUS*

Part II. INCORRECT READINGS

Boris M. Nikolsky

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

E-mail: borisnikolsky@gmail.com

*Acknowledgements: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
grant no. 075-15-2022-326*

The second part of the article deals with those readings in *P. Oxy. 2180* that should be interpreted as mistakes. It is argued that the value of the papyrus evidence for the text of Sophocles' *Oedipus Tyrannus* is overestimated. Certain papyrus readings accepted by contemporary scholars are in fact incorrect. Despite its age, this papyrus does not have any special weight in establishing the text of the tragedy, since the majority of variant readings date back to the time preceding its creation. But at the same time, the discussion of the papyrus readings raises some general questions, both palaeographic (about the number of lines in a column of papyrus) and linguistic (about Sophocles' appeal to archaic forms known to him from the epic tradition), and questions about stage conventions (e.g. about the presentation of characters when they appear on stage).

Keywords: tragedy, Sophocles, Oedipus, papyrology, textual criticism

В первой части моей работы о папирусе из Оксирина *P. Oxy. 2180* с текстом «Царя Эдипа» Софокла я разобрал те примеры, в которых папирус в той или иной степени проливает свет на правильные чтения¹. Таких примеров достаточно много; эти папирусные варианты или подтверждают то или иное средневековое чтение, или даже не совпадают ни с одним средневековым чтением и дают нам совершенно новую бесценную информацию о тексте драмы. Многие папирусные варианты заслуженно попали в основной текст в новых изданиях трагедии².

Но все же иногда доверие ученых к новому текстологическому материалу, пусть даже и столь древнему, оказывается чрезмерным. Папирус не свободен от ошибок. Всякое папирусное чтение нужно внимательно анализировать, прежде чем принимать его за истинный вариант.

Во второй части я разберу чтения, которые, по моему мнению, стоит считать ошибочными. Прежде всего стоит сказать о нескольких очевидных ошибках, признаваемых всеми и не вызывающих никаких споров и разногласий. На одну такую ошибку мы уже обратили внимание в первой части: в ст. 516 в папирусе ошибочно написано $\rho\rho\acute{o}\varsigma\ \tau[$ вместо несомненно правильного $\rho\rho\acute{o}\varsigma\ \gamma'$. Неверная замена $\gamma\epsilon$ на $\tau\epsilon$ весьма часто встречается в рукописях. К этому случаю можно присоединить еще два примера очевидных и простых ошибок.

¹ Nikolsky 2022.

² Lloyd-Jones, Wilson 1990a; Finglass 2018.

Ст. 108–109 (столбец VI)

οἱ δ' εἰσὶ ποῦ γῆς; ποῦ τόδ' εὗρε]θήσ[εται
ἵχνος παλαιᾶς **δυστεκμάρτ]ου αἰ[τ]ιά[ς;**

109 δυστεκμαρτον codd.

Но где на земле они? Где будет найден
Этот след трудноразличимой старой вины?

Под буквой η в -θης- ст. 108 видны два верхних конца одной буквы и начало следующей буквы. Робертс³ увидел здесь следы от κ и μ в δυστεκμαρτον, однако первая из букв совсем не похожа на κ, и эти буквы находятся в неподходящем месте для κ и μ (они должны были бы быть намного левее, чем η предыдущей строки). Барретт⁴ верно понял, что это — следы букв υ и α в δυστεκμάρτ]ου αἰ[τ]ιά[ς. Значит, перед нами вариант, отличающийся от δυστεκμαρτον в кодексах. Форма δυστεκμάρτου, согласованная с αἰτίας, несомненно, ошибочна: коррепция (сокращение долгого перед следующим гласным) никогда не встречается в трагедии в триметрах. В правильном чтении ἵχνος παλαιᾶς δυστεκμαρτον αἰτίας «трудноразличимый след древней вины» эпитет δυστεκμαρτον относится к ἵχνος: это и лучше по смыслу, и создает баланс двух словосочетаний, в каждом из которых существительное имеет при себе эпитет. Переплетенный порядок слов нередок у Софокла, ср. 52–53 ὄρνιθι γὰρ καὶ τὴν τότ' αἰσίφ τύχην / παρέσχες ἡμῖν «и тот, прошлый успех ты принес нам со счастливым знаменьем»⁵.

Чтение папируса в этом месте — пример случайной ошибки: δυστεκμαρτον было поставлено в тот же падеж, в котором стоят два соседних слова.

Ст. 437–438 (столбец XXIII)

— ποί[οισ]ι; μεῖν[ον. τίς δέ] μ' ἐκ[φύει] βροτῶν;
— ἦ[δ' ἢ]μέ[ρα] **φύει** [σε κα]ὶ διαφθερ[εῖ].

438 φύσει codd.

(Эдип) Каких родителей? Стой! Кто произвел меня на свет?
(Тиресий) Тебя и родил на свет, и погубит этот день.

В папирусе вместо φύσει написано φύει. Этот вариант безусловно неверен. Фраза «этот день родит тебя» выражает смысл «этот день откроет твоё рождение»; открытию еще предстоит произойти, и поэтому здесь нужна форма будущего времени. Ошибка, которую мы встречаем в этом месте, очень проста и банальна: φύσει превратилось в φύει под влиянием ἐκφύει из предыдущего стиха. Ср. похожую ошибку, также обусловленную влиянием соседних слов, в ст. 109.

Все остальные примеры более сложные и нуждаются в подробном обсуждении.

Ст. 120–122 (столбец VI)

— τὸ ποῖον; ἔν γάρ πᾶλλ' ἄν ἐξε]ύροι μαθ[εῖν. (120)
— **ληστὰς ἔφασκε συντυχόντας οἱ]ὐ μι[ᾶ** (122)

121 ἀρχὴν βραχεῖαν εἰ λάβομεν ἐλπίδος L K (на полях) al.: om. K (текст)

³ Roberts 1941.

⁴ Barrett 2007, 373.

⁵ См. Finglass 2018, ad 52–53.

(Эдип) Кроме чего? Одно может открыть нам, как узнать многое.

(Креонт) Он сказал, что им встретились разбойники и не одной

(ῥώμη κτανεῖν νιν, ἀλλὰ σὺν πλήθει χερῶν «Силой убили его, но множеством рук», 123).

В конце шестого столбца, в предпоследней его строке читаются буквы υροῖαθ, оставшиеся от ст. 120 τὸ ποῖον; ἐν γὰρ πόλλ' ἂν ἐξεύροι μαθεῖν «(Свидетель не мог точно сказать ничего, кроме одного.) — Кроме чего? Одно могло бы открыть знание многого». Ниже, в последней строке, прямо под μ ст. 120 написана μ, и с двух сторон от нее едва различимы следы соседних букв. Робертс в первом издании папируса⁶ восстановил этот стих как ст. 121, содержащийся в большинстве средневековых рукописей: ἀρχὴν βραχεῖαν εἰ λάβοιμεν ἐλπίδος «если бы мы получили хотя бы маленькое начало надежды». Барретт, однако, заметил, что μ в последней строке стоит значительно правее, чем мы ожидали бы от μ в λάβοιμεν, а след от левой буквы не похож на след от ι, скорее напоминая два верхних кончика υ. Потому Барретт предположил, что на месте ἐλπίδος в папирусе было написано иное слово, содержащее сочетание букв υμ⁷. Сам Барретт не придумал такого слова, которое можно было бы вписать в этот контекст, но Ллойд-Джонс и Уилсон⁸ предложили конъектуру: ἀρχὴν βραχεῖαν εἰ λάβοις προθυμίας. Эта конъектура очень слабая. Во-первых, слово προθυμία здесь неуместно, как замечает Финглас; выражение «если бы ты получил начало рвения» звучит не совсем ясно. Во-вторых, если читать предложение с тем аподосисом, который приводят все рукописи, оно должно выглядеть так: ἐν γὰρ πόλλ' ἂν ἐξεύροι μαθεῖν, / ἀρχὴν βραχεῖαν εἰ λάβοις προθυμίας «одно могло бы открыть знание многого, если бы ты получил начало рвения». При таком чтении второе лицо λάβοις естественно было бы отнести к собеседнику, что здесь не подходит по контексту. Ллойд-Джонс и Уилсон добиваются обобщающего смысла второго лица λάβοις, меняя⁹ аподосис на ἐν γὰρ πόλλ' ἂν ἐξεύροις μαθὼν «Ты (т.е. всякий человек) мог бы, узнав одно, найти многое, если бы получил начало рвения», однако эта конъектура противоречит чтению папируса, где в ст. 120 глагол несомненно стоит в форме третьего лица ἂν ἐξεύροι μαθ[εῖν].

Самое простое решение предложил Баттеццато¹⁰: υμ в последней строке столбца по своему месту точно соответствует υμ в ο]ὐ μι[α в ст. 122 ληστὰς ἔφασκε συντυχόντας οὐ μιᾷ. Таким образом, ст. 121 в папирусе просто пропущен. Этот стих не обязателен для смысла; синтаксически предложение читается и без него. Тем не менее его не стоит атетировать: в стихомифии начиная со 106 и до 131 стиха все реплики состоят из двух стихов, и отступление от этого правила в одной единственной реплике едва ли возможно. С лингвистической точки зрения нет никаких оснований сомневаться в аутентичности ст. 121. Барретту не нравилось выражение ἀρχὴν βραχεῖαν εἰ λάβοιμεν ἐλπίδος «если бы мы получили хотя бы маленькое начало надежды», и он хотел заменить в нем слово ἐλπίδος. Предложение действительно непростое, потому что в нем как будто сжаты в одно два выражения: ἀρχὴν ἐλπίδος

⁶ Roberts 1941.

⁷ Barrett 2007, 374–375.

⁸ Lloyd-Jones, Wilson 1990b, 82–83.

⁹ Вслед за Herwerden 1862, 114.

¹⁰ Battezzato 2003, 27.

описывает начало надежды как эмоции, но, исходя из общего контекста, мы предполагали бы в качестве объекта при глаголе λάβοιμεν указание на первоначальные сведения об убийце Лая, которые позволят надеяться; полностью предложение должно было бы выглядеть так: εἰ λάβοιμεν βραχέα ἀρχὴν (ἐρεῦνης) οὖσαν ἀρχὴν ἐλπίδος. Однако сжатые обороты характерны для поэтического стиля Софокла¹¹, и такое построение предложения свидетельствует скорее об аутентичности стиха, нежели о том, что перед нами интерполяция. Наконец, хотя ст. 121 ничего не прибавляет к смыслу предыдущего стиха, почти что тавтологически повторяя его, тем не менее без этого стиха аподосис в ст. 120 звучит чрезмерно обрывисто и кратко; протасис в ст. 121 выполняет риторическую функцию, заставляя слушателей задерживать внимание на главной идее предложения: отталкиваясь даже от одного факта, можно в конце концов прийти к знанию многого.

Точно так же, как и в нашем папирусе, ст. 121 пропущен в основном тексте рукописи К, будучи вписан в ней на полях. Любопытно, что именно рукопись К обнаруживает больше всего текстуальных совпадений с папирусом (в ст. 200, 461, 516, в ст. 525 их чтение отличается от чтения всех остальных рукописей, и лишь в ст. 297 К расходится с папирусом).

Наблюдение Баттеццато, заметившего в папирусе пропуск ст. 121, позволяет сделать еще один важный текстологический вывод. По мнению Барретта¹², каждый столбец папируса содержал по 20 стихов. Сохранился конец третьего столбца, заканчивающийся 61-м стихом, значит, четвертый столбец начинается 62-м стихом. Шестой столбец, дошедший до нас полностью, согласно Барретту, заканчивается ст. 121. Затем у нас есть начало 16-го столбца, и первый его стих — 297; сдвиг в 5 стихов Барретт объясняет особенностями александрийской колометрии в хоровых одах, отличающейся от принятой в издании Брунка¹³, которому следует современная нумерация. Следующие известные нам столбцы начинаются стихами 397, 417, 437 и 457. 24-й столбец, в начале которого стоит стих 457, также содержал 20 стихов, но заканчивался ст. 475 вследствие александрийской колометрии уже в новой хоровой оде. На протяжении этой оды происходит сдвиг в 4 стиха, в начале 27-го столбца оказывается уже ст. 513. В этом столбце на папирусе пропущен один стих, 531-й, и потому мы находим сверху 30-го столбца стих 574.

Итак, из этого анализа расположения текста на папирусе Барретт вывел строгое правило: в каждом столбце без исключения должно быть ровно по 20 стихов. Однако третий столбец заканчивается ст. 61, а не 60. Поскольку Барретт не допускает возможности иной длины столбца, он приходит к единственному остающемуся объяснению: один из первых 60 стихов в папирусе отсутствовал¹⁴. Наиболее вероятным претендентом на эту роль Барретт считает ст. 8, который, по его мнению, является позднейшей интерполяцией.

Этот стих звучит в конце обращения Эдипа к пришедшей к нему за помощью толпе просителей. Эдип объясняет свой выход желанием собственными ушами

¹¹ Campbell 1879, 81–82.

¹² Barrett 2007, 370–371.

¹³ Brunck 1812.

¹⁴ Barrett 2007, 371–372.

услышать о том, что же происходит в городе, полном плача, молитв и воскурений: ἀγὼ δίκαιῶν μὴ παρ' ἀγγέλων, τέκνα, / ἄλλων ἀκούειν αὐτὸς ὧδ' ἐλήλυθα, / ὁ πᾶσι κλεινὸς Οἰδίπους καλούμενος «Я счел неправильным, дети, услышать это от других вестников и пришел сюда сам — я, называемый всем известным Эдипом» (6–8). Последний стих, ὁ πᾶσι κλεινὸς Οἰδίπους καλούμενος, приняли за интерполяцию Вундер и еще ранее Маркланд¹⁵. Вундер исключил этот стих из текста в своем втором издании трагедии¹⁶, высказав два соображения. Во-первых, у Софокла персонажи никогда не представляют себя сами, их всегда называют другие; здесь, в «Царе Эдипе», Эдипа представит жрец в ст. 14: ὃ κρατύνων Οἰδίπους χώρας ἐμῆς. Во-вторых, по мнению Вундера, у Софокла был слишком хороший вкус, чтобы заставить Эдипа сказать про себя самого πᾶσι κλεινός. С точкой зрения Вундера согласился затем Рив¹⁷; допуская возможную субъективность последнего аргумента Вундера, он убежден в несомненной силе первого аргумента: персонажи Софокла никогда не представляют себя сами. Этот аргумент считает верным и Барретт, который теперь добавляет к нему собственное наблюдение о пропуске стиха 8 в папирусе.

Однако ни с одним из этих трех аргументов невозможно согласиться. Замечание о том, что Эдип, говорящий про себя самого πᾶσι κλεινός, выглядел бы чрезмерно тщеславным, не учитывает важной риторической особенности греческой драмы. Как верно подчеркнула Дейл¹⁸, в греческой трагедии слова персонажей крайне редко можно трактовать как проявление их психологических качеств. Значительно чаще слова отражают то, что Дейл назвала ситуационной риторикой: автор вкладывает в уста персонажа такие речи, которые более всего в данной ситуации способны убедить публику в правоте героя. Когда Эдип называет себя πᾶσι κλεινός, он всего лишь сообщает очевидный факт: он пользуется заслуженной славой, став уже в прошлом спасителем города, и потому фиванцы могут рассчитывать на его помощь и в новом несчастье. Это утверждение обращено сразу и к фиванцам, и к зрителям, которым предстоит наблюдать за падением героя с вершины славы к бесславию и позору. Так что здесь едва ли уместны повторяемые Фингласом психологические интерпретации Гульда («an emphatic, ringing “I”, indissoluble from his name»)¹⁹ и Ренегана («([Sophocles] show[s] the audience right at the beginning of the play what Oedipus thought of himself. He is a man of supreme confidence in his own abilities»)²⁰, модернизирующие текст Софокла.

Аргумент Вундера, Рива и Барретта об обычном способе представления персонажей у Софокла заслуживает большего внимания. По словам Рива, когда Софокл начинает пьесу, перед ним стоят одновременно две задачи: предоставить необходимую информацию и добиться реализма в развитии ситуации. Потому он должен сообщить зрителям имена героев на сцене, но сделать это наиболее правдоподобным и естественным для ситуации образом. Объявление своего имени собеседнику, который и так его знает, выглядит неправдоподобно, поэтому Софокл всегда откладывает

¹⁵ См. Finglass 2011, 234.

¹⁶ Wunder 1840.

¹⁷ Reeve 1970, 286–288.

¹⁸ Dale 1954, xxii–xxix.

¹⁹ Gould 2001, 386.

²⁰ Renehan 1992, 358.

сообщение этой информации до ответной реплики, здесь — до 14-го стиха; таким образом, считает Рив, ст. 8 следует атетировать. Наблюдение Вундера и Рива о том, что Софокл откладывает сообщение имени первого говорящего персонажа до ответной реплики его собеседника, поскольку стремится к большему драматическому реализму, вполне верно. Едва ли прав Финглас, ссылающийся на то, что количество сохранившихся трагедий слишком мало, чтобы мы могли выводить жесткие закономерности. Перед нами очевидное художественное предпочтение автора, отличающее его, например, от Еврипида, который не стремится к естественности речи и заставляет выходящих в прологе персонажей сразу же представляться. Этому предпочтению Софокл с большой вероятностью должен был следовать и в «Царе Эдипе».

Однако на правило, отмеченное Вундером, уместно было бы сослаться лишь в том случае, если бы единственной целью этого стиха было представить Эдипа. Если же упоминание героем своего имени преследует особую риторическую или драматическую цель, ему ничто не мешает назвать себя, не нарушая правдоподобия сцены. Пример тому мы находим в прологе «Эдипа в Колоне». В этой трагедии, точно так же, как и в «Царе Эдипе», Эдип называет свое имя в первых стихах своего собственного монолога; его цель здесь — рассказать о своей печальной судьбе, которая должна вызвать жалость у зрителей: *τίς τὸν πλανήτην Οἰδίπουν καθ' ἡμέραν / τὴν νῦν σπανιotoῖς δέξεται δωρήμασιν, / σμικρὸν μὲν ἔξαίτοῦντα, τοῦ σμικροῦ δ' ἔτι / μεῖον φέροντα, καὶ τόδ' ἔξαρκοῦν ἐμοί;* «Кто примет бродягу Эдипа на этот день скудными дарами, просящего немного, меньше малого получающего, и довольного и тем?» Подобным же образом Эдип называет свое имя и в «Царе Эдипе», убеждая и пришедших к нему просителей, и зрителей в своей силе и величии.

И, наконец, внимательное чтение папируса заставляет нас отвергнуть текстологический аргумент Барретта. Ученый был убежден в том, что каждый столбец в папирусе содержит ровно по 20 стихов. Однако если ст. 121 в папирусе отсутствует и 6-й столбец заканчивается ст. 122, значит, до 297-го стиха в начале 16-го столбца происходит сбой уже не в пять, а в четыре стиха. Произведенный Барреттом расчет колометрии в хоровых песнях должен быть верным, но в таком случае по крайней мере в одном из столбцов между 6-м и 16-м содержалось не 20, а 19 строк. Таким образом, правило 20 строк в столбце не соблюдается. Следовательно, мы не можем исключить и того, что в одном из первых столбцов был 21 стих и что третий столбец заканчивается 61-м стихом именно по этой причине, а не вследствие пропуска 8-го стиха. Никаких текстологических оснований для признания 8-го стиха интерполяцией нет. Против аргумента Барретта можно привести и некоторые общие соображения. Мы знаем, что писцы никогда не стремились выдерживать постоянное количество строк в столбцах и даже в самых аккуратных папирусах это число всегда немного колеблется. Например, в одном из лучших греческих папирусов, созданных в том же II в., что и наш «Эдип» — в папирусе Бэнкса с XXIV песнью «Илиады» (*P. Lond. Lit. 28*) — длина столбца колеблется от 42 до 44 строк. Еще Кенион писал о том, что постоянной длина столбца бывает очень редко, и предупреждал текстологов об ошибочности конъектур, основанных на идее строго определенного числа строк в столбце²¹.

²¹ Kenyon 1932, 55, 57.

Ст. 200–201 (столбец XI)

τόν, ὃ] πυρ[φόρων ἀστραπᾶν
κράτη νέ]μ[ων

200 τόν ὃ πυρφόρων LK: τᾶν ὃ G: τόν, ὃ τᾶν Hermann

Его, отец Зевс,
Держащий власть над огненосными молниями,
(Порази своим перуном)

Небольшой фрагмент из двух строк, в верхней строке которого читаются буквы *πυρ*, а в нижней под *υρ* написано *μ*, согласно атрибуции Барретта²², может быть только текстом из парода, ст. 200–201 — из пассажа, в котором хор призывает Зевса поразить напавшего на Фивы Ареса (к Аресу отсылает относительное местоимение *τόν* «которого»). Папирусный вариант совпадает с чтением большинства средневековых рукописей. Проблема, однако, в том, что при таком чтении строфа метрически не соответствует антистрофе. Стих 200 в строфе, с александрийской колометрией, имеет вид *τόν, ὃ πυρφόρων ἀστραπᾶν / κράτη νέμων, ὃ Ζεῦ πάτερ*, стих 213 антистрофы, как мы знаем его из кодексов, звучит так: *πελασθῆναι φλέγοντ' ἀγλαῶλι πεύκα*. Никакого убедительного способа привести эти два стиха в соответствие до сих пор никто не придумал. Единственная обоснованная конъектура, позволяющая соотнести хотя бы их первую часть, — это добавление артикля *τᾶν* к словосочетанию *πυρφόρων ἀστραпᾶν*, что дает соответствие колонов *τόν, ὃ τᾶν πυρφόρων ἀστραпᾶν* и *πελασθῆναι φλέγοντ' ἀγλαῶ-*. След от этого артикля, возможно, присутствует в чтении рукописи G *τᾶν ὃ*. Грамматически артикль перед эпитетом был бы правилен или по крайней мере возможен. Если чтение с артиклем верно, то, значит, уже в раннюю эпоху он был по ошибке пропущен и метрическое соответствие строфы и антистрофы оказалось нарушено.

Ст. 297–299 (столбец XVI)

— ἀλλ' οὐξελέ]γξων αὐ[τὸν ἔστιν · οἶδε γὰρ
τὸν θεῖον] ἦδη μ[άντιν ὃδ' ἄγουσιν, ᾧ
τάληθες ἐμ]π[έ]φ[υκεν ἀνθρώπων μόνω.

297 οὐξελέγξων L (после исправления) A: —έγξων LK *vin párestin* Heimsoeth: αὐτὸν ἔστιν codd.

Но есть тот, кто его изобличит. Сюда
Ведут божественного прорицателя, в котором,
Единственном из людей, укоренена истина.

В ст. 297 в папирусе мы видим буквы *γξωναυ*, значит, в нем читалось *ἀλλ' οὐξελέ]γξων αὐ[τὸν ἔστιν*. Футуральное причастие *οὐξελέγξων* присутствует в части средневековой традиции, в то время как другие рукописи предлагают вариант *οὐξελέγχων*. Однако прежде чем разбираться с формами причастия, стоит посмотреть на продолжение стиха, которое также ставит перед нами вопросы.

Фраза *ἀλλ' οὐξελέγξων αὐτὸν ἔστιν* должна значить «но существует тот, кто его (убийцу) изобличит». На первый взгляд, она соответствует контексту. На мысль Эдипа о том, что едва ли убийца уstraшитсЯ проклятия Эдипа и раскроет свою

²² Barrett 2007, 382.

личность (ὃ μὴ ὅτι δρῶντι τάρβος, οὐδ' ἔπος φοβεῖ «кто не боится делать, того не напугает и слово», ст. 296), хор отвечает: «но есть всё же человек, который может убийцу изблечить, этот человек — Тиресий». Так и печатают этот стих большинство издателей²³. Тем не менее, если посмотреть на этот пассаж внимательнее, то можно заметить некоторые смысловые противоречия. Во-первых, существование такого человека — отнюдь не новость для Эдипа, герой и хор только что обсудили этот факт (ср. реплику хора в 284–286 ἄνακτ' ἄνακτι ταῦθ' ὀρῶντ' ἐπίσταμαι / μάλιστα Φοῖβω Τειρεσίαν, παρ' οὗ τις ἄν / σκολῶν τάδ', ὧναξ, ἐκμάθοι σαφέστατα «я знаю владыку с владыкой видящего совсем одинаково, с Фебом — Тиресия. Расследуя это дело, владыка, у него можно было бы узнать яснее всего»), и едва ли хору нужно здесь повторяться. Во-вторых, не вполне логичным оказывается продолжение, вводимое частицей γάρ: οἶδε γάρ / τὸν θεῖον ἤδη μάντιν ὧδ' ἄγουσιν, ὃ / τάληθές ἐμπέφυγεν ἀνθρώπων μόνῳ «сюда ведут божественного прорицателя, в котором единственном из людей укоренена истина». Выходит, что хор вспоминает вдруг о существовании прорицателя, способного установить личность убийцы, поскольку видит его в эту минуту перед собой; такая трактовка в принципе возможна, но не очень хороша.

Обе проблемы разрешает конъектура, предложенная Геймзетом²⁴. По его мнению, правильным чтением должно быть οὐξελέγξων νιν πάρεστιν. Слово αὐτόν могло быть «вторгшейся глоссой» (т.е. надстрочным объяснением, попавшим затем в основной текст и вытеснившим из него авторское слово) вместо исходного односложного слова νιν. В схолиях, действительно, архаическое νιν нередко объясняется широко употребительным αὐτόν, ср. схолии к Софоклу, «Трахинянки» 965, к Эсхилу, «Семеро против Фив» 484e, 660a, 664b, к Еврипиду, «Орест» 481, «Финикиянки» 151, «Троянки» 1138. После того как αὐτόν оказалось в тексте, переписчикам пришлось отбросить приставку в πάρεστιν, чтобы восстановить нарушенный метр.

Конъектура отвечает идиоматике Софокла (глагол πάρεστι нередко встречается в репликах, где сообщается о появлении на сцене нового персонажа, ср. например, «Аякс» 1317, «Царь Эдип» 1416, «Трахинянки» 733, «Эдип в Колоне» 550) и прекрасно подходит по смыслу. Реплика, представляющая Тиресия, состоит, как часто у Софокла, из двух частей: хор объясняет, какое значение имеет выход персонажа для настоящего момента, и называет вышедшего. Ср. «Царь Эдип» 78–79 (жрец о появлении Креонта) ἀλλ' ἐς καλὸν σύ τ' εἶπας, οἶδε τ' ἀρτίως / Κρέοντα προοστέιχοντα σημαίνουσί μοι «да, кстати ты сказал — вот мне показывают, что подходит Креонт», «Трахинянки» 594–595 (Деянира о выходе Лихаса) ἀλλ' αὐτίκ' εἰσόμεσθα· τόνδε γὰρ βλέπω / θυραῖον ἤδη «но сейчас мы узнаем: я вижу его уже в дверях», «Эдип в Колоне» 26–29 ἀλλ' ὅστις ὁ τόπος ἧ μάθω μολοῦσά ποι; <...> οἶομαι δὲ δεῖν / οὐδέν· πέλας γὰρ ἄνδρα τόνδε νῶν ὀρῶ «Мне пойти узнать, что это за место? <...> думаю, что нет нужды: я вижу здесь вблизи нас какого-то человека», 1096–1098 (хор о возвращении Антигоны и Исмены) ὧ ξεῖν' ἀλῆτα, τὸν σκολὸν μὲν οὐκ ἐρεῖς / ὡς ψευδόμαντις· τὰς κόρας γὰρ εἰσορῶ / τάσδ' ἄσπον αὖθις ὧδε προοπολουμένας «чужеземец-скиталец, ты не скажешь о дозорном, что он

²³ Jebb 1914; Dawe 1982 и др.

²⁴ Heimsoeth 1865, 178–179.

лжепророк: вот я вижу, как эти девушки приближаются со свитой». Все эти реплики устанавливают связь между выходом персонажа и драматической ситуацией, и эта связь обычно подчеркивается частицей γάρ. В нашем пассаже из «Царя Эдипа» первая фраза должна говорить не просто о существовании человека, способного найти убийцу, но о присутствии такого человека здесь и сейчас; вторая фраза тогда вполне логично определяет личность этого человека: «Но здесь есть тот, кто изобличит убийцу: ведь сюда ведут прорицателя, знающего истину».

Таким образом, у нас есть основания вслед за Ллойд-Джонсом—Уилсоном и Фингласом принять эту конъектуру. В этом случае мы должны предположить, что ошибка появилась очень рано, уже в античности. «Вторгшиеся глоссы» встречаются и в других папирусах. Меркельбах²⁵ приводит в качестве примеров пассаж из «Одиссеи» VI. 255—256 (слова Навсикаи), правильно передаваемый в средневековых рукописях (ὄρσεο νῦν, ὃ ξείνε, πόλινδ' ἵμεν, ὄφρα σε πέμψω / πατρός ἐμοῦ πρὸς δῶμα δαΐφρονος), но с вариантом Ἀλκινόου вместо πατρός ἐμοῦ в папирусе *Pap. Merton* 1 (II в. до н.э.); промежуточный вариант показывает *Pap. Hamb.* 161 (I в. до н.э.), где после ст. 256 πατρός ἐμοῦ написано на полях как разночтение.

Что касается варианта οὐξελέγξων в форме будущего времени, то здесь свидетельство папируса кажется правильным. Наук²⁶ защищает οὐξελέγξων, понимая это причастие как вневременной субстантиват («его изобличитель»), однако конструкция с дополнением предполагает больший глагольный компонент в значении формы. Выражение οὐξελέγξων νιν (αὐτόν) скорее указывало бы на человека, который уже начал выявлять убийцу. В пользу футурума говорит и обычное для Софокла употребление футуральных причастий при λάρειμι в тех случаях, когда речь идет о намерении или предстоящем поступке, ср. «Антигона» 261 οὐδ' ὁ κωλύσων παρῆν «и не было того, кто бы воспрепятствовал», «Электра» 1197 οὐδ' οὐλαρήξων οὔθ' ὁ κωλύσων λάρα; «Нет ли того, кто защитит и воспрепятствует?»

Ст. 424—425 (столбец XXII)

ἄλλων δὲ πλῆθος οὐ]κ ἐ[πα]ισθά[νη]ι κακῶν,
ἃ σ' ἐξισώσει σοὶ τε καὶ τοῖς τέκνοις.

425 ἃ γ' (ὅσ') ἐξαίσώσει σε σὺν τοῖς σοῖς τέκνοις Bergk: ἃ σ' ἐξισώσει σὺν τοῖς τέκνοις Nauck

Ты не догадываешься о множестве и других бед,
Которые уравниют тебя с тобой и с твоими детьми.

Стих 425 вызывал вопросы и сомнения у многих комментаторов и издателей. Как беды Эдипа уравнивают его с его детьми, понятно: Эдип обнаружит, что он рожден той же женщиной, что и его дети. Выражение «беды уравнивают тебя с твоими детьми» употреблено фигурально и нарочито загадочно; беды станут не причиной равенства Эдипа и его детей, а в самом этом равенстве и будут заключаться. Разумеется, Эдип уже сейчас равен своим детям; будущее время указывает на момент, когда Эдип осознает свое несчастье.

²⁵ Merkelbach 1954.

²⁶ Schneidewin 1856, *ad loc.*

Сложнее объяснить, какой смысл Софокл вкладывал в слова ἄ σ' ἐξισώσει σοί «уравняют тебя с тобой». Эрфурдт, а вслед за ним Германн²⁷ и старые английские комментаторы Кеннеди, Кемпбелл и Джебб²⁸ полагают, что речь идет об открытии Эдипом его подлинного «я» («quae ubi senties, fallaci specie ablata is qui vere es, parricida incestus et liberorum frater iudicabere», Эрфурдт; «which shall make thee level with thy true self», Джебб; «which shall place thee on a level with thyself., as showing thee what thou really art, a parricide, and an incestuous husband», Кеннеди; «which will show you what you are», Кемпбелл). Однако подобное «уравнивание с собой» имеет совсем иное значение, нежели «уравнивание с детьми»; более того, обнаружение Эдипом его «я» вообще не является отдельным несчастьем — оно вбирает в себя все несчастья, является их суммой. Таким образом, два понятия равенства, равенство Эдипа с собой в смысле открытия им его истинной личности и равенство Эдипа с его детьми, которые оказываются его братьями и сестрами, вряд ли могут стоять в одном ряду. Кроме того, в случае такой эмфазы на σοί рядом с σε мы скорее ожидали бы возвратного местоимения σεαυτῷ (ср. Аристофан «Облака» 385 ἀπὸ σεαυτοῦ ᾧ σε διδάξω; Ксенофонт «Анабасис» IV. 5. 35 καὶ αὐτὸν τότε μὲν ᾤχετο ἄγων ὁ Ξενοφῶν πρὸς τοὺς ἑαυτοῦ οἰκέτας²⁹).

Недостатки традиционной интерпретации верно заметили современные издатели. Ллойд-Джонс и Уилсон называют ее «недопустимо усложненной»³⁰. Финглас³¹ указывает на то, что такое толкование придает местоимению σοί слишком сильный смысл и наделяет дативы σοί и τοῖς σοῖς τέκνοις совсем разными значениями, так что «идея равенства, которая лежит в центре предсказания Тиресия, превращается в издевательство».

Ллойд-Джонс и Уилсон принимают конъектуру Бергка ἄ γ' (или ὅσ') ἐξαῖστώσει σε σὺν τοῖς σοῖς τέκνοις «которые уничтожат тебя вместе с твоими детьми». Однако против этой конъектуры можно высказать слишком много возражений³²: она предполагает значительные вторжения в текст, никак не оправданные палеографически, она привносит совсем неуместную мысль о гибели детей Эдипа и убирает глагол ἐξισοῦν, характерный для поэтического языка Софокла (Софокл нередко использует его в нравственном смысле, говоря о подобии в человеческих отношениях или страданиях, ср. 1507 μηδ' ἐξισώσης τάσδε τοῖς ἑμοῖς κακοῖς, «Электра» 1071–1073 τὰ δὲ πρὸς τέκνων διπλῇ φύλοπις οὐκέτ' ἐξισοῦται φιλοτασίῳ διαίτῃ и 1194 μήτηρ καλεῖται μητρὶ δ' οὐδὲν ἐξισοῖ, в то же время у других трагиков он не встречается).

Финглас в своем издании предпочитает чтение, предложенное Науком³³: ἄ σ' ἐξισώσει σῶ τοκεῖ καὶ σοῖς τέκνοις. Эта конъектура позволяет решить главные проблемы, перед которыми ставит нас традиционное чтение: она избавляет нас от σοί на месте ожидаемого σεαυτῷ, и, кроме того, теперь два объекта при ἐξισώσει оказываются понятиями одного ряда («беды уравнивают тебя с твоим

²⁷ Erfurdt 1823.

²⁸ Kennedy 1885; Campbell 1879; Jebb 1914.

²⁹ См. Kühner, Gerth 1898–1904, I, 560, § 455, 1b.

³⁰ Lloyd-Jones, Wilson 1990b, 90.

³¹ Finglass 2018, *ad loc.*

³² См. Finglass 2018, *ad loc.*

³³ Schneidewin 1856, *ad loc.*

отцом и твоими детьми», т.е. ты окажешься мужем жены своего отца и братом своих детей). Этот вариант свободен и от тех смысловых недостатков, которые несла в себе конъектура Бергка. Финглас обосновывает конъектуру Наука палеографически. ΣΩΤΟΚΕΙΚΑΙ, как он полагает, превратилось в ΣΟΙΤΕΚΑΙΤΟΙΣ следующим образом: ΚΕΙ выпало вследствие гаплографии, затем ΣΩΤΟ было изменено в ΣΟΙΤΕ для восстановления смысла, и, наконец, ΤΟΙΣ было добавлено для восстановления метра.

Чтение нашего папируса совпадает с чтением средневековых рукописей. В папирусе перед ΣΟΙΣΤΕΚΝΟΙΣ стоит сигма, значит, здесь был написан артикль ΤΟΙΣ. Это чтение оказывается единственным представленным в традиции, и при всех достоинствах конъектуры можно было бы попробовать его защитить — не приписывая, однако, словам ἃ σ' ἐξισώσει σοί невозможного смысла «которые уравнивают тебя с самим собой».

Можно было бы предположить, что мы сталкиваемся здесь со смешением двух разных конструкций. Фраза должна была звучать одним из двух способов: или ἃ σ' ἐξισώσει τοῖς σοῖς τέκνοις, или же ἃ ἐξισώσει σέ τε καὶ τὰ σὰ τέκνα. Софокл мог использовать сразу обе конструкции: начать с первой конструкции с дательным падежом, более привычной и естественной, затем перейти ко второй, но оставить от первой дательный падеж — и потому по аттракции и вопреки логике поставить в дательном падеже и σοί. Случаи смешения конструкций у Софокла нередки, ср., например, смешение инфинитивного оборота и придаточного предложения в «Эдипе в Колоне» 385–386 ἤδη γὰρ ἔσχετ' ἐλπίδ' ὥς ἐμοῦ θεοῦς / ὥραν τιν' ἔξειν и в «Трахинянках» 1238 ἀνὴρ ὃδ' ὥς ἔοικεν οὐ νεμεῖν ἐμοί / φθίνοντι μοῖραν³⁴. Здесь, в нашем случае, выражение равенства с помощью однородных членов с союзом καὶ создало бы дополнительную эмфазу на σοί и тем самым позволило бы синтаксически подчеркнуть симметрию и равенство Эдипа и его детей. Примерно так понял это место Шнейдевин³⁵, полагающий, что плеонастическое σοί и весь оборот σοί τε καὶ нужны, чтобы подчеркнуть контрастирующие отношения отца и детей, исчезающие в случае Эдипа.

Но все же такое нарушение синтаксиса, со смешением конструкций и с плеоназмом, было бы слишком смелым даже для Софокла. Кроме того, этой интерпретации мешает еще один, смысловой недостаток, от которого свободна конъектура Наука: остается непонятным выражение ἄλλων πλῆθος κακῶν в предыдущем стихе. Это выражение не вполне объяснено комментаторами, и потому на нем стоит остановиться поподробнее.

О каких ἄλλα κακά может идти здесь речь? Почему обнаружение Эдипом своего равенства с детьми оказывается «другой бедой»? Ведь, кажется, Тиресий именно это несчастье и имел в виду только что, когда говорил о проклятье от матери в ст. 417–418 и о браке, ставшем роковой гаванью, в ст. 422–423.

Джебб³⁶ попытался решить эту проблему, предложив собственную особую интерпретацию ст. 422–423 ὅταν καταίσθῃ τὸν ὑμέναιον, ὃν δόμοις / ἄνθρωπον

³⁴ Другие примеры см. в Campbell 1879, 67–68.

³⁵ Schneidewin 1851, *ad loc.*

³⁶ Jebb 1914, *ad loc.*

εἰσέπλευσας «когда ты поймешь ту свадебную песнь, которая стала тебе в этом доме роковой гаванью». По мнению Жебба, здесь Тиресий предсказывает первое из открытий Эдипа — тот момент, когда он узнает, что женился на жене убитого им человека, не догадываясь еще, что это его мать. Такой момент действительно настанет, и Эдип воскликнет с сожалением λέχη δὲ τοῦ θανόντος ἐν χερσὶν ἐμαῖν / χραίνω, δι' ὧν περ ὤλετ' «ложе убитого я оскверняю моими руками, от которых он погиб» (821–822), но это отнюдь не самая страшная из его бед; эти слова Эдипа призваны лишь усилить его ужас от осознания того, что он и есть проклятый убийца Лая. Здесь же, говоря об ἄνормος ὑμέναιος, Тиресий показывает Эдипу одно из его главных несчастий, не меньшее, чем πλήθος ἄλλων κακῶν. Кроме того, выражение ἄνормος ὑμέναιος предполагает, что брак плох для жениха, в то время как женитьба на жене убитого — это зло для убитого, но не для убийцы. Так что Тиресий может иметь здесь в виду только одно — брак Эдипа с матерью, а не просто брак с женой убитого им человека, как считает Жебб.

Некоторые комментаторы объясняют выражение πλήθος ἄλλων κακῶν одной только риторической целью: Софокл стремится сделать слова Тиресия как можно более угрожающими и потому прибегает к гиперболе³⁷. По мнению Фингласса, Тиресий уже предрек Эдипу все несчастья, которые он обнаружит — убийство отца и брак с матерью, и потому, считает он, едва ли можно было бы говорить здесь об ἄλλα κακά, но Софокл жертвует логикой, чтобы подчеркнуть масштаб бед своего героя.

Но всё же логика в словах Тиресия есть. Быть мужем своей матери и быть братом своим детям — это две разные стороны, два разных следствия брака Эдипа, и их удобно представить разными и отдельными несчастьями. Именно так, разделяя их, говорит о них Тиресий в конце всей сцены (457–460): φανήσεται δὲ παισὶ τοῖς αὐτοῦ ξυνὼν / ἀδελφὸς αὐτὸς καὶ πατήρ, καὶ ἥς ἔφθι / γυναῖκός υἱὸς καὶ πόσις, καὶ τοῦ πατρὸς / ὁμόσπυρός τε καὶ φονεὺς «своим детям, с которыми вместе он живет, он окажется сразу и отцом, и братом, женщине, родившей его, — сразу и сыном, и мужем, а отцу — и наследником ложа, и убийцей».

Если сохранить рукописное чтение и понять его в значении «уравняют друг с другом тебя и твоих детей», у нас окажется лишь одна новая беда, которую едва ли можно назвать πλήθος κακῶν. Шнейдевин³⁸ объясняет выражение πλήθος κακῶν тем, что братство с собственными детьми включает в себя немало и других страшных и позорных отношений, однако это объяснение не совсем логично: отношение Эдипа к детям является лишь одной стороной его несчастья и всегда упоминается в одном ряду и наравне с другими его аспектами (браком с матерью и обладанием общей женой с отцом), так что едва ли эту беду можно было выделить как наиболее общую и содержащую в себе еще и другие. Если же мы примем конъектуру Наука, ἄλλων πλήθος κακῶν станет понятным. Сказав сначала про первые две беды, о которых предстоит узнать Эдипу, — про убийство отца и брак с матерью, — Тиресий добавляет в этот ряд все остальные постыдные роли Эдипа и называет их «множеством других бед». Одного примера недостаточно; чтобы говорить о «множестве бед», Тиресий должен назвать по крайней мере две.

³⁷ Dawe 1982; Finglass 2018.

³⁸ Schneidewin 1851, *ad loc.*

«Равенство» с отцом и детьми — это два единственных несчастья, которые остаются. Они упомянуты и в приведенном выше пассаже, которым заканчивается сцена с Тиресием (457—460): παισὶ τοῖς αὐτοῦ ξυνὼν ἀδελφὸς αὐτὸς καὶ πατήρ «своим детям, с которыми вместе он живет, он окажется сразу и отцом, и братом» и τοῦ πατρὸς ὁμόσπορος «(он окажется) отцу — и наследником ложа, и убийцей».

Конъектура Наука наделяет стих и дополнительным эффектом: кроме сигматизма (возможно, придававшего словам Тиресия особенно угрожающее звучание), в нем возникает еще и перекличка двух родственных слов (σφ̣ токεί καὶ σοῖς τέκνοις). Эти слова синтаксически параллельны; они описывают два разных вида родственных отношений (с родителем и с рожденными), которые оказались одинаково искажены (беды уравнивают Эдипа с родителем и с рожденными).

Если конъектура Наука верна, в чем я почти не сомневаюсь, то папирус и в этом случае говорит о древности вкравшейся в рукописную традицию ошибки.

Ст. 430—431 (столбец XXII)

οὐκ εἰς ὄλεθρον; οὐχὶ θᾶσσο[ν]; οὐ πάλιν
ἄψορος οἴκων τῶνδ' ἀποστ[ραφεῖς] ἔπει;

430 οὐχὶ θᾶσσον; οὐ πάλιν *P. Оху.* 1.22, codd.: οὐχὶ θᾶσσον αὖ πάλιν *P. Оху.* 1.22 superscr.

Пропади пропадом! И побыстрее!

Ступай назад к себе, прочь от этого дома!

В конце ст. 430 в папирусе *P. Оху.* 2180 читаются слова οὐ πάλιν, и это чтение совпадает со всей средневековой традицией. Однако о существовании еще одного варианта мы знаем из другого папируса, *P. Оху.* 1.22 (V в.н.э.). Здесь в основном тексте, в строке, написано αὖ πάλιν, хотя над строкой, над αὐ, стоит οὐ. Слово οὐ окружено с двух сторон точками, которыми, как мы убедились выше, писцы помечали не исправления, а варианты. Таким образом, оба чтения, и αὖ πάλιν, и οὐ πάλιν, одинаково присутствуют в наших самых ранних источниках.

Если читать οὐ πάλιν, то у нас оказывается три вопроса со значением императивов: οὐκ εἰς ὄλεθρον; οὐχὶ θᾶσσον; οὐ πάλιν ἄψορος οἴκων τῶνδ' ἀποστραφεῖς ἔπει; «Пропади пропадом! И побыстрее! Ступай назад к себе, прочь от этого дома!» Если же принять чтение αὖ πάλιν, то вопроса будет два: «Пропади пропадом! Побыстрее ступай назад к себе, прочь от этого дома!» Оба варианта возможны. Фингласс возражает против чтения οὐ πάλιν, утверждая, что предложение οὐχὶ θᾶσσον, в котором отрицание сопровождается одним лишь наречием, не имеет никаких параллелей³⁹. Можно, однако, сослаться на ст. 219—220 из «Фаетона» Еврипида οὐ θᾶσσον; οὐ σταλαγμὸν ἐξομόξετε, εἴ ποὺ τις ἔστιν αἵματος χαμαὶ πεσόν; Фраза οὐ θᾶσσον; значит «Скорее!», а подразумеваемое при этом действие должно быть ясно из контекста. В пассаже из «Царя Эдипа» οὐχὶ θᾶσσον; может продолжать первый вопрос, οὐκ εἰς ὄλεθρον;

Но все же, хотя мы не можем полностью исключить возможности читать здесь οὐ πάλιν, вариант αὖ πάλιν, принимаемый современными издателями трагедии⁴⁰, кажется предпочтительным.

³⁹ Finglass 2018, *ad loc.*

⁴⁰ Finglass 2018; Lloyd-Jones, Wilson 1990a; Dawe 1982.

Во-первых, он соответствует стилистическим особенностям Софокла. По верному наблюдению Фингласа, Софокл нередко использует побудительную конструкцию из двух вопросов, сначала краткого и затем более длинного, объясняющего суть приказа. Ср. «Аякс» 369 οὐκ ἐκτός; οὐκ ἄψορρον ἐκνεμῇ πόδα; 1259–1261 οὐ σωφρονήσεις; οὐ μαθὼν ὃς εἶ φύσιν / ἄλλον τιν' ἄξεις ἄνδρα δεῦρ' ἐλεύθερον, / ὅστις πρὸς ἡμᾶς ἀντὶ σοῦ λέξει τὰ σά; «Царь Эдип» 1146 οὐκ εἰς ὄλεθρον; οὐ σιωπήσας ἔση; Сочетание αὖ πάλιν несколько раз у Софокла заканчивает стих («Трахинянки» 1087, «Филоктет» 952, «Эдип в Колоне» 1418). Двойной плеоназм αὖ πάλιν ἄψορρος может выполнять экспрессивную функцию, подобную αὖθις αὖ πάλιν в ст. 952 из «Филоктета» (ὦ σχῆμα πέτρας δίπυλον, αὖθις αὖ πάλιν / εἵσεμι πρὸς σὲ φίλος).

Но более сильным является, как мне кажется, другой аргумент. Самостоятельный вопрос οὐχὶ θάσσοι, возникающий, если мы будем читать οὐ πάλιν, хотя и возможен, кажется не совсем уместным. Отрицание οὐχὶ предполагает эффузу, и требование «поскорее» должно быть более настойчивым продолжением οὐκ εἰς ὄλεθρον. Это подчеркнутое пожелание могло бы следовать за побуждением к какому-нибудь определенному действию, в то время как οὐκ εἰς ὄλεθρον; представляет собой не побуждение, но просто проклятие. Как мы видим из ст. 1146, в котором старый слуга Лая просит коринфского вестника замолчать, опасаясь, что тот раскроет тайну Эдипа (οὐκ εἰς ὄλεθρον; οὐ σιωπήσας ἔση;), слова οὐκ εἰς ὄλεθρον — это пожелание погибнуть, а не требование уйти. В нашем случае после «Погибни!» эффузическое «Да поскорее!» звучало бы комично. Отнесение же θάσσοι к следующему побуждению οὐχὶ... αὖ πάλιν / ἄψορρος οἴκων τῶνδ' ἀποστραφεῖς ἄλπει; выглядит вполне логичным. Эта фраза становится похожа на требования немедленно уйти прочь, такие как Crat. Fr. 129 PCG οὐκ ἀπερρήσεις σὺ θάττον; Ag. Plut. 604 ἔρρ' ἐς κόρακας θάττον ἄφ' ἡμῶν;

Если верно чтение αὖ πάλιν, то, как свидетельствует наш папирус, οὐ πάλιν оказывается ранним ошибочным вариантом. Появившись еще в античности, в средневековье этот вариант совершенно вытесняет правильное чтение.

Ст. 460–462 (столбец XXIV)

καὶ τ[α]ῦτ' ἰὼ[v]
εἶσω λο[γ]([ζο]υ· κᾶν λ[άβης μ'] ἐψε[υσμένον,
φάσκε]ιν ἔ[μ'] ἥδη μ[αντικῇ] μῆ[δεν] φρονεῖν.

461 λάβης μ' ἐψευσμένον KAD: λάβης ἐψευσμένον L

Давай, ступай

В дом и подумай об этом. И если ты обнаружишь, что я ошибся,
Тогда считай, что я ничего не смыслю в прорицаниях.

Эти слова заканчивают обращенную к Эдипу гневную речь Тиресия, в которой он предсказывает Эдипу скорое осознание его несчастий. В самой ранней рукописи (L) мы читаем κᾶν λάβης ἐψευσμένον без местоимения μ', но во всех позднейших рукописях μ' написано. В нашем папирусе эта часть строки не сохранилась. Робертс в первой публикации папируса⁴¹ дополнил стих по изданию Пирсона⁴², напечатавшего его без μ', приняв это восстановление за подлин-

⁴¹ Roberts 1941.

⁴² Pearson 1924.

ный текст папируса, Доу⁴³ утверждал, что в папирусе μ' отсутствует и ошибочно ссылался на папирус, доказывая правильность варианта без местоимения.

Барретт, однако, заметил, что размер лакуны мы можем установить достаточно точно по буквам, сохранившимся в предыдущей и следующей строке⁴⁴. Λ в $\lambda\acute{\alpha}\beta\eta\varsigma$ написана под Φ слова $\phi\omega\nu\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma$, а первый E в $\epsilon\psi\epsilon\upsilon\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu$ — под A в $\kappa\alpha\acute{\iota}$ после $\phi\omega\nu\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma$. Если мы посмотрим на строку ниже, то увидим следы от M в $\mu\alpha\nu\tau\iota\kappa\eta$ немного левее того места, где в нашей строке начинается Λ , и M в $\mu\eta\delta\epsilon\nu$ немного левее Ψ нашей строки. Таким образом, расстояние между Λ и E должно подходить под $\Phi\Omega\Nu\epsilon\Upsilon\varsigma\Ka$ в предшествующей строке, а расстояние между Λ и Ψ должно соответствовать MANTIKHIM нижней строки. Вариант ΛABHICE оказывается слишком коротким, лакуна обязательно включала в себя M' . Согласно вычислениям Барретта, лакуна между $\lambda[i]\epsilon$ была длиною в 25 мм и без широкой буквы M для ее заполнения не хватает 4–5 мм.

Таким образом, наш самый ранний источник текста содержал чтение $\lambda\acute{\alpha}\beta\eta\varsigma \mu'$. Рукописная традиция подтверждает этот вариант по крайней мере не хуже, если не лучше варианта без μ' , и выбор между ними должен основываться только на языке и смысле.

Барретт считал папирусный вариант правильным⁴⁵. В то же время большинство издателей предпочитают чтение без μ' . Джебб, Пирсон⁴⁶ и Финглас полагают, что повтор μ' и $\xi\mu'$ в соседних стихах в одном предложении невозможен. С другой стороны, по их мнению, эллипс μ' после $\lambda\acute{\alpha}\beta\eta\varsigma$ легко достраивается из следующего $\xi\mu'$. В качестве похожего примера опущенного местоимения, достраиваемого из следующей клаузы, Пирсон и Финглас приводят пассаж из «Аякса» 496–499: $\tilde{\eta} \gamma\acute{\alpha}\rho / \theta\acute{\alpha}\nu\eta\varsigma \sigma\acute{\upsilon} \kappa\alpha\acute{\iota} \tau\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\tau\eta\varsigma \acute{\alpha}\phi\eta\varsigma, / \tau\acute{\alpha}\upsilon\tau\eta \nu\acute{o}\mu\iota\zeta\epsilon \kappa\acute{\alpha}\mu\epsilon \tau\tilde{\eta} \tau\acute{o}\theta' \eta\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha / \beta\acute{\iota}\alpha \xi\upsilon\nu\alpha\rho\lambda\alpha\sigma\theta\epsilon\acute{\iota}\sigma\alpha\nu \text{ } \acute{\Lambda}\rho\gamma\epsilon\acute{\iota}\omega\nu \acute{\upsilon}\rho\omicron / \xi\upsilon\nu \pi\alpha\iota\delta\acute{\iota} \tau\tilde{\omega} \sigma\tilde{\omega} \delta\omicron\upsilon\lambda\acute{\iota}\alpha\nu \xi\acute{\xi}\epsilon\iota\nu \tau\rho\omicron\phi\eta\acute{\nu}$ «В тот день, в который ты умрешь и, закончив жизнь, оставишь, знай, что в тот самый день и я буду силой схвачена аргивянами вместе с сыном и стану получать рабский хлеб». По их мнению, $\mu\epsilon$ при $\acute{\alpha}\phi\eta\varsigma$ «оставишь» восстанавливается из следующего $\kappa\acute{\alpha}\mu\epsilon$.

Стоит, однако, заметить, что эллипсу могут подвергаться только слова, сразу же понятные из контекста, т.е. такие слова, которые мы можем додумать исходя из предшествующей, а не последующей речи. Именно так происходит и в процитированном пассаже из «Аякса». Произносящая эти строки Текмесса начинает свою просьбу Аяксу не убивать себя и не оставлять ее уже в предшествующих двух стихах: $\mu\acute{\eta} \mu' \acute{\alpha}\xi\acute{\iota}\omega\sigma\eta\varsigma \beta\acute{\alpha}\xi\iota\nu \acute{\alpha}\lambda\gamma\epsilon\iota\nu\eta\nu \lambda\alpha\beta\epsilon\acute{\iota}\nu / \tau\tilde{\omega}\nu \sigma\tilde{\omega}\nu \acute{\upsilon}\rho' \acute{\epsilon}\chi\theta\tilde{\rho}\tilde{\omega}\nu, \chi\epsilon\iota\rho\acute{\iota}\alpha\nu \acute{\epsilon}\phi\epsilon\acute{\iota}\varsigma \tau\iota\nu$ «Не удостой меня болезненной молвы от твоих врагов, отдав кому-нибудь в руки» (494–495). Точно так же, из предыдущих, а не из следующих слов, достраиваются эллипсы местоимений и в других примерах, на которые обычно ссылаются издатели, убирающие в нашем пассаже μ' .

Джебб в качестве параллели упоминает одно место из «Филоктета» (766–769), где Филоктет говорит: $\lambda\alpha\mu\beta\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota \gamma\acute{\alpha}\rho \omicron\tilde{\upsilon}\nu / \acute{\upsilon}\rho\nu\omicron\varsigma \mu', \acute{o}\tau\alpha\nu \pi\epsilon\rho \tau\acute{o} \kappa\alpha\kappa\acute{o}\nu \acute{\epsilon}\xi\acute{\iota}\eta \tau\acute{o}\delta\epsilon /$

⁴³ Dawe 1982, *ad loc.*

⁴⁴ Barrett 2007, 377.

⁴⁵ См. его перечисление верных чтений в Barrett 2007, 368.

⁴⁶ См. Pearson 1929, 95.

κοῦκ ἔστι λῆξαι πρότερον· ἀλλ' ἔαν χρεὼν / ἔκηλον εὔδειν «Меня охватывает сон, как только эта беда проходит, и она не может прекратиться прежде. Нужно дать спокойно поспать». Здесь в последней фразе действительно опущено με, но это местоимение должно быть совершенно понятным из λαμβάνει ὑπνος μ' в ст. 766–767, как замечает и сам Жебб в комментарии к «Филоклету». Еще в одном пассаже из «Филоклетета», на который также ссылается Жебб (799–801), Филоклет, умоляя Неоптолема помочь ему расстаться с жизнью, говорит: ὦ τέκνον, ὦ γενναῖον, ἀλλὰ συλλαβὼν / τῷ Λημνίῳ τῷδ' ἀνακαλουμένῳ πυρὶ / ἔμλησον «Дитя, достойное, схвати и сожги в этом огне, который называют лемносским», опуская дополнение με при ἔμλησον. Однако и в этом случае у слушателей не может быть сомнений в том, что и при ἔμλησον, и при συλλαβὼν подразумевается με, поскольку единственная тема всей предшествующей речи Филоклетета — это его боль и его собственное желание умереть (ὦμοι μοι. / ὦ θάνατε θάνατε, πῶς αἰεὶ καλούμενος / οὕτω κατ' ἡμᾶρ οὐ δύνη μολεῖν ποτε; «Ох, несчастный я. Ах, смерть, смерть, почему ты никак не можешь прийти, хотя тебя вот так я призываю каждый день?», 796–798).

Таким образом, употребления личного местоимения в следующей фразе недостаточно, чтобы объяснить эллипс με в καὶν λάβης ἐψευσμένον. Нам пришлось бы согласиться с Барреттом и признать правильность папирусного варианта καὶν λάβης μ' ἐψευσμένον, хотя повтор местоимения в φάσκειν ἔμ' ἤδη μαντικῇ μηδὲν φροεῖν выглядит очень странно.

Но все же у эллипса με есть лучшее объяснение. Комментаторы обычно не задаются вопросом, какова функция καί в начале фразы, начинающей весь период — в начале предложения καί ταῦτ' ἰὼν εἴσω λογιζέου. Очевидно, они предполагают, что этот союз просто присоединяет совет Тиресия обдумать его предсказания к самим предсказаниям, изложенным прямо перед этим: «Убийца Лая, которого ты ищешь, он здесь. И он окажется отцом и братом своим детям, и сыном и мужем своей матери. И иди теперь в дом и подумай об этом». Так могло бы быть, но здесь логическая структура немного другая. Тиресий ввел свои предсказания словами, описывавшими его речь и его речевое взаимодействие с Эдипом: εἰπὼν ἄπειμ' ὦν οὐνεκ' ἦλθον, οὐ τὸ σὸν / δείσας πρόσωπον· οὐ γὰρ ἔσθ' ὅπου μ' ὀλεῖς. / λέγω δέ σοι «Я уйду только после того, как скажу то, ради чего пришел, не побоявшись сказать тебе это прямо в лицо — тебе ведь не удастся меня уничтожить. Так вот, я говорю тебе...» (447–449). Таким образом, его реплика содержит в себе два уровня: с одной стороны, само предсказание, с другой стороны, описание этого предсказания и его эффекта. Начинается она с описания предсказания: «Прежде чем я уйду, я скажу тебе то, ради чего я пришел. Я говорю тебе...» Затем Тиресий открывает Эдипу правду, а после этого вновь возвращается на первый уровень: «И теперь иди и подумай об этом». При таком построении реплики союз καί соединяет фразу ταῦτ' ἰὼν εἴσω λογιζέου не с содержанием предсказания, а с предварявшими его словами λέγω δέ σοι: «Я говорю тебе... И ты обдумай это». Благодаря этой тесной логической и синтаксической связи предложения ταῦτ' ἰὼν εἴσω λογιζέου с λέγω δέ σοι подлежащее «я», заключенное в глаголе λέγω, еще остается или вновь возникает в голове у слушателей, и именно из него они и достраивают эллипс με в следующей части καὶν λάβης ἐψευσμένον.

Итак, в пассаже из «Царя Эдипа» местоимение με должно быть в эллипсе, но этот эллипс объясняется не следующим ἔμ', а первым лицом подлежащего,

заключенным в глагольных формах λέγω δέ σοι и перед этим в εἰπὼν ἄπειμ'. По-видимому, именно так осознал этот эллипс Элий Аристид, который цитирует нашу фразу: Σκόπει δῆτα ἀκούων ὥς ἔχω περὶ τούτων, κἂν λάβῃς ψευδόμενον, τὸ τοῦ Σοφοκλέους, φάσκειν ἐμὲ ἤδη μηδὲν φρονεῖν, καὶ τὴν μαντικὴν διάγραφει (28. 11). В этой цитате опущенное με восполняется из предшествующего ὥς ἔχω περὶ τούτων, а не из ἐμέ.

Ст. 507–512 (столбец XXV)

φανερὰ [γὰρ ἐπ' αὐτῷ]
 πτερόεσσ' ἢ [λθε κόρα
 πο[τέ,] καὶ σοφὸς ὦφθη
 βασιάνῳ θ' [ἡδύπολις
 τῶν ἀπ' ἐμᾶς φρενὸς οὐ-
 πο[τ]' ὀφλή[σει κακίαν.

511 τῶν Σ: τῶ L^{pc}: τῷ L^{ac} al.

Ведь у всех на виду против него
 Вышла когда-то крылатая
 Дева, и увидели, что он мудр
 И на деле помощник городу.
 За это (?) моя душа никогда
 Не обвинит его в преступлении.

Во всех средневековых рукописях, за исключением самой ранней, флорентийской рукописи середины 10 в. L, мы встречаем в ст. 511 вариант τῷ ἀπ' ἐμᾶς φρενὸς. В L написано τῶ, причем следующая после ω буква была стерта корректором.

Финглас⁴⁷ вслед за первым издателем папируса Робертсом⁴⁸ принимает папирусный вариант τῶν (генетив указательного или относительного местоимения), поскольку он позволяет избавиться от гиагуса, обнаруживаемого во всех остальных чтениях. Однако, как я показал в другой своей статье⁴⁹, генетив здесь необъясним, и правильным является вариант рукописи L после исправления — форма τῷ. Это архаичная форма указательного наречия, встречающаяся у Гомера в значении «потому», причем иногда в гиагусе («Илиада» II. 250). Софокл употребляет гомеровскую форму, сохраняя гомеровскую просодию (ср. другие примеры гомеровских гиагусов у Софокла: «Электра» 157 и «Аякс» 192).

Необычность этой формы привела к ее искажению в большинстве рукописей: в папирусе она превратилась в τῶν, в средневековых рукописях в τῷ. В рукописи L до исправления также был вариант τῷ (но не τῶν, как утверждает Финглас: судя по размеру пятна после ω, стерта могла быть только буква ι, но никак не ν). Исправление обычной формы дательного падежа τῷ на чрезвычайно редкий вариант τῶ, который и в гомеровских рукописях передается часто с искажением как τῷι, может говорить только об одном — исправление сделано по другой рукописи. Вариант τῶ, сохранившийся, несмотря на то что эта форма давно исчезла из языка, безусловно является текстологически предпочтительным.

⁴⁷ Finglass 2018, 335–336, *ad loc.*

⁴⁸ Roberts 1941, 109.

⁴⁹ Nikolsky 2021.

Ст. 523–524 (столбец XXVII)

— ἀλλ' ἦλθε μὲν δὴ τοῦτο τοῦνιδος, τάχ' ἄν
δ' ὀργῇ βιασθὲν] μᾶλλον ἢ γνώμῃ φρενῶν.

524 δ': om. codd.

Но его брань, пожалуй, была вызвана
Скорее гневом, чем суждением ума.

В средневековых рукописях мы читаем ἀλλ' ἦλθε μὲν δὴ τοῦτο τοῦνιδος τάχ' ἄν ὀργῇ βιασθὲν μᾶλλον ἢ γνώμῃ φρενῶν без δ' после τάχ' ἄν, папирус предлагает вариант с δ', энклитикой, которая должна заканчивать стих (переносить энклитику в начало следующего стиха было обычной практикой древних писцов). Элидированные энклитики в конце стиха встречаются у Софокла восемь раз, пять из них — в «Царе Эдипе». Место для δέ после ἄν кажется не совсем обычным, но ср. Фукидид VI. 2. 4, а также τάχ' ἄν γάρ у Еврипида в «Алкесте» 1101 и в «Гераклидах» 462.

Если мы читаем эту фразу без δ', так, как она написана в средневековых рукописях (ἀλλ' ἦλθε μὲν δὴ τοῦτο τοῦνιδος τάχ' ἄν ὀργῇ βιασθὲν μᾶλλον ἢ γνώμῃ φρενῶν), перед нами оказывается единое предложение, в котором глагол ἦλθε играет вспомогательную роль, а главный акцент падает на ὀργῇ βιασθὲν: «Это обвинение вырвалось, как кажется, скорее вынужденное гневом, нежели по решению ума». В папирусном варианте мы видим два предложения, противопоставленных частицами μὲν и δέ: «Это обвинение, конечно, вышло, но, как кажется, скорее вынужденное гневом, нежели по решению ума».

По мнению Барретта⁵⁰, который правильно идентифицировал этот фрагмент и восстановил в тексте частицу δ', папирусный вариант не просто понятен, но и лучше средневекового чтения. Этот вариант принимают в своих изданиях и Ллойд-Джонс с Уилсоном, и Финглас.

Несмотря на единодушное согласие новейших издателей с точкой зрения Барретта, она кажется мне неверной, а его аргументы — неубедительными. Сначала я разберу доказательства Барретта, а затем приведу мои собственные аргументы в пользу средневекового чтения.

Барретт находит в варианте без δ' два недостатка:

1) Во-первых, по его мнению, частица δὴ должна иметь сильное утвердительное значение, подчеркивая истинность и несомненность вводимого ею высказывания; если же перед нами единое предложение, эта частица вступает в противоречие с τάχ' ἄν, выражающим чистое предположение. Этот аргумент повторяет и Финглас.

Однако частицу δὴ в сочетании с μὲν и с ἀλλά... μὲν можно понимать не как указывающую на несомненность описываемого факта, а как усиливающую противопоставление: «но при всем том...», «но на самом деле». Именно так последовательность частиц μὲν δὴ и ἀλλά (...) μὲν δὴ объясняет Деннистон⁵¹. Такое значение может иметь δὴ в сочетании просто с ἀλλά. Ср., например, Ксенофонт «Анабасис» VI. 3. 16 εἰς Κάλπης δὲ λιμένα... ἐλαχίστη ὁδός. ἀλλὰ δὴ ἐκεῖ μὲν οὔτε πλοῖα ἐστὶν οἷς ἀποπλευροῦμεθα («но при этом...»): в этих пассажах утвердительное значение δὴ не

⁵⁰ Barrett 2007, 380.

⁵¹ О δὴ, усиливающем противительное μὲν, см. Denniston 1954, 393; о противительном употреблении ἀλλὰ μὲν δὴ или ἀλλὰ μὲν... δὴ см. ibid., 394.

подходит⁵². Противительное $\mu\acute{\epsilon}\nu$ $\delta\acute{\eta}$ ⁵³ ср., например, в «Федре» Платона 266с (о софистах) $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\kappa\omicron\iota \mu\acute{\epsilon}\nu \tilde{\alpha}\nu\delta\rho\epsilon\varsigma$, $\omicron\upsilon \mu\acute{\epsilon}\nu \delta\acute{\eta} \acute{\epsilon}\lambda\iota\sigma\tau\acute{\eta}\mu\omicron\nu\acute{\epsilon}\varsigma \gamma\epsilon \tilde{\omega}\nu \acute{\epsilon}\rho\omega\tau\acute{\alpha}\varsigma$ «царственны эти люди, но при всем том (в действительности, вопреки тому, что можно было бы от них ожидать) несведущи в том, что ты спрашиваешь»; здесь важно подчеркнуть именно контраст между первым и вторым утверждением, а не особенную несомненность и непреложность второго. Наконец, противительное $\alpha\lambda\lambda\acute{\alpha}$... $\mu\acute{\epsilon}\nu$ $\delta\acute{\eta}$ ⁵⁴ не раз встречается у Софокла: ср., например, в «Электре» 103 $\alpha\lambda\lambda' \omicron\upsilon \mu\acute{\epsilon}\nu \delta\acute{\eta} \lambda\acute{\eta}\xi\omega \theta\rho\acute{\eta}\nu\omega\nu$ («Я одна оплакиваю тебя, отец») «но при всем том я не прекращу мои плачи»; в «Царе Эдипе» 293–295 $\tau\acute{o}\nu \delta\epsilon \delta\rho\omega\tilde{\nu}\tau' \omicron\upsilon\delta\epsilon\iota\varsigma \delta\rho\alpha\tilde{\iota}$. — $\alpha\lambda\lambda' \epsilon\tilde{\iota} \tau\iota \mu\acute{\epsilon}\nu \delta\acute{\eta} \delta\epsilon\acute{\iota}\mu\alpha\tau\acute{o}\varsigma \gamma' \acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota \mu\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma$ / $\tau\acute{\alpha}\varsigma \sigma\acute{\alpha}\varsigma \acute{\alpha}\chi\omicron\upsilon\omicron\upsilon\nu$ $\omicron\upsilon \mu\epsilon\nu\tilde{\epsilon}\iota \tau\omicron\acute{\iota}\alpha\sigma\delta' \acute{\alpha}\rho\acute{\alpha}\varsigma$ «Никто не видел убийцу (потому его трудно найти) — Но все же если ему ведом страх, он не устоит, слыша эти твои проклятия».

В нашем пассаже хор возражает Креонту: «Нет, на самом деле, т.е. в отличие от того, как ты думаешь...» Такое употребление $\delta\acute{\eta}$ никак не противоречит тому, что мнение хора — всего лишь предположение ($\tau\acute{\alpha}\chi' \tilde{\alpha}\nu$): «Нет, на самом деле, как мне кажется, Эдип произнес свои обвинения в гневе».

2) Во-вторых, Барретт считает, что $\tau\acute{\alpha}\chi' \tilde{\alpha}\nu$ обязательно должно начинать новую синтаксическую группу, поскольку, по его мнению, именно такова нормальная позиция этого сочетания частиц. Из этого Барретт заключает, что причастный оборот, начинаемый $\tau\acute{\alpha}\chi' \tilde{\alpha}\nu$, даже и без частицы δ' логически отделен от главного глагола («это обвинение вырвалось, вынужденное гневом»). Тогда причастный оборот не может нести на себе главный смысловой акцент предложения: в таких случаях, как думает Барретт, он может указывать лишь на второстепенные обстоятельства. Таким образом, предложение не может иметь желаемого смысла «это обвинение вырвалось *вынужденное гневом*» с акцентом на $\delta\rho\acute{\eta}\tilde{\iota} \beta\iota\alpha\sigma\theta\acute{\epsilon}\nu$, но получает значение «это обвинение *вырвалось*, хоть и вынужденное гневом». Это значение не очень подходит, поскольку хор должен в меньшей степени соглашаться с Креонтом («да, действительно это обвинение вырвалось»), но в большей степени успокаивать его («это обвинение было вынуждено гневом»), т.е. главный логический акцент должен лежать на второй, а не на первой половине предложения. Именно такой смысл и дает, по мнению Барретта, вариант $\tau\acute{\alpha}\chi' \tilde{\alpha}\nu \delta'$: «это обвинение вырвалось, но вынужденное гневом», т.е. «хотя это обвинение вырвалось, оно было вынуждено гневом».

Предполагая обязательную паузу перед $\tau\acute{\alpha}\chi' \tilde{\alpha}\nu$, Барретт основывается на идеях Френкеля и его интерпретации этого предложения. По мнению Френкеля⁵⁵, частица $\tilde{\alpha}\nu$, обычно стоящая на втором месте в колонне, может указывать на место паузы и начала новой смысловой группы; в нашем случае, считает Френкель, $\tau\acute{\alpha}\chi' \tilde{\alpha}\nu$ необходимо отнести к причастию (так синтаксис этой фразы объясняли еще Германн⁵⁶ и Наук⁵⁷), и причастный оборот нужно понимать как достаточно независимый по своему смыслу от главного глагола. Френкель согласился с тем, как

⁵² Ср. другие примеры $\alpha\lambda\lambda\acute{\alpha} \delta\acute{\eta}$ в Denniston 1954, 240–241.

⁵³ Denniston 1954, 393

⁵⁴ Denniston 1954, 394.

⁵⁵ Fraenkel 1964, I, 131–132.

⁵⁶ Erfurdt 1823, *ad loc.*

⁵⁷ Schneidewin 1856, *ad loc.*

эту фразу понял Наук: «Все же это обвинение было высказано, хотя возможно...» («Allerdings wurde dieser Vorwurf ausgesprochen, er mag aber wohl u.s.w.»). И Френкель, и Наук сравнивают это предложение со стихами 964–965 из «Эдипа в Колоне», где τάχ' ἄν начинает как раз такой причастный оборот, определяющий дополнительные, несущественные обстоятельства: θεοῖς γὰρ ἦν οὕτω φίλον, / τάχ' ἄν τι μνηίουσιν ἐς γένος πάλαι «Так было угодно богам, возможно, издавна гневающимся на род». Когда Барретт и Фингласс принимают чтение с частицей δέ, они продолжают вслед за Германном и Френкелем относить τάχ' ἄν к причастию.

Однако такая синтаксическая интерпретация не может быть верной; τάχ' ἄν ни в каком случае, читаем ли мы это предложение с δέ или без δέ, не может быть связано с причастием. Причастным оборотом это предложение не заканчивается; если τάχ' ἄν здесь, как и в пассаже из «Эдипа в Колоне», вводит причастный оборот, то как тогда быть с продолжением фразы μᾶλλον ἢ γνώμῃ φρενῶν, к этому обороту уже не относящимся? Если мы принимаем средневековое чтение без δέ, то единственно возможная интерпретация предложения такова: при глаголе ἦλθε есть два однородных обстоятельства образа действия, одно из которых выражено модальным причастным оборотом (ὁργῇ βιασθέν), а второе — модальным дательным падежом (γνώμῃ φρενῶν), эти обстоятельства соединены друг с другом сравнительной связью (μᾶλλον ὁργῇ βιασθέν ἢ γνώμῃ φρενῶν), и τάχ' ἄν относится ко *всему этому комплексу*, а не к причастию («обвинение было высказано, возможно, скорее вынужденное гневом, нежели по решению ума»). В таком случае, если считать ἄν в сочетании τάχ' ἄν самостоятельной частицей, она грамматически может относиться только к ἦλθε и никакой паузы перед τάχ' ἄν не может быть. Я полагаю, однако, что τάχ' ἄν стоит рассматривать здесь как единое слово, частицу со значением возможности, подобную ἴσως или просто τάχα. Такое мнение высказал Джебб в приложении к своему комментарию к «Эдипу в Колоне» 964–965: «τάχ' ἄν has become, in syntax, simply τάχα 'perhaps'»⁵⁸. Френкель его отверг, ссылаясь на такие примеры, в которых ἄν несомненно выступает самостоятельно (ср. Платон «Государство» II. 369a, на вопрос ἄρ' οὕν... ἰδοίμεν ἄν...; следует ответ τάχ' ἄν, ἦ δ' ὅς). Однако подобные примеры не мешают нам предположить, что τάχ' ἄν может употребляться как единая частица хотя бы в некоторых случаях. Об этом свидетельствует и ее сочетание с причастиями в случаях, когда сложно или даже невозможно увидеть за этими причастиями потенциальные конструкции (как, например, в процитированном пассаже из «Эдипа в Колоне» 964–965, у Фукидида VI. 2. 4 διέβησαν... ἐπὶ σχεδίων..., τηρήσαντες τὸν πορθμὸν κατιόντος τοῦ ἀνέμου, τάχα ἄν δὲ καὶ ἄλλως πῶς ἐσπλεύσαντες «(сикулы) переправились на плотях, подгадав переправу, когда ветер дул от суши, или приплыв как-то иначе», или в «Федре» Платона 265b οὐκ οἶδ' ὅπῃ τὸ ἐρωτικὸν πάθος ἀλεικάζοντες, ἴσως μὲν ἀληθοῦς τινος ἐφαπτόμενοι, τάχα δ' ἄν καὶ ἄλλοσε παραφερόμενοι, κέρασαντες οὐ παντάλασιν ἀπίθανον λόγον, μυθικόν τινα ὕμνον προσελαίσασμεν «используя некоторый образ для эротического переживания — возможно, в чем-то касаясь истины, а в чем-то уходя в сторону — мы исполнили гимн с мифом»), и встречающаяся порой постановка других частиц после всего

⁵⁸ Jebb 1900, 284.

сочетания $\tau\acute{\alpha}\chi' \grave{\alpha}\nu$, о чем уже говорилось выше ($\tau\acute{\alpha}\chi' \grave{\alpha}\nu \gamma\acute{\alpha}\rho$ у Еврипида, «Алкеста» 1101 и в «Гераклиды» 462, $\tau\acute{\alpha}\chi\alpha \grave{\alpha}\nu \delta\grave{\epsilon}$ у Фукидида VI. 2. 4).

Итак, никаких серьезных возражений против средневекового чтения не остается. С другой стороны, папирусный вариант $\tau\acute{\alpha}\chi' \grave{\alpha}\nu \delta'$ неудачен по нескольким причинам.

Во-первых, частицы $\mu\acute{\epsilon}\nu\ldots \delta\acute{\epsilon}\ldots$, разумеется, не могут вводить противопоставление главных и второстепенных членов одного предложения; предложение разделяется на два ($\acute{\alpha}\lambda\lambda' \grave{\eta}\lambda\theta\epsilon \mu\acute{\epsilon}\nu \delta\grave{\eta} \tau\omicron\upsilon\tau\omicron \tau\omicron\upsilon\nu\epsilon\iota\delta\omicron\varsigma$ и $\tau\acute{\alpha}\chi' \grave{\alpha}\nu \delta' \omicron\rho\gamma\grave{\eta} \beta\iota\alpha\sigma\theta\acute{\epsilon}\nu \mu\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\nu \grave{\eta} \gamma\nu\omicron\omega\mu\eta \phi\rho\epsilon\nu\omega\nu$), и во второй фразе мы должны предполагать довольно корявый эллипс второго $\grave{\eta}\lambda\theta\epsilon$ или $\acute{\epsilon}\lambda\theta\omicron\iota$ ($\tau\acute{\alpha}\chi' \grave{\alpha}\nu \delta' \grave{\eta}\lambda\theta\epsilon / \acute{\epsilon}\lambda\theta\omicron\iota \omicron\rho\gamma\grave{\eta} \beta\iota\alpha\sigma\theta\acute{\epsilon}\nu \mu\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\nu \grave{\eta} \gamma\nu\omicron\omega\mu\eta \phi\rho\epsilon\nu\omega\nu$). Эллипс оказывается тем более корявым, что от опущенного во второй клаузе глагола зависят две однородные, но грамматически разные конструкции $\omicron\rho\gamma\grave{\eta} \beta\iota\alpha\sigma\theta\acute{\epsilon}\nu$ и $\gamma\nu\omicron\omega\mu\eta \phi\rho\epsilon\nu\omega\nu$. И Ллойд-Джонс, и Фингласс сглаживают этот недостаток в своих переводах, но их переводы оказываются просто неверными: «Well, this charge was uttered, but perhaps it was forced out by anger rather than by considered thought»⁵⁹, «Well, this insult was uttered, but perhaps it was forced in anger rather than by considered thought»⁶⁰. Здесь сразу две ошибки: во-первых, две клаузы противопоставлены друг другу так, как будто бы во второй была тоже личная форма глагола, а не причастие $\beta\iota\alpha\sigma\theta\acute{\epsilon}\nu$ (впрочем, это можно объяснить просто желанием придать нелепой конструкции более литературный вид), и, во-вторых, $\gamma\nu\omicron\omega\mu\eta \phi\rho\epsilon\nu\omega\nu$ отнесено к $\beta\iota\alpha\sigma\theta\acute{\epsilon}\nu$, а не к $\grave{\eta}\lambda\theta\epsilon$, что невозможно по смыслу (или же нужно прибавить ко всем трудностям этой фразы еще и зевгму).

Против папирусного варианта говорит и употребление частиц. Если мы добавляем $\delta\acute{\epsilon}$, у нас возникают две клаузы, противопоставленные частицами $\mu\acute{\epsilon}\nu$ и $\delta\acute{\epsilon}$ (Фингласс, читающий с $\delta\acute{\epsilon}$, тем не менее понимает $\acute{\alpha}\lambda\lambda\acute{\alpha}\ldots \mu\acute{\epsilon}\nu \delta\grave{\eta}$ как единый комплекс с адверсативным значением; это правильная интерпретация, если не добавлять $\delta\acute{\epsilon}$, но неверная и нелогичная, если $\delta\acute{\epsilon}$ в тексте стоит). Смысл всего пассажа требует, чтобы логическое ударение падало на вторую часть этого противопоставления, этого требует и $\acute{\alpha}\lambda\lambda\acute{\alpha}$, относящееся прежде всего ко второй, а не к первой части, и именно так и хочет понять это предложение Барретт («Но, хотя это обвинение, конечно, вырвалось, оно было вызвано гневом»): «With this text the $\mu\acute{\epsilon}\nu\ldots \delta\acute{\epsilon}$ correspond (the $\delta\acute{\epsilon}$ insisting on the truth of the $\mu\acute{\epsilon}\nu$ -clause), and $\acute{\alpha}\lambda\lambda\acute{\alpha}$ introduces the whole complex (in which the weight is of course on the $\delta\acute{\epsilon}$ -clause) as a correction of Kreon's assessment of the situation: 'Oh, but it's not quite like that: this imputation was made, certainly, but I dare say in compulsive anger rather than as a considered judgement'». Однако частица $\delta\grave{\eta}$, отнесенная тогда не ко всей фразе, а только к первой клаузе, будет усиливать $\mu\acute{\epsilon}\nu$, сдвигая акцент на первую половину: «Да, это обвинение действительно было высказано, но, возможно, вызванное скорее гневом». Именно так употребляется $\delta\grave{\eta}$, когда участвует в комплексе $\mu\acute{\epsilon}\nu\ldots \delta\acute{\epsilon}\ldots$; оно не может в таком случае просто «настаивать на истинности клаузы с $\mu\acute{\epsilon}\nu$ », как полагает Барретт⁶¹.

Стоит также заметить, что при папирусном чтении начало следующей реплики хора (ст. 527) повторяет начало разбираемой реплики ($\grave{\eta}\lambda\theta\epsilon \mu\acute{\epsilon}\nu \delta\grave{\eta} \tau\omicron\upsilon\tau\omicron \tau\omicron\upsilon\nu\epsilon\iota\delta\omicron\varsigma$

⁵⁹ Lloyd-Jones 1994.

⁶⁰ Finglass 2018, *ad loc.*

⁶¹ См. Denniston 1954, 257–259 с примерами.

повторяется в словах $\eta\delta\delta\alpha\tau\omicron\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{\alpha}\delta'$), а вся следующая реплика целиком ($\eta\delta\delta\alpha\tau\omicron\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{\alpha}\delta'$, $\omicron\iota\delta\alpha\ \delta'\ \omicron\upsilon\ \gamma\nu\omega\mu\eta\ \tau\iota\nu\iota$) будет повторять структуру предложения в ст. 523–524. Такой повтор едва ли допустим в трагической стихомифии, предполагающей постоянное смысловое движение и развитие.

Ст. 530–532 (столбец XXVII)

- $\omicron\upsilon\kappa\ \omicron\iota\delta\alpha[\cdot\ \grave{\alpha}\ \gamma]\acute{\alpha}\rho\ \delta\rho\omega\sigma\iota\ [\omicron\iota\ \kappa\rho\alpha\tau\omicron]\ddot{\upsilon}\nu[\tau\epsilon\varsigma\ \omicron\upsilon\chi\ \acute{\omicron}\rho\omega].$ (530)
- $\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma\ \sigma\acute{\upsilon},\ \pi\acute{\omega}\varsigma\ \delta\epsilon\upsilon\rho'\ \eta\lambda\theta\epsilon\varsigma;\ \eta\ \tau\omicron\sigma\acute{\omicron}\nu\delta'\ \acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\varsigma$ (532),

531 $\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma\ \delta'\ \delta\delta'\ \eta\delta\eta\ \delta\omega\mu\acute{\alpha}\tau\omega\nu\ \acute{\epsilon}\xi\omega\ \pi\epsilon\rho\tilde{\alpha}\ codd.$

Ст. 530 принадлежит хору. В этот момент на сцене появляется Эдип и произносит ст. 532. Во всех средневековых рукописях хор возвещает о его появлении в ст. 531, но в папирусе этот стих отсутствует. Робертс в комментариях к изданию папируса⁶² назвал этот пропуск случайным. Однако вскоре после издания Роуз опубликовал заметку⁶³, в которой предположил, что чтение папируса верно и что ст. 531, появляющийся в средневековых рукописях, представляет собой интерполяцию.

Аргументы Роуза таковы. Во-первых, он обращает внимание на то, что хор только что заявил о своей слепоте к поступкам правителей; если же теперь хор замечает появление Эдипа, это говорит, по мнению Роуза, об отсутствии у автора чувства юмора. Во-вторых, Эдип появляется не первый раз, его маска и костюм известны зрителям, и в представлении он не нуждается. В то же время неожиданное его вторжение в диалог, когда он внезапно выбегает из дворца и обрушивает на Креонта гневное обращение $\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma\ \sigma\acute{\upsilon}$, кажется Роузу драматически обоснованным и убедительным. Наконец, Роуз рассматривает форму хоровых реплик: хотя сначала хор и Креонт обмениваются двустишиями и первая реплика хора (523–524) состоит из двух стихов, но затем в ст. 527 Софокл отступает от этой формы, ограничивая вторую реплику хора (527) одним стихом, так что теперь поэт может выбрать любой из двух вариантов, будь то одностишие или двустишие. Лишний стих в средневековых рукописях Роуз объясняет или как актерскую интерполяцию, или же как вставку в позднейших списках, предназначенных для чтения, а не для живого исполнения: читателям должно было быть неясно, кто произносит следующую реплику, и потому потребовалось это объяснить.

Точка зрения Роуза показалась убедительной современным издателям трагедии. И Ллойд-Джонс—Уилсон, и Фингласс исключили ст. 531, признав его интерполяцией. Фингласс повторил аргумент Роуза о том, что выпад Эдипа против Креонта выглядит более драматично, если его выход не объявлен хором. Реплика в один стих кажется Финглассу здесь не только возможной, но и предпочтительной: два одностишия подряд в ответ на двустишия Креонта представляются Финглассу более естественной последовательностью, нежели другой вариант — сначала двустишие в 523–524, потом один стих (527), а затем вновь двустишие. Согласился с аргументами Роуза и Барретт⁶⁴. По словам Барретта, ст. 531 — это всего лишь ремарка, которая нужна читателю, но не зрителю; Эдипа публика уже знает, и нет никакой надобности

⁶² Roberts 1941, 109.

⁶³ Rose 1943.

⁶⁴ Barrett 2007, 372.

объявлять его выход; стих этот хуже, чем бессмысленный, поскольку он отвлекает внимание от внезапного яростного обращения Эдипа к Креонту.

Аргументы Роуза, Фингласса и Барретта, однако, не бесспорны. Во-первых, противоречие между ст. 531 и только что прозвучавшим заявлением хора о том, что тот предпочитает не видеть поступков правителей, всего лишь мнимое. Разумеется, в словах ἃ γὰρ δρῶσ' οἱ κρατοῦντες οὐχ ὁρῶ хор имеет в виду по-настоящему важные поступки (хор предпочитает не интересоваться причинами, по которым Эдип решил обвинить Креонта), но отнюдь не любые бытовые действия. Сопоставление ст. 531 и ст. 530 — не более чем курьез, который мог прийти в голову только педантичному филологу, но не зрителю спектакля. Что касается количества стихов в репликах хора, то оно могло свободно варьироваться, и искать здесь какую-либо последовательность, как это делает Фингласс, не стоит. Порой мы встречаем у Софокла строго выстроенные стихомифии с постоянным количеством стихов в репликах, либо по одному, либо по два, но в таких стихомифиях не может быть никаких отступлений от точно определенного числа. Наш пример относится не к формализованной стихомифии, а к иному типу диалога — к свободному обмену короткими репликами. В таких диалогах нет никаких заданных правил, и любая последовательность реплик допустима. В качестве близких параллелей можно привести пассажи из «Аякса», 735–747 (беседа хора с вестником, пришедшим, чтобы по совету Калханта удержать Аякса в палатке), и из «Электры», 1106–1118 (диалог Ореста и Электры, в котором Орест сообщает Электре о собственной гибели; диалог продолжается и дальше, переходя в монолог Электры со ст. 1126, но следующие реплики содержат больше двух стихов). В обоих упомянутых случаях, совершенно как в нашем месте из «Царя Эдипа», собеседники обмениваются двустушиями, затем один из них произносит реплику в один стих, но после этого опять переходит к двустушиям: в «Аяксе» 735–746 хор — 2 стиха, вестник — 2 (и восклицание вне метра), хор — 1, вестник — 2, хор — 2, вестник — 2; в «Электре» Орест — 2 стиха, Электра — 2, Орест — 2, Электра — 1, Орест — 2, Электра — 2, Орест — 2.

Обратимся теперь к главному аргументу, о драматической неоправданности представления Эдипа в ст. 531. Возможно, современному зрителю объявление его выхода может показаться лишним и снижающим драматическое напряжение сцены. Однако формальные правила греческой драматургии непременно требуют этого объявления, и потому ст. 531 обязательно должен оставаться на своем месте. Поскольку эти правила не совсем очевидны для издателей и комментаторов, стоит сказать о них несколько слов.

Мы знаем, что в греческой трагедии появление на сцене персонажей нередко сопровождалось их представлением или хором, или другими персонажами, уже находившимися на сцене. Многие ученые отмечают эту сценическую условность, но не считают ее обязательной. Например, Тэплин утверждает, что выход персонажа объявлялся лишь в половине случаев⁶⁵; схожие цифры приводит и Мastroнарде, насчитавший у Софокла 28 объявленных выходов из 46⁶⁶. Эти подсчеты,

⁶⁵ Taplin 1977, 71.

⁶⁶ Mastronarde 1979, 20, n. 6.

однако, не учитывают важнейшего фактора — обстоятельств объявления о выходе на сцену и цели, которую это объявление преследовало.

Когда Роуз и Барретт говорят о необязательности ст. 531, они ссылаются на то, что зрители уже знают Эдипа и потому необходимости объявлять его выход нет. Очевидно, по их мнению, представление персонажа нужно было для того, чтобы познакомить с ним зрителей. Такая точка зрения достаточно распространена⁶⁷, однако она не подтверждается материалом трагедий. Мы ожидали бы тогда объявления при всяком первом выходе и отсутствия объявления при последующих выходах. Но Хэмилтон⁶⁸ обратил внимание на то, что в трагедиях Эсхила 11 персонажам не дается никакого представления, два персонажа представляются лишь при втором появлении и только девять при первом. У Софокла 15 персонажей получают представления при первом появлении, в то время как 10 не объявлены совсем, 10 объявлены при последующих выходах, а 4 — сразу и при первом, и при следующих выходах.

Правило, согласно которому в трагедии объявляются выходы, иное. Можно обратить внимание на то, что представления персонажей нет почти никогда после лирических партий, но при этом оно почти обязательно, если персонаж появляется по ходу эпизода в момент разговора. Исключений из этого правила у Софокла крайне мало, и все они объяснимы. Не всегда объявляют о выходе вестника: без объявления остаются страж в «Антигоне» 223, пришедший сообщить о захоронении Полиника, вестник в ст. 1278, принесший новость о смерти Эвридики, коринфский вестник в «Царе Эдипе» ст. 924; к этой же категории относится и необъявленный выход педагога в «Электре» 660, который приходит к Клитемнестре с обманной вестью о гибели Ореста и потому играет здесь роль вестника. Кроме этих примеров, у Софокла есть еще только два случая необъявленного выхода персонажа, оба — в трагедии «Филоклет», и очень схожие между собой (974, 1293). В обоих сценах внезапно появляется Одиссей, чтобы помешать Неоптолему вернуть Филоклету его лук. Это отступление от правила объясняется и особой драматической задачей — желанием автора создать эффект неожиданности, и тем, что Одиссей, очевидно, появляется из необычного места. Он выходит не через парод и не из двери в сцене, а из особого места на самой орхестре, где он прятался на протяжении предшествующей сцены⁶⁹.

Представление появляющихся персонажей можно объяснять особенностью устройства сценического пространства в греческом театре, как это делают Тэплин и Мастронарде⁷⁰. Расстояние, отделявшее то место на орхестре, где находились актеры и хор, от всех входов, было слишком большим, чтобы появившиеся на сцене персонажи могли сразу же принять участие в разговоре. Но в то же время выход значимых персонажей по ходу эпизода не мог остаться незамеченным. Поэтому драматург всегда должен добавлять реплики, указывающие на только что вышедших героев и предшествующие их присоединению к беседе. С другой стороны, можно считать эти объявления о выходе героев условностью,

⁶⁷ Cp. Dodds 1960, *ad Ba.* 171–172; Hourmouziades 1965, 138; Kannicht 1969, *ad Hel.* 857–886.

⁶⁸ Hamilton 1978, 64.

⁶⁹ См. Jebb 1898, *ad* 974, 1257–1258, 1293 Taplin 1971, 27–29.

⁷⁰ Taplin 1977, 72 Mastronarde 1979, 20.

позволяющей поддерживать драматическую целостность диалога: поэты избегают неожиданных вторжений в диалог, которые могли бы нарушить его целостность и логику, и потому для присоединения к нему новых персонажей они должны прибегать к особому приему⁷¹. Так или иначе, представление выходящих персонажей является обязательным правилом, как при их выходе через боковые проходы, так и при выходе «из дома», т.е. через дверь в сцене, как в нашем случае (ср. «Электра» 1322–1323, Орест о выходе из дома педагога σιγᾶν ἐπὶνέσθ' ὥς ἐπ' ἐξόδῳ κλύω / τῶν ἐνδοθεν χωροῦντος «Тихо! Я слышу, как кто-то внутри идет, собираясь выйти»; «Царь Эдип» 631–633, хор о выходе Иокасты παύσασθ', ἄνακτες· καίριαν δ' ὑμῖν ὀρῶ / τήνδ' ἐκ δόμων στείχουσαν Ἰοκάστην, μεθ' ἧς / τὸ νῦν παρεστὸς νεῖκος εὖ θέσθαι χρεὼν «Владыки, перестаньте. Вот, вовремя, я вижу, выходит из дома Иокаста, и с ее помощью стоит уладить вашу возникшую нынче ссору»).

Таким образом, ст. 531 драматически необходим. Лексически он выглядит как совершенно софокловский: глагол περάω в значении «проходить из дома или в дом» употребляется практически только у Софокла и Еврипида (ср. «Антигона» 386, Еврипид «Орест» 1572, а также «Финикиянки» 299, «Ипполит» 645, 782).

Итак, папирус *P. Oxy.* 2180, кроме собственных уникальных ошибок в ст. 109, 438, 523–524, 531, разделяет многие ошибки со средневековыми рукописями — или со всеми, как в ст. 200, 297, 425, 430, или же с частью из них (с К в ст. 121, с KAD в ст. 461). Очевидно, что многие ошибки и многие разночтения возникли уже в античности и предшествуют созданию нашего папируса. Довольно часто папирусные варианты отличаются от чтений самой ранней средневековой рукописи L, совпадая с чтениями позднейших рукописей (правильные варианты в ст. 516 и 525, ошибки в ст. 121 и 461), в ст. 528, напротив, папирус содержит то же правильное чтение, что и L, отличное от вариантов в других рукописях. Наконец, в нескольких случаях (ст. 294, 528, 417) папирус предлагает уникальный правильный вариант против всех средневековых рукописей. Из этого мы можем сделать вывод о том, что большинство разночтений, встречающихся в средневековых рукописях, возникли уже в античности и уже в античности эти варианты распределялись самым разным образом между разными рукописными традициями. Папирусы Софокла римского времени являются не более достоверным источником, чем позднейшие рукописи, и каждое их чтение нуждается в непредвзятом разборе. Но хотя эти папирусы не обладают особым текстологическим авторитетом, они, как и наиболее надежные из средневековых рукописей, могут порой сохранить правильный вариант, утраченный всей остальной рукописной традицией.

Литература / References

- Barrett, W. 2007: New Identifications in *P. Oxy.* 2180 (Sophocles, *Oedipus Tyrannus*). In: W. Barrett, *Greek Lyric, Tragedy and Textual Criticism. Collected Papers*. Assembled and edited by M. L. West. Oxford, 368–385.
- Battezzato, L. 2003: I viaggi dei testi. In: L. Battezzato (ed.), *Tradizione testuale e ricezione letteraria antica della tragedia greca. Atti del convegno Scuola Normale Superiore, Pisa 14–15 giugno 2002*. Amsterdam, 7–31.
- Brunck, R. (ed.) 1812: *Sophoclis tragoediae septem*. T. 1. Oxford.

⁷¹ См., например, Пое 1992.

- Campbell, L. (ed.) 1879: *Sophocles*. Vol. I. *Oedipus tyrannus, Oedipus Coloneus, Antigone*. 2nd ed. Oxford.
- Dale, A.M. (ed.) 1954: *Euripides: Alcestis*. Oxford.
- Dawe, R.D. (ed.) 1982: *Sophocles. Oedipus Rex*. Cambridge.
- Denniston, J.D. 1954: *The Greek Particles*. 2nd ed. Oxford.
- Dodds, E.R. (ed.) 1960: *Euripides Bacchae*. Oxford.
- Erfurdt, C.G.A. (ed.) 1823: *Sophocles. Oedipus Rex*. Editio secunda cum adnotationibus G. Hermanni. Leipzig.
- Finglass, P. 2011: Unpublished Conjectures on Sophocles by Jeremiah Markland. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 51, 232–238.
- Finglass, P. (ed.) 2018: *Sophocles. Oedipus the King*. Cambridge.
- Fraenkel, E. 1964: *Kleine Beiträge zur Klassischen Philologie*. T. 1–2. Roma.
- Gould, J. 2001: *Myth, Ritual, Memory, and Exchange. Essays in Greek Literature and Culture*. Oxford.
- Hamilton, R. 1978: Announced Entrances in Greek Tragedy. *Harvard Studies in Classical Philology* 82, 63–82.
- Heimsoeth, F. 1865: *Kritische Studien zu den griechischen Tragikern*. 1. Abteilung. Bonn.
- Herwerden, H. van 1862: *Exercitationes criticae in poeticis et prosaicis quibusdam Atticorum monumentis*. The Hague.
- Hourmouziades, N.C. 1965: *Production and Imagination in Euripides*. Athens.
- Jebb, R. (ed.) 1898: *Sophocles. The Philoctetes*. 2nd ed. Cambridge.
- Jebb, R. (ed.) 1900: *Sophocles. The Oedipus Coloneus*. 3rd ed. Cambridge.
- Jebb, R. (ed.) 1914: *Sophocles. The Oedipus Tyrannus*. 3rd ed. Cambridge.
- Kannicht, R. (ed.) 1969: *Euripides Helena*. Heidelberg.
- Kennedy, B.H. (ed.) 1885: *The Oedipus Tyrannus of Sophocles*. Cambridge–London.
- Kenyon, F. 1932: *Books and Readers in Ancient Greece and Rome*. Oxford.
- Kühner, R., Gerth, B. 1898–1904: *Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache*. 2. Teil. Satzlehre. Hannover–Leipzig.
- Lloyd-Jones, H. (ed.) 1994: *Sophocles*. Vol. I. Cambridge (MA)–London.
- Lloyd-Jones, H., Wilson, N.G. (eds.) 1990a: *Sophoclis fabulae*. Oxford.
- Lloyd-Jones, H., Wilson, N.G. 1990b: *Sophoclea. Studies on the Text of Sophocles*. Oxford.
- Mastronarde, D. 1979: *Contact and Discontinuity: Some Conventions of Speech and Action on the Greek Tragic Stage*. Berkeley.
- Merkelbach, R. 1954: Zwei Euripidesinterpretationen. *Rheinisches Museum* 97, 373–375.
- Nikolsky, B.M. 2021: [P. Oxy. 2180 and Sophocles' *Oedipus Tyrannus* 511–512]. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 25, 977–983.
- Никольский, Б.М. Папирус Р. Оху. 2180 и «Царь Эдип» Софокла 511–512. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 25, 977–983.
- Nikolsky, B.M. 2022: [P. Oxy. 2180 and the Text of Sophocles' *Oedipus Tyrannus*. Part I. Correct Readings]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 82/4, 840–855.
- Никольский, Б.М. Папирус Р. Оху. 2180 и текст «Царя Эдипа» Софокла. Часть I. Верные чтения. *ВДИ* 82/4, 840–855.
- Pearson, A.C. (ed.) 1924: *Sophocles. Fabulae*. Oxford.
- Pearson, A.C. 1929: Sophoclea II. *Classical Quarterly* 23, 87–95.
- Poe, J.P. 1992: Entrance-Announcements and Entrance-Speeches in Greek Tragedy. *Harvard Studies in Classical Philology* 94, 121–156.
- Reeve, M.D. 1970: Some Interpolations in Sophocles. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 11, 283–293.
- Renahan, R.F. 1992: Review Article on Lloyd-Jones, Wilson 1990a. *Classical Philology* 87, 335–375.
- Roberts, C.H. 1941: P. Oxy. 2180. In: E. Lobel, C.H. Roberts, E. P. Wegener (eds.), *The Oxyrhynchus Papyri*. Part XVIII. London, 103–109.
- Rose, H.J. 1943: Sophokles, *O.T.* 530–1. *Classical Review* 57, 5.
- Schneidewin, F.W. (Hrsg.) 1851: *Sophokles*. Bd. II. *Oedipus Tyrannus*. Leipzig.
- Schneidewin, F.W. (Hrsg.) 1856: *Sophokles*. Bd. II. *Oedipus Tyrannus*. 3. Aufl. besorgt von A. Nauck. Berlin.
- Taplin, O. 1971: Significant Actions in Sophocles' Philoctetes. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 12, 25–44.
- Taplin, O. 1977: *The Stagecraft of Aeschylus*. Oxford.
- Wunder, E. (ed.) 1840: *Sophocles. Oedipus Rex*. Gotha.

DOI: 10.31857/S032103910020593-5

«ПАРАГРАФЫ» МОТИВИРОВОЧНОЙ ЧАСТИ В ПОЧЕТНЫХ ДЕКРЕТАХ ОЛЬВИИ, ИСТРИИ, ОДЕССА И АПОЛЛОНИИ ПОНТИЙСКОЙ

Л. Г. Елисеева

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия;
Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия*

E-mail: liubovgeliseeva@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5448-6788

Чтобы показать последовательность событий в развитых мотивировочных формулах биографических почетных декретов, в особенности эллинистического времени, могли использоваться маркеры-рубрикаторы. Для нахождения таких рубрикаторов исследуются наиболее полно сохранившиеся почетные декреты из Ольвии, Истрии, Одесса и Аполлонии Понтийской. Предпринимается попытка определить принцип использования таких маркеров составителями государственных постановлений.

Ключевые слова: греческая эпиграфика, почетные декреты, Северное Причерноморье, Северо-Западное Причерноморье

SUBSECTIONS OF THE MOTIVATION CLAUSE IN HONORIFIC DECREES FROM OLBIA, ISTROS, ODESSOS AND APOLLONIA PONTICA

Liubov G. Eliseeva

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia*

E-mail: liubovgeliseeva@gmail.com

Данные об авторе. Любовь Григorieвна Елисеева — младший научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, преподаватель исторического факультета ГАУГН, участник научного коллектива по гранту РФФИ исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-09-00386 А «Ранг и статус в социальных и правовых системах древних обществ».

Автор хотел бы выразить благодарность за помощь при подготовке этой статьи Е.Н. Андреевой, А.В. Белоусову, А.В. Ивановой, А.И. Иванчику, Е.В. Ляпустиной и Е.И. Соломатиной.

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-09-00386 A

The article suggests that some kind of markers might have been used to show the sequence of events in extensive motivation clauses of biographical honorific decrees, especially from the Hellenistic period. In order to find such markers, the author analysed the better preserved honorary decrees from Olbia, Istros, Odessos and Apollonia Pontica. An attempt is made to determine how such markers were used by the authors of state resolutions.

Keywords: ancient Greek epigraphy, honorific decrees, the Northern Black Sea Region, the North-Western Black Sea Region

Изучение почетных декретов, в особенности биографических, т.е. подводивших своеобразный итог всей деятельности почтённого¹, ставит перед нами вопрос о том, каким образом их составители оформляли переход от одного пласта информации к другому внутри ретроспективного элемента мотивировочной части декрета², которая объясняла причины его принятия. Для пространственных биографических декретов характерно более или менее подробное перечисление различных благодеяний почтённого, будь то этапы государственной деятельности или иная помощь эвергета³. Текст государственных постановлений составлялся прежде, чем переносился на камень⁴, так что носитель мог не иметь особого влияния на текст надписи⁵. Именно поэтому способ, с помощью которого декрет оформлялся и структурировался, нужно искать в первую очередь внутри самого текста. Мы можем предположить, что в мотивировочной формуле таких декретов должны были использоваться маркеры или рубрикаторы, соединяющие одно благодеяние почтённого с другим, которые иногда можно интерпретировать как этапы деятельности эвергета, направленной на благополучие города. Нашей задачей не является простая констатация самого факта использования рубрикаторов: мы ставим перед собой цель выяснить, имелись ли у составителей декретов из разных полисов последовательные предпочтения в выборе тех или иных рубрикаторов, исследовать логику их использования внутри мотивировочной части декрета, то есть определить, какие благодеяния эвергетов и/или этапы их карьеры представлялось важным отделить от предыдущих и почему. Для этого мы рассмотрим элементы, которые могли использоваться

¹ См. Forster 2018. Среди биографических декретов следует различать прижизненные и посмертные декреты; см., например, Andreeva 2004, 98; Mack 2015, 49.

² Rhodes, Lewis 1997, 4–5; ср. von Hartel 1878, 4–6. Первый элемент запроса о принятии постановления, предложенного эйсегетами, посвящен перечислению заслуг почтённого. Второй элемент относится к будущему и может вводиться ἵνα или ὅπως; в нем говорится о том, чего гражданам полиса хотелось бы достичь принятием такого декрета (Mack 2015, 28).

³ В общих рассуждениях мы обозначаем термином «эвергет» и граждан, и неграждан полисов. При рассмотрении конкретных надписей эвергетом почтённого мы называем только тогда, когда так его обозначают составители декрета.

⁴ Kirk 2018, 30.

⁵ О графических разделителях, например, в греческих стихотворных надписях см. Garulli 2018.

в качестве маркеров-рубрикаторов в государственных декретах ионийских колоний Северного и Западного Причерноморья эллинистического времени (хронологические рамки исследования определяются состоянием наших источников — III—I вв. до н.э.)⁶.

Мы можем начать рассмотрение поставленного вопроса с самого известного эпиграфического памятника Ольвии, декрета в честь Протогена⁷, в котором относительно неплохо сохранилась мотивировочная часть. Ретроспективная часть запроса эйсегетов о постановлении начинается с ἐλπειδῆ (v. A2), содержит и информацию об отце Протогена (v. A2, τε), также проявившем большую расположенность к ольвиополитам, и неконкретные похвалы⁸ в адрес уже самого Протогена (v. A6, τε). Несмотря на большое количество дошедших до нас ольвийских декретов, самое их начало с формулой ἐλπειδῆ сохранилось лишь у некоторых: *IOSPE* I² 27 (без сопровождающего τε, однако мотивировочная часть этого проксенического декрета содержит лишь общие слова о благодеяниях гражданина Каллатиса, и необходимости в рубрикации нет), *I.Olbia* 26 (без сопровождающего τε, но и этот краткий проксенический декрет в честь жителя Херсонеса не требует маркеров перечисления); см. схожие надписи из Херсонеса (*IOSPE* I² 351⁹), Аполлонии Понтийской (*IGBulg* I² 389; 392), Месембрии (*IGBulg* I² 307bis), Одесса (*IGBulg* I² 41) и др. — все без сопровождающего τε после ἐλπειδῆ. Впрочем, эти надписи не являются длинными биографическими декретами. То, что ἐλπειδῆ не требует употребления τε сразу

⁶ О хронологическом распределении почетных декретов и *tituli honorarii* из милетских колоний на Черном море см. Halamus 2017, а также Rogusznik 2020. Изучение государственных надписей милетских колоний в сравнении друг с другом оправдано тем, что общность культурных традиций и схожесть политических институтов милетских колоний может быть объяснена их преемственностью от общей метрополии и/или общими ионийскими корнями, см. Ehrhardt 1983, 12. Ср., в частности, политические институты Ольвии и Истрии: Vinogradov 1997, 16–17; Ivantchik 2012, 121–130. Родство, вероятно, осознавалось и самими гражданами полисов региона; например, в декрете первой половины II в. до н.э. (*IGBulg* I² 388bis; *ISM* I 64) жители Аполлонии Понтийской называют истрийцев своими друзьями, родственниками и союзниками. Однако истоки такой дружбы, возможно, стоит искать скорее в конкретных, современных декрету событиях, чем в истории основания, так как, несмотря на родственные связи, отношения между Истрией и Аполлонией были в какой-то момент недружественными, так что потребовалось их восстановление (vv. 33–34; см. *Bull. ép.* 1961, 419; Chamoux 2002, 168–173). Идея о добрососедских отношениях между полисами встречается и в декретах в честь частных лиц, например, в тексте декрета из Одесса в честь выходца из Том говорится о том, что Артемон (или Апефон) происходил из родины сопредельной и родственной ([ἐκ] / πατρίδος ὅν ἀστυγείτονος / καὶ συγγενοῦς, *IGBulg* I² 43bis, vv. 4–6). См. также Curty 1995.

⁷ *Syll.*³ 495; *IOSPE* I² 32, III в. до н.э. См. о соединительных частицах в нем Struve 1867, 5–6; Latyshev 1896, 8.

⁸ Можно задаться вопросом, являются ли эти неконкретные похвалы данью литературной составляющей декрета или суммой подразумеваемых конкретных деяний почётного. В рамках этой работы мы можем принять, что такие похвалы общего характера воспринимались составителями декретов как один пласт информации, какой бы из выше указанных вариантов ни имелся в виду.

⁹ *IOSPE*³ III 5 (URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/3-5-ru.html>; дата обращения: 24.04.2022).

после него, подтверждают и более пространные декреты, например из Истрии (*ISM I* 12, III в. до н.э.; 15, ок. 200 г. до н.э.), Аполлонии Понтийской (сохранившаяся мотивировочная часть небиографического декрета рубежа II—I вв. до н.э.¹⁰), где к первому общему замечанию о благорасположенности к гражданам, вводимому без *τε*, дальше с помощью *τε* при необходимости присоединяются другие, более конкретные основания принятия декрета¹¹.

Таким образом, *ἐπειδὴ* всегда вводит ретроспективную часть мотивировочной части декрета, первый элемент которой не требует своего собственного *τε*. Представляется, что в ольвийском декрете в честь Протогена *ἐπειδὴ* также вводит ретроспективную часть мотивировочной формулы, где не изолированными, а повторяющимися частицами *τε*... *τε* (v. A2, A6) соединяются общие похвалы в адрес Протогена и его отца. После общих слов начинается перечисление конкретных действий Протогена на благо ольвиополитов. Так, Протоген помог им расплатиться с царем Сайтафарном (v. A9), причем это первое конкретное благодеяние вводится с помощью *καὶ πρῶτον*¹² — «и во-первых».

Дальше мы узнаем о других благодеяниях Протогена: выкуп священных сосудов (vv. A14—19, *τε* в v. A14); покупка вина архонтами во главе с Демоконтом (vv. A19—23, *τε* в v. A19). Обычно считается, что священной казной распоряжалась коллегия семи¹³, соответственно, священными сосудами должна была ведать именно она; тем не менее из этого декрета видно, что в критические моменты коллегия архонтов могла отстранять коллессию семи, так как именно архонты заложили эти сосуды.

Информация для больших биографических декретов могла собираться из протоколов предыдущих заседаний народного собрания. Можно сделать осторожное предположение, что упоминание здесь архонтов происходит из этих документов: они могли вынести этот вопрос на обсуждение народного собрания, а также могли

¹⁰ *IGBul* I² 390. См. также Damyanov 2019, 268—269, n° 319. Эсхрион, сын Посидиппа, был почтён за исполнение должности гимнасиарха, при этом мотивировочная формула содержит похвалу общего характера. Ср. первую часть почетного декрета из Том, описывающую благородные качества Нила из Тиры (*ISM II* 5, начало I в. до н.э.), которая не сопровождается *τε*; однако далее *τε* вводит продолжение этой общей характеристики, уточняя благорасположенность Нила как иностранца к жителям Том (v. 8). И только после этого приводится конкретная причина, по которой Нил был почтён жителями Том (v. 15).

¹¹ Ср., однако, 1) достаточно подробный самосский декрет в честь Булагора, сына Алексея: *ἐπειδὴ Βουλᾶγόρας ἔν τε τοῖς πρότερον χρόνοις κτλ.* (*IG XII,6* 1, 11, vv. 5—20), где, несмотря на наличие *ἐπειδὴ*, как полагает К.А. Гарбрах, используется и *τε* для первого обоснования дарования почестей, оно используется и далее (vv. 20—23; 23—25; 25—36; 36—49; 49—52; см. Garbrah 1993, 192—194); 2) пространный декрет афинской клерухии на Делосе в честь Евбула из Марафона: *ἐπειδὴ Εὐβούλος Δημητρίου Μαραθώνιος / ἔν τε ταῖς ἀρχαῖς κτλ.* (Michel 163; *ID* 1498, vv. 5—6; см. Garbrah 1993, 198), где *τε* используется и после *ἐπειδὴ*, и далее (vv. 8—14; 14—16; 17—22).

¹² Ср. *πρῶτον* в декрете в честь Антестерия (v. 7, *SEG* 34, 758 = Vinogradov 1984, 51—80, Ольвия, третья четверть III в. до н.э.). О постановке *καὶ* на первом месте см. Trenkner 1960.

¹³ Latyshev 1887, 288; Blavatskaya 1948, 57—58.

быть упомянуты в его постановлении как будущие исполнители постановления. Поскольку ответственность за покупку вина также была возложена на архонтов, можно полагать, что они должны были отчитаться перед народным собранием и за выполнение этого задания. Тот факт, что здесь упомянут глава архонтов, несмотря на обычный для почетных декретов фокус на благодетеле полиса, может являться отголоском этой подотчетности, стандартной для греческих полисов. Отчеты были необходимы для проверки исполнения постановлений народного собрания, но прежде всего для контроля за использованием общественных денежных средств. Вероятно, магистраты отчитывались о потраченных средствах не только после сложения своих полномочий, но и во время исполнения своей должности¹⁴.

Во время голода, который случился при жреце Гиеродоре¹⁵, Протоген снова поддержал ольвиополитов (vv. A23–32, *тэ* в v. A23). В тот же год (v. A32, *тэ*) он снова помог ольвиополитам с выплатой денежных средств сайям. После этого его избрали в коллегию девяти (v. A38, *тэ*). Упоминание о снаряжении посольства к царю выделяется с помощью еще одной частицы *тэ* (v. A45). Еще одна датировка по жрецу-эпониму сопровождает другой эпизод с нехваткой хлеба в городе (v. A58–82, *тэ* в v. A58)¹⁶.

Текст на первой стороне обрывается на посольстве Протогена к царю Сайтафарну с дарами (v. A82), причем составители декрета относят к этому пункту и то, что Протоген предоставил средства на покупку даров, и то, что сам в это посольство и отправился. Вторая сторона начинается с рассказа о плачевном состоянии фортификаций Ольвии, что было особенно опасно при надвигающейся военной угрозе, причем маркера-рубрикатора на следующей стороне сразу мы не видим. Составители текста описывают и процесс поиска подрядчиков на выполнение работ по строительству стен, и организацию выполнения этих работ самим Протогеном, а также ремонт судов, использовавшихся для подвоза материала. Последний известный нам этап жизни Протогена связан с управлением казной и государственным хозяйством (v. B64, *тэ*), на каковой должности он пробыл три года.

Таким образом, в декрете в качестве рубрикатора, маркирующего переход от одного пласта информации к другому, выступает изолированная частица *тэ* на втором месте в предложении. Наличие датировок по одному и тому же жрецу Гиеродору в двух разных эпизодах, разделенных частицей *тэ*, показывает, что

¹⁴ Fröhlich 2004, 251–254, 264. Публикация архивов была бы скорее связана с экстраординарными обстоятельствами (Migeotte 1984, 358–359), поэтому обычно мы имеем дело как раз со следами таких проверок.

¹⁵ В это время эпонимными магистратами в Ольвии были жрецы Аполлона (Karyshkovsky 1978, 82–88; Nawotka 2014, 37–38). Обычно датировочные формулы ольвийских декретов III–II вв. до н.э. содержали информацию об эпониме, месяце и дне заседания, об эпониме и дне или только о дне (Vinogradov, Rusyaeva 1980, 40).

¹⁶ Подробное описание уплаченных Протогеном средств, отказа от процентов и способа их возврата городом, которое призвано продемонстрировать благородство Протогена, подтверждает влияние архивных протоколов на составителей пространственных биографических декретов: речь идет уже о совершившихся событиях, но в декрете все равно указана информация, в принципе относящаяся к изначальному контракту (примеры контрактов см. Migeotte 1984, n° 49–54, между 325 и 275 гг. до н.э.).

принцип, по которому одно благодеяние отделялось от другого, не был хронологическим. С помощью частиц присоединяются причины оказания почестей, соответствующие разным эпизодам эвергетической деятельности почётного, а не следующие друг за другом хронологически события. Рассмотрим, какое значение может иметь одиночное *те* на второй позиции в предложении в нарративных источниках и в эпиграфических памятниках других регионов¹⁷.

Частица *те* в такой функции, хотя используется в прозе редко, соединяет большие единицы информации¹⁸, располагаясь после первого из соединяемых членов. Она придает дополнительный оттенок значению фразы, но ее можно устранить без разрушения смысла фразы; очевидно, что ее добавление является сознательным¹⁹. Примеры однократного использования частицы *те* для связи отдельных периодов встречаются в прозе не так часто, как у поэтов, но совсем не редки в ней, в частности, засвидетельствованы у Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Платона, Лисия, Демосфена²⁰. Для наших целей интерес представляют не все случаи использования частицы *те*²¹, а те, где она используется в контекстах, сравнимых с почетными надписями. К ним относятся надгробные речи, схожие с почетными декретами в том, что похвала усопшему — первая и неотъемлемая часть такой речи. В основе почетных декретов лежат протоколы заседаний народного собрания, поэтому в них могут сохраняться особенности, свойственные устной речи²², а авторы литературных текстов, в частности Фукидид, также могли опираться на

¹⁷ Частицы проявляют свое значение в определенных сочетаниях и позициях, а не сами по себе, см. Bonifazi et al. 2016.

¹⁸ Denniston 1954, 498.

¹⁹ Ruijgh 1971, 1, 4, 6.

²⁰ TGL s.v. (col. 1910–1917); Denniston 1954, 497.

²¹ Можно отметить, что у Фукидида частица *те* вводит подытоживающую фразу (Denniston 1954, 500). У Геродота, помимо достаточно очевидного присоединения небольших информационных объемов (например, через *те* соединяются упоминания побежденных противников Алиатта — Hdt. I. 16), частица *те* может вводить уточнения. Например, к описанию подвига и славной смерти братьев Клеобиса и Битона добавляется пояснение, что божество особо показало, что умереть для человека лучше, чем жить (I. 31). Таким же образом вводится уточнение о том, что Деиок снискал уважение как справедливый судья не только в своем селе, но и в соседних (I. 96). У Платона, как и у Фукидида, *те* используется для добавления либо отдельных слов, либо нового аргумента и/или признака как дополнительного (Hoefer 1882, 7). В «Федре» после рассуждений о том, что влюбленный, ратуящий прежде всего за собственное благо, будет в силу своей испорченности ограничивать своего возлюбленного в общении ко всему разумному, с помощью *те* вводится дополнительное замечание о том, что такой влюбленный пойдет и на многие другие ухищрения ради своей цели (Phaedr. 239b). Далее, к «подытоживающему» *те* οὐν (Denniston 1954, 441, ср. Ti. 20c, а также Thus. II. 16. 1), когда Сократ говорит о том, что Эрот в речах был представлен как нечто злое и именно в этом заключается провинность перед Эротом, с помощью *те* добавляется еще одноотягающее обстоятельство, а именно, что эти речи были наполнены напыщенными глупостями ради привлечения общего внимания (Phaedr. 242e–243a).

²² Klaffenbach 1969, 71.

устные выступления²³. Обычно похвала строится на описании свойств, определенных происхождением и воспитанием восхваляемого, а также на перечислении его выдающихся поступков²⁴. В рамках устоявшейся традиции²⁵ мы обратимся к «хвалебным» частям надгробных речей Перикла у Фукидида, в «Менексене» Платона, во второй речи Лисия, в эпитафиях Псевдо-Демосфена и Гиперида.

Перикл у Фукидида в надгробной речи²⁶ перечисляет заслуги афинян, добавляя все новые примеры доблести и дарований, сначала прославляя предков (πρότων — II. 36. 1)²⁷. Затем Перикл говорит об отцах нынешнего поколения, присоединяя новый блок с помощью τε (II. 36. 2), причем двойное καί соединяет ἐκείνοι и οἱ πατέρες, что подтверждается постановкой καί на первое место в предложении²⁸, таким образом, τε соединяет достославные деяния предков (II. 36. 1) и отцов (36. 2), т.е. два отдельных пласта информации. Наконец, современники Перикла еще больше заслуживают похвалы (δὲ — II. 36. 3, еще одна частица, использующаяся для присоединения информации²⁹). Использование частицы τε в качестве важного рубрикатора подтверждается и далее: речь идет сначала об увлечении прекрасным и занятиях философией, затем о богатстве и трудолюбии, наконец, о занятиях общественными и частными делами (τε... τε... τε... — II. 40. 1–2)³⁰. В «Менексене» Платон начинает похвальную часть своей имитации³¹ надгробной речи с происхождения и родины павших (δέ... πρότων; *Menex.* 237b). При этом Платон пользуется здесь частицей δέ главным образом для последовательного объединения разнообразных пластов информации в цепь доказательств³²: он особо отмечает, что родина достойна того, чтобы ее хвалили (δὲ; 237c), причем доказательства этого он также присоединяет с помощью δέ (237c–d). С помощью δέ делается дальнейший переход и к рассказу о политическом устройстве (238b), с помощью этой же частицы в дальнейшем вводится уточнение, что оно строится на равенстве по рождению (238e). Во второй, «надгробной», речи Лисия предпочтение также отдается другим частицам: так, перечисление причин, по которым предки афинян сражались за справедливость, он начинает с τε ὅτι (так как начало их жизни само было справедливо; *Lys.* 2. 17), затем добавляет с помощью δέ тот факт, что они первыми и единственными избавились от царей и установили демократию (2. 18). Надгробная речь, приписываемая Демосфену, также прежде всего опирается на другие частицы: похвала начинается с демонстрируемых еще с детства прекрасных качеств (οἷδε ὅτι, *Dem.* 60. 16), а расцвет этих качеств

²³ См., например, Schmid, Stählin 1948, 161–162.

²⁴ Méridier 1956, 59, 66.

²⁵ Méridier 1956, 58; Gernet, Bizos 1924, 41.

²⁶ О соответствии реальным событиям и жанру погребальной речи см. Ziolkowski 1981; Bosworth 2000, 1–16.

²⁷ Ожидалось бы более пространное перечисление заслуг предков, однако Перикл Фукидида большую часть своей речи посвятил своим современникам (Kierdorf 1985, 273).

²⁸ Denniston 1954, 325.

²⁹ Противопоставление, которое мы обычно ассоциируем с предложениями, вводимыми через δέ, проистекает не из значения самой частицы, а из контекста (Bonifazi et al. 2016).

³⁰ См. Rusten 1985, 14–19.

³¹ Gernet, Bizos 1924, 41.

³² Astius 1969, 420–421.

пришелся на пору опасности для греков (καὶ γάρ; 60. 18). Гиперид, рассуждая, с чего начать свою речь над павшими в Ламийской войне (πρῶτον, Нур. 6. 6), переходит к разговору о Леосфене (γάρ, 6. 10), перечисляя же подвиги военачальника, оратор пользуется в основном сочетанием μέν... δέ либо просто δέ. Отметим также, что в афинских почетных декретах для соединения упоминаний о различных благодеяниях используется καὶ и δέ, в том числе вместе с формулой τὰ μὲν ἄλλα καθάπερ τῇ βουλῇ³³. Сходным образом в херсонесских декретах, например в честь Диофанта³⁴, изложение причин оказания почестей начинается, как в декрете в честь Протогена и в афинских декретах, с ἐπειδὴ, затем продолжается с помощью δέ (v. A5, A7, A9, A12, A15, A20). В том же декрете присутствует и частица τε (v. B32): с нее начинается описание восстания Савмака, детали которого присоединяются уже с помощью δέ. Второй раз τε используется для того, чтобы начать разговор о посольствах (v. B44).

Приведенные примеры показывают, что на второй позиции одиночное использование частиц — в основном, τε³⁵ и δέ³⁶ — помогает соединять пласты информации. Частицы отмечают и внутреннее членение, то есть вводят новый большой пласт информации внутри текста и соединяют аргументы внутри каждого сегмента, то есть вводят дополнительный аргумент к уже существующему, более крупному пункту³⁷.

³³ Например: 1) декрет в честь Гераклида из Саламина на Кипре (325/4 гг. до н.э.; *IG II³, 1367 (IV)*, vv. 67–72, см. также De Martinis 2021, 49–82: ἐπειδὴ Ἡρακλείδης Σαλαμίνιος... ἐπ' Ἀριστοφῶντος ἄρχοντος ἐπέδωκεν τῷ δήμῳ XXX μεδίμνους Γ δραχμὰς... καὶ πάλιν ἐπ' Εὐθυκρίτου ἄρχοντος ἐπέδωκεν τῷ <δήμῳ> εἰς σιτωνίαν XXX δραχμὰς — «так как Гераклид из Саламина... при архонте Аристофонте дал народу 3000 медимнов по пять драхм... и затем при архонте Евтикрите дал народу на покупку хлеба 3000 драхм»); 2) декрет в честь Филиппида (283/282 гг. до н.э.; *IG II³, 1877*; τε встречается единственный раз и соединяет общую похвалу и упоминание его предыдущего посольства к царю Лисимаху, v. 11); 3) декрет в честь Каллия (270/269 гг. до н.э.; *IG II³, 1911*); 4) декрет афинской клерухии на Делосе в честь Евбула из Марафона (Michel 163), 148/147 гг. до н.э., где после ἐπειδὴ... τε, вводящих общую мотивировочную часть и, одновременно, первую общую похвалу, дальше с помощью τε говорится о его избрании архитеором на Панафинеях, v. 8; сведения об исполнении обязанностей посла во многих обстоятельствах предваряет еще одна τε, v. 14; и еще одна частица связана с рассказом о его жреческих обязанностях, v. 17 (см. прим. 11). В некоторых почетных декретах щедрость почётенного могла быть упомянута дважды: и в запросе о постановлении, и в самом решении. См. Migeotte 1984, 123.

³⁴ Ок. 110 г. до н.э.; *IOSPE I² 352*; *IOSPE³ III 8* (URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/3.8-ru.html>; дата обращения: 24.04.2022).

³⁵ В частности, подытоживающее τε (Hdt. I. 112) и достаточно очевидное присоединение с помощью τε таких небольших информационных объемов, как характеристики и определения объекта. Например, характеристики возлюбленного, который мог бы заинтересовать человека, думающего в первую очередь о себе: он был бы сведуш в неподобающем мужу образе жизни, увлекался неподобающими украшениями, а также (τε) прочими подобными вещами (*Phaedr.* 239d); с помощью повторяющегося τε описывается поле истины (248b–c).

³⁶ Например, δέ у Платона и Лисия (см. выше), Фукидида (II. 36.3) и Геродота (I. 35).

³⁷ Речь только об изолированной частице τε; она может использоваться и в сочетании, например, с καὶ в значении «и... и...»: Агафокл из Истрии охотно предоставлял себя в полное распоряжение истрийцам «ἐν τε ταῖς ἀρχαῖς κα[ὶ] / ταῖς ἐπιμελείαις καὶ συνδρεῖαις» (*ISM I 15*, vv. 6–7).

Возвращаясь к ольвийскому декрету в честь Протогена, напомним, что, согласно нашей гипотезе о маркерах-рубрикаторах в виде изолированной частицы $\tau\epsilon$ на второй позиции в предложении, его мотивировочная часть, после общих похвал его отцу и ему самому, а также после первого конкретного благодеяния (требования царя Сайтафарна, vv. A9–13), была разделена на следующие блоки: во-первых, выкуп священных сосудов (vv. A14–19); во-вторых, закупка вина (vv. A19–23); в-третьих, заготовка хлебных запасов (vv. A23–32); в-четвертых, дары сайям (vv. A33–38); в-пятых, разрешение проблемы со скиптоносцами в составе коллегии девяти, подготовка даров царю (vv. A38–44); в-шестых, организация посольства к царю (vv. A45–58); в-седьмых, еще одна закупка хлеба (vv. A58–82); в-восьмых, организация посольства к Сайтафарну (v. A82 — окончание не сохранилось); в-девятых, устройство укреплений Ольвии (начало этого эпизода не сохранилось, продолжается он до v. B64); в-десятых, управление казной и общим хозяйством (v. B64, окончание не сохранилось).

Рассмотрим другие пространные биографические декреты из ионийских колоний Западного Причерноморья эллинистического времени, для того чтобы выяснить, является ли последовательное употребление изолированной частицы $\tau\epsilon$, как в ольвийском декрете в честь Протогена, особенностью декретов ионийских колоний, можно ли его однозначно интерпретировать как маркер-рубрикатор и почему благодеяния почтенных делились именно на такие рубрики.

Составители истрийского декрета в честь Мениска³⁸, как и составители декрета в честь Протогена, предпочли не отделять первые похвалы общего характера с помощью $\tau\epsilon$, ограничившись лишь $\epsilon\lambda\epsilon\iota\delta\acute{\iota}$ для мотивировочной формулы (v. 3). Далее повествуется о том, как, исполняя роль гиппарха, Мениск защищал имущество граждан (vv. 10–13, $\tau\epsilon$ в десятой строке). Следующее $\tau\epsilon$ появляется совсем рядом (v. 14): после³⁹ Мениск отправляется в путь по недружественным землям уже как посол к скирам, во главе которых стоял Атес (v. 14–17). Еще одно $\tau\epsilon$ мы встречаем, когда скиры замыслили недоброе против Истрии, однако их заговор обнаружил Мениск и успел рассказать о нем истрийцам (v. 17–20, $\tau\epsilon$ в v. 18). К сожалению, текст декрета в честь Мениска сохранился не слишком хорошо, и с уверенностью говорить о дальнейшем употреблении $\tau\epsilon$ в нем мы не можем. Предположим, что маркер-рубрикатор $\tau\epsilon$ используется для отделения различных причин для оказания почестей; тогда в декрете в честь Мениска составителями текста маркируются следующие этапы: во-первых, деятельность в должности гиппарха (vv. 10–13); во-вторых, посольство к варварам (vv. 14–17); в-третьих, раскрытие недобрых замыслов скиров (vv. 17–20). Об этих замыслах Мениску могло стать известно или после того, как посольство было завершено, или во время посольства. Если эпизоды деятельности Мениска перечисляются не в хронологическом порядке, как и в ольвийском декрете в честь Протогена, то второе предположение вполне возможно. Тогда последний аргумент в пользу оказания почестей Мениску может оказаться уточнением к более крупному пласту информации, посвященному переговорам с варварами.

³⁸ SEG 52, 724 (Milčev 2002, 280–284); Avram 2015, 1–50; 2020, 554–555. Около 200 г. до н.э.

³⁹ А. Аврам полагает, что $\rho\acute{\alpha}\lambda\iota\nu$ здесь означает «на втором этапе» («après cela», «dans un deuxième temps»), а не «à nouveau» (Avram 2015, 42).

Фактически современен предыдущему документу истрийский декрет в честь Агафокла, сына Антифила⁴⁰. После первой обобщающей фразы о благодеяниях почётного в самом начале мотивировочной формулы с ἐπειδή (v. 3) начинается перечисление конкретных благодеяний Агафокла. Сначала говорится об угрозе со стороны фракийцев, во время которой Агафокл был избран токсархом и набрал наемников, обеспечив защиту во время сбора урожая (vv. 8–14, τε в v. 8). Следующий эпизод связан с дипломатической миссией: он был выбран послом к фракийцам (v. 14–25; τε в четырнадцатой строке); причем миссия была выполнена успешно (v. 19⁴¹). Агафокл избирается послом еще раз, во время нападений на хору и осады Визоны⁴² (vv. 27–28), и второе его избрание и, соответственно, новая дипломатическая миссия не сопровождаются τε, хотя для второй миссии ему было выдано отдельное наставление от народного собрания (v. 29), а кроме того, речь здесь снова идет о сборе урожая, которому угрожают фракийцы. Отметим эту особенность для обсуждения хронологического принципа для использования частицы τε. С момента предыдущего избрания послом прошел год, однако составители декрета, если мы придерживаемся гипотезы о τε-рубриках, как будто воспринимают обе дипломатические миссии Агафокла как единое целое (см. выше датировочные формулы с одним и тем же жрецом в декрете в честь Протогена, v. A23 и vv. A32–33, который в один год оказал помощь городу в разных сферах – в этом случае его благодеяния перечислены с помощью частицы τε). Вторая миссия также была выполнена успешно (v. 30), и, возможно, именно с достижением договоренностей с фракийцами связано первое именование фракийского вождя Золта архонтом⁴³. Упоминание третьего избрания Агафокла послом (v. 34), целью которого было обновить достигнутые ранее соглашения, также не отделяется с помощью τε. Несмотря на предпринятую попытку, фракийцы договоренности нарушили (v. 40) и готовились совершить набег. Народ Истрии в этой ситуации избрал Агафокла στρα[τη]γὸς ἐπὶ τῆς [χώ]ρας [αὐ]τοκράτωρ (vv. 41–42)⁴⁴, частица τε опять отсутствует. Новая частица τε появляется только в сорок шестой

⁴⁰ ISM I 15, ок. 200 г. до н.э. См. также Pippidi 1975, *passim*; Garbrah 1993, 198–200.

⁴¹ Pippidi 1975, 36.

⁴² Duridanov 1990, 139. См. SEG 40, 565.

⁴³ Д.М. Пиппиди считает, что эта группа фракийцев во главе с Золтом представляет собой организацию политическую и военную, так как сама группа названа στρατόλεδον (vv. 28–29), а Золт – ἄρχων (v. 35; 56), так как, вероятно, у него не было права называться βασιλεύς (Pippidi 1975, 45–46). Стоит, однако, отметить, что Золт называется архонтом только в двух случаях. Впервые – когда Агафокл отправился к нему обновить до этого заключенные договоренности ([πά]/λιν δὲ αἰρεθεὶς πρ[ε]ζ-[β]ευτῆς εἰς τὴν Θράκην καὶ πρὸς] / [τὸ]ν ἄρχοντα αὐτῶν Ζ[ολ]τη[ν], vv. 33–35; предыдущие договоренности были также достигнуты Агафоклом, и при описании этих событий Золт архонтом не называется, vv. 30–31). Далее же Золт перестает называться архонтом (v. 37–38), возможно, потому что договоренности были фракийцами нарушены (vv. 40–41), вплоть до восстановленного «титула» в vv. 56–57. Сходное отношение к варварским «титулам» прослеживается в декретах в честь Мениска и Протогена, упомянутых выше.

⁴⁴ По мнению Д.М. Пиппиди, это была не ordinaria магистратура, так как Агафокл был избран всем народом, кроме того, лично рекрутировал желавших воевать граждан (Pippidi 1975, 59–60).

строке: новый этап связан с царем Ремаксом, его сыном и новыми посольствами Агафокла, целью которых было добиться помощи от них в противостоянии с фракийцами. На этом, к сожалению, декрет обрывается.

Если мы предполагаем, что маркер-рубрикатор использовался в надписях последовательно, то в декрете в честь Агафокла частица *τε* используется для маркировки, во-первых, исполнения обязанностей токсарха и борьбы с фракийскими пиратами, во-вторых, дипломатической и военной карьеры (две успешные миссии к фракийцам во главе с Золтом, vv. 14–25 и 25–33; третье посольство к фракийцам для обновления соглашения, vv. 33–39; избрание Агафокла стратегом с полной властью до прибытия царя Ремакса, vv. 40–46), в-третьих, посольства к царю Ремаксу и его сыну (vv. 46–55). В таком случае мы имеем дело с чрезвычайно большим пластом информации, посвященным отношениям с фракийцам (vv. 14–46). Внутри него есть такие связующие элементы: *μετὰ δὲ ταῦτα* (v. 25), когда речь идет о втором посольстве и осаде Визоны (vv. 25–33); *δὲ* (v. 34), когда речь идет о третьем посольстве к фракийцам (vv. 33–39); *σнова δὲ* (v. 40), когда говорится о готовящемся набеге фракийцев и об избрании Агафокла стратегом (vv. 40–46). После *δὲ* (v. 51) встречается, когда говорится о посольстве Агафокла к сыну царя (vv. 51–55). К.А. Гарбрах предлагает выделить описываемое в строках 25–33, 33–39, 40–46, 51–55 в отдельные этапы⁴⁵, так как эти этапы эвергетической деятельности Агафокла вводятся с помощью изолированного *δέ* на второй позиции. Он понимает эту частицу как равнозначный *τε* маркер и полагает, что одновременное использование двух частиц свидетельствует о переходе от употребления частицы *τε* к употреблению частицы *δέ*⁴⁶. Как мы увидим далее, современные этой и более поздние истрийские надписи, а также декреты из других милетских колоний такого смешения всё же не показывают⁴⁷.

Против такого членения можно привести еще и следующий аргумент. В ольвийском декрете в честь Протогена также есть большой пласт информации, записанный на второй стороне стелы и посвященный подготовке города к возможным военным столкновениям: к обещанию Протогена восстановить обе стены (vv. B29–30) с помощью *δέ* (v. B37) присоединяются сведения о том, что он сам и произвел работы, и сберег деньги города (*δέ* в v. B40); восстановил башни (*δέ* в v. B44); восстановил место для хранения зерна (*δέ* в v. B47) и построил пилон (*δέ* в v. B48); подготовил суда для подвозки камней (*δέ* в v. B49), за что был увенчан благодарными согражданами; наконец, достроил укрепления города (*δέ* в v. B57). Подробности этих приготовлений перечисляются с помощью *δέ* на втором месте в предложении. Однако можно предположить, что частица *δέ* соединяет конкретные действия в один большой блок информации, тогда как частица *τε* маркирует переход

⁴⁵ Garbrah 1993, 199–200.

⁴⁶ В качестве примера см. Garbrah 1993, 195, *SEG* 18, 570 – Аракса, Ликия, 180–120 гг. до н.э.

⁴⁷ 1) Истрийский декрет в честь Мениска, ок. 200 г. до н.э., *SEG* 52, 724, см. выше; 2) истрийский декрет в честь Аристагора, *ISM* I 54, вторая половина I в. до н.э., см. далее; 3) ольвийский декрет в честь Протогена, *IOSPE* I² 32, III в. до н.э., см. выше; 4) декрет из Аполлонии Понтийской в честь жителей Истрии, *ISM* I 64, *IGBulg* I² 388bis, II в. до н.э., см. далее.

от одного блока к другому. Составители декрета в честь Агафокла вполне могли включить все злоключения с фракийцами в один блок, так как в конце концов они сводились к одной из нескольких причин для оказания почестей Агафоклу.

Мотивировочная часть декрета в честь жителей Истрии, принятого Аполлони-ей Понтийской (первая половина II в. до н.э.)⁴⁸, начинается, как обычно, с ἐπειδὴ (v. 2) и сообщения о том, что, когда месембрийцы напали без объявления войны на территорию Аполлонии, осквернили храм Аполлона, из-за чего сам город был в большой опасности, истрийцы, осознавая родство и дружбу двух городов, прислали военную помощь во главе с Гегесаром, сыном Мони-ма, который вместе с союзниками освободил и полис, и хору, и гавани (vv. 2–14). Составители декрета вы-делили с помощью τε (v. 14) осаду крепости в Анхиале, которую помогли занять военные силы во главе с тем же Гегесаром (vv. 14–19). Поскольку, как мы уже ви-дели, хронологический принцип не лежал в основе структуры декретов и исполь-зования в них частицы τε, можно предположить, что эпизод с крепостью в Анхиале был частью кампании Гегесара и выделен особо, вероятно, в силу своей важности. Следующий этап начинается с τε в девятнадцатой строке, где повествуется о хра-брости и равном успехе предприятий Гегесара на море и на суше (vv. 19–28). Таким образом, составители декрета в честь жителей Истрии выделяют три эпизода: по-сле сообщения о военной помощи истрийцев во главе с Гегесаром, сыном Мони-ма (vv. 2–14), причем особо отмечается осада крепости в Анхиале (vv. 14–19), рас-сказывается о дальнейшем продолжении военной кампании Гегесара (vv. 19–28)⁴⁹.

В качестве дополнительных примеров из более фрагментарных надписей хотелось бы привести следующие. От декрета в честь безымянного гимнасиарха из Одесса⁵⁰ сохранилась только середина мотивировочной части. Судя по этой части, состави-тели декрета аккуратно отмечали каждое благодеяние, что могло совпадать с отдель-ным этапом деятельности почтённого. Сначала (vv. 20–26) мы узнаем о проведенных соревнованиях в честь Гермеса и Геракла и связанного, вероятно, с этими событи-ями праздника. Затем сообщается о строительстве стен, за которым присматривал почтённый и после отчитался о своей деятельности (vv. 26–32; τε восстанавливает-ся в двадцать шестой строке). Можно предположить, что затем шло дальнейшее пе-речисление заслуг благодетеля. В декрете в честь Дионисия, сына Струтиона⁵¹, из Истрии сохранился только последний пункт перечисления благодеяний, который

⁴⁸ *ISM* I 64; *IGBulg* I² 388bis; см. *Bull. ép.* 1961, 419.

⁴⁹ Самое начало декрета — ἐπειδὴ συμβέβηκεν τὴν τε πέραν [χώρα]/ραν (—) Μεσημβριαῶν πόλεμον ἀνελπάγγελτον / ἡμῖν ἐξενεγκάγτων καὶ πολλὰ καὶ μεγάλα ἄσε/[β]ησάντων εἰς τὸ ἱερὸν τοῦ Ἀπόλλωνος καὶ εἰς / τοὺς ἐσχάτους κινδύνους ἀγαγόντων τὴν πόλιν, vv. 2–6 (Г. Ми-хайлов отмечает, что «post [χώρα]/ραν quadratarius quaedam non incidisse manifestus est» — *IGBulg* I² 388bis, P. 352) — было предложено восстанавливать иначе: συμβέβηκεν τὴν τε πέραν [χώρα]/ραν (καὶ τὸ φρούριον τὸ ἐν Ἀγχιάλῳ κατεσχῆσθαι ὑπὸ Μεσημβριανῶν πόλεμον ἀνελπάγγελτον / ἡμῖν ἐξενεγκάγτων κτλ., причем осада Анхиала, упоминание которой со-хранилось в строках 14–19, рассматривается как повторная (*Bull. ép.* 1961, 419. См. также Chamoux 2002, 169). Вполне возможно, что это объясняет особое внимание к освобожде-нию форта в Анхиале в строках 14–19, подчеркнутое использованием частицы τε.

⁵⁰ *IGBulg* I² 45, I в. до н.э. — I в. н.э.

⁵¹ *ISM* I 19, III в. до н.э.

вводился с помощью τε (v. 3). В декрете в честь Диогена, сына Диогена⁵², стратега Митридата VI Евпатора, мы с уверенностью можем говорить только о двух сохранившихся τε. В девятой строке τε вводит первый конкретный пример благодеяния Диогена⁵³, а в конце мотивировочной части — обобщающую фразу о том, что почтённый пообещал всегда приходить на помощь народу Истрии (v. 38).

Большой интерес представляет также истрийский декрет в честь Аристагора, сына Апатурия⁵⁴, который Д.М. Пиппиди датирует серединой I в. до н.э.⁵⁵ Первая часть мотивировочной части постановления, предложенного эйсегетами, начинается, как обычно, с ἐπειδὴ (v. 3). Тут же сообщается о том, что отец и предки Аристагора были эвергетами и жрецами, а также о его намерении идти по их стопам⁵⁶, а именно говорится о его возвращении в город и назначении строителем стен, о том, как он организовал возвращение граждан в город, в том числе подготовив для некоторых выкуп, и как справился с варварами, занимавшими землю (vv. 3—16), — без τε⁵⁷. Частица τε встречается только в шестнадцатой строке, где отмечается, что Аристагор при этом равно действовал в пользу и граждан, и иностранцев. Таким образом, здесь τε вводит уточнение. Подобную картину мы уже видели в истрийском декрете в честь Мениска⁵⁸, а также в аполлонийском декрете в честь жителей Истрии⁵⁹. Далее начинается описание нового эпизода жизни Аристагора (v. 18, τε), ставшего сначала жрецом Зевса Хранителя города (v. 19—20), а затем — жрецом Аполлона в первый раз (v. 21). Затем мы встречаемся с еще одной частицей τε, причем для помощи в ориентации во времени добавляется указание на то, сколько прошло лет («и опять по прошествии трех лет», πάλιν τε ... μετὰ ἑτὶ τρία, v. 26; ср. πάλιν τ' ἐπὶ Πλειστάρχῳ(v) в декрете в честь Протогена, v. A58), за которым следует рассказ о том, как он вновь стал жрецом Аполлона Иетроса. Вероятно, он стал жрецом Аполлона в третий раз на следующий год, так как эта должность вводится только с помощью τὸ τρίτον, без уточнения, сколько прошло времени (v. 31). Наконец, Аристагор становится жрецом в четвертый раз

⁵² Истрия, 90/89 гг. до н.э.; *SEG* 47, 1125; 56, 845; ср. *ISM* I 45.

⁵³ Отметим вака́т в девятой строке перед частицей τε.

⁵⁴ *ISM* I 54; *Syll.*³ 708.

⁵⁵ См. также Alexandrescu 2007, 211—219.

⁵⁶ Хотя отсылки к предкам-благодетелям города в надписях IV и III в. до н.э. редки и сводятся скорее к указаниям на их особые деяния, а не на переходящие по наследству положительные качества (Kleijwegt 1994, 66), в мотивировочной части почетных декретов, особенно в честь граждан, нередко упоминается происхождение и становление почтённого (см. особенности погребальных речей, рассмотренных выше). Упоминание родителей характерно и для декретов в честь иностранцев, хотя иногда оно объясняется вполне конкретными обстоятельствами (например, благодеяния сыновей херсонесита Аполлония непосредственно связаны с деятельностью их отца; *I.Olbia* 28+29+123+*IOSPE* I² 240; Karyshkovsky 1969, 114; *SEG* 39, 702 — Yaylenko 1989, 252—268, vv. 5—6).

⁵⁷ ἐπειδὴ Ἀρι/σταγόρας Ἀλατουρίου, πατὴρ δὲ γεγὼνὸς ἀγαθοῦ καὶ προγόνων εὖ ἐργετῶν καὶ ἱερημένων τῶν θεῶν πάντων, καὶ αὐτὸς στοιχεῖν βουλόμενος καὶ τοῖς ἐκείνων ἵχνεσιν ἐπιβαίνειν, κατελθὼν εἰς τὴν πατρίδα μετὰ τὴν κατασχοῦσαν τὴν πόλιν περίστασιν, κτλ (vv. 3—7).

⁵⁸ *SEG* 52, 724. Ср. *IGBulg* I² 13, Дионисополь, ок. 48 г. до н.э., где τε в 32 строке уточняет общие замечания о посольствах, устроенных почтённым (vv. 29—32), акцентируя внимание на конкретном посольстве к Гнею Помпею (v. 32).

⁵⁹ *ISM* I 64; *IGBulg* I² 388bis.

ввиду отсутствия желающих, вероятно, через год после третьего срока (vv. 34–35: μετὰ ἐνια[υ]/τόν τε μηδενὸς ἑαυτὸν ἐλπίδόντος)⁶⁰. Затем Аристагор меняет направление своей деятельности, его избирают агораномом на год (v. 38, τε), а затем еще два года (v. 43, εἰς ἄλλα ἔτη δύο). Последнее, что мы узнаем о «cursus honorum» Аристагора, — это то, что он занимался организацией посольств от лица города (v. 44, τε).

Представляется, что для декретов милетских колоний Северного и Западного Причерноморья эллинистического времени нам удалось проследить склонность их составителей к использованию изолированной частицы τε на второй позиции в качестве маркера-рубрикатора, который достаточно аккуратно показывает переход от одной единицы информации к другой, соединяя упоминания разных благодеяний эвергета. Перечисление этих благодеяний — это перечисление причин для оказания почестей, а не ступенек карьерной лестницы: в отдельные разделы могут выделяться как достаточно долгие периоды государственной службы, так и однократные благодеяния. В перечислениях не выдерживается хронологический принцип, и в одну рубрику, присоединяемую с помощью τε, может выделяться один этап или вид деятельности эвергета, даже если он длился достаточно долго, например, серия посольств на протяжении нескольких лет. Для адекватного понимания текста следует учитывать контекст использования частицы τε в памятниках соответствующего полиса. Например, по декретам из Истрии и Аполлонии Понтийской создается ощущение, что частица τε могла вводить не только отдельные «параграфы», но и «подпараграфы», уточнения. Вполне возможно, однако, что составителями декретов они воспринимались не как уточнения, а как полноценные аргументы в пользу награждения благодетеля города. Частица τε, присоединяющая обоснования для оказания почестей, используется главным образом в длинных биографических декретах. Тем не менее она может встречаться и в декретах, где благодетеля почтили за одно деяние, если этот декрет предваряется общей характеристикой, сводящейся к тому, что почтённый был добродетельным и благородным человеком. Мы видели подобные вступления и в пространных биографических декретах.

Высказанные соображения об этих маркерах можно использовать при восстановлении надписей. Например, общие похвалы в начале почетного декрета в милетских колониях следуют за ἐλεῖδι, но без τε⁶¹. Кроме того, если учитывать существование таких маркеров, можно уточнить размер лакун. В частности, ольвийский декрет начала I в. до н.э. подводит итог жизни Никерата⁶². Никерат обезопасил положение города, участвовал в принятии государственных решений и исполнял их (vv. 10–12, τε в v. 10). Можно предложить восстановить τε в строке 13, чтобы оно вводило последний эпизод жизни Никерата, связанный с отражением вражеской атаки в Гилее (vv. 13–20). Одиночные τε в сильно фрагментарных декретах также

⁶⁰ Ср. *IGBulg* I² 13, Дионисополь, ок. 48 г. до н.э., где сохранившиеся (v. 9, 19) и восстановленные (v. 12) τε также отделяют упоминания жреческих должностей.

П. Александреску полагает, что Аристагор занимал эту должность во второй, третий и четвертый раз три года подряд (Alexandrescu 2007, 214).

⁶¹ Поэтому для истрийского декрета *ISM* I 4 (*SEG* 51, 394 – Avram 2000–2001, 339–344, no. 2) следует предпочесть восстановление Ю.Г. Виноградова и А. Аврама восстановлению Д.М. Пиппиди.

⁶² *IOSPE* I² 34; Yaylenko 1985, 171–172, № 4; Vinogradov 1989, 186; *Bull. ép.* 2015, 524 о новой датировке декрета началом второй половины I в. н.э. (Nikolaev 2014, 254).

можно объяснить использованием частиц-рубрикаторов⁶³. Уверенное восстановление те может позволить отделять друг от друга не только различные причины для принятия декрета в честь эвергета, но и специфические формулы, связанные с каждым этапом его деятельности. Изучение особенностей использования те может также служить аргументом для определения происхождения декретов⁶⁴. Можно предположить, что выявленная выше дробная рубрикация в истрийских декретах в честь Мениска и Аристагора, которая выделяет особо значимую составляющую внутри определенного этапа (последнее посольство Мениска к скирам не увенчалось успехом, зато он смог узнать об их заговоре; Аристагор, помогая укрепить город и помочь его населению, поступал и с греками, и с негреками бескорыстно), проявляется в декрете в честь архитектора Эпикрата, сына Никобула, который считается либо истрийским, либо ольвийским⁶⁵. Как и любой другой декрет, он начинается с ἐπειδή, мы сразу узнаем первую причину для оказания почестей, то есть прекрасное руководство работами (vv. 2–10). Далее же с помощью те особо подчеркивается, что он согласился на ту плату, которую ему определил город, приняв во внимание тяжелые обстоятельства (vv. 10–13, те в v. 10), хотя город платил ему именно за упомянутые чуть выше работы, так что мы не можем говорить о начале нового этапа в деятельности Эпикрата (он начинается дальше, в связи с приготовлениями к войне, v. 13). Такой уточняющий пункт мы встретили и в декрете из Аполлонии Понтийской в честь истрийцев⁶⁶.

Литература / References

- Alexandrescu, P. 2007: La fin de la Zone Sacrée d'époque grecque d'Istros. *Dacia* 51, 211–219.
- Andreeva, S.E. 2004: [Once Again about the Date of Decree in Protogenus' Honour]. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: problemy khronologii i datirovki pamyatnikov* [The Phenomenon of Bosporean Kingdom: Problems of Chronology and Dating]. Vol. 5. Pt. 2. Saint Petersburg, 95–103.
- Андреева, С.Э. Еще раз к вопросу о датировке декрета в честь Протогена. В сб.: В.Ю. Зуев (отв. ред.), *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников*. Т. 5. Ч. 2. СПб., 95–103.
- Astius, D.Fr. 1969: *Lexicon Platonicum sive vocum platoniarum index*. Vol. I. Reprint. New York.
- Avram, A. 2000–2001: Autour de quelques décrets d'Istros. *Pontica* 33–34, 337–348.
- Avram, A. 2015: Les premiers peuples germaniques sur le bas Danube. Autour du décret SEG 52, 724. *Studi ellenistici* 29, 1–50.
- Avram, A. 2020: Revision eines Ehrendekrets der Stadt Istros (SEG 52, 724). In: W. Eck, P. Funke (Hrsg.), *Öffentlichkeit—Monument—Text*. Bd. 4. Berlin—Boston, 554–555.

⁶³ Например, для строк 8–10 ольвийского декрета в честь Калиника предлагались разные восстановления (*IOSPE* I² 25+31; *SEG* 32, 794 — Vinogradov, Karyshkovsky 1982, 26–46; 1983, 21–39, датируется 20–30 гг. IV в. до н.э. См. Yaylenko 1985, 207–208; Vinogradov 1989, 160–161). Вероятно, одиночное те в восьмой строке объясняется началом нового эпизода деятельности Калиника. Однако этот памятник относится к почетным надписям, записанным на базе статуй, поэтому его следует рассматривать отдельно.

⁶⁴ Как мы указывали выше, в херсонесском декрете в честь Диофанта частица те в изолированном положении используется совсем не так часто, как мы наблюдаем это в ионийских декретах.

⁶⁵ *Syll.*³ 707; *ISM* I 65; см., например, Parshikov 1965, 173–179; Cojocaru 2011, 267–291.

⁶⁶ *ISM* I 64; *IGBulg* I² 388bis.

- Blavatskaya, T.V. 1948: [Financial Collegia in Olbia and Histria]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkhologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]* 22, 57–58.
- Блаватская, Т.В. О финансовых коллегиях Ольвии и Истрии. *КСИИМК* 22, 57–58.
- Bonifazi, A., Drummen, A., de Kreij, M. 2016: *Particles in Ancient Greek Discourse: Exploring Particle Use Across Genres*. (Hellenic Studies Series, 79). Washington.
- Bosworth, A.B. 2000: The Historical Context of Thucydides' Funeral Oration. *Journal of Hellenic Studies* 120, 1–16.
- Chamoux, Fr. 2002: *Hellenistic Civilization*. Malden–Oxford.
- Cojocaru, V. 2011: Noch einmal zur Herkunft des Ehrenbeschlusses für Epikrates, Sohn des Nikobulos. In: *Terra antiqua Balcanica et Mediterranea*. Varna, 267–291.
- Curtis, O. 1995: *Les parentés légendaires entre cités grecques, catalogue raisonné des inscriptions contenant le terme συγγένεια et analyse critique*. Genève.
- Damyantov, M. 2019: Les institutions d'Apollonia. In: A. Baralis, K. Panayotova, D. Nedev (éd.), *Sur les pas des archéologues. Apollonia du Pont. Collections du Louvre et des musées de Bulgarie. Catalogue de l'exposition*. Paris.
- Denniston, J.D. 1954: *The Greek Particles*. 2nd ed. Oxford.
- De Martinis, L. 2021: Decreti onorari ateniesi per Eraclide di Salamina. *Axon* 5/2, 49–82.
- Duridanov, I. 1990: Thrakisch Βιζύη, Βιζώνη (Βιζών). *Linguistique Balkanique* 33/3–4, 137–140.
- Ehrhardt, N. 1983: *Milet und seine Kolonien. Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen*. Frankfurt am Main–Bern–New York.
- Forster, Fl.R. 2018: *Die Polis im Wandel. Ehrendekrete für eigene Bürger im Kontext der hellenistischen Polisgesellschaft*. (Die hellenistische Polis als Lebensform, 9). Göttingen.
- Garbrah, K.A. 1993: On the Enumerative Use of τε. *Zeitschrift Für Papyrologie Und Epigraphik* 96, 191–210.
- Garulli, V. 2018: Lictional Signs in Greek Verse Inscriptions. In: A. Petrovic, Iv. Petrovic, Ed. Thomas (eds.), *The Materiality of Text: Placement, Perception, and Presence of Inscribed Texts in Classical Antiquity*. (Brill Studies in Greek and Roman Epigraphy, 11). Leiden–Boston, 105–144.
- Gernet, L., Bizos, M. (éd.) 1924: *Lysias. Discours*. T. I. I–XV. Paris.
- Halamus, M. 2017: Honorific Inscriptions and Their Pontic Recipients. *EOS* 104, 72–76.
- Hofer, H. 1882: *De particulis Platonis capita selecta*. Bonnae.
- Ivanchik, A.I. 2011: [Stephanos, Son of Alexandros from Smyrna: Olbia and its Benefactor in the Second Half of the 2nd Century BC]. In: G.A. Koshelenko, N.M. Smirnova, S.A. Kovalenko (eds.), *Numizmatika i Epigrafika [Numismatics and Epigraphy]*. Vol. XVIII, Moscow, 15–38.
- Иванчик, А.И. Стефан, сын Александра из Смирны: Ольвия и ее эвергет второй половины II в. до н.э. В сб.: Г.А. Кошеленко, Н.М. Смирнова, С.А. Коваленко (ред.), *Нумизматика и эпиграфика*. Т. XVIII, М. 15–38.
- Ivanchik, A.I. 2012: Agoranomes dans les cités du Pont nord et occidental. In: *Agoranomes et édiles. Institutions des marchés antiques*. (Scripta Antiqua, 44). Bordeaux, 121–130.
- Karyshkovsky, P.O. 1969: [Rev.: Knipovich T.N., Levi E.I. (eds.). Olbian Inscriptions (1917–1965)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 111–116.
- Карышковский, П.О. Ред.: Книпович Т.Н., Леви Е.И. (ред.). Надписи Ольвии (1917–1965). *ВДИ* 2, 111–116.
- Karyshkovsky, P.O. 1978: [The Eponyms of Olbia]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 82–88.
- Карышковский, П.О. Ольвийские эпонимы. *ВДИ* 2, 82–88.
- Kierdorf, W. 1985: [Rev.: Thucydides and the Tradition of Funeral Speeches at Athens by John E. Ziolkowski]. *Classical Philology* 80/3, 271–274.
- Kirk, Ath. 2018: What is an ἐπιγραφή in Classical Greece? In: A. Petrovic, Iv. Petrovic, Ed. Thomas (eds.), *The Materiality of Text: Placement, Perception, and Presence of Inscribed Texts in Classical Antiquity*. (Brill Studies in Greek and Roman Epigraphy, 11). Leiden–Boston, 29–47.
- Klaflfenbach, G. 1969: *Griechische Epigraphik*. 2. Aufl. Göttingen.
- Kleijwegt, M. 1994: 'Voluntarily, but under Pressure'. Voluntarity and Constraint in Greek Municipal Politics. *Mnemosyne* 47/1, 64–78.
- Latyshhev, V.V. 1887: *Issledovaniya ob istorii i gosudarstvennom stroe Ol'vii [Research on History and Political System of Olbia]*. Saint Petersburg.
- Латышев, В.В. *Исследования об истории и государственном строе Ольвии*. СПб.

- Latyshev, V.V. 1896: [Decree from Dionysopolis, Presented by K.V. Shkorpil. Epigraphic Etudes. VII]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya* [Bulletin of Ministry of Public Education] 303, 1–19 (435–455).
- Латышев, В.В. Декретъ изъ г. Діонисополя, сообщенный К.В. Шкорпиломъ (Эпиграфические этюды. VII). *Журнал Министерства Народного Просвещения* 303, 1–19 (435–455).
- Mack, W.J.B.G. 2015: *Proxeny and Polis. Institutional Networks in the Ancient Greek World*. Oxford.
- Méridier, L. (éd.) 1956: *Platon. Œuvres complètes*. T. V. 1re partie. *Ion – Ménexène – Euthydème*. Troisième éd. Paris.
- Migeotte, L. 1984: *L'emprunt public dans les cités grecques recueil des documents et analyse critique*. Québec–Paris.
- Milčev, A. 2002: Nadpis na gracki ezik ot Pliska. In: K. Bošnakov, D. Boteva (eds.), *Jubilaus V. Sbornik v čest na prof. Margarita Tačeva*. Sofia, 280–284.
- Nawotka, Krz. 2014: *Boule and Demos in Miletus and its Pontic colonies*. Wiesbaden.
- Nikolaev, N.I. 2014: *Prosopografiya Ol'vii Pontiyskoy V v. do n.e. – I v.n.e.* [Prosopography of Olbia Pontica, V Century BC – I Century AD]. Kiev.
- Николаев, Н.И. *Просопография Ольвии Понтийской V в. до н.э. – I в.н.э.* Киев.
- Parshikov, A.E. 1965: [Origin of the Decree for Epikrates, Son of Nikobulos]. *Kratkie soobshcheniya o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh Odesskogo gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeya za 1963 god* [Brief Communications of Archeological Studies of the State Odesa Museum, Year 1963], 173–179.
- Паршиков, А.Е. Происхождение декрета в честь Эпикрата, сына Никобула. *КСОГАМ за 1963 год*, 173–179.
- Pippidi, D.M. 1975: *Scythica Minora. Recherches sur les colonies grecques du littoral romain de la mer Noire*. Amsterdam.
- Porucznik, J. 2020: The Epigraphic Curve in the Black Sea Region: A Case Study from North-West Pontus. In: Krz. Nawotka (ed.), *Epigraphic Culture in the Eastern Mediterranean in Antiquity*. London–New York, 81–101.
- Rhodes, P.J., Lewis, D.M. 1997: *The Decrees of the Greek States*. Oxford.
- Ruijgh, C.J. 1971: *Autour de τὸ ἐπικρᾶτος ἐπιστολὴ ἐπὶ τῇ ἐπιγραφῇ*. Amsterdam.
- Rusten, J.S. 1985: Two Lives or Three? Pericles on the Athenian Character (Thucydides 2.40.1–2). *Classical Quarterly* 35/1, 14–19.
- Schmid, W., Stählin, O. 1948: *Geschichte der Griechischen Literatur*. Bd.V. *Die Griechische Literatur zur Zeit der attischen Hegemonie nach dem Eingreifen der Sophistik*. 2 Hälfte. 2 Abschnitt. München.
- Struve, F. 1867: [New Olbian Inscriptions]. *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey* [Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities] 6, 3–29.
- Струве, Ф. Новые надписи Ольвийские. *ЗООИД* 6, 3–29.
- Trenkner, S. 1960: *Le style καὶ dans le récit attique oral*. Assen.
- Vinogradov, Ju.G. 1984: [A Decree Honouring Anthesterios and the Critical Situation of Olbia in the Hellenistic Epoch]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 51–80.
- Виноградов, Ю.Г. Декрет в честь Антесетрия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма. *ВДИ* 1, 51–80.
- Vinogradov, Ju.G. 1989: *Politicheskaya istoriya Ol'viyskogo polisa VII–I vv. do n.e. Istoriko-epigraficheskoe issledovanie* [Political History of Olbia, VII–I centuries B.C. Historical and Epigraphical Study]. Moscow.
- Виноградов, Ю.Г. *Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование*. М.
- Vinogradov, Ju.G. 1997: Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik. In: Ju.G. Vinogradov, *Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes*. Mainz, 1–73.
- Vinogradov, Ju.G., Karyshkovsky, P.O. 1982: [Kallinikos, Son of Euxenos. From the Political, Economic and Social History of Olbia in the Second Half of the Fourth Century B.C. I]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 26–46.
- Виноградов, Ю.Г., Карышковский, П.О. Каллиник, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н.э. I. *ВДИ* 4, 26–46.

- Vinogradov, Ju.G., Karyshkovsky, P.O. 1983: [Kallinikos, Son of Euxenos. From the Political, Economic and Social History of Olbia in the Second Half of the Fourth Century B.C. II]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 21–39.
- Виноградов, Ю.Г., Карышковский, П.О. Каллиник, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н.э. II. *ВДИ* 1, 21–39.
- Vinogradov, Ju.G., Rusyaeva, A.S. 1980: [Cult of Apollo and Calendar of Olbia]. In: V.A. Anokhin (ed.), *Issledovaniya po antichnoy arkheologii Severnogo Prichernomoriya* [Archaeological Studies of the Ancient Northern Black Sea Region]. Kiev, 19–64.
- Виноградов, Ю.Г., Русяева, А.С. Культ Аполлона и календарь Ольвии. В сб.: В.А. Анохин (ред.), *Исследования по античной археологии Северного Причерноморья*. Киев, 19–64.
- von Hartel, W. 1878: *Studien über attisches Staatsrecht und Unrkundenwesen*. Wien.
- Yaylenko, V.P. 1985: [Materials for the «Corpus of Lapidary Inscriptions from Olbia»]. In: *Epigraficheskie pamyatniki drevney Maloy Azii i antichnogo severnogo i zapadnogo Prichernomor'ya kak istoricheskiy i lingvisticheskiy istochnik* [Epigraphical Documents of Asia Minor and the Ancient Northern and Western Black Sea Region as a Historical and Linguistic Primary Source]. Moscow, 3–105.
- Яйленко, В.П. Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии». В сб.: *Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного северного и западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник*. М., 3–105.
- Yaylenko, V.P. 1989: [Olbian Decree Honouring Sons of Apollonias from Chersonesos]. In: *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary Historical Disciplines]. Vol. 20. Leningrad, 252–268.
- Яйленко, В.П. Ольвийский декрет в честь сыновей херсонесита Аполлония. В сб.: *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. 20. Л., 252–268.
- Ziolkowski, J.E. 1981: *Thucydides and the Tradition of Funeral Speeches at Athens*. New York.

DOI: 10.31857/S032103910017149-6

ДВУСТОРОННИЕ СТЕКЛЯННЫЕ ГЕММЫ ИЗ САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

М. Ю. Трейстер

Независимый исследователь, Бонн, Германия

E-mail: mikhailtreister@yahoo.de

ORCID: 0000-0001-7451-3325

В статье рассматривается феномен двусторонних гемм в античной глиптике. Особое внимание уделено геммам из стекла, в русскоязычных публикациях часто называемым «литиками», поскольку они отливались в формах по оттискам, снятым с настоящих резных гемм, при этом цвет стекла часто подражал цвету камня оригинала. Такие стеклянные геммы получают довольно широкое распространение как в Приднестровье, так и в Прикубанье скифского времени.

Специально в статье рассматриваются геммы с двусторонними изображениями, найденные в сарматских погребениях I — первой половины II в. н.э. в Нижнем Поволжье, которые использовались в качестве пронизей ожерелий или браслетов. Как и в скифских погребениях Приднестровья, стеклянные литики в кургане группы «Богомольные пески-I» были найдены в детском погребении, а в могильнике Вербовский-I — в погребении молодой женщины с ребенком. Они рассматривались их владельцами как украшения и амулеты, а не как средство для оттискивания изображений. Обращает на себя внимание тот факт, что изображения на сторонах одной и той же геммы редко смысловым образом связаны между собой, а скорее производят впечатление довольно случайного выбора сюжетов. Во многих случаях сюжеты восходят к геммам позднеклассического и эллинистического времени.

Уникальность двусторонних литиков, с одной стороны, и распространение их в Северном Причерноморье в VI–IV вв. до н.э., с другой, позволяет предполагать возможность происхождения находок из сарматских погребений Нижнего Поволжья из мастерских Северного Причерноморья, возможно, Боспора.

Ключевые слова: двусторонние геммы, литики, иконография гемм позднеэллинистического времени, скифские и меотские погребения, сарматские погребения Нижнего Поволжья

Данные об авторе. Михаил Юрьевич Трейстер — доктор исторических наук, независимый исследователь (Бонн, Германия).

Работа частично выполнена в рамках проекта, финансировавшегося DFG и РГНФ: «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. — III в. н.э.» (FL-334/15-1); партнер проекта с российской стороны — Б.А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную возможность работать в фондах Волгоградского областного краеведческого музея Н.В. Хабаровой и А.В. Жадаевой (Волгоград, ВОКМ).

TWO-SIDED GLASS GEMS FROM
THE SARMATIAN BURIALS OF THE LOWER VOLGA REGION

Mikhail Yu. Treister

*Independent Researcher, Bonn, Germany**E-mail: mikhailtreister@yahoo.de*

The phenomenon of two-sided gems in ancient glyptics is discussed in the article with special attention paid to cast glass gems, often called “litics” in Russian publications, which were cast from impressions in moulds taken from real engraved gemstones, while the color of the glass often imitated the colour of the original stone. Such glass gems were quite widespread, both in the Scythian burials of the Dnieper region and in the Maiotian burials of the Kuban region.

Specifically, the article examines such gems with double-sided images found in the Sarmatian burials of the 1st – first half of the 2nd century AD in the Lower Volga region, which were used as elements of necklaces or bracelets. As in the Scythian burials of the Dnieper region, glass gems in the burial mound of the “Bogomol’nye peski-I” group were found in a child’s burial, and at the Verbovskiy-I necropolis, in the burial of a young woman and a child. They were considered by their owners as items of jewelry and amulets, and not as a means for imprinting images. It is worth noting that the images on the sides of the same gem are rarely semantically related to each other, but rather give the impression of a rather random choice of plots. In many cases the motives go back to gems of the late Classical and Hellenistic periods.

The uniqueness of two-sided glass gems, on the one hand, and their distribution in the North Pontic region in the 6th–4th centuries BC, on the other hand, give grounds for suggesting the possibility of the origin of finds originating from the Sarmatian burials of the Lower Volga region from the workshops of the North Black Sea region, possibly of the Bosporan Kingdom.

Keywords: double-sided intaglios and glass gems, iconography of the Late Hellenistic gems, Scythian and Maiotian burials, Sarmatian burials of the Lower Volga region

ВВЕДЕНИЕ. ДВУСТОРОННИЕ ГЕММЫ

Специальных исследований, посвященных античным геммам с изображениями на двух сторонах, не существует. Тот факт, что двусторонние геммы появляются не позднее V в. до н.э. и получают относительно широкое распространение, подтверждается следующими примерами: из кургана № 24/1876 некрополя Нимфея (золотой перстень со стеклянным скарабеоидом: на одной стороне – изображение теленка, сосущего вымя коровы, на другой – символа Ахурамазды)¹, предположительно из Кастории в Македонии (сердоликовый скарабеоид с изображением на одной стороне женщины, стоящей перед тазом и цапли – на другой)², приведенными

¹ ОАК за 1877 г. 1880, табл. III, 7–8; Silant’eva 1959, 56, рис. 24, 2; Neverov 1995, 72–73, n°. 15, pl. XII, 3; Cat. St. Petersburg 1999, 112, № 293; Boardman 2001, 194, 287, pl. 461; Beazley 2002, 48; Cat. St. Petersburg 2004, 32, № 18; Ostroverkhov 2006, 142, рис. 6, 1; 143; Treister 2010, 254, no. 10 с полной литературой; Babenko 2017, 30–31, 32, рис. 2, 4.

² Nikulina 1994, рис. 73; 117; Boardman 2001, 194, 291, pl. 549; Beazley 2002, 48; Richter 2006, 20, no. 73, pl. 5; 12.

Д. Бизли в связи с публикацией инталии из халцедона IV в. до н.э., предположительно найденной в Пелопоннесе и хранящейся в Бостоне: на одной стороне геммы представлена сцена коитуса, на второй — орел с молнией в когтях³. Дополним список двусторонним скарабеоидом из Месопотамии в Британском музее с изображением сидящей собаки на одной стороне и персидского всадника, нападающего на колесницу с сидящими в ней скифами — на другой⁴.

Серия двусторонних скарабеоидов хранится в Гос. Монетном собрании в Мюнхене. На фрагментированном овальном скарабеоиде из халцедона, происходящем предположительно с «греческих островов», приобретенном в Измире, на одной стороне представлена сцена нападения льва на быка, на другой — горный козел⁵. На овальном уплощенном скарабеоиде, приобретенном в Риме, на одной стороне вырезан пасущийся бык, на другой — рычащий лев⁶. На приобретенном в Стамбуле сердоликовом скарабеоиде округлой формы, датированном первой половиной III в. до н.э., на одной стороне изображена лань на фоне пальмы, на второй — пчела (оба изображения находят параллели в чеканке Эфеса)⁷. Этим же временем датируется и скарабеоид из халцедона овальной формы, также приобретенный в Стамбуле, на одной стороне которого изображен воин, поправляющий поножь, а на второй — персидский всадник, охотящийся на оленя⁸.

Нельзя не отметить, что большинство приведенных выше примеров представлено скарабеоидами, выполненными в греко-персидском стиле⁹, а все приведенные выше произведения глиптики датируются в рамках V — первой половины III в. до н.э. Однако нам известны, пусть и редкие, примеры двусторонних гемм подобной формы более позднего времени.

На инталии II в. до н.э. из прозрачного светло-зеленого стекла в собрании Музея Метрополитен на одной стороне вырезана Муза с лирой, сидящая на скале, на другой — стоящая Афродита с жезлом и голубем, опирающаяся на колонну¹⁰. Овальная гемма из оникса толщиной 0,5 см итальянской работы I в. до н.э. — I в. н.э. (по определению О.Я. Неверова) была найдена в разрушенном сарматском погребении I в.н.э. кургана № 6, группы IX у с. Подгородное, на северо-западной окраине Днепропетровска. На одной стороне представлена сцена доения сатиром (?) козы, на второй — изображение торевта, занятого чеканкой металлического кратера¹¹. На хранящейся в Гос. Эрмитаже яшме работы резчика Скилакса I в.н.э. на лицевой стороне представлен портрет en face юного Нерона

³ Beazley 1920, 56–57, no. 63; 2002, 47–48, no. 63, pl. 12; URL: <http://www.mfa.org/collections/object/scaraboid-with-coitus-and-eagle-240988>; дата обращения: 10.02.2023.

⁴ Nikulina 1994, рис. 268; 307.

⁵ AGD I.1, 61, Nr. 292, Taf. 34.

⁶ AGD I.1, 63, Nr. 303, Taf. 35.

⁷ AGD I.1, 75, Nr. 394, Taf. 45.

⁸ AGD I.1, 66, Nr. 326, Taf. 38.

⁹ Beazley 2002, 48.

¹⁰ Richter 2006, 40, no. 156, pl. 46; Plantzos 1999, 120, no. 199; 123, no. 302.

¹¹ Kostenko 1984, 127–128, рис. 3–4; Treister 2007, 300; Simonenko 2008, 60, Nr. 33, 2; Taf. 24, 4; 2011, 125, рис. 75, 1–2; 126.

в образе Триптолема, на оборотной — изображение прыгающего льва¹². Еще более поздним временем (II—III вв. н.э.) датируются: сердоликовая гемма из Бедфордшира в Англии, на одной стороне которой изображен Ахилл, а на другой — молния¹³, и гемма из гагата, найденная в Карнунтуме, на одной стороне которой изображены Церес и Фортуна, а на другой — Гений¹⁴.

Еще чаще изображения на двух сторонах (в том числе, на одной стороне — изображение, на второй — надпись) встречаются на получивших широкое распространение в поздней античности гностических геммах¹⁵. По мнению М. Хенига, “First, the gem engraver may have made a mistake in engraving a device and have decided to use the gem again, knowing that his first attempt would be hidden in setting it within the ring. Secondly, the gem could be simply a ‘trial piece’ for apprentices to try their craft skills. And thirdly, the owner might have decided to have his ring refashioned and the gem re-carved as well as being reset”¹⁶. Как мне представляется, эта точка зрения абсолютно не учитывает приведенных выше примеров скарабеоидов (хотя и по поводу скарабеоидов высказывались соображения, что эмблема на второй стороне может быть результатом поздней доработки¹⁷), которые свободно вращались на закрепленных в дужках проволочках. В данном случае не может идти речи о переделке геммы или о том, что она использовалась в качестве пробного образца подмастерьем резчика.

ГЕММЫ ИЗ СТЕКЛА (ЛИТИКИ)

Геммы из стекла, часто в русскоязычной литературе называемые литиками¹⁸, реже — «суррогатами печатей»¹⁹, отливались по оттискам в формах, снятых с настоящих резных гемм, при этом цвет стекла часто подражал цвету камня оригинала. Хотя такие геммы появились еще в архаическую эпоху и изготавливались и в классическое время²⁰, их массовое производство началось в эпоху позднего эллинизма и продолжилось в первые века н.э.²¹ При этом геммы из стекла, по

¹² Neverov 1976, 109, no. 134.

¹³ Henig 2010, 155–158, fig. 1–2.

¹⁴ Dembski 2005, 75, Nr. 231, Taf. 23.

¹⁵ Zazoff 1983, 349–362, Taf. 112–118; *AG Wien* III, 151–183, Nr. 2178–2273, Taf. 86–114; Henig 2010, 156.

¹⁶ Henig 2010, 156.

¹⁷ Как в случае со скарабеоидом эллинистического времени из яшмы в Берлине: см. Gołyźniak 2020, 53. См. скарабеоид: Furtwängler 1896, 67, Nr. 1009, Taf. 12; *AGD* II, 97, Nr. 224, Taf. 47; Plantzos 1999, 93, 133, no. 614; Gołyźniak 2020, 334, no. 6, 89 с полной библиографией.

¹⁸ Maksimova 1955, 442; Ostroverkhov 2006, 131, прим. 1; 2009, 80, прим. 1; 2010, 86–87, прим. 14.

¹⁹ Maksimova 1937, 255.

²⁰ Например, Cat. Thessaloniki 2010, 193, no. 37; 210, no. 66–67; 211, no. 69; 218–220, no. 83–86; 234, no. 108–109; 331, no. 334; 370, no. 419–420; Mitsopoulos–Leon 2017, 172, Nr. 378, Taf. 63.

²¹ *AGD* I.2, 81–82; Zazoff 1983, 270–274; Spier 1992, 145; Krug 1995, 182–183; von Saldern 2004, 200; Zwierlein–Diehl 2007, 326–329; Henig 2017, 25. О стеклянных геммах архаического времени с Родоса см. Triantafyllidis 2003, 132.

крайней мере с августовского времени, начинают широко использоваться в целях политической пропаганды²².

Стеклянные скарабеоиды V–IV вв. до н.э., смонтированные на золотых, но чаще серебряных или бронзовых дужках, получили распространение в некрополях античных городов Северного Причерноморья, где они известны по находкам в Ольвии и Северо-Западном Причерноморье²³, Нимфее и Пантикапее²⁴. Среди них встречаются и скарабеоиды с двусторонними изображениями, как рассмотренная выше находка из Нимфея.

Основываясь на находках в некрополе Пантикапея 14 стеклянных скарабеоидов, О.Я. Неверов предполагал, что здесь мог находиться центр их изготовления²⁵ (точка зрения, ранее высказанная М.И. Максимовой²⁶), и в качестве примера приводил датируемое IV в. до н.э. погребение № 25 на г. Митридат, открытое в 1907 г., где в шкатулке кроме скарабеоида из халцедона и стеклянного (в публикации В.В. Шкорпила обозначен как сделанный из горного хрусталя) скарабеоида с изображением всадника²⁷ были найдены «каменные заготовки без резьбы»²⁸, о которых в отчете В.В. Шкорпила не сообщается. В любом случае, на мой взгляд, «каменные заготовки без резьбы» вряд ли могут считаться аргументами в пользу изготовления стеклянных скарабеоидов, а уж тем более нет оснований для вывода о том, что это было погребение мастера глиптики, работавшего в Пантикапее в IV в. до н.э., как это делает, вслед за предположением О.Я. Неверова, уже без всякого предположения, А.С. Островерхов²⁹.

В скифских погребениях Северного Причерноморья встречено довольно значительное количество стеклянных скарабеоидов с изображением животных, человеческих фигур и лиц, а также мифологических композиций. Часть из них украшали перстни или имели дужки, другие — использовались как пронизи в составе ожерелий³⁰. Обращает на себя внимание тот факт, что они, как правило, входили в состав ожерелий, а в некоторых случаях в одном погребении было найдено три, в другом — восемь литиков. В обоих случаях речь идет о погребениях IV в. до н.э. в курганах Рогачикского курганного поля³¹. Также в женском погребении в кургане Карагодеуаш было найдено четыре стеклянных скарабеоида — В.К. Мальмберг отмечал,

²² Vollenweider 1955, 99–101; Maderna-Lauter 1988, 441–473; Guiraud 1996, 127–133; Wagner 2019, 40; Gołyźniak 2020, 22–32, 116, 171. Впрочем, известны и стеклянные геммы с изображением головы Александра Македонского эллинистического времени: Schulze 2020, 237, Abb. 12.

²³ Ostroverkhov 2006, 132, рис. 1, 4; 134, 135, 144–145, рис. 7, 4; 2009, 82–83, рис. 1, 1.6; 85, рис. 4; 88; 2010, 88–89, рис. 1, 1.5–6; 93, 97–98, рис. 8, 1–2.

²⁴ Neverov 1983, 108–109; Ostroverkhov 2006, 144.

²⁵ Neverov 1983, 109.

²⁶ Maksimova 1955, 442.

²⁷ Shkorpil 1907, 18, рис. 2

²⁸ Neverov 1983, 109.

²⁹ Ostroverkhov 2006, 151.

³⁰ Ostroverkhov 2006, 131–154; 2009, 93; 2010, 90, 92, рис. 5; 97; Boltrik, Fialko 2007, 82–87, рис. 10, 1–2, 5–7, 13; Fialko 2012, 235, рис. 11, 2; Sinika, Telnov 2016, 489–490, № 1, рис. 1, 4; 493–495; Sinika *et al.* 2018, 113, рис. 2, 5; 115–116; Boltryk, Shelekhan 2020, 104, рис. 17, 5; 106.

³¹ Boltrik, Fialko 2007, 82, 84.

что никаких следов дужек нет, и что, вероятно, они наряду с другими бусами были нанизаны на нитку³². Соответственно, нет никаких оснований считать, как это делает М.Ю. Вахтина, что «они служили вставками для перстней»³³.

ДВУСТОРОННИЕ ГЕММЫ-ЛИТИКИ ИЗ САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Двусторонние геммы-литики из стекла редки. Очевидно, что такие геммы вряд ли использовались для оттискивания изображений, а скорее рассматривались как красивые пронизи, элементы ожерелий или браслетов. Литик-скарабеоид IV в. до н.э. с двусторонним изображением происходит из меотского погребения в Закубанье (в оправе, как медальон)³⁴.

В сарматских погребениях I в. н.э. в Нижнем Поволжье найдены редкие двусторонние литики, которые использовались в качестве пронизей в составе ожерелий или браслетов. Пять двусторонних стеклянных гемм-литиков образовывали браслет на левом запястье ребенка в возрасте 2,5–3 года из погребения № 13 кургана № 1/2019 группы «Богомольные пески» около села Никольское Енотаевского района Астраханской области (рис. 1–2). Инвентарь погребения дает основания для его датировки в широких рамках I – первой половины II в.н.э.³⁵ Подробно эти стеклянные геммы рассматриваются в специальной статье³⁶.

Еще одна находка – из погребения № 3 кургана № 17/2013 могильника Вербовский-I (рис. 3) – рассматривается в деталях ниже.

По своему функциональному назначению (пронизи) они находят параллели среди халцедоновых гемм из относящегося к первым векам н.э. Охлебининского грунтового могильника в Башкирии³⁷. Отличие заключается в том, что на найденных в Охлебинино геммах изображение вырезано только с одной стороны.

Гемма из фиолетового стекла (Вербовский-I, курган № 17/2013, погребение № 3)

Двусторонняя гемма овальной формы фиолетового стекла (рис. 3) происходит из погребения № 3 кургана № 17/2003 могильника Вербовский-I³⁸ в междуречье Дона и Волги. Она входила в состав ожерелья из бус в погребении молодой женщины с младенцем, которое по сопровождающему инвентарю датируется авторами раскопок I в.н.э.³⁹

³² Lappo-Danilevskiy, Mal'mberg 1894, 158–159, табл. IV, 6–9; Vakhtina 2016, 28–29, рис. 2, 2, 5, 10, 15.

³³ Vakhtina 2016, 28.

³⁴ Berzina 2010, 46–47, № 15; Beglova, Erlikh 2018, 169–170, рис. 197, 14.

³⁵ Timofeev *et al.* 2020, 284, рис. 12; Timofeev, Treister 2022, 269–296.

³⁶ Timofeev, Treister 2022, 269–296.

³⁷ Погребение № 66: гемма не опубликована. Погребение № 175/1980, гемма с изображением мужской фигуры в венке, склонившейся над алтарем: Cat. Ufa 2007, 71, внизу справа (в составе ожерелья стеклянные и сердоликовые бусы, а также подвеска египетского фаянса с изображением головы Гарпократы).

³⁸ Mamontov, Shinkar' 2014, 137, рис. 3, 8; 138, рис. 5, 4; 139–140, № 11; 142–143. Погребение датировано I в. н.э. Гемма опубликована как сделанная предположительно из фиолетового оникса.

³⁹ Mamontov, Shinkar' 2014, 143.

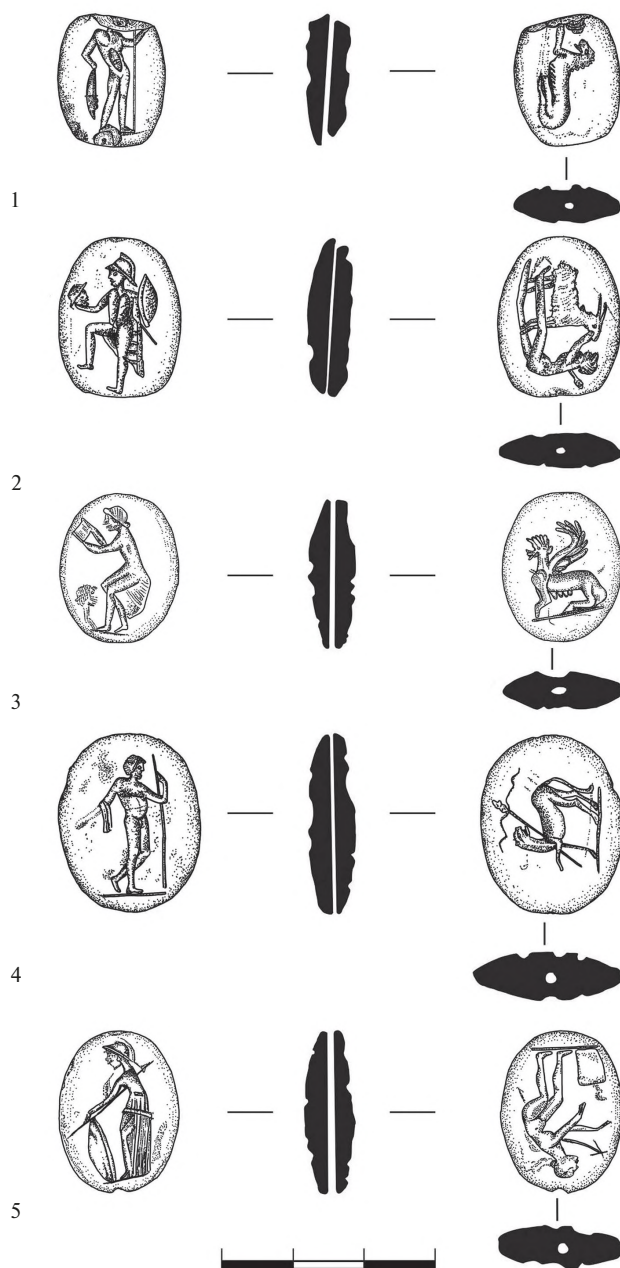

Рис. 1. Могильник «Богомольные пески-I». Курган № 1/2019. Погребение № 13. Стекланные двусторонние геммы. Общие виды и разрезы. Астрахань, ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник», КП 48947/15–19, А-22680–22684. 1 – КП 48947/15, А-22680; 2 – КП 48947/16, А-22681; 3 – КП 48947/17, А-22682; 4 – КП 48947/18, А-22683; 5 – КП 48947/19, А-22684. Рисунки: А.Г. Жирова, 2021

Рис. 2. Могильник «Богомольные пески-I». Курган № 1/2019. Погребение № 13. Стеклан-
ные двусторонние геммы. Общие виды (развернуты). Астрахань, ГБУК АО «Астраханский му-
зей-заповедник», КП 48947/15–19, А-22680–22684. 1 – КП 48947/15, А-22680; 2 – КП 48947/16,
А-22681; 3 – КП 48947/17, А-22682; 4 – КП 48947/18, А-22683; 5 – КП 48947/19, А-22684. Фото:
В.Э. Тамбаева, 2021

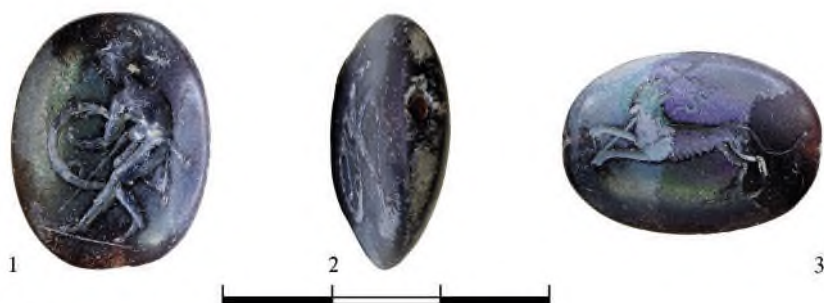

Рис. 3. Вербовский-I. Курган № 17/2013. Погребение № 3. Стекло́нная двусторонняя гемма. Общие виды (развернуты). Волгоград, ВОКМ, инв. № 23808/21. Фото: М. Ю. Трейстер, 2015

Сторона А

Изображен воин в профиль влево, стоящий в слегка согнутой позе с прямой левой ногой, выставленной вперед, и с правой, согнутой в колене и поставленной на носок. Левой рукой воин держит на уровне пояса круглый щит. В правой руке, поднятой вверх — копье, изображенное по диагонали, с его передней частью на фоне щита. На голове воина — конический шлем с нащечниками, козырьком и плюмажем. За спиной изображена нижняя часть ножен меча с округлой расширяющейся бутеролью, а также треугольный выступ плаща или накидки (рис. 3, 1; 4, 1).

Ближайшей аналогией представленному сюжету является изображение на стеклянной гемме в Лондоне. Это овальная гемма с полосками белого и черного стекла из коллекции Ионидеса в Лондоне, вставленная в золотой перстень⁴⁰. Изображение отличается разворотом щита, показанного сбоку, другим типом шлема, несколько иным положением копья, представленного почти вертикально (его кончик упирается в землю между ногами воина), отсутствием меча и изображением драпировки в виде вертикального края за спиной воина (рис. 4, 2). Д. Бордман не приводит датировки геммы, однако, судя по главе, в которой он ее рассматривает, относит ее к эллинистическому времени. IV в. до н.э. датируется хранящийся в Женеве этрусский скарабей из сердолика с аналогичным мотивом, отличающийся тем, что левой рукой воин держит щит и копье, ориентированное наконечником вверх, а в правой руке находится меч, ориентированный острием вниз (рис. 4, 3)⁴¹.

Очевидно, что стоящая поза воина на стеклянных геммах из сарматского погребения и лондонской коллекции отличает их от гемм и скарабеоидов, в основном раннеклассического времени, на которых воины опускаются ниже, поставив одну из ног согнутым коленом на землю⁴². Несколько ближе рассматриваемой нами поза воина на округлой двояковыпуклой гемме коричневого стекла

⁴⁰ Boardman 1968, 18, 93, no. 13. См. также гипсовый оттиск этой геммы в Архиве Д. Бизли (URL: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/CCA7E3B-04E3-4445-A2A1-707743CFE7F4>; дата обращения: 10.02.2023).

⁴¹ Vollenweider 1967, 168–169, n° 229, pl. 87.

⁴² Boardman 2001, 206–207, fig. 213; 290, pl. 534; 355, pl. 954; Spier 1992, 58, no. 112.

Рис. 4. Стекла́нная гемма из могильника Вербовский-I и аналогии мотиву «воин в шлеме, со щитом и копьем, с прямой левой ногой, выставленной вперед, и с правой, согнутой в колене и поставленной на носок» 1 – Вербовский-I. Курган № 17/2013. Погребение № 3. Волгоград, ВОКМ, инв. № 23808/21. *Фото: М.Ю. Трейстер, 2015*; 2 – оттиск геммы, вставленной в золотой перстень, из коллекции Ионидеса, Лондон (Beazley Archive Negative, no. 612). *Beazley Archive* (URL: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/ССАЕ7Е3В-04Е3-4445-А2А1-707743CFЕ7F4>; дата обращения: 10.02.2023); 3 – скарабей, Женева, Музей искусства и истории (по: Vollenweider 1967, 168–169, n° 229, pl. 87); 4 – гемма. Музей Метрополитен, инв. № 17.194.51; дар. Ж. Пирпонта Моргана, 1917 (по: Richter 2006, 98, no. 440, pl. LIV); 5 – Охлебининский могильник, погребение № 175/1980. Уфа, Музей Археологии и этнографии Центра этнологических исследований УНЦ РАН, инв. № 715/870 (по: Cat. Ufa 2007, 71); 6 – скарабей в золотой оправе. Пантикапей. Бывш. собрание Б.И. Ханенко. Киев, Музей исторических драгоценностей Украины, инв. № ДМ-6093 (по: Cat. San Antonio 1999, 181, no. 68)

в собрании Музея Метрополитен, датируемой Г. Рихтер эллинистическим временем (рис. 4, 4)⁴³. При близости позы, щит показан почти в профиль с внешней стороны, подобно тому, как он изображался у коленопреклоненных воинов в глиптике раннеклассического времени.

В позе коленопреклоненного бега с правой ногой, выставленной вперед и согнутой в колене, и левой, опирающейся коленом на землю, с ногой, поставленной на носок, представлен обнаженный воин со щитом, также как и на рассматриваемой гемме, изображенным с внутренней стороны и копьем, изображенным по диагонали, но с наконечником, ориентированным вверх — на датируемом

⁴³ Richter 2006, 98, no. 440, pl. LIV; Thomas 1995, 391, Nr. I.29a.7; здесь с датировкой I в. до н.э. — III в. н.э.).

V в. до н.э. сердоликовом скарабее в золотой оправе из Пантикапея из бывшего собрания Б.И. Ханенко (рис. 4, 6)⁴⁴. Подобным же образом показан со внутренней стороны и щит на изображении Афины на позднеархаическом скарабеоиде из сердолика, хранящемся в Бостоне⁴⁵. Близкий представленному на рассматриваемом литике из могильника Вербовский-I разворот щита — на гемме из сардоникса в Берлине, но на ней обнаженный воин изображен стоящим на обоих коленях⁴⁶. В целом, изображения щита с внутренней стороны значительно более характерны для глиптики позднеархаического и классического времени⁴⁷, в том числе этрусской⁴⁸, нежели для эллинизма, хотя изредка встречаются и в глиптике IV—III вв. до н.э., хотя и в ракурсе, как на скарабеоиде IV в. до н.э. в Малибу⁴⁹ или на гемме из граната с изображением Афродиты Оружной (Aphrodite Enoplion) с подписью резчика Гелона в золотом перстне, найденной в «гробнице Эротов» в Эретрии и датируемой третьей четвертью III в. до н.э. или ок. 200 г. до н.э.⁵⁰ и более позднего времени, в том числе первых веков н.э.⁵¹

О том, что поза воина характерна для глиптики классического и эллинистического времени свидетельствует и то, что в аналогичных позах с выставленной вперед прямой левой ногой и согнутой в колене и поставленной на носок правой представлены различные персонажи на геммах этого времени⁵². Интересно, что

⁴⁴ Khanenko B., Khanenko V. 1907, 18, № 620, табл. VIII; Kat. Wien 1993, 230–231, Nr. 67; Cat. San Antonio 1999, 181, no. 68.

⁴⁵ Beazley 1920, 19–20, no. 26, pl. 2; 2002, 25, no. 26, pl. 5; Boardman 1968, 91, no. 239, pl. 15; 2001, 185, pl. 381; URL: <https://collections.mfa.org/objects/242483>; дата обращения: 10.02.2023.

⁴⁶ Furtwängler 1896, 46, Nr. 579, Taf. 9.

⁴⁷ См. также халцедоновый скарабей в Берлине AGD II, 51, Nr. 87, Taf. 23; Zazoff 1983, 111, Anm. 82; Taf. 30, 4.

⁴⁸ Zazoff 1983, 222, Anm. 33; Taf. 56, 4–5.

⁴⁹ Spier 1992, 58, no. 113.

⁵⁰ Beazley 1920, 85–86, no. 102; 2002, 65, no. 102, pl. 21; Zazoff 1983, 205, Anm. 74, Taf. 53, I; Flemberg 1991, 58; 1995, 116–117, fig. 6; Plantzos 1999, 68, 119, no. 165, pl. 29; Jackson 2005, 301, 302, fig. 10; Zwierlein-Diehl 2007, 76, 380, Abb. 284; Huguenot 2008, I, 180–182; II, 2, 18, n° 69, pl. 32, I–3; Budin 2010, 92, 93, fig. 5. 4; Spier, Ogden 2015, 75, fig. 22; Spier 2019, 34, fig. 5.

⁵¹ Henig 2017, 22, fig. 8, a–b; Kleibrink 2017, 41, fig. 3, g–h; 42.

⁵² Юноша, наклоняющийся, чтобы поймать падающий сосуд — на этруском скарабее V в. до н.э. ранее в собрании Ионидес, в настоящее время в Бонне: Boardman 1968, 15, 91, no. 2; Zwierlein-Diehl 2015, 242–243, Abb. 16. Стреляющий из лука Эрот — на скарабеоиде из сердолика с подписью мастера Олимпия первой половины IV в. до н.э. в Берлине: Zazoff 1983, 139, Abb. 41e; 140, Anm. 62, Taf. 32, II; Boardman 2001, 210, pl. 633 (отличается постановкой правой ноги на всю подошву). Силен — на гемме из сарда римского республиканского времени во Флоренции: Zazoff 1983, 265, Anm. 26, Taf. 70, 7. Воин — на гемме из сердолика III–II вв. до н.э. в Музее Метрополитен: Richter 2006, 55, no. 222, pl. XXXIV. Геммы на сердолике III–II вв. до н.э. с изображением Филоктета, в Мюнхене: AGD I.2, 25, Nr. 688–689, Taf. 79. Обнаженный мужчина — на гемме из агата I в. до н.э. из Ксантена: Platz-Horster 1987, 31, Nr. 54 с аналогиями позы, Taf. 11. Сатир с собакой — на гемме из сердолика из Ксантена (вторая половина I в. до н.э. — начало I в.н.э.): Platz-Horster 1994, 86, Nr. 41, Taf. 7.

в такой же позе предстает и человек, совершающий приношение перед алтарем на гемме из погребения № 175/1980 Охлебининского могильника (рис. 4, 5)⁵³. Близка поза изображенного на гемме из погребения № 66 того же могильника человека в венке с копьем наперевес (отличие заключается лишь в том, что выставленная вперед нога согнута в колене)⁵⁴.

Сторона Б

Изображена самка пантеры в прыжке влево с повернутой назад головой. В зубах зажат изображенный по диагонали тирс с лентами, нижний конец которого пантера придерживает одной из лап (рис. 3, 3; 5, 1). Близкое (но не идентичное) изображение представлено и на одной из двусторонних стеклянных гемм из погребения № 13 кургана № 1/2019 группы «Богомольные пески-1» (рис. 1, 4; 2, 4; 5, 2).

Аналогичные изображения самки пантеры с повернутой назад головой и с тирсом с лентами, который пантера придерживает лапой, имеются на монетах Филладельфии в Лидии конца II—I вв. до н.э. (рис. 5, 6)⁵⁵.

Подобные изображения известны на датированных I в. до н.э. — I в. н.э. геммах⁵⁶ с вариациями (не повернута назад голова, тирс придерживается только лапой⁵⁷; в прыжке, но голова не повернута назад и тирс придерживается только лапой⁵⁸, в прыжке, голова повернута назад и тирс придерживается только лапой (рис. 5, 4)⁵⁹, в прыжке, голова повернута назад, на фоне тирса, изображенного по диагонали, который не придерживается ни лапой, ни зубами⁶⁰). Особенно близкое изображение (отличаются лишь тем, что пантера изображена не в прыжке, а стоящей) — на сердоликовой гемме в собрании Музея Торвальдсена (рис. 5, 3), которую датируют римским республиканским временем III—II вв. до н.э.⁶¹

Укажем также на параллели в тореvтике. На латунном с позолотой медальоне открытого сосуда, скорее всего чаши или фиалы, вторично использованном в качестве фалара конской упряжи из погребения № 9 могильника Цемдолина, надежно датированного

⁵³ Cat. Ufa 2007, 71.

⁵⁴ Уфа, Музей археологии и этнографии, инв. МАЭ/335.

⁵⁵ Imhoof-Blumer 1897, 114–115, Nr. 8; *BMC Lydia*, 189, no. 16; *SNG von Aulock* II 3057; *SNG Copenhagen* 27.1 340; Tanriöver 2016, 185–186, Anm. 17–18.

⁵⁶ Sagiv 2018, 87–90.

⁵⁷ Sena Chiesa 1966, 367, no. 1181, tav. LX; *AG Wien* I, 126, Nr. 368, Taf. 63 (сард, вторая—третья четверть I в. до н.э.); Krug 1981, 243, Nr. 404, Taf. 124 (сердолик, I в. до н.э. — I в. н.э.); Spier 1992, 116, no. 297 (сердолик, I в. н.э.); Platz-Horster 1987, 46, Nr. 84, Taf. 16 = Platz-Horster 1994, Taf. X, 4 (николо, начало I в. н.э.; пантера в ошейнике); Zwierlein-Diehl 1998, 268, Nr. 151 (николо, I в. н.э.) с лит. (пантера влево, голова не повернута назад, здесь тирс не в зубах).

⁵⁸ Zwierlein-Diehl 1998, 268, Nr. 151 (николо, I в. н.э.).

⁵⁹ Fossing 1929, 188, no. 1309, pl. XV. Инв. № I334 (николо, I в. до н.э. — II в. н.э.); URL: <http://www.thorvaldsensmuseum.dk/en/collections/work/I334>; дата обращения: 10.02.2023; Henig 1978, 86, no. 641, pl. XX (сердолик, из Хем Хилл в Соммерсете, возможно, из раннего форта); Bosman 1994, 159, 163, no. 53 (литик желтого стекла из Фельзена); Guiraud 2008, 152, n°. 1327, pl. XVIII (паста, конец I в. до н.э.).

⁶⁰ Furtwängler 1896, 241, Nr. 6558, Taf. 46 (сердолик, I в. н.э.).

⁶¹ URL: <http://www.thorvaldsensmuseum.dk/en/collections/work/I335>; дата обращения: 10.02.2023.

Рис. 5. Стекланные геммы из могильников Вербовский-I и «Богомольные пески-I» и аналогии мотиву «пантера с тирсом». 1 – Вербовский-I. Курган № 17/2013. Погребение № 3. Волгоград, ВОКМ, инв. № 23808/21. Фото: М. Ю. Трейстер, 2015; 2 – «Богомольные пески-I». Курган № 1/2019. Погребение № 13. Астрахань, ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник», КП 48947/18, А-22683. Фото: В. Э. Тамбаева, 2021; 3 – Копенгаген, Музей Торвальдсена, инв. № 1335. *Bertel Thorvaldsen's Art and Collections. The Complete Catalogue* (URL: <http://www.thorvaldsensmuseum.dk/en/collections/work/1335>; дата обращения: 10.02.2023); 4 – Копенгаген, Музей Торвальдсена, инв. № 1334. *Bertel Thorvaldsen's Art and Collections. The Complete Catalogue* (URL: <http://www.thorvaldsensmuseum.dk/en/collections/work/1334>; дата обращения: 10.02.2023); 5 – Цемдолина. Погребение № 9/1991. Фалар. Новороссийск, Исторический музей-заповедник, НМ8358/№ 13 © Новороссийский исторический музей-заповедник; 6 – монета Филадельфии в Лидии, I в. до н.э., магистрат Эрмипп (URL: <https://www.cointalk.com/threads/from-lydia-philadelphia-dionysos-and-a-spotted-panther.363050/>; дата обращения: 10.02.2023)

Рис. 6. Двусторонняя стеклянная гемма, выставлявшаяся на аукционе Bertolami Fine Art, Auction 86, 09.12.2020, lot 40 (URL: https://www.sixbid.com/de/bertolami-fine-arts/7977/glyptic/6557028/a-late-hellenistic-two-faced-glass?term&orderCol=lot_number&orderDirection=asc&priceFrom&displayMode=large&auctionSessions=&sidebarIsSticky=false; дата обращения: 10.02.2023)

временем не позднее первой половины I в. н.э., представлена пантера с тирсом в аналогичной позе. Дополнительно на пантере изображен сидящий Эрот с тимпаном, а на заднем плане — стоящая на постаменте герма Приапа (рис. 5, 5). Судя по высокому содержанию цинка в сплаве, медальон может датироваться не позднее рубежа н.э.⁶²

ВЫВОДЫ

Таким образом, изображение на одной из сторон геммы, вероятно, восходит к монетной эмблеме Филадельфии в Лидии, появившейся еще на монетах II в. до н.э. и продолжавшей использоваться в I в. до н.э., в довольно редкой интерпретации, ближайшую параллель которой, с тирсом, зажатым в зубах пантеры, мы находим только на римской гемме республиканского времени. В целом, нельзя исключать, что гемма, с которой было сделано изображение этой стороны, может происходить из Малой Азии. Что же касается оригинала другой стороны стеклянной геммы из могильника Вербовский-I, то нельзя исключать, что он мог относиться еще к классическому или раннеэллинистическому времени. В данном случае у нас нет оснований для локализации места изготовления источника изображения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Двусторонние геммы-литики из стекла чрезвычайно редки⁶³. Находка входящих в состав браслета пяти двусторонних стеклянных литиков в погребениях

⁶² Malyšev, Treister 1994, 47, Abb. 6–7; 49–53, Nr. 4, Taf. 3; Malyshev, Treister 1994, 32, fig. 3, a–c; Treister 1999, 568, fig. 4; 2001, 339–340, fig. 133; 2008, 184–185; 2020, 568, 592–593; Dovgalyuk, Malyshev 2008, 24–26, № 19–20, рис. 17; Marčenko, Limberis 2008, 280, 346, Nr. 32, 7, Taf. 62, 1–2.

⁶³ Помимо приведенных выше примеров из Крыма, Закубанья и Нижнего Поволжья, мне известна одна стеклянная гемма овальной формы с двусторонним изображением (на одной стороне — вертикальное изображение Эрота с собакой влево, на второй, горизонтальное, — Эрота, идущего влево и стоящего перед ним оленя, повернувшего голову назад) (отмечается, что в отверстии по длинной оси — следы бронзы),

I — начала II в. н.э.: № 13 кургана № 1/2019 группы «Богомольные пески-I» (рис. 1–2), а также входящего в состав ожерелья аналогичного литика из погребения № 3 кургана № 17/2003 могильника Вербовский-I (рис. 3), как и более ранние находки серий стеклянных скарабеоидов в скифских курганах Приднепровья и меотских Закубанья IV в. до н.э., свидетельствуют о том, что они рассматривались их владельцами как украшения и амулеты, а не как средство для оттискивания изображений. Как и в скифских погребениях Приднепровья, стеклянные литики в кургане группы «Богомольные пески-I» были найдены в детском погребении, а в могильнике Вербовский-I — в погребении молодой женщины с ребенком. Подобным же образом, в качестве пронизи ожерелья в датирующемся I — первой половиной II в. н.э. погребении № 1 кургана № 3/1982 могильника Барановка-I был использован более ранний (IV в. до н.э.?) халцедоновый скарабеоид с изображением хищной птицы (орла?), терзающей рыбу⁶⁴.

Обращает на себя внимание тот факт, что изображения на сторонах одной и той же геммы редко смысловым образом связаны между собой, а скорее производят впечатление довольно случайного выбора сюжетов (рис. 1–3). Так, например, довольно близкие по иконографии, но не идентичные, изображения пантеры с повернутой назад головой с тирсом на гемме из могильника Вербовский-I сочетается с изображением воина со щитом (рис. 3), а на гемме из могильника «Богомольные пески-I» — с изображением стоящего обнаженного героя (рис. 1, 4; 2, 4)⁶⁵. Изображения на двух сторонах одного и того же литика часто представлены в различных плоскостях (на одной стороне это может быть вертикальное изображение по оси отверстия, на другой — горизонтальное) (рис. 1, 1–2, 4; 3), в одном случае — вертикальные изображения развернуты по оси на 180 градусов (рис. 1, 5).

Также обращает на себя внимание то, что во многих случаях сюжеты восходят к геммам позднеклассического и эллинистического времени. При этом мы не встречаем широко распространенных в первые века н.э. изображений Меркурия и Фортуны, Виктории и Амура, нет и портретных изображений. Учитывая тот факт, что изображения на литиках механически воспроизводились с инталей, есть основания для предположения о том, что это были произведения глиптики еще позднеэллинистического времени, которые теоретически могли использоваться для изготовления литиков и в более позднее время. Заслуживает внимания редкий тип изображения Афины на одной из гемм, найденных в кургане могильника «Богомольные пески-I» (рис. 1, 5; 2, 5)⁶⁶, — поза богини и трактовка складок пеплоса находят параллели на резном изображении щитка золотого перстня из погребения № 2 некрополя Тиля-тепе⁶⁷. Обращает на себя внимание также ис-

выставлявшаяся недавно на одном из аукционов (рис. 6): Bertolami Fine Art, Auction 86, 09.12.2020, lot 40.

⁶⁴ Sergatskov 2000, 24, 141, рис. 23, 13; Mordvintseva, Khabarova 2006, 77, табл. 14А, а; Dzigovsky, Ostroverkhov 2010, 160, рис. 11, 2; 166; Skripkin 2013, 116, № 276.

⁶⁵ Timofeev *et al.* 2020, 284, рис. 12, 4; Timofeev, Treister 2022, 274, рис. 4, 4; 5, 4; 6, 4.

⁶⁶ Timofeev *et al.* 2020, 284, рис. 12, 5; Timofeev, Treister 2022, 274–275, рис. 4, 5; 5, 5; 6, 5; 8, 1–3.

⁶⁷ Sarianidi 1985, 168, Taf. 108; 230, Nr. 2, 1; Kat. Bonn 2010, 166, Nr. 55; Stančo 2012, 47–48, 57, fig. 12; Boardman 1994, 119, fig. 4, 56; 2015, 156, pl. XLIII. О связи изображений

пользование в литиках из могильников Вербовский-I и «Богомольные пески-I» мотива пантеры с повернутой назад головой с тирсом (рис. 5, 1–2) (снятых с двух различных инталий), связь которого с монетной эмблемой II–I вв. до н.э. Филладельфии в Лидии весьма вероятна.

Все эти наблюдения показывают, что в арсенале мастерской, в которой изготавливались стеклянные геммы, был довольно большой набор инталий разного времени и центров производства. Очевидно, что такую мастерскую можно сравнивать с мастерскими торевтов, в которых имелись наборы матриц различного происхождения, включающие более ранние по сравнению с остальными образцы⁶⁸, или гипсовые слепки с произведений торевтики⁶⁹.

Уникальность двусторонних литиков, с одной стороны, и тот факт, что пусть и редко, они уже были известны в Северном Причерноморье в VI–IV вв. до н.э., позволяют предполагать возможность происхождения находок из сарматских погребений Нижнего Поволжья из мастерских Северного Причерноморья, возможно, Боспора, где в рассматриваемое время, как и в Сарматии⁷⁰, геммы использовались в качестве украшений элементов ожерелий⁷¹ и гривен⁷².

Литература / References

- Babenko, L.I. 2017: [Two Monetary Plots on Handiwork of Greco-Scythian Toreutics]. *Arheologija i davnja istorija Ukrai'ny* [Archaeology and Early History of Ukraine] 2 (23), 30–39.
- Бабенко, Л.И. Два монетных сюжета на изделиях греко-скифской торевтики. *Археологія і давня історія України* 2 (23), 30–39.
- Beazley, J.D. 1920: *The Lewes House Collection of Ancient Gems*. Oxford.
- Beazley, J.D. 2002: *The Lewes House Collection of Ancient Gems*. Ed. by J. Boardman. (Studies in Classical Archaeology, 2; BAR International Series, 1074). Oxford.
- Beglova, E.A., Erlikh, V.R. 2018: *Meoty Zakuban'ya v sarmatskoe vremya. Po materialam Tenginskogo gruntovogo mogil'nika* [The Maeotians of the Trans-Kuban Area in the Sarmatian Period. According to the Materials of the Tenginskaya Burial-Ground]. Moscow–Saint Petersburg.
- Беглова, Е.А., Эрлих, В.Р. Меоты Закубанья в сарматское время. По материалам Тенгинского грунтового могильника. М. – СПб.
- Berzina, S. Ya. 2010: *Drevnie gemmy Vostoka* [Ancient Gems of the East]. Moscow.
- Берзина, С.Я. Древние геммы Востока. М.
- Boardman, J. 1968: *Archaic Greek Gems. Schools and Artists in the Sixth and Early Fifth Centuries BC*. London.
- Boardman, J. 1994: *The Diffusion of Classical Art in Antiquity*. London.
- Boardman, J. 2001: *Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical*. 2nd ed. London.
- Boardman, J. 2015: *The Greeks in Asia*. London.
- Boltrik, Yu.V., Fialko, E.E. 2007: [Ornaments from the Scythian Burial Complexes of the Rogachik Kurgan Field]. In: *Starozhytnosti Stepovogo Prychornomor'ja i Krymu* [Antiquities of the Steppe North Pontic Region and the Crimea]. Issue 14. Zaporizhzhia, 51–93.

см. подробно Timofeev, Treister 2022, 275.

⁶⁸ Как, например, из погребения «ювелира» в южном некрополе в Геракле в Лукании, или из клада, найденного в районе Ошаниц к северу от Дубровника, см. Treister 2001, 274–296.

⁶⁹ Reinsberg 1980; Burkhalter 1984, 334–347; Vnukov *et al.* 1990, 27–50; Menninger 1996, 93–135; Grawehr 2007, 399–403; Ferederiksen 2010, 22–23.

⁷⁰ Treister 2007, 299–302.

⁷¹ Фанагория: Treister 2015a, 132–134, рис. 30, 2–7; 2015b, 469–473, № 152–155, табл. 48.

⁷² Treister 2007, 300–301, № B36.7, табл. 56; 79.

- Болтрик, Ю.В., Фиалко, Е.Е. Украшения из скифских погребальных Комплексов Рогачикского курганного поля. В сб.: *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*. Вип. 14. Запоріжжя, 51–93.
- Boltryk, Yu.V., Shelekhan, O.V. 2020: [Scythian Barrows between Chmyreva Mohyla and Haimanova Mohyla (Northern Steppe Periphery of Velyka Bilozerka)]. *Arheologija i davnja istorija Ukrai'ny* [Archaeology and Early History of Ukraine] 1 (34), 80–113.
- Болтрик, Ю.В., Шелехань, О.В. Скифські кургани між Чмиревою та Гаймановою Могилами (стєпова північна периферія Великої Білозерки). *Археологія і давня історія України* 1 (34), 80–113.
- Bosman, A.V.A.J. 1994: The Velsen Gems (2). *BABESCH – Annual Papers on Mediterranean Archaeology* 69, 155–164.
- Budin, S.L., 2010: Aphrodite *Enoplion*. In: A.C. Smith, S. Pickup (eds.), *Brill's Companion to Aphrodite*. Leiden, 79–112.
- Burkhalter, F. 1984: Moulages en plâtre antiques et toreutique alexandrine. In: N. Bonacasa, A. Di Vita (ed.), *Alessandria e il mondo ellenistico-romano. Studi in onore di Achille Adriani*. Vol. II. (Studie e materiali, Istituto di archeologia, Università di Palermo, 5). Roma, 334–347.
- Cat. San Antonio 1999: E.D. Reeder (ed.), *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine*. New York.
- Cat. St. Petersburg 1999: S.P. Boriskovskaya (ed.), *Drevniy gorod Nimfey. Katalog vystavki* [The Ancient City of Nymphaion. Exhibition Catalogue]. Saint Petersburg.
- С.П. Борисовская (ред.), *Древний город Нимфей. Каталог выставки*. СПб.
- Cat. St. Petersburg 2004: M.B. Piotrovskiy (ed.), *Iran v Ermitazhe. Formirovanie Kollektiy. Katalog Vystavki v Gosudarstvennov Ermitage (Sankt-Peterburg, 24 iyunya – 22 avgusta 2004 g.)* [Iran in the Hermitage. The Formation of the Collections. Catalogue of the State Hermitage Exhibition (Saint Petersburg, 24 June – 22 August 2004)]. Saint Petersburg.
- М.Б. Пиотровский (ред.), *Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург, 24 июня – 22 августа 2004 г.)*. СПб.
- Cat. Thessaloniki 2010: P. Adam-Veleni (ed.), *Γυάλινος Κόσμος / Glass Cosmos*. Thessaloniki.
- Cat. Ufa 2007: A.B. Yunusova (ed.), *Muзей arkheologii i etnografii. Katalog muzeynoy ekspozitsii Tsentra etnologicheskikh issledovaniy Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN* [Museum of Archaeology and Ethnography. Catalogue of the Museum Exposition of the Center for Ethnological Research of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Ufa.
- А.Б. Юнусова (ред.), *Музей археологии и этнографии. Каталог музейной экспозиции Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН*. Уфа.
- Dembski, G. 2005: *Die antiken Gemmen und Kameen aus Carnuntum*. Wien.
- Dovgalyuk, N.P., Malyshev, A.A. 2008: [Description of Burial Associations. Catalogue]. In: A.A. Malyshev (ed.), *Aspurgiane na yugo-vostoke aziatskogo Bospora: po materialam Tsem dolinskogo mogil'nika* [The Aspurgians on the South-East of Bosphorus Asiaticus. Materials from the Tsem dolina Necropolis]. Moscow, 8–128.
- Довгалоук, Н.П., Малышев, А.А. Описание погребальных комплексов. Каталог. В кн.: А.А. Малышев (ред.), *Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цем-долинского могильника*. (Некрополи Черноморья, 2). М., 8–128.
- Dzigovsky, A.N., Ostroverkhov, A.S. 2010: [“Odd Complexes”: About the Semantics of Objects and Monuments in General]. *Stratum plus* 3, 145–174.
- Дзиговский, А.Н., Островерхов, А.С. «Странные комплексы»: о семантике предметов и комплексов в целом. *Stratum plus* 3, 145–174.
- Fialko, E.E. 2012: [A Scythian Kurgan with Greek Imports near the Green Village]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] XXVI, 218–254.
- Фиалко, Е.Е. Скифский курган с античными импортами у с. Зеленое. *Боспорские исследования* XXVI, 218–254.
- Flemberg, J. 1991: *Venus Armata. Studien zur bewaffneten Aphrodite in der griechisch-römischen Kunst*. (Skifter Utgivna av Svenska Institutet i Athen, 8.10). Stockholm.
- Flemberg, J. 1995: The Transformations of the Armed Aphrodite. In: B. Berggreen, N. Marinatos (eds.), *Greece and Gender*. Bergen, 109–122.
- Fossing, P. 1929: *The Thorvaldsen Museum. Catalogue of the Antique Engraved Gems and Cameos*. Copenhagen.
- Frederiksen, R. 2010: Plaster Casts in Antiquity. In: R. Frederiksen, E. Marchand (eds.), *Plaster Casts: Making, Collecting and Displaying from Classical Antiquity to the Present*. Berlin–New York, 11–34.

- Furtwängler, A. 1896: *Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium*. Berlin.
- Gołyźniak, P. 2020: *Engraved Gems and Propaganda in the Roman Republic and under Augustus*. (Archaeopress Roman Archaeology, 65). Oxford.
- Grawehr, M. 2007: Production of Bronze Works in the Nabataean Kingdom. *Studies in the History and Archaeology of Jordan* 9, 397–403.
- Guiraud, H. 1996: *Intailles et camées romains*. Paris.
- Guiraud, H. 2008: *Intailles et camées de l'époque romaine en Gaule (Territoire français)*. Vol. II. (48e supplément à Gallia). Paris.
- Henig, M. 1978: *A Corpus of Roman Engraved Gemstones from British Sites*. 2nd ed. (BAR British Series, 8). Oxford.
- Henig, M. 2010: A Two-Sided Cornelian Intaglio from Thurleigh, Bedfordshire, England. *Pallas* 83, 155–158.
- Henig, M. 2017: Roman Gems in Old Collections and in Modern Archaeology. In: B. van den Bercken, V.C.P. Baan (eds.), *Engraved Gems. From Antiquity to the Present*. (Papers on Archaeology of the Leiden Museum of Antiquities, 14). Leiden, 15–29.
- Huguenot, C. 2008: *La tombe aux Érotes et la tombe d'Amarnthos. Architecture funéraire et présence macédonienne en Grèce centrale*. (École suisse d'archéologie en Grèce. Eretria. Fouilles et recherches. 19). Vol. I. Texte. Vol. II. Catalogue et planches. Gollion.
- Imhoof-Blumer, F. 1897: *Lydische Stadtmünzen: neue Untersuchungen*. Genf–Leipzig.
- Jackson, M.M. 2005: Jewellery Evidence and the Lowering of South Italian Ceramic Chronology. *Ancient West and East* 3/2, 283–313.
- Kat. Bonn 2010: *Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul*. Bonn.
- Kat. Wien 1993: W. Seipel (Hrsg.), *Gold aus Kiew. 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien*. Wien.
- Khanenko, B.N., Khanenko, V.I. 1907: *Drevnosti Pridneprov'ya*. Vyp. VI. *Drevnosti Pridneprov'ya i poberezh'ya Chernogo morya* [Antiquités de la région du Dniepre et des côtes de la Mer Noire]. Kiev. Ханенко, Б.Н., Ханенко, В.И. *Древности Приднепровья*. Вып. VI. *Древности Приднепровья и побережья Черного моря*. Киев.
- Kleibrink, M. 2017: Cassandra on Seals. Ring Stone Images as Self-Representation: an Example. In: B. van den Bercken, V.C.P. Baan (eds.), *Engraved Gems. From Antiquity to the Present*. (Papers on Archaeology of the Leiden Museum of Antiquities, 14). Leiden, 31–46.
- Kostenko, V.I. 1984: [The Sarmatian Burial with Intaglio from the Kurgan Necropolis near the Village of Podgorodnoe]. In: A.I. Melyukova, M.G. Moshkova, V.G. Petrenko (eds.), *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya* [Antiquities of Eurasia in the Scytho-Sarmatian Period]. Moscow, 124–130. Костенко, В.И. Сарматское погребение с инталией из могильника у с. Подгородное. В кн.: А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко (ред.), *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. М., 124–130.
- Krug, A. 1981: *Antike Gemmen im Römisch-Germanischen Museum Köln*. (Wissenschaftliche Kataloge des Römisch-Germanischen Museums Köln, IV). Köln.
- Krug, A. 1995: Römische Gemmen im Rheinischen Landesmuseum Trier. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 76, 159–218.
- Lappo-Danilevskiy, A.S., Mal'mberg, V.K. 1894: *Drevnosti Yuzhnoy Rossii. Kurgan Karagodeuashkh* [The Antiquities of Southern Russia. Karagodeuashkh Kurgan]. Saint Petersburg. Лаппо-Данилевский, А.С., Мальмберг, В.К. *Древности Южной России. Курган Карагодеуашх*. (МАР, 13). СПб.
- Maderna-Lauter, C. 1988: Glyptik. Kat. 241–279. In: M.R. Hoffer (Hrsg.), *Kaiser Augustus und die verlorene Republik. Eine Ausstellung im Martin-Gropius-Bau, Berlin, 7. Juni–14. August 1998*. Mainz, 441–473.
- Maksimova, M.I. 1937: [Ancient Seals of the North Pontic Area]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History] 1, 251–261. Максимова, М.И. Античные печати Северного Причерноморья. *ВДИ* 1, 251–261.
- Maksimova, M.I. 1955: [Engraved Stones]. In: V.F. Gaydukevich, M.I. Maksimova (eds.), *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya. Ocherki istorii i kul'tury* [Ancient Cities of the North Pontic Region. Essays of the History and Culture]. Vol. I. Moscow–Leningrad, 437–445. Максимова, М.И. Резные камни. В кн.: В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (отв. ред.), *Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры*. Т. I. М.—Л., 437–445.

- Malýšev, A.A., Treister, M. Ju. 1994: Eine Bestattung des Zubovsko-Vozdviženski-Kreises aus der Umgebung von Noworossisk. *Bayerisches Vorgeschichtsblätter* 59, 39–71.
- Malýshev, A.A., Treister, M.J. 1994: A Warrior's Burial from the Asiatic Bosphorus in the Augustan Age. *Expedition* 36/2–3, 29–37.
- Mamontov, V.I., Shinkar', O.A. 2014: [Two Sarmatian Burials from the Verbovskiy I Kurgan Cemetery]. *Nizhnevolzhskiy arkhеologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin] 14, 132–144.
- Мамонтов, В.И., Шинкарь, О.А. Два сарматских погребения из курганного могильника Вербовский I. *Нижневолжский археологический вестник* 14, 132–144.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A.V. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis (Hrsg.), *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban*. (Archäologie in Eurasien, 25). Mainz, 265–400.
- Menninger, M. 1996: *Untersuchungen zu den Gläsern und Gipsabgüssen aus dem Fund von Begram (Afghanistan)*. Würzburg.
- Mitsopoulos-Leon, V. 2017: *Hellenistische Häuser in Lousoi. Keramik und Kleinfunde aus den Grabungen 1983–1994*. (ÖAI Sonderschriften, 55). Wien.
- Mordvintseva, V.I., Khabarova, N.V. 2006: *Drevnee zoloto Povolzh'ya iz fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [The Ancient Gold of the Volga Region. The Collection of Volgograd Regional Museum of Local Lore]. Simferopol.
- Мордвинцева, В.И., Хабарова, Н.В. Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Симферополь.
- Neverov, O. Ya. 1976: *Antichnye intalii v sobranii Ermitazha* [Antique Intaglios in the Hermitage Collection]. Leningrad.
- Неверов, О.Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л.
- Neverov, O. Ya. 1983: *Gemmy antichnogo mira* [The Gems of the Classical World]. Moscow.
- Неверов, О.Я. Теммы античного мира. М.
- Neverov, O.J. 1995: Les bagues et les pierres gravées provenant de Nymphaion. *Archeologia: rocznik Instytutu Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk* 46, 71–75.
- Nikulina, N.M. 1994: *Iskusstvo Ionii i akhemenidskogo Irana* [The Art of Ionia and Achaemenid Iran]. Moscow.
- Никулина, Н.М. Искусство Ионии и ахеменидского Ирана. М.
- Ostroverkhov, A.S. 2006: [Ancient Glass Glyptics in South-Eastern Europe (6th–2nd cc. BC)]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History] 2, 131–154.
- Островерхов, А.С. Античная стеклянная глиптика на юге Восточной Европы (VI–II вв. до н.э.). *ВДИ* 2, 131–154.
- Ostroverkhov, A.S. 2009: [Early Antique Glyptics of Olbia Pontica as a Historical Source (6th–1st Centuries BC)]. In: *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* [Materials on the Northern Black Sea Basin Archaeology]. Issue 9. Odessa, 79–102.
- Островерхов, А.С. Раннеантичная глиптика Ольвии Понтийской как исторический источник (VI – I вв. до Р.Х.). В сб.: *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Вып. 9. Одесса, 79–102.
- Ostroverkhov, A.S. 2010. [Materials for the Corpus of Glyptics of Olbia Pontica (6th–1st c. BC)]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History] 3, 85–112.
- Островерхов, А.С. Материалы к корпусу глиптики Ольвии Понтийской (VI–I вв. до н.э.). *ВДИ* 3, 85–112.
- Plantzos, D. 1999: *Hellenistic Engraved Gems*. Oxford.
- Platz-Horster, G. 1987: *Die Antiken Gemmen aus Xanten*. Bd.I. *Im Besitz des Niederrheinischen Altertumsvereins, des Rheinischen Landesmuseums Bonn, der Katholischen Kirchengemeinde St. Viktor und des Regionalmuseums Xanten*. Köln.
- Platz-Horster, G. 1994: *Die Antiken Gemmen aus Xanten*. Bd. II. *Im Besitz des Archäologischen Parks-Regionalmuseums Xanten, der Katholischen Kirchengemeinde St. Mariae Himmelfahrt Marienbaum sowie in Privatbesitz*. Köln.
- Reinsberg, C. 1980: *Studien zur hellenistischen Toreutik. Die antiken Gipsabgüsse aus Memphis*. (Hildesheimer ägyptologische Beiträge, 9). Hildesheim.
- Richter, G.M.A. 2006: *Catalogue of Engraved Gems Greek, Etruscan and Roman*. 2nd ed. Roma.

- Sagiv, I. 2018: *Representations of Animals on Greek and Roman Engraved Gems: Meanings and interpretations*. Oxford.
- Sarianidi, V.I. 1985: *Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-Tepe Necropolis in Northern Afghanistan*. Leningrad.
- Schulze, H. 2020: Die frühen Alexanderbildnisse. In: A. Pangerl (Hrsg.), *400 Jahre hellenistische Portraits*. München, 231–246.
- Sena Chiesa, G. 1966: *Gemma del Museo nazionale di Aquileia*. Aquileia.
- Sergatskov, I.V. 2000: *Sarmatskie kurgany na Ilovle [Sarmatian Burial-mound on Ilovlya-River]*. Volgograd.
- Сергачков, И.В. *Сарматские курганы на Иловле*. Волгоград.
- Shkorpil, V.V. 1907: [The Report of Excavations in Kerch in 1904]. *Izvestiya imperatorskoy arkheologicheskoy komissii [Reports of the Imperial Archaeological Commission]* 25, 1–66.
- Шкорпил, В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. *ИИАК* 25, 1–66.
- Silant'eva, L.F. 1959: [The Necropolis of Nymphaion]. In: V.F. Gaydukevich (ed.), *Nekropoli bosporskikh gorodov (po materialam rasskopok 1930-kh godov) [Necropoleis of the Bosporan Cities (Based on the Materials from 1930-s' Excavations)]*. Moscow–Leningrad, 5–107.
- Силантьева, Л.Ф. Некрополь Нимфея. В кн.: В.Ф. Гайдукевич (ред.), *Некрополи боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов)*. (МИА, 69). М. – Л., 5–107.
- Simonenko, A.V. 2008: Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In: A.V. Simonenko, I.I. Marčenko, N. Ju. Limberis (Hrsg.), *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban*. (Archäologie in Eurasien, 25). Mainz, 1–264.
- Simonenko, A.V. 2011: *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya [Roman Import for the Sarmatians of North Pontic Region]*. Saint Petersburg.
- Симоненко, А.В. *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. СПб.
- Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2016: [A Scythian Burial with a Glass Scaraboid from the Left Bank of Lower Dniester]. In: I.V. Njemchenko (ed.), *Starodavnje Prychornomor'ja [Ancient Pontic Region]*. Issue XI. Odessa, 488–499.
- Синика, В.С., Тельнов, Н.П. Скифское погребение с литиком-скарабеоидом с левобережья Нижнего Днестра. В сб.: И.В. Немченко (ред.), *Стародавнє Причорномор'я*. Вип. XI. Одесса, 488–499.
- Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D. 2018: [Scythian Graves from the Barrow 4 of the “Garden” Group on the Left Bank of the Lower Dniester]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Nizhnevartovsk State University]* 1, 111–119.
- Синика, В.С., Тельнов, Н.П., Лысенко, С.Д. Скифские погребения кургана 4 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра. *Вестник Нижневартовского государственного университета* 1, 111–119.
- Skripkin, A.S. (ed.) 2013: *Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoy oblasti. K 100-letiyu Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Archaeological Heritage of the Volgograd Region. To the 100th Anniversary of the Volgograd Regional Local Lore Museum]*. Volgograd.
- Скрипкин, А.С. (ред.). *Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского областного краеведческого музея*. Волгоград.
- Spier, J. 1992: *Ancient Gems and Finger Rings. Catalogue of the Collections. The J. Paul Getty Museum*. Malibu.
- Spier, J. 2019: Precious Gems and Poetry in the Hellenistic Royal Courts. In: S.A. Hemingway, K. Karoglou (eds.), *Art of the Hellenistic Kingdoms. From Pergamon to Rome*. New York–New Haven, 31–37.
- Spier, J., Ogden, J. 2015: *Rings of the Ancient World. Egyptian, Near Eastern, Greek, and Roman Rings from the Slava Yevdayev Collection*. Wiesbaden.
- Stančo, L. 2012: *Greek Gods in the East. Hellenistic Iconographic Schemes in Central Asia*. Prague.
- Tanriöver, A. 2016: Nur spielen, nicht fressen – Ein Panther und ein ›Kitz‹ auf einer Münze aus Philadelphia (Lydien). In: H. Schwarzer, H.-H. Nieswandt (Hrsg.), *“Man kann es sich nicht prächtig genug vorstellen!”. Festschrift für Dieter Salzmann zum 65. Geburtstag*. Bd. I. Marsberg–Padberg, 183–192.
- Thomas, R. 1995: Hellenistische Wurzeln römischer Herrscherikonographie. Zur Alexanderangleichung des Augustus. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts* 110, 367–403.

- Timofeev, A.A., Soloviov, D.S., Stukalov, G.V., Vasiliev, D.V., Bochkarev, V. Yu. 2020: [Burials of the Early Iron Age of the Kurgan Cemetery "Bogomolnye Peski-I"]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik [The Lower Volga Archaeological Bulletin]* 19/2, 279–305.
- Тимофеев, А.А., Соловьев, Д.С., Стукалов, Г.В., Васильев, Д.В., Бочкарев, В.Ю. Захоронения эпохи раннего железного века курганного могильника «Богомольные пески-І». *Нижневожский археологический вестник* 19/2, 279–305.
- Timofeev, A.A., Treister, M.Yu. 2022: [Double-Sided Glass Gems from the Burial no. 13 of the Kurgan no. 1 of the Group "Bogomol'nye Peski-I"]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik [The Lower Volga Archaeological Bulletin]* 21/2, 269–296.
- Тимофеев, А.А., Трейстер, М.Ю. Двусторонние геммы-литики из погребения № 13 кургана № 1/2019 могильника «Богомольные пески-І». *Нижневожский археологический вестник* 21/2, 269–296.
- Treister, M.Yu. 1999: Some Classical Subjects on the Late Hellenistic Sarmatian *Phalerae* (to the Origin of *Phalerae*). In: G.R. Tsetskhladze (ed.), *Ancient Greeks. West and East*. Leiden, 565–604.
- Treister, M.Yu. 2001: *Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics*. (Colloquia Pontica, 8). Leiden–Köln–Boston.
- Treister, M.Yu. 2007: [Inlays of Gems (excluding Finger Rings)]. In: V.I. Mordvintseva, M.Yu. Treister, *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e. [Items of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD]*. Vol. I. Simferopol–Bonn, 295–305.
- Трейстер, М.Ю. Вставки гемм (за исключением перстней). В кн.: В.И. Мордвинцева, М.Ю. Трейстер, *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. Т.І. Симферополь–Бонн*, 295–305.
- Treister, M.Yu. 2008: [Imported Metalware from the Tsemdolina Necropolis]. In: A.A. Malyshev (ed.), *Aspurgiane na yugo-vostoke aziatskogo Bospora: po materialam Tsemdolinskogo mogil'nika [The Aspurgians on the South-East of Bosphorus Asiaticus. Materials from the Tsemdolina Necropolis]*. Moscow, 181–187.
- Трейстер, М.Ю. Импортная металлическая посуда из Цемдолинского могильника. В кн.: А.А. Малышев (ред.), *Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского могильника*. (Некрополи Черноморья, 2). М., 181–187.
- Treister, M. 2010: 'Achaemenid' and 'Achaemenid-inspired' Goldware and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire. In: J. Nieling, E. Rehm (eds.), *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers*. (Black Sea Studies, 11). Aarhus, 223–279.
- Treister, M.Yu. 2015a: [Gold of Phanagoria. Typological, Stylistic and Chronological Analysis]. In: M.Yu. Treister (ed.), *Zoloto Fanagorii [Gold of Phanagoria]*. Moscow, 77–181.
- Трейстер, М.Ю. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ. В кн.: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории*. (Фанагория. Результаты археологических исследований, 2). М., 77–181.
- Treister, M.Yu. 2015b: [The Catalogue. Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences]. In: M.Yu. Treister (ed.), *Zoloto Fanagorii [Gold of Phanagoria]*. Moscow, 391–534.
- Трейстер, М.Ю. Каталог. Институт археологии РАН. В кн.: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории*. (Фанагория. Результаты археологических исследований, 2). М., 391–534.
- Treister, M.Yu. 2020: [Roman Bronze Vessels with Medallions Bearing Figural Images from Sarmatia]. In: A.V. Belousov, E.V. Ilyushechkina (eds.), *Homo omnium horarum: Sbornik statey v chest' 70-letiya A. V. Podosinova [Homo omnium horarum: Collection of Articles to the 70th Anniversary of A. V. Podosinov]*. Moscow, 565–610.
- Трейстер, М.Ю. Римские бронзовые сосуды с медальонами с фигурными изображениями из Сарматии. В кн.: А.В. Белоусов, Е.В. Илюшечкина (ред.), *Номо omnium horarum: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова*. М., 565–610.
- Triantafyllidis, P. 2003: Classical and Hellenistic Glass Workshops from Rhodes. In: D. Foy, M.-D. Nenna (dir.), *Échanges et commerce du verre dans le monde antique: actes du colloque de l'AFAV, Aix-en-Provence et Marseille, 7–9 juin 2001*. (Monographies instrumentum, 24). Montagnac, 131–138.
- Vakhtina, M.Yu. 2016: [About the Ornaments from the Woman's Grave of the Karagodeuashkh Barrow (from the Scientific Archive of the Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)]. *Tavricheskie studii [Tauric Studies]* 10, 24–31.
- Вахтина, М.Ю. Об украшениях из женской гробницы кургана Карагодеуашх (по материалам научного архива ИИМК РАН). *Таврические студии* 10, 24–31.

- Vnukov, S.Ju., Kovalenko, S.A., Treister, M. Ju. 1990: Moulages en plâtre de Kara-Tobe (Crimée). *Revue archéologique* 1, 27–50.
- Vollenweider, H.M.-L. 1955: Verwendung und Bedeutung der Porträtgemmen für das politische Leben der römischen Republik. *Museum Helveticum* 12/2, 96–111.
- Vollenweider, M.-L. 1967: *Catalogue raisonné des sceaux, cylindres, intailles et camées. Musée d'art et d'histoire de Genève*. T.I. Genève.
- von Saldern, A. 2004: *Antikes Glas (Handbuch der Archäologie)*. München.
- Wagner, Cl. 2019: Studying Gems: Collectors and Scholars. In: R. Morais, D. Leão, D. Rodríguez Pérez, D. Ferreira (eds.), *Greek Art in Motion. Studies in Honour of Sir John Boardman on the Occasion of his 90th Birthday*. Oxford, 37–45.
- Zazoff, P. 1983: *Die antiken Gemmen (Handbuch der Archäologie)*. München.
- Zwierlein-Diehl, E. 1998: *Die Gemmen und Kameen des Dreikönigenschreines*. (Studien zum Kölner Dom, 5). Köln.
- Zwierlein-Diehl, E. 2007: *Antike Gemmen und Ihr Nachleben*. Berlin.
- Zwierlein-Diehl, E. 2015: Stiftung der bedeutenden Gemmen-Sammlung Klaus J. Müller für die Universität Bonn. *Kölner und Bonner Archaeologica* 5, 235–250.

DOI: 10.31857/S032103910020459-7

DISCIPLINA ETRUSCA И ФОРМИРОВАНИЕ РИМСКОГО ОРТОГОНАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ

М. Н. Кириллова

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия*

E-mail: mnkirillowa@bmstu.ru

ORCID: 0000-0001-9029-5727

По сведениям римских землемеров, основные принципы самой распространенной системы римского ортогонального межевания — лимитации — восходят к *disciplina Etrusca*, комплексу этрусских ритуалов. Среди специалистов нет единого мнения о степени влияния этрусков на развитие римского межевания: собственно этрусские достижения в этой области малоизвестны, гораздо более заметны ортогональные планы греческих колоний Юга Италии. Обращение к известным случаям прямоугольной планировки территории этрусских поселений, в частности колонии в Марцаботто, показывает, с одной стороны, их близость планировке греческих городов, с другой стороны, наличие особенностей, обусловленных влиянием этрусских религиозных ритуалов, некоторые из которых — ориентация дорог поселения по сторонам света, наличие на их пересечении специальных знаков — действительно согласуются с предписаниями римских землемерных трактатов эпохи Империи. Самые ранние следы римских межеваний, близкие лимитации, датируются серединой III в. до н.э. Появление римской лимитации именно в это время можно объяснить более тесным знакомством с *disciplina Etrusca*, произошедшим после завоевания основных этрусских религиозных центров.

Ключевые слова: римское межевание, лимитация, этруски, *disciplina Etrusca*, Марцаботто

DISCIPLINA ETRUSCA AND THE DEVELOPMENT OF THE ROMAN ORTHOGONAL LAND SURVEYING

Maria N. Kirillova

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia*

E-mail: mnkirillowa@bmstu.ru

Данные об авторе. Мария Николаевна Кириллова — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доцент МГТУ им. Н.Э. Баумана.

According to Roman land surveyors, the history of the most common system of Roman orthogonal surveying — *limitatio* — goes back to the *disciplina Etrusca*, a complex of Etruscan rituals. There is no consensus among specialists regarding the degree of Etruscan influence on Roman surveying practice, since the Etruscan achievements in orthogonal surveying are scarcely known and the orthogonal plans of the Greek colonies in Southern Italy are much more famous. Archaeological evidence, and in particular, the study of the Etruscan colony in Marzabotto, show that there are traces of orthogonal surveying on the territory of the Etruscan cities. The organization of these settlements is close to the Greek cities with orthogonal surveying; however, there are also some features, which can be explained by the influence of *disciplina Etrusca*. Some of them (the apparent orientation of the main roads of the settlement to the cardinal points, the presence of special signs at the roads' intersection) were also important for the imperial surveyors, even though they recognized a need to take into account the features of landscape and other practical considerations. The earliest traces of Roman land surveys, close to *limitatio*, date back to the third century BC. It can be explained by a closer knowledge of the *disciplina Etrusca*, which became possible after the conquest of the main Etruscan religious centers.

Keywords: Roman land surveying, *limitatio*, the Etruscans, *disciplina Etrusca*, Marzabotto

В древнем Риме межевание и связанный с ним комплекс правовых норм в первые века Империи достигли уровня, к которому Европа Нового времени смогла приблизиться только в XVIII в.¹ Исследование процесса формирования римского межевания, в особенности того, какие инокультурные влияния оно испытало в ходе своего развития, максимально осложнено как проблемой интерпретации археологических данных, так и тем, что этот вопрос мало интересовал авторов землемерных трактатов, которые в своем изложении ориентировались на современные им практики I–II вв. н.э.² В корпусе римских землемеров содержатся системные отсылки к влиянию лишь одной цивилизации: этрусской. Сравнительно частые указания на этрусские реалии в землемерных сочинениях позволяют ставить вопрос о степени этрусского влияния на процесс формирования римского межевания.

В трактатах упоминания этрусков появляются в связи с краткими обращениями к истории римской системы ортогонального межевания. В том виде, как она описана в землемерных трактатах эпохи Империи, она предполагала деление поля общественными дорогами, пересекавшимися под прямым углом (лимитами), на равные квадраты — центурии. Главные оси, *decumanus maximus* и *kardo maximus*, отличались тем, что были значительно шире остальных дорог, причем главный декуман должен был быть шире главного кардо. Эта система обычно называется в землемерных трактатах лимитацией (F IV. 2; SF IV. 2, 24, 35, 53, 54, 60) или центуриацией (H II. 32; S. IV. II).

Корпус сочинений римских землемеров составляют пространные трактаты с указанием автора, «книги колоний», представляющие собой перечень населенных пунктов с описанием особенностей межеваний их территории, а также ряд

¹ Dilke 1971, 15.

² Guillaumin 2005, 43. Землемерные тексты используются и цитируются по изданиям Ж.-И. Гийомена (Guillaumin 2005; 2010; 2017), фрагмент «Из книг Долабеллы» — по изданию Б. Кэмпбелла (Campbell 2000), также учтено издание Ж. Пейраса (Peyras 2013).

сравнительно небольших по объему и разных по тематике сочинений. В связи с проблемой происхождения римского межевания нас в первую очередь интересуют два фрагмента сочинений землемеров Гигина Громатика «Установление лимитов» (*Constitutio limitum*; HG I. 1–13) и Юлия Фронтина «О лимитах» (*De limitibus*; F III. 1–8). Оба автора жили в I в. н.э., причем анализ сочинения Гигина Громатика показывает, что он работал в эпоху Веспасиана и, вероятно, был самым ранним из известных нам землемерных авторов³. Свой рассказ он начинает с пассажа о значении лимитации, которую называет «важнейшим среди всех обычаев межевания» (HG I. 1: *Inter omnes mensurarum ritus eminentissima*). Трактат Фронтина не содержит подобного вступления, однако далее сходство между текстами становится вполне очевидным: оба автора сообщают, что первыми правила лимитации установили этруски (HG I. 4: *unde primum haec ratio mensurae constituta ab Etruscorum haruspicum [uel auctorum habet, quorum artificium] disciplina*; F III. 1: *Limitum prima origo, sicut Varro descripsit, a disciplina Etrusca*. Затем следует пассаж, который совпадает у обоих авторов почти дословно: «Ведь они («этрусские жрецы» у Фронтина. — М. К.) разделили землю на две части *в соответствии с ходом солнца* (выделено выражение, отсутствующее у Фронтина. — М. К.), правой частью они назвали ту, что простирается к северу, левой ту, которая была обращена к югу, (двигаясь) с востока на запад, поскольку луна и солнце смотрят таким образом» (HG I. 4 = F III. 1: *quod illi orbem terrarum in duas partes secundum solis cursum diuiserunt: dextram appellauerunt quae septentrioni subiacebat, sinistram quae ad meridianum terrae esset, ab oriente ad occasum, quod eo sol et luna spectaret*). Вторая линия проводится с севера на юг, часть, лежащая на севере, называется «антика», а на юге — «постика». Примечательно, что Фронтин называет источник своих сведений — Варрона (F III. 1: *sicut Varro descripsit*). От линии, идущей с востока на запад, появился лимит декуман, а от линии, идущей с севера на юг, — кардо (HG I. 7; F I. 2).

Хотя текст Фронтина содержит сведения, отсутствующие у Гигина Младшего, который, скорее всего, жил раньше, их сходство все же позволяет предположить, что оба автора ориентировались на один и тот же первоисточник, скопировав его, однако, по-разному. Это могло быть как некое сочинение Варрона, так и еще один не дошедший до нас землемерный текст⁴, цитировавший Варрона. Фронтин упоминает Варрона еще один раз, приводя этимологию *ager arcifinius*⁵ (F I. 4). В известных нам текстах Варрона нет фрагментов, которые содержали бы какие-либо упоминания *ager arcifinius*, а этимология этого термина сохранилась только у землемеров и в текстах, содержащих цитаты из них⁶, таким образом, установить с точностью, каким именно сочинением Варрона пользовался Фронтин, нельзя. В частично сохранившемся трактате «О латинском языке» нет сходных пассажей. Что касается других сочинений Варрона, то известно, в частности, о составленной им энциклопедии, посвященной искусствам и ремеслам, однако мы знаем о ее

³ Ratti 1996, 238.

⁴ Kirillova 2021, 602.

⁵ Это тип обозначения поля по особенностям рельефа и отдельным межевым камням, существовавший еще до появления практики регулярного межевания.

⁶ Maltby 1991, 47.

содержании слишком мало⁷. С другой стороны, несмотря на то что в самих сохранившихся сочинениях Варрона не так много говорится о землемерной проблематике, в них обнаруживается фрагмент, который схож с приведенными сообщениями землемеров. В нем говорится об ориентации при построении templum, пространства, необходимого для ауспий: «Четыре части этого templum называются: левая с востока, правая с запада, “антика” к югу, “постика” к северу» (Varro *L. L.* VII. 7: eius templi partes quattuor dicuntur, sinistra ab oriente, dextra ab occasu, antica ad meridiem, postica ad septemtrionem). Как мы видим, направление ориентации templum Варрона отличается от ориентации лимитов, о которой сообщают землемеры (у Варрона правая сторона соответствует западу, а у Фронтин — северу). Следовательно, Фронтин мог иметь в виду все-таки другой текст, в котором Варрон рассказывал о происхождении межевания от этрусских ритуалов⁸.

Помимо упомянутых пассажей землемеров о делении пространства, связь межевания и ориентации храма обсуждается во фрагменте «Из книг Долабеллы»⁹:

Почему в общественных храмах на входе древние проводили крест, обозначая «антика» и «постика»? Потому что гаруспики, согласно ауспициям, разделили землю на две части, одна часть от востока на запад, другая с юга на север. По той же причине если кто из императоров или консулов в сражениях приобрел земли для римского народа и поделил их между ветеранами или римскими воинами, и по своему обету богам воздвиг храм, чтобы было известно потомкам, почему он приобрел земли для римского народа, согласно ауспициям сделал знак в храме своих богов, чтобы подписать «антика» и «постика»¹⁰.

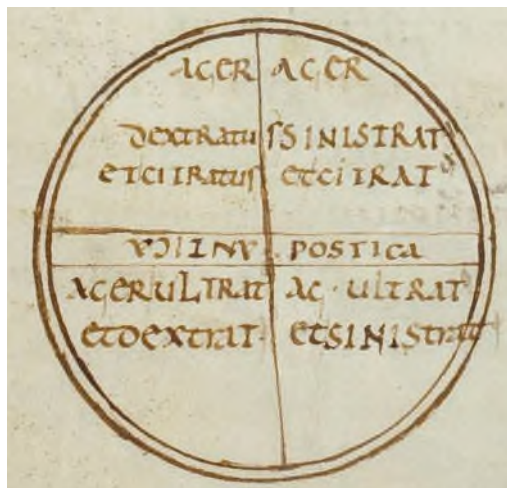

Рис. 1. Иллюстрация из рукописи сочинения «Из книг Долабеллы». HAB, *Cod. Guelf.* 105 Gud. lat. (URL: <http://diglib.hab.de/mss/105-gud-lat/start.htm?image=00217>; дата обращения: 20.02.2023)

⁷ Albrecht 2002, 649.

⁸ Отметим, что сведения о сакральной ориентации римлян в целом весьма противоречивы: Podossinov 1999, 247.

⁹ Неизвестно, кто был Долабелла; имеющийся текст следует датировать, скорее всего, IV в. н.э. См. Peyras 2013, 38.

¹⁰ Campbell 2000, 224: Quare per aedes publicas in ingressus antiqui fecerunt crucem, ANTICA, et POSTICA? Quia aruspices secundum aruspicium in duabus partibus orbem terrarium diviserunt; une parte ab oriente in occidentem, alia a meridiano in septentrionem. Ideoque si qui imperatorum aut consulum pugnantem terras adquisierunt nomini Romano et partiti sunt veteranis aut militibus Romanis, et pro voto suo dis templum aedificaverunt, ut sciretur a posteris quia adquisierat terras nomini Romano, secundum auspicium signum fecerunt in aedes deorum suorum, ut scriberent ANTICA et POSTICA. С точки зрения Ж. Пейраса, упоминание консулов указывает на то, что текст описывает республиканские реалии, а под императором имеется в виду магистрат, наделенный империем, см. Peyras 2013, 45.

Этот фрагмент почти не связан с его контекстом: в основном в отрывке «Из книг Долабеллы» речь идет о межевых знаках. Более того, в нем ничего не сказано собственно о проведении лимитов. Императоры и консулы воздвигают храм ради сохранения о них памяти при основании ветеранского поселения, но связь этого пассажа с межеванием не обозначена внятно. В рукописях землемеров IX в. этот фрагмент проиллюстрирован изображением (рис. 1), которое не облегчает его интерпретацию: на рисунке круг разделен не на две части, а двумя линиями на четыре¹¹, что, впрочем, согласуется с принятой у землемеров практикой ориентации лимитов и деления поля на четыре части при межевании. Таким образом, иллюстрация трактата, восходящая, очевидно, к первоисточникам римского времени¹², оказывается более близкой римским реалиям и точной, чем текст, который она сопровождает. Очевидно, сам позднеантичный автор или переписчик не вполне понимал, как связаны ориентация храма и основные лимиты.

Основная идея рассматриваемых фрагментов состоит в том, чтобы подчеркнуть религиозные корни лимитации¹³. *Disciplina Etrusca*, которую упоминают землемеры, была комплексом ритуалов, которым пользовались в основном гаруспики. Император Клавдий характеризовал ее как древнейшее религиозное учение Италии (Тас. *Ann.* XI. 15. 1: *vetustissima Italiae disciplina*). Попытки приписать это учение кому-то еще помимо этрусков в целом противоречат абсолютному большинству нарративных источников¹⁴. Этрусская дисциплина была известна по священным текстам: так, Цицерон перечисляет *libri haruspicini*, *fulgurales* и *rituales* (Cic. *De div.* I. 72)¹⁵. Наибольший интерес в контексте нашей темы представляют *libri rituales*: «Ритуальными называются книги этрусков, в которых предписано, по какому ритуалу следует основывать города, освящать алтари и храмы, с каким благочестием стены, по какому праву ворота, каким образом трибы, курии, центурии следует распределять, как собирать и управлять войском, и остальное, принадлежащее к делам войны и мира»¹⁶. Таким образом, *libri rituales* были посвящены обрядовой стороне организации города, причем как территории и зданий, так и политических институтов.

Об этрусском влиянии на римскую практику основания городов неоднократно говорится в нарративной традиции. Чаще всего источники упоминают «этрусский ритуал» основания нового поселения, который был достаточно известным

¹¹ Части поля подписаны *ager dextratus et citratus*, *ager sinistratus et citratus*, *ager ultratus et dextratus*, *ager ultratus et sinistratus*. Интересно, что *dextratus* (как и *sinistratus*) считается *terminus technicus* землемеров (*TLL* s.v. *dextratus*).

¹² Campbell 1996, 99.

¹³ Peyras 2003, 106–108. Примечательно, что согласно одной из предлагаемых землемерами версий происхождения слова «лимит», оно связано с *limus*: жреческим передником, имевшим пурпурную продольную полосу, см. Kirillova 2021, 603.

¹⁴ Horster 2007, 336.

¹⁵ См. более подробно об этой классификации Thulin 1906, 1–12.

¹⁶ Fest. s.v. *rituales*: *Rituales nominantur Etruscorum libri*, in quibus praescriptum est, quo ritu condantur urbes, arae aedes sacrantur, qua sanctitate muri, quo iure portae, quomodo tribus, curiae, centuriae distribuuntur, exercitus constituent, ordinentur, ceteraque eiusmodi ad bellum ac pacem pertinentia.

и использовался по меньшей мере до поздней Республики. Он довольно подробно описан в источниках, в частности у Варрона: будущую территорию города обводили плугом, который тащила упряжка быков, точнее, бык и корова (Varr. *L.L.* V. 143). Таким образом обрабатываемая земля отграничивалась от необрабатываемой, а территория города — от окружающего мира¹⁷. Этот ритуал имел целью определить границы поселения, очевидно, что он гораздо древнее ортогонального межевания. Землемеры же пишут не об установлении границ поселения, а об ориентации его основных дорог. Как можно заключить из уже упоминавшегося фрагмента сочинения Варрона «О латинском языке», ориентация была условием конструирования *templum*, особого сакрального пространства, использовавшегося при проведении ауспий. Сутью ауспий было наблюдение и интерпретация знаков в определенных небесных секторах¹⁸. Для этого сначала необходимо было определить местонахождение этих секторов, для чего и требовалась ориентация по сторонам света. По словам Варрона, существует три вида *templum*: *ab natura*, *ab auspicando*, *a similitudine*; *ab natura in caelo*, *ab auspiciis in terra*, *a similitudine sub terra* (*L.L.* VII. 6). С точки зрения М. Торелли, *templum ab natura in caelo* это, собственно, небо, на котором обитают боги, а *templum ab auspiciis in terra* — это проекция неба на землю для совершения ауспий. Интерпретация термина *templum a similitudine* представляет определенную проблему: возможно, он имел в виду некую проекцию неба на объекты, например на внутренности жертвенных животных¹⁹, хотя такой интерпретации и противоречит *sub terra*²⁰. Впрочем, трактовки видов *templum*, его формы и ориентации у исследователей разнятся²¹. Место *templum* определялось произнесением определенной формулы, обозначавшей его границы (VII. 8: *in terris dictum templum locus... quibusdam conceptis uerbis finitus*)²². Варрон приводит формулу, которую авгуры произносили на одной из вершин Капитолийского холма; она неоднократно анализировалась исследователями²³. Постоянным местом проведения ауспий был *auguraculum*, находившаяся на возвышении специальная площадка²⁴. Сведения о проведении ауспий, содержащиеся в нарративной традиции, пополнились

¹⁷ De Sanctis 2007, 505; Carlà 2015, 603. В настоящее время исследователи подвергают сомнению исключительно этруское происхождение этого ритуала, допуская по меньшей мере его синкретический характер, см. Riva 2016, 96. Безусловно, отдельные его элементы усложняют проблему происхождения ритуала, например, то обстоятельство, что тога на совершающем обряд должна была быть завязана *ritu Gabino* (Serv. *Aen.* V. 755), однако в целом нарративная традиция достаточно определенно приписывает его этрускам (Liv. I. 44. 3; Plut. *Rom.* 10–11; Macrobian. *Sat.* V. 19. 13).

¹⁸ Самый известный пример — это, конечно, описание в нарративной традиции ауспий Ромула и Рема при основании Рима, см. Mignone 2016.

¹⁹ Так, известный макет овечьей печени из Пьяченцы наряду со сведениями Марциана Капеллы помогает реконструировать, какие этруские боги должны были обитать в каком небесном секторе, см., например, Weinstock 1946, 121–122; Herbig 1957, 125.

²⁰ Torelli 1995, 102.

²¹ Sidorovich 2019, 48–55.

²² Sidorovich 2019, 39.

²³ См., например, Norden 1995.

²⁴ Sidorovich 2019, 60–61.

благодаря Игувинским таблицам, а также открытию авгуракулов в Козе и Бантии. Их данные позволили сделать вывод, что проведение ауспий *in agre* не было исключительно римской практикой²⁵.

Таким образом, землемеры имеют в виду, что ориентация *templum*, точнее говоря, этрусского варианта *templum*, связана с формированием римской лимитации. Поскольку сообщения землемерных трактатов на этот счет ограничиваются вышеприведенными фрагментами, вопрос о степени действительного влияния этрусов на формирование римского межевания остается дискуссионным. Многие исследователи высказывались в пользу значимости такого влияния²⁶. Отметим, что для ученых, интересующихся *disciplina Etrusca* в контексте истории религии или этрусской цивилизации, имеющиеся у землемеров сведения важны сами по себе, поэтому уточняющих вопросов о характере преемственности в этой области не ставилось²⁷. В области изучения собственно римского межевания ситуация иная. Так, О. Дилке, отмечая влияние на римлян этрусской религиозности, больше значения придавал влиянию греческих городов юга Италии. Несмотря на наличие на этрусской территории следов ортогонального межевания, с его точки зрения, прямоугольные участки этрусских колоний слишком далеки от квадратных римских центурий, чтобы можно было говорить о преемственности между этими традициями межевания²⁸. В пользу большей значимости греческого влияния высказывается и Ж.-И. Гийомен, не отрицая, впрочем, возможной связи римского межевания с этрусскими жрецами²⁹. Не переоценивать вклад этрусов в римское межевание призывал и Ф.Т. Хинрикс: с его точки зрения, описанная у землемеров практика межевания формируется только в III в. до н.э.³⁰ Отметим, что Хинрикс одним из первых задался вопросом о происхождении других, отличных от лимитации типов межевания, упомянутых землемерами. Обратившись к появившимся после Второй мировой войны результатам аэрофотосъемки, он первым поднял вопрос об историческом развитии римского межевания³¹. Однако ученый рассматривал только системы межевания ранних латинских и римских колоний³² и не обращался к уже известному тогда этрусскому материалу, хотя, как мы видим, именно с традицией этрусов связывают происхождение межевания сами землемеры. О. Берендс, напротив, выступал против недооценки влияния религиозных практик на римское межевание: с его точки зрения, землемеров можно воспринимать как светских наследников авгуров³³; к этому выводу он приходит, однако, исключительно на основании нарративных источников,

²⁵ Magdelain 1990, 193.

²⁶ Peyras 2012. С точки зрения С. Мадзарино, даже традиционный римский размер центурии (200 югеров) был обусловлен не римскими традициями, как это часто отмечается в литературе, а этрусскими влияниями, см. Mazzarino 1957, 102–103.

²⁷ См., например, Grenier 1948, 23–24; Gros, Torelli 2007, 25.

²⁸ Dilke 1971, 33–34.

²⁹ Guillaumin 2005, 16–18, 20–27.

³⁰ Hinrichs 1974, 55.

³¹ О развитии ранних форм римского межевания см. также Gvozdeva 1986.

³² Hinrichs 1974, 38–48.

³³ Behrends 1992, 212, 230.

абстрагируясь от археологических данных. Большая часть исследователей придерживается умеренных позиций, оговаривая этруское влияние на сами землемерные тексты, как, например, В. Хюбнер³⁴, или же признавая вероятное влияние этрусков, но делая акцент на непосредственно римский характер итоговой системы римского межевания, которую мы находим в трактатах эпохи Империи, как, например, Б. Кэмпбелл³⁵.

Влияние греческой техники на практику римского межевания, особенно в эпоху Империи, разумеется, отрицать не приходится. Тем не менее, на наш взгляд, необходимо еще раз рассмотреть проблему влияния этрусков на формирование римского межевания. К этому располагает как проведенная за последние годы работа по изданию и комментированию землемерных текстов, так и новые археологические данные, которые корректируют ранее созданные в историографии, зачастую отличающиеся излишней жесткостью схемы римской колонизации и устройства римских колоний³⁶ и представления об истории древней Италии в целом. Стоит попробовать понять, когда сами этруски начали пользоваться ортогональным межеванием, что оно собой представляло, имело ли оно общие черты с римской лимитацией, а также, исходя из этого, как и когда этрусская традиция могла повлиять на римскую практику организации поселений.

За исключением землемеров, другим античным авторам ничего не известно об этруских достижениях в области межевания. Так, примечательный очерк истории развития межевания в древности содержится в *Variae* Кассиодора. Поводом для разговора о межевании послужил некий пограничный спор, рискующий закончиться применением силы (Cass. Var. 3. 52). Кассиодор, задаваясь риторическим вопросом, как бы повели себя участники этого спора, если бы они владели землей в Египте, где разливы Нила регулярно стирают межевые знаки³⁷, отмечает вклад в развитие межевания египтян, халдеев, Герона Александрийского, упоминает деятельность императора Августа, уточнившего за свое правление сведения о земельной собственности, однако ничего не говорит о роли этрусков. Отсутствие у позднего автора таких сведений не значит, что этруски не могли оказать определенного влияния на развитие межевания: расцвет этруской цивилизации пришелся на эпоху раннего Рима и был сравнительно непродолжительным (VII–VI вв. до н.э.). Поэтому распространение ортогонального плана в этруских поселениях и его влияние на римскую практику основания поселений возможно реконструировать, опираясь прежде всего на данные археологии, а не нарративных источников.

Наиболее древние этруские города возникали, как правило, вследствие укрупнения одного поселения или путем синойкизма в VIII–VII вв. до н.э.³⁸ По этой причине, а также зачастую в силу особенностей ландшафта большинство этруских

³⁴ Hübner 1992, 145, 170.

³⁵ Campbell 2000, xlv–xlvi.

³⁶ См., например, Pelgrom 2008, где на основании новых археологических данных оспаривается концепция Козы как типичной римской колонии, см. Salmon 1970, 29–39.

³⁷ О том, что разливы Нила усложняли оформление границ частных землевладений, говорил и Страбон (XVII. 787).

³⁸ Steingraber 2001, 17; Turfa 2018, 642.

городов не отличалось регулярной планировкой³⁹. С середины VI в. до н.э. в этрусских памятниках налицо тенденция к системности: она проявляется, например, в расположении некрополей в Чертевери и Орвьето⁴⁰, а самый ранний известный пример прямоугольной планировки обнаружен на территории поселения в Акваросса (конец VI в. до н.э.)⁴¹. Остатки регулярных межеваний прослеживаются прежде всего в этрусских колониях в бассейне р. По: Марцаботто, Спине, Мантуе⁴². Лучше всего сохранилась и потому лучше всего изучена планировка поселения в Марцаботто, расположенного в 20 км от Болоньи, на небольшом плато на берегу р. Рено, связывавшей Северную и Южную Этрурию⁴³. Само поселение, вероятно, называлось Misa или, что в последнее время считается более вероятным, Kainua, т.е. «новый город»⁴⁴. Его основание датируют VI в. до н.э., а следы регулярной городской планировки — началом V в. до н.э.⁴⁵ Наличие на территории этого города следов ортогонального межевания принято объяснять греческим влиянием⁴⁶, в первую очередь потому, что, как было замечено выше, следов регулярного межевания на территории более ранних этрусских поселений не обнаружено. Кроме того, появление регулярной планировки сопровождается увеличением количества импортной аттической керамики, что косвенно указывает на усиление греческого влияния⁴⁷. Город просуществовал недолго: уже в IV в. его разорили галлы, а в римское время он застроен не был. Все это делает Марцаботто уникальным примером этрусского градостроительства.

На территории Марцаботто прослеживается четко ориентированный на север кардо (условно обозначаемый обычно платее А, см. рис. 2), его под прямым углом пересекают три параллельные улицы (В, С, D); ширина всех четырех улиц одинакова: 15 м⁴⁸. Параллельно платее А расположены более узкие улицы шириной 5 м, тем самым город разбит на продолговатые прямоугольные кварталы. Такая планировка на первый взгляд сравнительно далека от известной нам по римским колониям начиная с эпохи Средней республики лимитации, предполагавшей наличие

³⁹ Ogilvie 1976, 30. Стоит заметить, что многие ранние этрусские города до сих пор слабо исследованы; см. Izzet 2008, 171.

⁴⁰ Steingraber 2001, 17.

⁴¹ Izzet 2008, 175.

⁴² Sassatelli, Govi 2018, 283.

⁴³ Sassatelli, Govi 2010, 17.

⁴⁴ Sassatelli, Govi 2018, 291; Bizzarri 2018, 710.

⁴⁵ То обстоятельство, что ортогональное межевание на территории Марцаботто датируется примерно тем же временем, что и деятельность Гипподама, поначалу смущало исследователей (Mansuelli 1960, 72). Теперь же существование прямоугольных планировок архаического времени общепризнанно: они были характерны для колоний, выведенных в ходе Великой греческой колонизации. Именно градостроительный опыт, накопленный в ходе основания и массовой застройки городов в Великой Греции, привел к появлению проектов Гипподама. См. Buyskikh 2021, 678–679.

⁴⁶ Castagnoli 1971, 74.

⁴⁷ Mansuelli 1979, 39.

⁴⁸ Mansuelli 1979, 39.

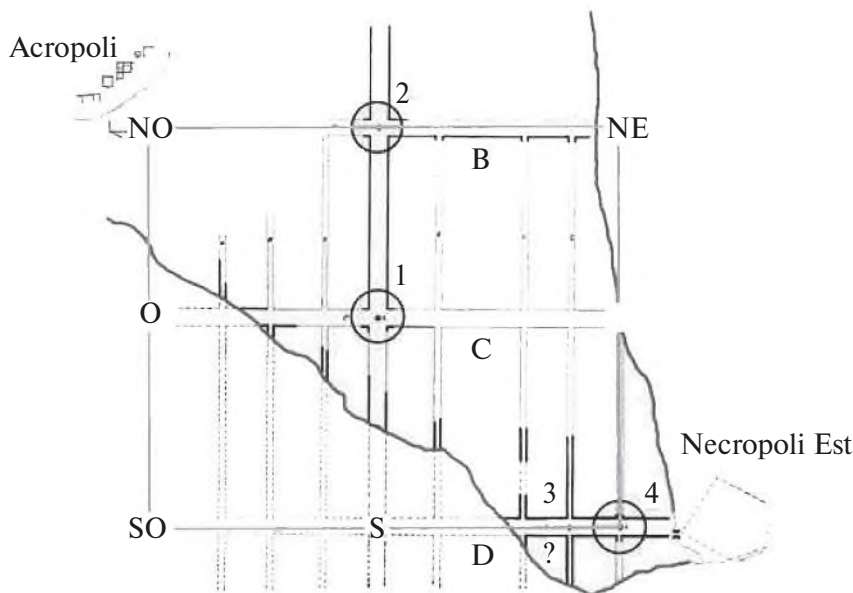

Рис. 2. План Марцаботто (по: Sassatelli, Govi, 2010, 19). Цифрами указаны местонахождения *cippi*

двух главных лимитов, которые отличались своей шириной от всех прочих дорог колонии, и больше напомнила исследователям греческие города⁴⁹.

Тем не менее ряд особенностей позволяет говорить о своеобразии принципов организации Марцаботто. По аналогии с основной улицей Марцаботто, по линии север–юг ориентированы его храмы, как находящиеся на акрополе, так и храм Тиния за его пределами⁵⁰. Таким образом, планировка этого этрусского поселения неслучайна и может быть связана с сакральной ориентацией. Греческие поселения с ортогональным планом не имеют какой-то однородной ориентации по сторонам света и, очевидно, этот момент не имел для греков религиозных коннотаций⁵¹. Напротив, *disciplina Etrusca* придавала большое значение ориентации в пространстве, и по сторонам света сориентированы улицы не только поселения в Марцаботто, но и другие этрусские поселения с прямоугольным планом, например в Спине⁵². Акрополь Марцаботто расположен к северо-западу от условного центра межевания⁵³, т.е. пересечения улиц А и С. Впрочем, на то, что это место воспринималось

⁴⁹ Scullard 1967, 76. Об особенностях межевания греческих городов Юга Италии см. Dilke 1971, 25.

⁵⁰ Mansuelli 1960, 70–72.

⁵¹ Bloch 1970, 1117.

⁵² Van der Meer 2011, 82.

⁵³ Отметим, что, согласно землемерным трактатам, пересечение главных лимитов в идеале также находилось в городе, они выходили за его пределы через ворота и становились дорогами, организующими сельскую местность (HG VI. 6).

как центр планировки и в древности, указывает межевой знак, отмеченный так называемым *decussis* — крестом, линии которого сориентированы по сторонам света⁵⁴. Были найдены еще три аналогичных межевых знака: один на пересечении улиц А и В, два — на пересечении Д с пятиметровыми улицами.

Найденные на пересечении улиц Марцаботто межевые камни наряду с фактом ориентации поселения по сторонам света позволяют провести параллели как с авгуральными практиками по конструированию *templum*⁵⁵, так и с деятельностью римских землемеров. Как уже отмечалось, *templum* представлял собой специально организованное пространство, использовавшееся для проведения ауспий и авгурий. Важный вклад в изучение практики проведения ауспий внесли археологи: так, в 1962 г. в апулийском Бантии были найдены остатки *auguraculum*, датированные I в. до н.э. В ходе исследований удалось обнаружить шесть *cippi*, также сориентированных по сторонам света, поверхность камней была надписана именами божеств. Согласно реконструкции М. Торелли, изначально их должно было быть девять, и они закрепляли секторы авгурального *templum*, которые формировались двумя пересекающимися под прямым углом линиями⁵⁶. Таким образом, можно говорить о схожести принципов организации авгурального *templum* в Бантии и планировки поселения в Марцаботто. Это позволило А. Готарелли интерпретировать последнюю как один из вариантов *templum*, *templum ab similitudine*⁵⁷. Его разметка могла использоваться при проведении ауспий, которые в случае с Марцаботто проводились с акрополя. Четкая городская планировка, а именно наличие четырех кварталов, должна была облегчать наблюдение за разными секторами неба. Дж. Сассателли на основании сведений о раскопках, проводившихся на акрополе Марцаботто в XIX в., реконструировал там местонахождение *auguraculum*: по его мнению, там располагался жрец, совершавший ауспии, в том числе при основании города⁵⁸. От места авгуракула возможно провести через центр города воображаемую прямую линию в его юго-восточный конец, в место, откуда виден восход солнца в день зимнего солнцестояния⁵⁹. Иными словами, идеальная ориентация Марцаботто, с точки зрения Дж. Сассателли и Э. Гови, должна была достигаться в том числе наблюдением за солнцем с акрополя в рамках обрядов, связанных с основанием города.

Таким образом, можно провести параллели между планировкой Марцаботто и тем, что исследователям известно о принципах проведения ауспий. В то же время особенности организации Марцаботто согласуются и с известными нам более поздними практиками римского межевания. С точки зрения М. Торелли, найденные на территории авгуракула в Бантии *cippi* доказывают общее происхождение землемерных и авгуральных практик и подтверждают сведения

⁵⁴ Mansuelli 1979, 40.

⁵⁵ Sassatelli, Govi 2010; Gottarelli 2013.

⁵⁶ См. также Mignone 2016, 397.

⁵⁷ Gottarelli 2013, 47–48.

⁵⁸ Sassatelli, Govi 2010, 18–20, см. подробную реконструкцию процесса с точки зрения астрономии Gottarelli 2013, 91–110.

⁵⁹ Sassatelli, Govi 2010, 20.

землемерных трактатов⁶⁰. Сказанное можно даже с большей степенью уверенности отнести к камням, найденным на пересечении улиц в Марцаботто. В эпоху Империи землемерам предписывалось ставить межевые камни⁶¹ на пересечении лимитов (Н I. 2). Камни подписывались, но, разумеется, не именами божеств, как в Бантии: на них обозначали местоположение и номер лимитов, на пересечении которых их ставили, в том направлении, в котором проходили лимиты (Н I. 3–6). Подобные надписи можно найти уже на знаках, поставленных в результате работы грахканской комиссии⁶². Межевой камень, отмеченный, как и камень из Марцаботто, крестом *decussis*, сориентированным по линиям лимитов, был найден при сельскохозяйственных работах в Оратино⁶³.

Для ориентации основных линий межевания землемеры пользовались громой, от которой и получили название «громатики». Грома (по меньшей мере, эпохи Империи) представляла собой перекрестье из железа или бронзы, к концам которого были приделаны отвесы, прикрепленное к шесту, ее использование мог облегчать поворотный механизм. Грома позволяла проводить прямые линии и прямые углы, потому была, очевидно, самым распространенным у землемеров инструментом⁶⁴. В литературе распространено мнение⁶⁵, восходящее еще к А. Шультену⁶⁶, что название этого инструмента представляет собой этрусскую передачу греческого «гномон» и что это свидетельствует как об определенном влиянии на этрусков греческих технологий, так и о том, что римляне познакомились с громой через этрусков. Объяснение происхождения громы, однако, не всеми признается таким простым и очевидным⁶⁷, хотя, вероятно, каким-то инструментами для облегчения построения прямых углов этруски пользовались. По мнению Л. Ван дер Меера, грома могла использоваться при разметке поселения в Марцаботто: ее перекрестье как раз ориентировалось по линиям креста *decussis*, нанесенного на найденный в центре Марцаботто камень⁶⁸. В сочинениях землемеров ориентации основных лимитов уделено большое внимание: так, Гигин Громатик отмечает ненадежность ориентации громы на восход и заход Солнца, при определении оси восток–запад, поскольку в разных местностях Солнце восходит и заходит по-разному, и призывает пользоваться «гномоникой» и «божественным искусством» (HG VIII. 1: *gnomonices*

⁶⁰ Torelli 1995, 97–104.

⁶¹ В землемерной практике межевые камни называются терминами, Дионисий Галикарнасский считал, что римляне заимствовали это название у греков (Dion. Hal. II. 74. 3). По мнению лингвистов, однако, *terminus* восходит к праиндоевропейскому. См. de Vaan 2008, 615.

⁶² Перечень известных межевых камней грахканских комиссий см. Sisani 2015, 294–300.

⁶³ Данный *cirrus* связан, скорее всего, с земельными раздачами I в. до н.э., Tarasco 2005, 697.

⁶⁴ Dilke 1971, 66–70.

⁶⁵ Scullard 1967, 76; Peyras 2012, 175.

⁶⁶ Schulten 1912, 1882.

⁶⁷ Так, с точки зрения М. Льюиса, у которого реконструкция Шультена вызывает сомнения, название «громы» может быть связано с *grumare* (Lewis 2004, 125). Грома также могла называться *cranema* или *ferramentum* (Rossi *et al.* 2009, 15).

⁶⁸ Van der Meer 2011, 88. Косвенным доказательством этому может служить изображение громы и камня с *decussis* на недавно найденной мозаике из Помпей (Osanna *et al.* 2019).

summae ac divinae artis elementum). Под «божественным искусством» явно имелись в виду практики авгуров; что же касается *gnomonica*, то это область знания, посвященная ориентации во времени и пространстве при помощи солнечных часов⁶⁹. Иными словами, землемеры в своей практике сочетали как установки, доставшиеся от авгуров, так и достижения современной им техники.

В то же время, хотя землемеры и оговаривают, что *декуман* сориентирован по линии восток—запад, а *кардо* по линии север—юг, для них это правило не является обязательным: если оси по разным причинам вдруг поменяются местами, такое межевание нельзя считать неправильным, поскольку главное — это прямые углы участков и отмеченные границы межевания, чтобы ни община, ни частные владельцы не устраивали споров по поводу границы (*HG VI. 14: omnis limitum connexio rectis angulis continetur, extremitas mensuraliter obligata est, nihil res publica, nihil possessor de finibus queritur*). За главный *декуман* могла быть принята и уже существовавшая дорога, как, например, *Via Appia* в колонии Анксур (*HG VI. 5*), иными словами, при сохранении рекомендаций по ориентации основных лимитов, в межевании эпохи империи основной акцент делался на практическую сторону организации поселения.

Пример Марцаботто показывает, как должны были выглядеть города, основанные этрусками в соответствии, с одной стороны, с принципами регулярного межевания, сформировавшимися, очевидно, не без греческого влияния, с другой — с учетом их религиозных представлений⁷⁰. Организация городских кварталов в Марцаботто показывает, что этруски при их планировке учитывали сакральную ориентацию, более того, особенности планировки могли помогать при интерпретации ауспий. Несмотря на то что форма городских кварталов в Марцаботто отличается от квадратных центурий, при устройстве этого поселения использованы почти все основные принципы будущей римской лимитации: дороги сориентированы по сторонам света, пересекаются под прямым углом, закреплены межевыми знаками, иными словами, не хватает только более ярко выраженного второго главного лимита, параллельных ему дорог и перенесения этих принципов на организацию сельской территории.

Тем не менее существуют обстоятельства, которые затрудняют выведение принципов римской лимитации непосредственно из *disciplina Etrusca*. Как уже отмечалось, различия между планировкой этруских поселений и лимитацией, описанной в римских землемерных трактатах первых веков новой эры, все-таки существуют. Это можно объяснить тем, что римское межевание должно было трансформироваться и уточнять свои принципы благодаря практическому применению в ходе выведения многочисленных колоний, освоения новых территорий. Кроме того, пример Марцаботто пока что единственный известный в своем роде. Применение же римлянами классической лимитации, с двумя пересекающимися осями и квадратными центуриями, зафиксировано только с середины III в. до н.э., в Центральной Италии и в большей степени в бассейне р. По⁷¹. Таким образом, са-

⁶⁹ Витрувий называет ее одним из разделов архитектуры (*De arch.* I. 3. 1), астрономии и часам посвящена девятая книга его сочинения.

⁷⁰ Martin 1956, 44–46; Govi 2007, 12.

⁷¹ Hinrichs 1974, 55; Clavel-Lévêque, Favory 1992, 92.

мые ранние образцы римской центуриации происходят из того же региона, что и своеобразное межевание Марцаботто: с некогда подконтрольных этрускам территорий. Можем ли мы как-то интерпретировать это обстоятельство? Для ответа на этот вопрос в первую очередь уточним, какими способами межевания пользовались римляне до середины III в. до н.э.

Сведений нарративной традиции о ранних формах межевания не очень много. Как уже отмечалось, землемеры работали в эпоху Империи, их сочинения были ориентированы на технических специалистов, поэтому они описывали в основном наиболее распространенную в их время лимитацию; более ранние формы римского межевания интересуют их в меньшей степени. Тем не менее Фронтин к «размежеванным полям» (*agri divisi*) причисляет поля, разделенные лимитами, и поля, разделенные на «стриги» и «скамны»:

Итак, поле, измеренное и приписанное владельцам, — это поле колоний. Этот тип (полей) бывает двух видов: один, если в большинстве случаев содержит границы-лимиты, другой, если поле было ассигновано посредством ригоров ближайших владений, как в расположенной в Кампании Суэссе Аврунке. Ведь все, что согласно этому виду, размежевано в длину, называется *striga*, все, что в ширину, — *scamnum*. Ведь поле, размежеванное единообразно лимитами, имеет декуманы и кардо. Поле, разделенное стригами и скамнами, приписано владельцам древним обычаем, подобно тому, как в провинциях обрабатываются общественные земли⁷².

Таким образом, стриги и скамны представляют собой вытянутые прямоугольники, обозначенные особым типом границы: ригором, который, как видно из этого фрагмента, мог быть границей частного участка. Граница при стригации-скамнании играла большую роль, поскольку расчет площади участков имел меньшее значение, чем при лимитации, где все получившиеся центурии были одинаковой площади и делились на участки определенного размера⁷³. Анонимный комментатор IV в. сочинения Фронтина отмечал, что ригор получил название из-за своей прямоты (*I. V: rigor vero suae rectitudinis naturalis nomen accepit*), очевидно, подразумевая, что благодаря ему создается участок прямоугольной формы⁷⁴.

Дополнительные сведения о стригации-скамнании есть у другого автора: Гигина Громатика. Говоря о спорах, связанных с подсчетом площади на налогооблагаемых землях в провинциях, он обращает внимание на то, что их практика межевания отличается от привычной лимитации, поскольку отличается их статус⁷⁵ (HG XX. 3:

⁷² F I. 2: *Ager ergo diuisus adsignatus est coloniarum. Hic habet condiciones duas: unam qua plerumque limitibus continetur, alteram qua per proximos possessionum rigores adsignatum est, sicut in Campania Suessae Auruncae. Quidquid autem secundum hanc condicionem in longitudinem est delimitatum, per strigas appellatur; quidquid per latitudinem, per scamna. Ager ergo limitatus hac similitudine decimanis et cardinibus continetur. ager per strigas et per scamna diuisus et adsignatus est more antiquo in hanc similitudinem, qua in prouinciis arua publica coluntur.*

⁷³ Gvozdeva I., Gvozdeva T. 2015, 12.

⁷⁴ Gvozdeva 1999, 74. См. реконструкцию внешнего вида ригора на основании трактатов Сикула Флакка: Gvozdeva I., Gvozdeva T. 2022, 62–63.

⁷⁵ Эта оговорка о различиях в статусе земель и разном типе произведенного на нем межевания в свое время вызвала серьезную дискуссию, см. более подробно Hinrichs 1974, 25–29. Итогом ее стал вывод, что тип использованного римлянами межевания от статуса земель общины не зависел.

nam quemadmodum illis condicio diversa est, mensurarum actus dissimilis esse debet). Ж.-И. Гийомен, опираясь на О. Берендса, считает, что в данном пассаже выражено определенное неприятие других систем межевания землемерами, которые свою лимитацию считали происходящей от божественных знаний, а себя — наследниками авгуров⁷⁶. С нашей точки зрения, поскольку в предыдущем абзаце шла речь о сложности с подсчетом площади для правильного налогообложения, в большей степени землемеров должна была волновать техническая сторона менее предсказуемого межевания ригорами. Здесь, на наш взгляд, стоит обратить внимание на то, какие провинции с межеванием стригами и скамнами упоминаются Гигином Громатиком дальше, — Фригия, Паннония и «вся Азия» (HG XX. 5). Учитывая, что землемеры неоднократно упоминали о разных традициях межевания на территории Римской империи⁷⁷, очевидно, в данном случае они имеют в виду работы с местными системами межевания, менее удобными, чем используемая лимитация. Таким образом, землемеры различают лимитацию, которой римляне пользовались начиная с середины III в. до н.э., и стригацию-скамнацию, которая, с одной стороны, представляет собой межевание *more antiquo*, более древнее, чем лимитация, с другой стороны, таким образом они описывают межевания восточных провинций. Это приводит к мысли, что внешние отличия этих межеваний, с точки зрения землемеров, не были существенными.

Археологический подход к проблеме выделения разных римских типов межевания предполагает различие стригации-скамнации и центуриации по форме участков: в центуриях они квадратные, стриги и скамны прямоугольные, их расположение менее регулярное: они расположены в зависимости от особенностей рельефа. Не менее важным признаком стригации является отсутствие на территории поселения двух ярко выраженных главных лимитов. Ж. Шук, М. Клавель-Левек и Ф. Фавори отмечают, что, как правило, стригация-скамнация на территории поселения предшествует лимитации⁷⁸. Так, территория Минтурн, ставших римской колонией в 296 г. до н.э., была размежевана *per strigas*, участки группировались вокруг Аппиевой дороги, в эпоху Августа ее реорганизовали по принципам лимитации⁷⁹, добавив вторую главную ось, после чего количество участков и в целом территория колонии значительно увеличилась. Наиболее ярким примером стригации-скамнации считается территория Террацины, куда в 329 г. до н.э. римлянами была выведена уже упомянутая колония Анксур. Долгое время она считалась самым ранним примером применения лимитации, однако дальнейшие исследования показали, что первоначально она также была размежевана стригами, а затем, в не поддающееся уточнению время, переделана под лимитацию⁸⁰.

Этруски при организации своих поселений также отнюдь не всегда следовали столь четкому плану, какой восстанавливается на примере Марцаботто. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к плану этрусской колонии на

⁷⁶ Guillaumin 2005, 212.

⁷⁷ Особенно этим отличается землемер Сикул Флакк, см. Gvozdeva 1978, 38.

⁷⁸ Chouquer *et al.* 1982, 855.

⁷⁹ Clavel-Lévêque, Favory 1992, 94.

⁸⁰ Chouquer *et al.* 1982, 855–856.

территории Музарны⁸¹. Основание этой колонии датируется последней четвертью IV в. до н.э. и связывается с конфликтом этрусков с Римом⁸². Расположенная на плато, возвышающемся над р. Лейя, она по своей планировке в большей степени напоминает план Минтурн, чем колонии в Марцаботто: вокруг одной главной улицы расположены сформированные пересекающимися ее под прямым углом дорогами 12 прямоугольных секторов разной площади, в городе нет акрополя, он не строго ориентирован по сторонам света. Быть может, это было как-то связано со статусом или функцией этой колонии, которую с большой долей вероятности можно было бы считать этруским аналогом *coloniae militares*.

Таким образом, до III в. до н.э. римляне, как зачастую и этруски, пользовались более простыми способами межевания, чем лимитация. Как можно заключить на основании землемерных трактатов, результат их применения в эпоху Империи внешне напоминал межевания восточных провинций, таким образом, весьма вероятно, что до этого времени восходившая к этруским религиозным практикам лимитация действительно была римлянам незнакома. Здесь уместно вспомнить, что именно в конце IV — III вв. до н.э. Рим вел борьбу с этрускими городами, в ходе которой, очевидно, он и познакомился более подробно с религиозной жизнью этрусков, в том числе с этруской дисциплиной и связанными с ней концепциями. Известно, что взятие этруских городов сопровождалось перенесением в Рим культов отдельных божеств⁸³. Конечно, по сведениям Ливия, в IV в. до н.э. этрусская культура в Риме была так же распространена, как в его время — греческая (Liv. IX. 36. 3–4), однако после непосредственного завоевания этруских городов римляне должны были познакомиться с культурной и религиозной жизнью этрусков еще ближе.

Хотелось бы особо отметить взятие в 265 г. до н.э. Вольсиний — важного этруского религиозного центра, одного из самых древних и богатых городов (Plin. *NH*. II. 139), который Валерий Максим даже называет «главой Этрурии» (Val. Max. IX. 1. 2). Это событие интересно не только само по себе, но и в связи с тем, что именно с Вольсиниями может быть связано содержание корпуса землемерных текстов. В составе землемерных трактатов сохранилось так называемое пророчество Вегойи⁸⁴ — текст, часто используемый для реконструкции структуры этруского общества. Датировка его спорна, поскольку он, предвещая стихийные бедствия и гражданские смуты, не содержит указаний на конкретные исторические события. Интересно также, что с практикой римского межевания, в отличие от абсолютного большинства других землемерных текстов, его содержание никак не связано⁸⁵. Исследователи чаще всего склонны считать Пророчество реакцией

⁸¹ Broise, Jolivet 1997, 1328.

⁸² Broise, Jolivet 1997, 1342.

⁸³ Scullard 1967, 275.

⁸⁴ Campbell 2000, 256–259.

⁸⁵ Согласно этому тексту, виновного в передвижении межевого камня в корыстных целях следовало посвятить богам, его дом разрушить, а семью придать смерти; схожая практика описана в нарративной традиции применительно к раннему Риму. По свидетельству Дионисия Галикарнасского, в древности сдвиг межевого камня карался смертью (Dion. Hal. II. 74. 3).

этрусков на социально-политические потрясения конца II — начала I в. до н.э.: на гракханскую аграрную реформу, гражданскую войну 83–82 гг., на действия Суллы⁸⁶. Наличие этого текста в составе землемерных сочинений, конечно, использовалось как доказательство знакомства римских землемеров с этрусской религиозной традицией. В нашем случае определенное значение приобретает не сам по себе текст, а сохранившееся в заголовке упоминание некоего Аррунта Вельтумна, которому нимфа Вегойя и адресовала свое пророчество⁸⁷. По наблюдению Р. Тюркана, нет серьезных оснований считать Аррунта Вельтумна выходцем из Клузия, основываясь лишь на упоминании Ливием этруска по имени Аррунт, происходившего из этого города (Liv. V. 33. 3), гораздо большего внимания заслуживает его имя — Вельтумн. Оно отсылает к имени Вольтумны, главного божества Вольсиний⁸⁸. Таким образом, если гипотеза Тюркана верна, то пророчество Вегойи может быть связано с этрускими Вольсиниями, после взятия которых римляне и могли познакомиться с этрусской дисциплиной более подробно, в том числе с той ее частью, которая была связана с организацией пространства.

В целом археологические данные подтверждают сведения землемерной традиции, согласно которой лимитация восходит к принципам *disciplina Etrusca*. Следы ортогональной планировки на территории этрусского поселения в Марцаботто демонстрируют, с одной стороны, определенное влияние греческой практики организации поселений, а с другой — ряд особенностей, которые действительно могли быть вызваны попыткой реализовать при помощи градостроительства этрусские религиозные принципы. Сходство деталей оформления планировки Марцаботто и более поздних принципов римской лимитации позволяет говорить о том, что как основные принципы, так и специфические детали лимитации действительно могли быть заимствованы римлянами у этрусков. До середины III в. до н.э. римляне при основании своих колоний пользовались, однако, не лимитацией, а стригацией-скамнацией — более простым способом межевания, которым самым римским землемерам впоследствии напоминал межевание восточных провинций. Самые ранние следы римской лимитации датируются III в. до н.э. и происходят из Центральной Италии и района р. По. Начало применения римской лимитации в это время и в этом месте можно объяснить тем, что римляне имели возможность близко познакомиться с этрусской дисциплиной, после того как к середине III в. до н.э. было закончено завоевание крупных этруских политических и религиозных центров, в частности Вольсиний.

Литература / References

- Albrecht, M. von 2002: *Istoriya rimskoy literatury ot Andronika do Boetsiya i ee vliyaniya na pozdneishie epokhi* [History of Roman Literature from Andronicus to Boethius and Its Influence on the Later Epochs]. Vol. I. Moscow.
Альбрехт, М. фон. *История римской литературы от Андроника до Бозция и ее влияния на позднейшие эпохи*. Т. I. М.

⁸⁶ Heurgon 1959; Peyras 2012, 165–166; Korolenkov 2020, 367–368.

⁸⁷ Campbell 2000, 256: Vegoiae Arrunti Veltumno.

⁸⁸ Turcan 1976, 1016.

- Behrends, O. 1992: Bodenhoheit und privates Bodeneigentum im Grenzwesen Roms. In: L. Capogrossi Colognesi, O. Behrends (Hrsg.), *Die römische Feldmesskunst: Interdisziplinäre Beiträge zu ihrer Bedeutung für die Zivilisationsgeschichte Roms*. (Datenhandbuch Zur Deutschen Bildungsgeschichte, 193). Göttingen, 192–284.
- Bizzarri, Cl. 2018: Etruscan Town Planning and Related Structures. In: J.M. Turfa (ed.), *The Etruscan World*. Paperback ed. London–New York, 708–720.
- Bloch, R. 1970: Urbanisme et religion chez les Étrusques. *Annales. Economies, sociétés, civilisations* 25/4, 1114–1120.
- Broise, H., Jolivet, V. 1997: Une colonie étrusque en territoire tarquinien. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 141/4, 1327–1350.
- Buyssikh, A.V. 2021: [City Plan of Olbia Pontica]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 81/3, 673–698.
- Буйских, А.В. Градостроительный план Ольвии Понтийской. *ВДИ* 81/3, 673–698.
- Campbell, B. 1996: Shaping the Rural Environment: Surveyors in Ancient Rome. *Journal of Roman Studies* 86, 74–99.
- Campbell, B. 2000: *The Writings of the Roman Land Surveyors. Introduction, Text, Translation and Commentary*. (Journal of Roman Studies Monograph, 9). London.
- Carlà, F. 2015: *Pomerium, fines and ager Romanus*. Understanding Rome's "First Boundary". *Latomus* 74/3, 599–630.
- Castagnoli, F. 1971: *Orthogonal Town Planning in Antiquity*. Cambridge (MA).
- Chouquer, G., Clavel-Lévêque, M., Favory, F. 1982: Cadastres, occupation du sol et paysages agraires antiques. *Annales. Histoire, Sciences Sociales* 37/5–6, 847–882.
- Clavel-Lévêque, M., Favory, F. 1992: Les *gromatici veteres* et les réalités paysagères: présentation de quelques cas. In: L. Capogrossi Colognesi, O. Behrends (Hrsg.), *Die römische Feldmesskunst: Interdisziplinäre Beiträge zu ihrer Bedeutung für die Zivilisationsgeschichte Roms*. (Datenhandbuch Zur Deutschen Bildungsgeschichte, 193). Göttingen, 88–139.
- De Sanctis, G. 2007: Solco, muro, pomerio. *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité* 119/2, 503–526.
- de Vaan, M. 2008: *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series, 7). Leiden–Boston.
- Dilke, O.A.W. 1971: *The Roman Land Surveyors: An Introduction to the Agrimensores*. Newton Abbot.
- Gottarelli, A. 2013: *Contemplatio. Templum solare e culti di fondazione. 1998–2013: sulla regola aritmo geometrica del rito di fondazione della città etrusco-italica tra VI e IV secolo a.C.* Bologna.
- Govi, E. (ed.) 2007: *Marzabotto: una città etrusca*. (Percorsi di archeologia, 5). Bologna.
- Grenier, A. 1948: Les religions étrusque et romaine. In: *Mana: Introduction à l'histoire des religions*. Vol. II. *Les religions de l'Europe ancienne*. Pt. III. Paris, 2–233.
- Gros, P., Torelli, M. 2007: *Storia dell'urbanistica. Il mondo romano*. Roma–Bari.
- Guillaumin, J.-Y. (éd.) 2005: *Les arpenteurs romains*. T. I. Hygin le Gromaticus. Frontin. Paris.
- Guillaumin, J.-Y. (éd.) 2010: *Les arpenteurs romains*. T. II. Hygin. Siculus Flaccus. Paris.
- Guillaumin, J.-Y. (éd.) 2017: *Les arpenteurs romains*. T. III. *Commentaire anonyme sur Frontin*. Paris.
- Gvozdeva, I.A. 1978: [The Treatises by Siculus Flaccus as a Historical Source on Agricultural Relations in Ancient Rome]. In: Yu.M. Saprykin (ed.), *Problemy istorii antichnosti i srednikh vekov [Problems of the History of Antiquity and the Middle Ages]*. Moscow, 32–47.
- Гвоздева, И.А. Трактаты Сикула Флакка как источник по аграрным отношениям в Древнем Риме. В сб.: Ю.М. Сапрыкин (ред.), *Проблемы истории античности и средних веков*. М., 32–47.
- Gvozdeva, I.A. 1986: [Early Types of Land Division in the Organization of Rural Territory among the Romans]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya [Moscow University Bulletin. Series 8: History]* 2, 80–91.
- Гвоздева, И.А. Ранние типы деления земельных площадей при организации сельской территории у римлян. *Вестник Московского университета. Серия 8: История* 2, 80–91.
- Gvozdeva, I.A. 1999: [Finis and rigor in the Agrarian Law of Ancient Rome]. In: I.A. Gvozdeva, A.A. Nemirovskiy (eds.), *Drevniy Vostok i antichnyy mir. Trudy kafedry istorii drevnego mira istoricheskogo fakul'teta MGU [Ancient East and the Ancient World. Proceedings of the Department of the History of the Ancient World, Faculty of History, Moscow State University]*. Issue 2. Moscow, 72–79.
- Гвоздева, И.А. Finis и rigor в аграрном праве древнего Рима. В кн.: И.А. Гвоздева, А.А. Немировский (ред.), *Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ*. Вып. 2. М., 72–79.

- Gvozdeva, I.A., Gvozdeva, T.B. 2015: [Strigatio-scamnatio — a Stage of Development of the Roman Land Law]. *Sovremennyy yurist [The Modern Lawyer]* 4 (13), 8–18.
- Гвоздева, И.А., Гвоздева, Т.Б. Strigatio-scamnatio — этап развития римского земельного права. *Современный юрист* 4 (13), 8–18.
- Gvozdeva, I.A., Gvozdeva, T.B. 2022: [Rigor in Agrimensure and Legal Proceedings According to the Land Law of Ancient Rome]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo [Agrarian and Land Law]* 3, 61–65.
- Гвоздева, И.А., Гвоздева, Т.Б. Rigor в агрименсуре и судопроизводстве по земельному праву Древнего Рима. *Аграрное и земельное право* 3, 61–65.
- Herbig, R. 1957: Zur Religion und Religiosität der Etrusker. *Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte* 6/1, 123–132.
- Heurgon, J. 1959: The Date of Vegoia's Prophecy. *Journal of Roman Studies* 49/1–2, 41–45.
- Hinrichs, F.T. 1974: *Die Geschichte der gromatischen Institutionen. Untersuchungen zu Landverteilung, Landvermessung, Bodenverwaltung und Bodenrecht im römischen Reich*. Wiesbaden.
- Horster, M. 2007: Living on Religion: Professionals and Personnel. In: J. Rüpkе (ed.), *A Companion to Roman Religion*. Oxford, 331–341.
- Hübner, W. 1992: Himmel und Erdvermessung. In: L. Capogrossi Colognesi, O. Behrends (Hrsg.), *Die römische Feldmesskunst: Interdisziplinäre Beiträge zu ihrer Bedeutung für die Zivilisationsgeschichte Roms*. (Datenhandbuch Zur Deutschen Bildungsgeschichte, 193). Göttingen, 141–171.
- Izzet, V. 2008: *The Archaeology of Etruscan Society*. Cambridge—New York.
- Kirillova, M.N. 2021: [Origins of *limitatio* in the Works of Roman Land Surveyors]. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 25/1, 599–606.
- Кириллова, М.Н. Происхождение лимитации в сочинениях римских землемеров. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 25/1, 599–606.
- Korolenkov, A.V. 2020: *Pervaya grazhdanskaya voyna v Rime [First Civil War in Rome]*. Moscow.
- Короленков, А.В. *Первая гражданская война в Риме*. М.
- Lewis, M.J.T. 2004: *Surveying Instruments of Greece and Rome*. Cambridge.
- Magdelain, A. 1990: L'*auguraculum* de l'*arx* à Rome et dans d'autres villes. In: *Ius imperium auctoritas. Études de droit romain*. (Publications de l'École française de Rome, 133/1). Rome, 193–207.
- Maltby, R. 1991: *A Lexicon of Ancient Latin Etymologies*. Leeds.
- Mansuelli, G. 1960: La cité étrusque de Marzabotto et les problèmes de l'Étrurie padane. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 104, 65–84.
- Mansuelli, G.A. 1979: Marzabotto, eine etruskische Kolonie in Norditalien. *Antike Welt* 10/1, 36–44.
- Martin, R. 1956: *L'urbanisme dans la Grèce antique*. Paris.
- Mazzarino, S. 1957: Sociologia del mondo etrusco e problemi della tarda etruscità. *Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte* 6/1, 98–122.
- Mignone, L.M. 2016: The Augural Contest at Rome: The View from the Aventine. *Classical Philology* 111/4, 391–405.
- Norden, E. 1995: *Aus altrömischen Priesterbüchern*. 2. Aufl. Stuttgart—Leipzig.
- Ogilvie, R.M. 1976: *Early Rome and the Etruscans*. London.
- Osanna, M., Magli, G., Ferro, L. 2019: Gromatics Illustrations from Newly Discovered Pavements in Pompeii. *arXiv: History and Philosophy of Physics*. URL: <https://arxiv.org/abs/1910.13145>; accessed on: 29.01.2023.
- Pelgrom, J. 2008: Settlement Organization and Land Distribution in Latin Colonies before the Second Punic War. In: L. de Ligt, S. Northwood (eds.), *People, Land and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy, 300 BC–AD 14*. (Mnemosyne, Supplements, History and Archaeology of Classical Antiquity, 303). Leiden, 333–372.
- Peyras, J. 2003: Colonies et écrits d'arpentage du Haut-Empire. In: M. Garrido-Hory, A. Gonzales (éd.), *Histoire, espaces et marges de l'Antiquité: hommages à Monique Clavel-Lévêque*. T. II. (Collection de l'ISTA, 899). Besançon, 103–156.
- Peyras, J. 2012: Religion étrusque et droit romain d'après le bureau central des géomètres de la dynastie valentino-théodosienne. *Dialogues d'histoire ancienne* 38/1, 163–176.
- Peyras, J. 2013: *Documents d'arpentage de l'Antiquité tardive. Textes établis, traduits et annotés*. (Collection de l'ISTA, 1257). Besançon.
- Podossinov, A.V. 1999: *Ex oriente lux! Orientatsiya po stranam sveta v arkhaiskikh kul'turakh Evrazii [Orientation to the Cardinal Points in the Archaic Cultures of Eurasia]*. Moscow.
- Подосинов, А.В. *Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии*. М.

-
- Ratti, S. 1996: Le substrat augustéen dans la *Constitutio limitum* d'Hygin le Gromaticus et la datation du traité. *Dialogues d'histoire ancienne* 22/2, 220–238.
- Riva, C. 2016: Urbanization and Foundation Rites: The Material Culture of Rituals at the Heart and the Margins of Etruscan Early Cities. In: S. Bell, A. Carpio (eds.), *A Companion to the Etruscans*. Malden–Oxford, 87–104.
- Rossi, C., Russo, Fl., Russo, F. 2009: *Ancient Engineers' Inventions. Precursors of the Present*. Cham.
- Salmon, E.T. 1970: *Roman Colonization under the Republic*. Ithaca.
- Sassatelli, G., Govi, E. 2010: Cults and Foundation Rites in the Etruscan City of Marzabotto. In: L. van der Meer (ed.), *Material Aspects of Etruscan Religion: Proceedings of the International Colloquium Leiden, May 29 and 30, 2008*. Leuven–Paris–Walpole, 17–27.
- Sassatelli, G., Govi, E. 2018: Etruria on the Po and the Adriatic Sea. In: J.M. Turfa (ed.), *The Etruscan World*. Paperback ed. London–New York, 281–300.
- Schulten, A. 1912: Groma. In: *RE*. Hlbd. 14, 1881–1886.
- Scullard, H.H. 1967: *The Etruscan Cities and Rome*. London–Southampton.
- Sidorovich, O.V. 2019: *Zhrecheskaya traditsiya v Drevnem Rime. Kul't, ritual, istoriya* [Sacerdotal Tradition in Ancient Rome. Cult, Ritual, History]. Moscow.
- Сидорович, О.В. *Жреческая традиция в Древнем Риме. Культ, ритуал, история*. 2-е изд. М.
- Sisani, S. 2015: *L'ager publicus in età Graccana (133–111 A.C.). Una rilettura testuale, storica e giuridica della lex agraria epigrafica*. Roma.
- Steingraber, S. 2001: The Process of Urbanization of Etruscan Settlements from the Late Villanovan to the Late Archaic Period (End of the Eighth to the Beginning of the Fifth Century B.C.): Presentation of a Project and Preliminary Results. *Etruscan Studies. Journal of the Etruscan Foundation* 8, 7–33.
- Tarasco, G. 2005: Un cippo gromatico da Oratino (CB). *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité* 117/2, 687–697.
- Thulin, C. 1906: *Die Etruskische Disciplin*. Göteborg.
- Torelli, M. 1995: *Studies in the Romanization of Italy*. Edmonton.
- Turcan, R. 1976: Encore la prophétie de Végoia. In: *L'Italie préromaine et la Rome républicaine*. I. *Mélanges offerts à Jacques Heurgon*. (Publications de l'École française de Rome, 27). Rome, 1009–1019.
- Turfa, J.M. 2018: The Etruscans. In: G.D. Farney, G.P. Bradley (eds.), *The Peoples of Ancient Italy*. Boston–Berlin, 637–672.
- Van der Meer, L.B. 2011: *Etrusco ritu: Case Studies in Etruscan Ritual Behavior*. Louvain–Walpole (MA).
- Weinstock, S. 1946: Martianus Capella and the Cosmic System of the Etruscans. *Journal of Roman Studies* 36/1–2, 101–129.

DOI: 10.31857/S032103910023346-3

АНТИЧНЫЕ МОНЕТЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Н.К. МИНКО (ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ЮЖНОГО УРАЛА)

Часть I. АЗИЯ И ЕГИПЕТ

М. Г. Абрамзон¹, Е. В. Захаров², А. Б. Никитин³, С. В. Смирнов⁴

¹ *Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*

² *Государственный исторический музей, Москва, Россия*

³ *Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия*

⁴ *Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия*

¹ E-mail: abramzon-m@mail.ru ² E-mail: zakharov.evg@gmail.com ⁴ E-mail: smirnovsv3@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0001-6111-048X ² ORCID: 0000-0001-5530-2231 ⁴ ORCID: 0000-0002-9205-9493

Впервые публикуются античные монеты из коллекции челябинского археолога Н.К. Минко (1880–1920), хранящейся в Государственном историческом музее Южного Урала (Челябинск). Это внушительное собрание монет (854 экз.), в основном серебряных, до сих пор не исследовалось. Особый интерес в нем представляют 49 монет Малой Азии, Селевкидов, Аршакидов (Парфии и Элимаиды), Сасанидов, Птолемеев, а также римских провинций Сирия и Египет. Данный материал расширяет корпус селевкидских, птолемеевских, парфянских, элимаидских и прочих греческих монет в собраниях российских музеев.

Ключевые слова: античные монеты, Н.К. Минко (1880–1920), музейные нумизматические собрания, Малая Азия, Селевкиды, Аршакиды, Парфия, Элимаида, Персия, Сасаниды, Птолеми

Данные об авторах. Михаил Григорьевич Абрамзон – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН, директор НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова; Евгений Вячеславович Захаров – старший научный сотрудник отдела нумизматики ГИМ; Александр Борисович Никитин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Востока ГЭ; Святослав Викторович Смирнов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН.

Во время подготовки данной статьи к публикации ушел из жизни наш коллега и соавтор Александр Борисович Никитин (1956–2022), известный специалист по иранской эпиграфике, глиптике, торевтике, нумизматике, парфянским и сасанидским монетам. Александр Борисович успел завершить свой последний труд – определение парфянских монет из коллекции Н.К. Минко с комментарием к ним.

ANCIENT COINS FROM THE N.K. MINKO'S COLLECTION
(STATE HISTORICAL MUSEUM OF THE SOUTHERN URALS)

Part I. ASIA AND EGYPT

Mikhail G. Abramzon¹, Eugeny V. Zakharov², Alexander B. Nikitin³,
Svyatoslav V. Smirnov⁴

¹ *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia*

² *State Historical Museum, Moscow, Russia*

³ *State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia*

⁴ *Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;*

¹ E-mail: abramzon-m@mail.ru ² E-mail: zakharov.evg@gmail.com ⁴ E-mail: smirnovsv3@yandex.ru

This is the first publication of ancient coins from the collection of the Chelyabinsk archaeologist Nikolay K. Minko (1880–1920), stored in the State Historical Museum of the Southern Urals (Chelyabinsk). This significant collection of coins (854 pieces), mostly of silver, has not been previously investigated. Forty-nine eastern Greek coins in Minko's collection are of particular interest, including the coinages of centers of Asia Minor, the Seleucids, Arsacids (Parthian and Elymaean), Sasanians, Ptolemies, as well as the Roman provinces of Syria and Egypt. This material expands the corpus of Seleucid, Ptolemaic, Parthian, Elymaean, and other Greek coins in the collections of Russian museums.

Keywords: ancient Greek coins, N.K. Minko (1880–1920), numismatic collections of Russian museums, Asia Minor, Seleucids, Arsacids, Parthia, Elymais, Sasanians, Ptolemies

В фондах Государственного исторического музея Южного Урала (далее – ГИМУУ) хранится довольно крупная коллекция античных, византийских, древнерусских, средневековых восточных и западноевропейских монет известного челябинского археолога-краеведа Николая Кирилловича Минко (1880–1920)¹. Эту коллекцию он начал собирать еще в 1899–1903 гг., во время обучения на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета и одновременно в Императорском Санкт-Петербургском археологическом институте, где у него возник сильный интерес к изучению археологии и нумизматики. Нумизматическое собрание студенческих лет состояло преимущественно из средневековых польских монет, но позднее к нему добавились и другие коллекции монет². К 1914 г. собрание Минко насчитывало более 850 экземпляров (главным образом серебряных – 784 экз.), почти половину которых составляли античные монеты. Хотя данная коллекция представляет несомненный интерес, она до сих

¹ Авторы искренне благодарят за неоценимую помощь в работе с фондами заведующего сектором художественных коллекций и этнографии научно-фондового отдела ГИМУУ Е.В. Петрову, а также старшего научного сотрудника музея д.и.н., проф. Н.Б. Виноградова, обратившего наше внимание на данную коллекцию, нуждающуюся в атрибутировании и систематизации.

² Durylin 1927a, 53.

пор не была введена в научный оборот и оставалась неизвестной специалистам. Целью настоящей публикации является восполнение этого пробела, прежде всего в отношении ее античной части.

В многочисленных биографических очерках и статьях о Н.К. Минко и его археологической деятельности подчеркивается важное значение раскопок и коллекций этого специалиста и яркой личности для изучения древностей Южного Зауралья³. По окончании обоих высших учебных заведений в 1903 г. Николай Кириллович был направлен в Челябинск чиновником особых поручений Переселенческого ведомства, однако его огромный интерес к древнему прошлому Челябинского края, совершенно не изученному с археологической точки зрения, определил приоритет его занятий в ближайшие годы⁴. Раскопки Н.К. Минко стали первыми археологическими исследованиями в районе Челябинска, произведенными с научными целями⁵. В 1906–1910 гг. Минко энергично проводит археологические раскопки в окрестностях города (рис. 1, 2). Из выявленных им около 800 курганов, по подсчетам С.Н. Дурылина⁶, он раскопал на собственные средства не менее 110. Раскопки ставших знаменитыми Синеглазовских курганов (р-н пос. Исаково) и курганного могильника на 11-й версте Миасского тракта дали наиболее важные материалы, публикация которых⁷ обратила на себя внимание Императорской Археологической комиссии, поручившей Минко уже от своего имени продолжить исследования в 1909 г. Результаты этих раскопок были опубликованы в ОАК за 1909–1910 гг.⁸ Последующее десятилетие в жизни челябинского археолога было насыщено драматическими событиями. В те бурные годы ему единственный раз удалось вернуться к раскопкам летом 1914 г. Затем он участвовал в Первой мировой (которую до конца прошел военным в качестве уполномоченного Красного Креста)⁹ и гражданской войнах и погиб в 1920 г.¹⁰

В 1923 г. жена Николая Кирилловича, Мария Александровна Минко (Кази), передала в дар Челябинскому музею местной истории богатые материалы его археологических раскопок, книги домашней библиотеки и нумизматическую

³ См., например, Durylin 1927a; 1927b; Botalov 1987; Ivanova 1994; Bozhe 2008; Vinogradov, Valiakhmetova 2018, 40–46.

⁴ Durylin 1927a, 53.

⁵ Durylin 1927b, 56; Vinogradov, Valiakhmetova 2018, 46.

⁶ Сергей Николаевич Дурьин (1886–1954), автор первого биографического очерка о Н.К. Минко, работал в Челябинском музее в 1923–1924 гг. этнографом и археологом, продолжая изыскания своего предшественника. Им были исследованы 24 кургана бронзового века в округе Челябинска. См. Vinogradov, Valiakhmetova 2018, 46–48.

⁷ Minko 1907.

⁸ Minko 1913.

⁹ Durylin 1927a, 54.

¹⁰ Во всех биографических очерках о Н.К. Минко повторяется, что с весны 1918 г. о его судьбе ничего не известно. Однако челябинскому историку В.С. Боже удалось недавно найти информацию, которой он, готовя публикацию, любезно поделился с нами в беседе, что Минко в должности начальника санитарного поезда был арестован 25.08.1920 г. в Екатеринодаре ЧК, после допросов выслан в один из северных лагерей и где-то погиб. Мы искренне благодарим В.С. Боже за предоставленные сведения.

Рис. 1. Н.К. Минко у расчищенного погребения. 1906—1910 гг. Государственный исторический музей Южного Урала. Инв. ЧГКМОФ-7246/2

коллекцию¹¹. Научную обработку археологических находок произвел в 1923—1924 гг. С.Н. Дурюлин¹². Позднее сын Николая Кирилловича, Игорь Николаевич Минко, передал музею еще несколько монет из коллекции отца. Всего семья Минко подарила музею 854 монеты, в том числе: античных — 375; византийских — 27; восточных и западноевропейских (средневековых, а также XVIII—XIX вв.) — 123; древнерусских и Российской империи — 350¹³. Настоящая публикация охватывает чеканки Малой Азии, государства Селевкидов и римской Сирии, Парфии, Элимаиды, Ахеменидской Персии, Сасанидского Ирана, Египта

¹¹ Durylin 1927a, 53. Коллекция монет поступила в краеведческий музей 29.09.1923 г. В записях директора И.Г. Горохова значится: «Коллекция монет Древнего Рима и царств от Минко и др.».

¹² Durylin 1927a; 1927b, 56.

¹³ Инв. ГИМЮУ ОФ-576 (784 серебряные монеты), ОФ-5122 (70 медных монет).

Рис. 2. Н.К. Минко на раскопках кургана № 19 могильника Сосновка 1 в Челябинском уезде, 1907 г. *Государственный исторический музей Южного Урала. Инв. ЧГКМОФ-1249/54*

птолемеевского и римского времени. Следует отметить, что этот материал дополняет корпус греческих монет, особенно селевкидских, птолемеевских и парфянских, в собраниях российских музеев, причем не только центральных — в ряде областных музеев тоже оказались малоизвестные или совсем неизвестные коллекции монет этих античных стран и центров¹⁴.

1. МОНЕТЫ МАЛОЙ АЗИИ

Малоазийская часть коллекции включает по одной монете Понта (Амис), Карики (Кос) и Ионии (Милет). Чекан Амиса представлен тетраخالком митридатовского времени типа «Арес/меч» (№ 1). Полис выпустил две серии таких тетраخالков; публикуемый экземпляр принадлежит ко второй. Ф. Имхов-Блумер датировал монеты «Арес/меч» 111–105 гг. до н.э.¹⁵, М. Прайс — ок. 85–65 гг.¹⁶, Ф. де Каллатай, пересмотревший хронологию понтийских бронзовых выпусков митридатовского времени, — 95–90 гг. до н.э.¹⁷

¹⁴ Так, например, в Ивановском государственном историко-краеведческом музее им. Д.Г. Бурлыкина хранится коллекция селевкидских монет. См. Zakharov, Smirnov 2018.

¹⁵ Imhoof-Blumer 1912.

¹⁶ Cf. *SNG BM* I 1162.

¹⁷ Callataÿ 2007, 282, tab. 1.

Серебряная гемидрахма Коса II в. до н.э. с именем магистрата ΚΑΛΛΙΣΘΕΝΗΣ (№ 2), по классификации Х. Ингвальдсена, принадлежит к XIII выпуску косской чеканки — самому обильному выпуску гемидрахм, датирующемуся ок. 290–210 гг. до н.э. Кроме Каллисфена, гемидрахмы данного выпуска чеканили магистраты Аридейк, Писандр, Филипп, Февген, Праксагор, Филит, Клейт, Диоген и Эпиникос¹⁸.

Милетский серебряный диобол рубежа VI–V вв. до н.э. (№ 3) является самой ранней монетой из коллекции Н.К. Минко.

2. МОНЕТЫ СЕЛЕВКИДОВ И РИМСКОЙ СИРИИ

Небольшая группа из шести серебряных монет относится к чеканке государства Селевкидов (№ 4–9). Заметим, что селевкидские монеты (особенно серебряные номиналы) почти не встречаются в нумизматических коллекциях региональных музеев, поэтому собрание ГИМЮУ представляет собой редкое исключение. Кроме единственной драхмы (№ 9), все публикуемые монеты данной группы принадлежат к одному номиналу (тетрадрахмы). Коллекция включает монеты трех раннеселевкидских правителей: Антиоха II, Селевка II и Антиоха III. Все представленные серии хорошо известны и почти не требуют комментариев. Тетрадрахмы Антиоха II и Селевка II отчеканены на монетном дворе Антиохии-на-Оронте, в то время как тетрадрахмы Антиоха III относятся к производству трех разных монетных дворов: Селевкии-на-Тигре, Экбатан и так называемого монетного двора с «розой». Тетрадрахма монетного двора с «розой» (№ 6) представляет особый интерес из-за малочисленности известных экземпляров¹⁹. Локализация этого центра монетного производства весьма условна. Согласно исследованию А. Хутона и К. Лорбер, монетный двор с «розой» располагался в северной Месопотамии, неподалеку от Армении, и, по всей вероятности, может быть ассоциирован с Эдессой, что подтверждают кладовые находки²⁰.

Экземпляр № 7 (табл. 1, 7) из-за плохой сохранности реверса и полной потери дифферентов можно отнести к продукции монетного двора Селевкии-на-Тигре только на основании особенностей портрета Антиоха III на аверсе: ленты царской диадемы развешаются за спиной, что характерно для иконографии портрета селевкидских царей на монетах этого двора. Более того, типологически портрет на данной тетрадрахме относится к типу Aii, что позволяет атрибутировать данный экземпляр, по классификации А. Хутона и К. Лорбер, как SC 1160.

Три тетрадрахмы относятся к римской провинциальной чеканке Антиохии (табл. 1, 10–12): одна из них принадлежит Нерону²¹ (№ 10), две — Гальбе²² (№ 11, 12).

¹⁸ Ingvaldsen 2002, 123–126, 273, no. 86–103.

¹⁹ Следует отметить, что в собраниях российских музеев известны всего две монеты, относящиеся к производству данного монетного двора, — обе из Государственного Эрмитажа.

²⁰ Houghton, Lorber 2002, 424–423.

²¹ Первая группа тетрадрахм Нерона с орлом, с содержанием серебра 70–73%. См. Butcher, Ponting 2014, 562–564.

²² Обе тетрадрахмы с датой А (= год 1) и орлом на молниях относятся ко второй группе, с содержанием серебра 72%. См. Butcher, Ponting 2014, 574.

3. МОНЕТЫ АРШАКИДОВ (ПАРФИЯ И ЭЛИМАИДА)

Двадцать пять монет в коллекции Н.К. Минко — парфянские: 18 серебряных драхм и 5 медных номиналов (№ 13–37). Среди данных монет нет каких-либо особо редких или необычных, тем не менее они безусловно представляют определенный интерес и должны быть введены в научный оборот. Драхмы парфянских Аршакидов отчеканены по аттическому стандарту, монетные легенды выполнены на греческом языке и личных имен правителей не содержат (кроме № 36 и 37 с именами царей на пехлевийском и арамейском языках соответственно), только общее для всех тронное имя Аршак. Старейшие монеты этой части собрания Минко — драхма (№ 13) и халк (№ 14) Митридата I (171–138 гг. до н.э.) — создателя Парфянской империи. Драхма отчеканена на монетном дворе Гекатомпила — древней столицы Парфии, относится к эмиссии 9.1 (по Д. Селлвуду) и представляет один из ранних выпусков. Драхма Фраата II (138–127 гг. до н.э.) — № 15, эмиссия 16.11, отчеканена на монетном дворе Тамбракса, города в Гиркании, упомянутого единственный раз в источниках (Polyb. 10. 31).

Чекану Митридата II (123–87 гг. до н.э.) принадлежат три драхмы (№ 16–18), все выпущенные в Экбатанах (главный монетный двор Парфянской империи). Группу открывает эмиссия 24.9 — начала правления царя (№ 16). На этих монетах впервые появляется титул ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ — Митридат II стал первым парфянским правителем, принявшим титул царя царей.

Драхма № 19 принадлежит неизвестному правителю (ок. 80–70 гг. до н.э.) так называемого второго парфянского «Темного века» (95–57 гг. до н.э.)²³, эмиссия 30.14, монетный двор — Экбатаны, с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ ΘΕΟΠΑΤΟΡΟΣ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ. Наличие эпитета «теопатор» в титулатуре указывает на то, что этот правитель был сыном одного из царей, к моменту его восшествия на престол уже покойного и должным образом обожествленного, т.е. он мог быть сыном либо Готарза I, либо Митридата II. Основная масса его драхм чеканилась в Экбатанах, без обозначения монетного двора. На драхмах других монетных дворов, главным образом восточных, появляются их полные обозначения: ΕΝ ΡΑΓΑΙΣ, ΜΑΡΓΙΑΝΗ, ΤΡΑΞΙΑΝΗ, ΝΙΣΑΙΑ, ΑΡΕΙΑ, ΚΑΤΑΣΤΡΑΤΕΙΑ (в Рагах, Маргиана, Траксиана, Нисайя, Арея, «при войске»). Последнее обозначение — бесспорное доказательство существования казначейства при армии, походного монетного двора. Позже, начиная с Фраата III это обозначение трансформировалось в монограмму ΣΡ. Ф. Шоре относил монеты безымянного царя к правлению Орода I²⁴, Д. Селвуд — Готарза I, одного из преемников Митридата II, известного по вавилонским документам.

Драхма № 20 принадлежит другому правителю второго «Темного века», предположительно Ороду I (ок. 90–80 гг. до н.э.)²⁵, — эмиссия 31.5, Экбатаны. По

²³ Sellwood 1976, 2–25. Ревизия хронологии Д. Селлвуда второго парфянского «Темного века» (91–55 гг. до н.э.) аргументирована Г.Ф. Ассаром. См. Assar 2006.

²⁴ Shore 1993, no. 131.

²⁵ Аршак XVI (78/77–62/61 гг. в Парфии, март/апрель 75–67/66 гг. в Вавилоне), по Г.Ф. Ассару (Assar 2006, 82–87).

одной медной монете представляют чеканки Синатрука (77–70 гг. до н.э.)²⁶ — халк (№ 21) и Фраата III (70–57 гг. до н.э.)²⁷ — тетрахалк (№ 22).

Чекан Орода II (57–38 гг. до н.э.) представлен тремя драхмами (№ 23–25) и тетрахалком (№ 26). Легенда на драхмах — ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΑΡΣΑΚΟΥ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ. Ород II известен тем, что в его правление вторгшиеся на парфянскую территорию легионы Марка Красса были разбиты Суреной. Со времени правления этого царя все легенды на парфянских монетах включают эпитет «филэллин», раньше употреблявшийся эпизодически. По одной драхме отчеканено в Экбатанах и Рагах, на третьей стоит монограмма ΣΡ.

Четыре драхмы (№ 27–30) принадлежат Фраату IV (38–2 гг. до н.э.), две из них чеканены в Экбатанах, две других — Михрдаткирте (Старая Ниса). По одному халку относятся к правлениям Фраатака (2 г. до н.э. — 4 г. н.э.) — № 31 и Артабана II (10–38 гг. н.э.) — № 32.

Драхмы Вардана I (40–45 гг.) (№ 33) и Готарза II (40–51 гг.) (№ 34) демонстрируют, что в первые десятилетия I в. изображения на парфянских монетах становятся менее реалистичными, стилизованными, иногда превращаясь в набор штрихов и точек. Стандартная греческая легенда, не менявшаяся со времени правления Фраата IV, искажается.

Относительно малочисленны драхмы Парфамаспата (№ 35), о котором почти ничего неизвестно (между тем сцена инвеституры этого царя представлена на монетах Траяна²⁸). Наконец, самые поздние монеты парфянской части коллекции — драхмы Вологеза IV (147–191 гг. н.э.) — № 36 и Хосроя II (ок. 190 г. н.э.) — № 36.

Чеканка Аршакидов Элимаиды представлена медной драхмой Камнаскира-Орода (перв. пол. — сер. II в. н.э.) — табл. 3, 38. Такие медные драхмы чеканились по стандарту деградированной греческой драхмы. Образ царя выполнен в традиции парфянской монетной иконографии, с добавочными символами справа в виде точки в полумесяце и якоря. С XIX в. монеты Камнаскира-Орода иногда приписываются Ороду II, сыну Орода I²⁹. М. Алрам, Е. Доббинс и Д. Сир атрибутируют эмитента как Камнаскира-Орода III³⁰, М. Митчинер и П.А. ван'т Хаафф — просто Камнаскира-Орода³¹.

4. МОНЕТЫ АХЕМЕНИДОВ И САСАНИДОВ

Коллекция включает два сигля Персидской империи. В Каталоге Британского музея оба выпуска отнесены к серии II — с изображением Великого царя, держащего лук и кинжал. Выпуск А(b) или В (№ 39) — ранний в чеканке Дария II, без символов, с надчеканками пуансонами, которые наносились в Восточном Причерноморье местными банкирами или менялами³². Выпуск Е (№ 40) принадлежит IV в. до н.э., возможно, ко времени Арсеса и Дария III, и отличается

²⁶ Аршак XII—Синатрук (93/92–69/68 гг.), по Г.Ф. Ассару (Assar 2006, 53–62).

²⁷ Аршак XVII—Фраат III (70/69 гг. в Парфии, 67/66–58/57 гг. в Вавилоне), по Г.Ф. Ассару (Assar 2006, 87–96).

²⁸ *RIC* II, 269, no. 366–367; 291, no. 666–669.

²⁹ *BMC* 28, cxcі–cxcіі; Rezakhani 2013, 773.

³⁰ Alram 1986, no. 480; Dobbins 1992, A/2; Sear 2001, 585, no. 5910.

³¹ Mitchiner 1978, no. 719; Haaff 2007, no. 12.3.

³² *BMC* 28, cxxiv–cxxvii.

аккуратностью стиля и тремя или четырьмя кольцами на груди кандиса царя³³. Этот же тип относят к продукции монетного двора в Сардах ок. 400 г. до н.э.³⁴

Чеканка Сасанидов представлена двумя серебряными драхмами. Драхма Шапура II (308–379 гг.), без указания года правления и места чеканки, отчеканена на «восточном дворе» — скорее всего в области Герат, возможно, в Кабуле (табл. 3, 4I). Вторая драхма (№ 42) принадлежит Йездигерду I (399–420 гг.) и выпущена на монетном дворе Аспаданы (совр. Исфахан)³⁵.

5. МОНЕТЫ ПТОЛЕМЕЕВСКОГО И РИМСКОГО ЕГИПТА

Монеты Птолемеевского Египта (№ 43–48) представлены в коллекции Н.К. Минко шестью тетрадрахмами. Три из них относятся ко времени совместного правления Клеопатры III с Птолемеем IX (117/116–108/107 гг. до н.э.) и затем Птолемеем X (107/106–102/101 гг. до н.э.), еще три принадлежат Клеопатре VII (51–30 гг. до н.э.)³⁶. Интересно заметить, что монеты всех трех правителей относятся к очень близким датам выпуска. Так, тетрадрахмы Птолемея IX (№ 43, 44) датируются 8 и 10 годами его правления (110/109 и 108/107 гг. до н.э.), к ним тесно примыкает экземпляр Птолемея IX 106/105 г. до н.э. (№ 45). Этот хронологический ряд завершается монетами последней правительницы Птолемеевского Египта Клеопатры VII 10, 14 и 15 годов ее правления (= 43/42, 39/38 и 38/37 гг. до н.э.) — табл. 4, 46–48. С одной стороны, трудно уверенно говорить о совместной кладовой находке перечисленных монет. С другой — их хронологическая компактность, схожее состояние поверхности и сохранность тетрадрахм Клеопатры VII оставляют возможность допустить, что Н.К. Минко мог приобрести часть единого комплекса.

Тетрадрахмы Клеопатры VII изготовлены из очень плохого серебра (до 32–36%)³⁷. Это последнее птолемеевское серебро, относительно распространенное еще в первой половине I в. н.э., окончательно исчезает при Нероне, будучи переработано в низкопробные билонные римские тетрадрахмы (т.н. «александринеры», выпускавшиеся в Александрии до начала IV в. н.э.)³⁸. Тетрадрахмы Нерона выпускались в огромных количествах и составляли основу египетской серебряной валюты в течение следующих 200 лет. Тетрадрахма Нерона 11-го года правления = 64/65 г. из коллекции Н.К. Минко относится ко второй фазе его чеканки (после реформы 64 г.); именно в этом году появился тип реверса с орлом, сопровождаемый новым типом портрета императора на аверсе — в лучистой короне. Содержание серебра в таких монетах составляет 14–17%³⁹.

³³ BMC 28, cxxviii.

³⁴ SNG Blackburn 1010.

³⁵ Авторы искренне благодарят за определение сасанидских монет С.Б. Дашкова.

³⁶ Традиционно считалось, что монеты этой группы чеканились во время правления Птолемея XIII Авлета (80–51 гг. до н.э.). Они атрибутированы таким образом в каталоге Я. Свороноса (Svoronos 1904, no. 1824, 1828, 1829). Однако уже К. Реглинг на основании типологического сходства, дифферента в виде головного убора Исиды и характерной датировки отнес их ко времени правления Клеопатры VII (Kovalenko 1996).

³⁷ Butcher, Ponting 2014, 614.

³⁸ Butcher, Ponting 2014, 609.

³⁹ Butcher, Ponting 2014, 634, 640.

КАТАЛОГ⁴⁰

1. МАЛАЯ АЗИЯ

ПОНТ

АМИС

Ок. 85–65 гг. до н.э.

AR. Л.с. Голова Ареса в шлеме с гребнем вправо. О.с. Меч; ΑΜΙΣΟΥ.

№ п/п	Номинал	Инв. № ГИМЮУ	Диаметр, мм	Вес, г	Примечания
1.	Тетрахалк	ОФ-5122/2	20.5	7.47	Cf. <i>SNG BM I</i> 1162. О.с. Слева звезда и месяц. Монограммы почти не видны.

КАРИЯ

КОС

Ок. 280–210 гг. до н.э.

AR. Л.с. Голова Геракла в львиной шкуре вправо. О.с. Краб; вверху [ΚΩΙΟΝ], внизу па-лица горизонтально и магистратское имя.

2.	Гемидрахма	ОФ-576/944	12	1.39	Cf. <i>Ingvaldsen</i> 273, No. 86–103. О.с. ΚΑΛΛΙ[ΣΘΕΝΗΣ].
----	------------	------------	----	------	--

ИОНИЯ

МИЛЕТ

Ок. 510–494 гг. до н.э.

AR. Л.с. Голова рычащего льва влево. О.с. Орнамент в виде звезды во вдавленном квадрате.

3.	Диобол	ОФ-5122/30	9	0.98	Cf. <i>SNG vA</i> 2080; <i>SNG Forbat</i> 465; <i>SNG Kayhan</i> 476–482.
----	--------	------------	---	------	---

2. ГОСУДАРСТВО СЕЛЕВКИДОВ И РИМСКАЯ СИРИЯ

АНТИОХ II (261–246 гг. до н.э.)

Антиохия-на-Оронте

AR. Л.с. Голова Антиоха II в диадеме вправо. О.с. Аполлон сидит на омфале влево, в правой руке держит стрелу, левой опирается на лук; ANTIOXΟΥ / ΒΑΣΙΛΕΩΣ⁴¹.

4.	Тетрадрахма	ОФ-576/398	26	16.64	Cf. <i>SC</i> 571.4b; <i>SNG Israel</i> 335. О.с. Слева ΛΕ, справа Ⓞ ⁴¹ .
----	-------------	------------	----	-------	--

⁴⁰ Номерам монет в каталоге соответствуют номера в таблицах.⁴¹ Здесь и далее на всех публикуемых тетрадрахмах Селевкидов легенды расположены во внешнем поле.

СЕЛЕВК II (246–226 гг. до н.э.)

Антиохия-на-Оронте

AR. Л.с. Голова Селевка II в диадеме вправо. *О.с.* Аполлон стоит влево, опираясь на треножник, в правой руке держит стрелу; ΣΕΛΕΥΚΟΥ / ΒΑΣΙΛΕΩΣ.

5.	Тетрадрахма	ОФ-576/407	29	16.56	Cf. SC 689.3. <i>О.с.</i> Слева KE, справа $\overline{\text{N}}$. Надруб на л.с.
----	-------------	------------	----	-------	---

АНТИОХ III (223–187 гг. до н.э.)

Неизвестный монетный двор. Возможно, в Месопотамии

После 213 г. до н.э.

AR. Л.с. Голова Антиоха III в диадеме вправо. *О.с.* Аполлон сидит на омфале влево, в правой руке держит стрелу, левой опирается на лук; ANTIOXΟΥ / ΒΑΣΙΛΕΩΣ.

6.	Тетрадрахма	ОФ-576/399	27	17.06	Cf. SC 1122.1b; SNG Israel 726–727. <i>О.с.</i> Слева роза, справа $\Delta \gamma$.
----	-------------	------------	----	-------	--

Селевкия-на-Тигре

AR. Л.с. Голова Антиоха III в диадеме вправо; ленты диадемы развеваются за спиной. *О.с.* Аполлон сидит на омфале влево, в правой руке держит стрелу, левой опирается на лук. ANTIOXΟΥ / ΒΑΣΙΛΕΩΣ.

7.	Тетрадрахма	ОФ-576/406	28	15.92	Cf. SC 1160. <i>О.с.</i> Дифферен- ты не видны.
----	-------------	------------	----	-------	--

Экбатаны

AR. Л.с. Голова Антиоха III в диадеме вправо. *О.с.* Аполлон, сидящий на омфале, в правой руке держит стрелу, левой опирается на лук; ANTIOXΟΥ / ΒΑΣΙΛΕΩΣ.

8.	Тетрадрахма	ОФ-576/400	30	16.21	Cf. SC 1231.3. <i>О.с.</i> Слева $\mathcal{A}$, $\overline{\text{P}}$, справа NE.
----	-------------	------------	----	-------	---

Неопределенный выпуск

AR. Л.с. Голова Антиоха III в диадеме вправо. *О.с.* Аполлон, сидящий на омфале, в правой руке держит стрелу, левой опирается на лук; ANTIOXΟΥ / ΒΑΣΙΛΕΩΣ.

9.	Драхма	ОФ-576/363	17	4.03	Cf. SC 1292. <i>О.с.</i> Слева две монограммы неразличимы.
----	--------	------------	----	------	---

РИМСКАЯ СИРИЯ: АНТИОХИЯ

НЕРОН (54–68 гг.)

61/62 г. н.э.

AR. Л.с. Бюст Нерона в лавровом венке и эгиде, вправо; ΝΕΡ[ΩΝΟΣ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΣΕΒΑ]ΣΤΟΥ. *О.с.* Орел с распростертыми крыльями, стоящий на молниях, влево; слева от него — пальмовая ветвь.

10.	Тетрадрахма	ОФ-576/393	24	14.21	RPC I, 4182; SNG Hunt. 2817–2818. <i>О.с.</i> Справа H (= год 8) [IP] (= год 110 г.).
-----	-------------	------------	----	-------	---

ГАЛЬБА (68–69 гг.)

68/69 г. н.э.

АР. Л.с. Голова Гальбы в лавровом венке, вправо; справа — восьмилучевая звезда; ΓΑΛΒΑΣ ΑΥΤΟΚΡΑΤΩΡ ΣΕΒΑΣΤΟΣ. *О.с.* Орел с распростертыми крыльями, стоящий на молниях, влево; слева от него — пальмовая ветвь; ΕΤΟΥΣ ΝΕΟΥ ΙΕΡΟΥ Α (= год 1).

11.	Тетрадрахма	ОФ-576/387	24	14.41	RPC I, 4194.
12.	Тетрадрахма	ОФ-576/390	25	13.86	То же.

3. ПАРФИЯ

МИТРИДАТ I (171–138 гг. до н.э.)

Гекатомпил

АР. Л.с. Бюст безбородого царя влево, в башлыке и диадеме, на шее гривна. *О.с.* Лучник (Аршак) сидит на омфале вправо; ΑΡΣΑΚΟΥ / ΒΑΣΙΛΕΩΣ.

13.	Драхма	ОФ-576/456	19	3.89	Cf. Sellwood 1980, 9.1.
-----	--------	------------	----	------	-------------------------

Экбатаны

АЕ. Л.с. Бюст царя вправо в диадеме. *О.с.* Ника(?) вправо; [ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΜΕΓΑΛΟΥ / ΑΡΣΑΚΟΥ].

14.	Халк	ОФ-5122/24	17	2.15	Cf. Sellwood 1980, 12.25.
-----	------	------------	----	------	---------------------------

ФРААТ II (138–127 гг. до н.э.)

Тамбракс?

АР. Л.с. Бюст царя в диадеме влево, с короткой бородой, позади ТАМ. Точечная рамка. *О.с.* Лучник сидит на омфале вправо; ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΜΕΓΑΛΟΥ / ΑΡΣΑΚΟΥ / ΘΕΟΠΑΤΟΡΟΣ.

15.	Драхма	ОФ-576/447	19	3.71	Cf. Sellwood 1980, 16.11.
-----	--------	------------	----	------	---------------------------

МИТРИДАТ II (123–88 гг. до н.э.)

Экбатаны

АР. Л.с. Бюст царя в диадеме влево, с бородой; на шее гривна. *О.с.* То же; ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΜΕΓΑΛΟΥ / ΑΡΣΑΚΟΥ / ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ.

16.	Драхма	ОФ-576/441	21	3.79	Cf. Sellwood 1980, 24.9.
-----	--------	------------	----	------	--------------------------

Экбатаны

АР. Л.с. Бюст царя влево, с длинной бородой, в диадеме. Точечная рамка. *О.с.* Лучник на троне вправо; ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΒΑΣΙΛΕΩΝ / ΜΕΓΑΛΟΥ / ΑΡΣΑΚΟΥ / ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ.

17.	Драхма	ОФ-576/454	21	3.39	Cf. Sellwood 1980, 27.2.
-----	--------	------------	----	------	--------------------------

Экбатаны

АР. Л.с. Бюст царя влево, с бородой, в высокой тиаре с наушниками, украшенной шестиконечной звездой, на шее гривна с концами в виде грифонов. Точечная рамка. *О.с.* То же; ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΒΑΣΙΛΕΩΝ / ΜΕΓΑΛΟΥ / ΑΡΣΑΚΟΥ / ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ.

18.	Драхма	ОФ-576/452	20	3.59	Cf. Sellwood 1980, 28.3.
-----	--------	------------	----	------	--------------------------

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ (II) (ок. 80–70 гг. до н.э.)

Экбатаны

АР. Л.с. Бюст царя влево, с короткой бородой, в диадеме, прическа закрывает уши; на шее гривна. *О.с.* То же; ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΜΕΓΑΛΟΥ / ΑΡΣΑΚΟΥ / ΘΕΟΠΑΤΟΡΟΣ / ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ.

19.	Драхма	ОФ-576/442	20	3.98	Cf. Sellwood 1980, 30.14. Отверстие.
-----	--------	------------	----	------	---

ОРОД I (ок. 90–80 гг. до н.э.)?

Экбатаны

АЕ. Л.с. Бюст царя, с короткой бородой, в тиаре с наушниками, украшенной шести-конечной звездой, на шее витая гривна. *О.с.* То же; ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΜΕΓΑΛΟΥ / ΑΡΣΑΚΟΥ ΦΙΛΟΠΑΤΟΡΟΣ / ΑΥΟΚΡΑΤΟΡΟΣ / ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ / ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ.

20.	Драхма	ОФ-576/451	22	3.96	Cf. Sellwood 1980, 31.5.
-----	--------	------------	----	------	--------------------------

СИНАТРУК (77–70 гг. до н.э.)

Экбатаны

АЕ. Л.с. Бюст царя влево в высокой тиаре с рогом посередине, по гребню фигурки оленей. Точечная рамка. *О.с.* Ника, идущая вправо; ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΜΕΓΑΛΟΥ / ΑΡΣΑΚΟΥ / ΘΕΟΠΑΤΟΡΟΣ / ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ.

21.	Дихалк	ОФ-5122/23	12.5	3.75	Cf. Sellwood 1980, 33.13.
-----	--------	------------	------	------	---------------------------

ФРААТ III (70–57 гг. до н.э.)

Раги

АЕ. Л.с. Бюст царя влево в высокой тиаре с рогом посередине, по гребню фигурки оленей. Точечная рамка. *О.с.* Лошадь скачет вправо; ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΜΕΓΑΛΟΥ / ΑΡΣΑΚΟΥ / ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ / ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ / ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ.

22.	Тетрахалк	ОФ-5122/25	16	3.64	Cf. Sellwood 1980, 39.20.
-----	-----------	------------	----	------	---------------------------

ОРОД II (57–38 гг. до н.э.)

Экбатаны

АР. Л.с. Бюст царя влево, с короткой бородой, в диадеме, на шее витая гривна. Точечная рамка. *О.с.* Лучник на троне вправо; ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΒΑΣΙΛΕΩΝ / ΑΡΣΑΚΟΥ / ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ / ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ / ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ.

23.	Драхма	ОФ-576/445	19	3.10	Cf. Sellwood 1980, 45.9. <i>О.с.</i> Под луком Ἀ.
-----	--------	------------	----	------	--

Походный монетный двор

АР. Л.с. Бюст царя влево, с короткой бородой, в диадеме, на шее витая гривна. Точечная рамка. *О.с.* Лучник на троне вправо; ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΒΑΣΙΛΕΩΝ / ΑΡΣΑΚΟΥ / ΔΙΚΑΙΟΥ / ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ / ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ / ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ.

24.	Драхма	ОФ-576/450	20	3.99	Cf. Sellwood 1980, 45.10. <i>О.с.</i> Под луком Ϝ.
-----	--------	------------	----	------	---

Раги

AR. Л.с. Бюст царя влево, с короткой бородой, в диадеме, на шее витая гривна, за головой полумесяц. О.с. Лучник на троне; ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΒΑΣΙΛΕΩΝ / ΑΡΣΑΚΟΥ / ΔΙΚΑΙΟΥ / ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ / ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ / ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ.

25.	Драхма	ОФ-576/457	20	3.43	Cf. Sellwood 1980, 46.10. О.с. Под луком .
-----	--------	------------	----	------	---

Экбатаны

AE. Л.с. Бюст царя влево, с короткой бородой, в диадеме, перед ним звезда, сзади полумесяц. О.с. Бюст Тихе в башенной короне вправо.

26.	Халк	ОФ-5122/26	11	1.59	Cf. Sellwood 1980, 48.19. О.с. Перед бюстом .
-----	------	------------	----	------	---

ФРААТ IV (38—2 гг. до н.э.)

Экбатаны

AR. Л.с. Бюст царя влево, перед ним звезда, за головой царя орел, несущий венок. О.с. Лучник на троне; искаженная легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΒΑΣΙΛΕΩΝ / ΑΡΣΑΚΟΥ / ΔΙΚΑΙΟΥ / ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ / ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ / ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ.

27.	Драхма	ОФ-576/440	19	3.74	Cf. Sellwood 1980, 53.3. О.с. Под луком .
-----	--------	------------	----	------	---

Михрдаткирт

AR. Л.с. Бюст царя влево, перед ним звезда, на шее витая гривна; за головой царя орел, несущий венок. О.с. Лучник на троне; ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΒΑΣΙΛΕΩΝ / ΑΡΣΑΚΟΥ / ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ / ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ / ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ.

28.	Драхма	ОФ-576/438	21	3.90	Cf. Sellwood 1980, 53.7. О.с. Под луком .
-----	--------	------------	----	------	--

Экбатаны

AR. Л.с. Бюст царя влево, перед ним звезда и полумесяц, на шее гривна, за головой царя орел, несущий венок. О.с. Лучник на троне; ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΒΑΣΙΛΕΩΝ / ΑΡΣΑΚΟΥ / ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ / ΔΙΚΑΙΟΥ / ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ.

29.	Драхма	ОФ-576/436	19	3.20	Cf. Sellwood 1980, 54.7. О.с. Под луком .
-----	--------	------------	----	------	--

Михрдаткирт

AR. Л.с. Бюст царя влево, перед ним звезда и полумесяц, на шее гривна, за головой царя орел, несущий венок. О.с. Лучник на троне; ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΒΑΣΙΛΕΩΝ / ΑΡΣΑΚΟΥ / ΔΙΚΑΙΟΥ / ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ / ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ / ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ.

30.	Драхма	ОФ-576/453	21	3.86	Cf. Sellwood 1980, 54.8. О.с. Под луком .
-----	--------	------------	----	------	--

ФРААТАК (2 г. до н.э. — 4 г. н.э.)

Экбатаны

AE. Л.с. Бюст царя влево в диадеме с двумя лентами за спиной, за головой орел, несущий венок (диадему). О.с. Всадник на коне вправо.

31.	Халк	ОФ-5122/28	16	1.15	Cf. Sellwood 1980, 57.15. <i>О.с.</i> Перед конем А.
-----	------	------------	----	------	---

АРТАБАН II (10–38 гг. н.э.)

Экбатаны

АЕ. *Л.с.* Бюст царя влево, диадема с тремя лентами, багт и двойная лента за спиной. Точечный ободок. *О.с.* Канфар.

32.	Халк	ОФ-5122/27	11	1.27	Cf. Sellwood 1980, 61.12.
-----	------	------------	----	------	---------------------------

ВАРДАН I (40–47 гг. н.э.)

Экбатаны

АР. *Л.с.* Бюст царя влево, с заостренной бородой, в диадеме с петлей наверху, видна серьга. Волосы в три волны. *О.с.* Лучник на троне и держит лук; искаженная греческая легенда.

33.	Драхма	ОФ-576/459	21	3.37	Cf. Sellwood 1980, 64.31. <i>О.с.</i> Под луком Α.
-----	--------	------------	----	------	---

ГОТАРЗ II (40–51 гг. н.э.)

Экбатаны

АР. *Л.с.* Бюст царя влево, в диадеме, с бородой. Диадема передана четырьмя горизонтальными штрихами, три ленты с двойной петлей за головой. *О.с.* Лучник на троне вправо. Исканная греческая легенда.

34.	Драхма	ОФ-576/458	20	3.42	Cf. Sellwood 1980, 66.4. <i>О.с.</i> Под луком Α.
-----	--------	------------	----	------	--

ПАРФАМАСПАТ, ок. 116 г. н.э.

Экбатаны

АР. *Л.с.* Бюст царя влево, с короткой бородой, в тиаре с наушниками, украшенной полумесяцами и звездой; видна серьга; диадема с петлей и двумя широкими концами; подвеска из бисера. *О.с.* Лучник на троне вправо, сиденье представлено горизонтальной линией, пять горизонтальных перекладин у спинки трона. Исканная греческая легенда.

35.	Драхма	ОФ-576/439	19	3.19	Cf. Sellwood 1980, 81.1. <i>О.с.</i> Под луком Α.
-----	--------	------------	----	------	--

ВОЛОГЕЗ IV (147–191 гг. н.э.)

Экбатаны

АР. *Л.с.* Бюст бородатого царя влево, в тиаре с наушниками и диадеме, диадема передана тремя линиями. Точечная рамка. *О.с.* Лучник на троне вправо; пехлевийская надпись VoLGaŠI MaLKa; искаженная греческая надпись.

36.	Драхма	ОФ-576/952	21	3.53	Cf. Sellwood 1980, 84.128. <i>О.с.</i> Под луком Α.
-----	--------	------------	----	------	--

ХОСРОЙ II (ок. 190 г. н.э.)

Экбатаны

АР. *Л.с.* Бюст царя влево, с длинной заостренной бородой, в тиаре с наушниками и точками по гребню; диадема с петлями и четырьмя ниспадающими лентами. Точечная рамка.

О.с. Лучник на троне вправо. Искраженная греческая легенда с верхней строкой на арамейском языке с именем Хозроя.

37.	Драхма	ОФ-576/455	18	3.53	Cf. Sellwood 1980, 85.2. <i>О.с.</i> Под луком 𐤏.
-----	--------	------------	----	------	--

4. ЭЛИМАИДА

КАМНАСКИР-ОРОД (1-я пол. — сер. II в. н.э.)

Сузы

AE. *Л.с.* Бюст царя, с пышными волосами, в тиаре, в $\frac{3}{4}$ влево; справа вверху полумесяц с точкой внутри, ниже — якорь. *О.с.* Поле, испещренное продолговатыми точками, имитирующими легенду.

38.	Драхма	ОФ-5122/43	15	3.87	<i>BMC</i> 28, 268, no. 76, 79. Pl. XLI, 5, 6; Arlam 1986, no. 480 (как Камнаскир-Ород III); Dobbins 1992 (как Камнаскир-Ород III), A/2; Mitchiner 1978, no. 719v; Sear 2001, no. 5910 (как Камнаскир-Ород III); Naaff 2007, no. 12.3.
-----	--------	------------	----	------	--

5. ПЕРСИДСКАЯ ИМПЕРИЯ

ДАРИЙ II (409—405 г. до н.э.)

Ок. 400 г. до н.э.

AR. *Л.с.* Великий царь с луком и кинжалом. *О.с.* Вдавленный квадрат.

39.	Сигл	ОФ-576/150	14		Cf. <i>BMC Persia</i> , no. 135, 146. Pl. XXIV, 26; XXVII, 1. На обеих сторонах надчеканки пуансоном.
-----	------	------------	----	--	---

IV в. до н.э.

АРСЕС (338—336) И ДАРИЙ III (336—330)?

AR. *Л.с.* То же, аккуратный стиль. Три кольца на кандисе на груди царя. *О.с.* Вдавленный квадрат.

40.	Сигл	ОФ-576/255	14		Cf. <i>BMC Persia</i> , no. 177. Pl. XXVII, 20; <i>SNG Blackburn</i> 1010.
-----	------	------------	----	--	--

6. САСАНИДЫ

ШАПУР II (308—379 гг.)

Восточный монетный двор («Кабул»)

Без года

AR. Л.с. Бюст Шапура II в короне и коримбосе вправо. *О.с.* Пылающий алтарь с двумя служителями по сторонам.

41.	Драхма	ОФ-576/378	28	4.00	Cf. Göbl 1971, Ib1/6a (но без легенды <i>gast</i> на колонне аташдана на реверсе); <i>SNS</i> III, Ib1/3a (но без легенды реверса).
-----	--------	------------	----	------	---

ЙЕЗДИГЕРД I (399–420 гг.)

Аспадана

Без года

AR. Л.с. Бюст Йездигерда II в короне и коримбосе вправо. *О.с.* Пылающий алтарь с двумя служителями по сторонам; слева имя шаха, справа от пламени AS (монетный двор).

42.	Драхма	ОФ-576/432	25	4.28	Cf. Göbl 1971, I/1; <i>SNS</i> III, Ib2/1a (легенда реверса 4 – имя шаха).
-----	--------	------------	----	------	--

7. ЕГИПЕТ

ПТОЛЕМЕИ

КЛЕОПАТРА III И ПТОЛЕМЕЙ IX СОТЕР II (117/116–108/107 гг. до н.э.)

Александрия

110/109 г. до н.э.

AR. Л.с. Голова Птолемея I в диадеме вправо. *О.с.* Орел со сложенными крыльями, стоящий на молниях, влево, справа ПА; ПΤΟΛΕΜΑΙΟΥ / ΒΑΣΙΛΕΩΣ].

43.	Тетрадрахма	ОФ-576/384	24	13.32	Cf. Svoronos 1669; <i>SNG Milano</i> XIII.1 404; <i>SNG Cop.</i> 7352. <i>О.с.</i> Слева LH (= год 8).
-----	-------------	------------	----	-------	---

108/107 г. до н.э.

AR. Л.с. То же, на шее эгида. *О.с.* То же.

44.	Тетрадрахма	ОФ-576/383	25	13.12	Cf. Svoronos 1671; <i>SNG Cop.</i> 7357. <i>О.с.</i> Слева LI (= год 10).
-----	-------------	------------	----	-------	--

КЛЕОПАТРА III И ПТОЛЕМЕЙ X (107/106–102/101 гг. до н.э.)

Александрия

106/105 г. до н.э.

AR. Л.с. Голова Птолемея I в диадеме вправо. *О.с.* Орел со сложенными крыльями, стоящий на молниях, влево, справа ПА; ПΤΟΛΕΜΑΙΟΥ / ΒΑΣΙΛΕΩΣ].

45.	Тетрадрахма	ОФ-576/392	24	13.41	Cf. Svoronos 1728; <i>SNG Cop.</i> 7359. <i>О.с.</i> Слева LIB (= год 12) Θ (= год 9).
-----	-------------	------------	----	-------	--

КЛЕОПАТРА VII (51–30 гг. до н.э.)⁴²

Александрия

43/42 г. до н.э.

AR. Л.с. Голова Птолемея I в диадеме вправо. О.с. Орел со сложенными крыльями, стоящий на молниях, влево, справа пальмовая ветвь и ПА, слева внизу — головной убор Исиды. ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ / ΒΑΣΙΛΕΩΣ.

46.	Тетрадрахма	ОФ-576/385	25	13.64	Cf. Svoronos 1824; <i>SNG Milano</i> XIII.1 421. О.с. Слева LI (= год 10).
-----	-------------	------------	----	-------	--

39/38 г. до н.э.

AR. Л.с. То же. О.с. То же.

47.	Тетрадрахма	ОФ-576/388	25	13.81	Cf. Svoronos 1828. О.с. Слева LIΔ (= год 14).
-----	-------------	------------	----	-------	---

38/37 гг. до н.э.

AR. Л.с. То же. О.с. То же.

48.	Тетрадрахма	ОФ-576/386	25	13.97	Cf. Svoronos 1829. О.с. Слева LIE (= год 15).
-----	-------------	------------	----	-------	---

ЕГИПЕТ ПОД ВЛАСТЬЮ РИМЛЯН

НЕРОН (54–68 гг.)

Александрия

64/65 г.н.э.

VIL. Л.с. Бюст Нерона в лучевой короне и эгиде, вправо; [ΝΕΡΩ ΚΛΑΥ ΚΑΙΣ ΣΕΒ ΓΕΡ]. О.с. Орел со сложенными крыльями, стоящий на молниях, влево; справа пальмовая ветвь; ΑΥ ΤΟΚΡΑ.

49.	Тетрадрахма	ОФ-576/382	24	11.11	Cf. <i>RPC</i> I, 5284; <i>SNG Blackburn</i> 1227–1228. О.с. Слева LIA (= год 11).
-----	-------------	------------	----	-------	--

Литература / References

- Alram, M. 1986: *Nomina propria Iranica in nummis: Materialgrundlagen zu den iranischen Personennamen auf antiken Münzen (Iranisches Personennamenbuch. Bd. IV)*. Wien.
- Assar, G.F. 2006: A Revised Parthian Chronology of the Period 91–55 BC. *Parthica: incontri di culture nel mondo antico* 8, 55–104.
- Botalov, S.G. 1987: [Burial Mounds near Lake Sineglazovo (According to Excavations by N.K. Minko and S.A. Gatsuk)]. In: G.B. Zdanovich (ed.), *Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e Uralo-Sibirskogo mezhdurech'ya* [Early Iron Age and the Middle Ages of the Ural-Siberian Interfluve]. Chelyabinsk, 105–119.
- Боталов, С.Г. Курганы у озера Синеглазово (по раскопкам Н.К. Минко и С.А. Гатцука). В сб.: Г.Б. Зданович (отв. ред.), *Ранний железный век и средневековые Урало-Сибирского междуречья*. Челябинск, 105–119.

⁴² По поводу отнесения монет этой группы к правлению Клеопатры VII см. Kovalenko 1996.

- Bozhe, V.S. 2008: [Nikolay Kirillovich Minko]. In: K.N. Bochkarev (ed.), *Chelyabinskaya oblast': entsiklopediya* [*Chelyabinsk Region: Encyclopedia*]. Vol. 4. Chelyabinsk, 309–310.
- Боже, В.С. Минко Николай Кириллович. В кн.: К.Н. Бочкарев (гл. ред.), *Челябинская область: энциклопедия*. Т. 4. Челябинск, 309–310.
- Butcher, K., Ponting, M. (eds.) 2014: *The Metallurgy of Roman Silver Coinage: From the Reform of Nero to the Reform of Trajan*. Cambridge.
- Callataÿ, Fr. de. 2007: La revision de la chronologie des bronzes de Mithridate Eupator et ses consequences sur la datation des monnayages et des Settlements du Bosphore Cimmerien. In: A. Bresson, A.I. Ivantchik, J.-L. Ferrary (eds.), *Une koiné pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s.a.C. – IIIe s.p.C.)*. (Memoires, 18). Bordeaux, 271–308.
- Dobbins, E. 1992: Hoard Evidence Aids Attribution and Chronology of Arsacid Bronze Drachms of Elymais. *Celator* 6/8, 42–48.
- Durylin, S.N. 1927a: [N.K. Minko (Brief Biography)]. In: *Sbornik materialov po izucheniyu Chelyabinskogo okruga* [*Collection of Materials for the Study of the Chelyabinsk Region*]. Book 1. Chelyabinsk, 53–55.
- Дурылин, С.Н. Н.К. Минко (краткая биография). В сб.: *Сборник материалов по изучению Челябинского округа*. Кн. 1. Челябинск, 53–55.
- Durylin, S.N. 1927b: [Chelyabinsk Burial Mounds]. In: *Sbornik materialov po izucheniyu Chelyabinskogo okruga* [*Collection of Materials for the Study of the Chelyabinsk Region*]. Book 1. Chelyabinsk, 56–71.
- Дурылин, С.Н. Челябинские курганы. В сб.: *Сборник материалов по изучению Челябинского округа*. Кн. 1. Челябинск, 56–71.
- Göbl, R. 1971: *Sasanian Numismatics*. (Manuals of Middle Asian Numismatics, 1). Braunschweig.
- Haaff, P.A. van't. 2007: *Catalogue of Elymaean Coinage: Ca. 147 B.C. – A.D. 228*. Lancaster.
- Imhoof-Blumer, Fr. 1912: Die Kupferprägung de mithradatischen Reiches und andere Münzen des Pontos und Phaplagoniens. *Numismatische Zeitschrift* 45, 169–192.
- Ingvaldsen, H. 2002: *Cos – Coinage and Society. The Chronology and Function of a City-State Coinage in the Classical and Hellenistic Period, c. 390 – c. 170 BC*. PhD thesis. Oslo.
- Ivanova, E.B. 1994: [Nikolay Kirillovich Minko]. In: I.N. Perezhogina (ed.), *Kray nash yuzhnoural'skiy, 1995* [*Our South Ural Region, 1995*]. Chelyabinsk, 111–113.
- Иванова, Э.Б. Минко Николай Кириллович. В сб.: И.Н. Пережогина (ред.-сост.), *Край наш южноуральский, 1995*. Челябинск, 111–113.
- Kovalenko, S.A. 1996: [A Hoard of Late Ptolemaic Tetradrachms (Recent Acquisitions)]. In: N.M. Smirnova (ed.), *Monety i medali (sbornik statey po materialam kollektsii otdela numizmatiki)* [*Coins and Medals (Collection of Papers studying the Materials of the Collection of the Numismatics Department)*]. Moscow, 68–84.
- Коваленко, С.А. Клад позднптолемеевских тетрадрахм (новые поступления). В сб.: Н.М. Смирнова (ред.), *Монеты и медали (сборник статей по материалам коллекции отдела нумизматики)*. М., 68–84.
- Minko, N.K. 1907: [Report on the Excavations of Mounds in the Chelyabinsk District of the Orenburg Province in 1906]. *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubiteley estestvoznaniya* [*Notes of the Ural Society of Natural Science Enthusiasts*] 26, 105–112.
- Минко, Н.К. Отчет о раскопках курганов в Челябинском уезде Оренбургской губернии в 1906 г. *Записки Уральского общества любителей естествознания* 26, 105–112.
- Minko, N.K. 1913: [Report on the Excavations of Burial Mounds in the Chelyabinsk District of the Orenburg Province in 1909]. *Otchet Arkheologicheskoy komissii za 1909–1910 gg.* [*Report of the Archaeological Commission for 1909–1910*], 192–193.
- Минко, Н.К. Отчет о раскопках курганов в Челябинском уезде Оренбургской губернии в 1909 г. *Отчет Археологической комиссии за 1909–1910 гг.*, 192–193.
- Mitchiner, M. 1978: *Oriental Coins, the Ancient and Classical World 600 B.C. – A.D. 650*. London.
- Rezakhani, K. 2013: Chapter 39. Arsacid, Elymaean and Persid Coinage. In: D.T. Potts (ed.), *The Oxford Handbook of Ancient Iran*. Oxford, 766–778.
- Sear, D. 2001: *Greek Imperial Coins and Their Values. The Local Coinages of the Roman Empire*. Reprint. London.
- Sellwood, D. 1976: The Drachms of the Parthian “Dark Age”. *Journal of the Royal Asiatic Society* 108/1, 2–25.
- Sellwood, D. 1980: *An Introduction to the Coinage of Parthia*. 2nd ed. London.

-
- Shore, F.B. 1993: *Parthian Coins & History: Ten Dragons Against Rome*. Quarryville.
- Svoronos, J.N. 1904: *Tὰ Νομίσματα τοῦ κράτους τῶν Πτολεμαίων (Ta Nomismata tou Kratous ton Ptolemaion I–III)*. Athens.
- Vinogradov, N.B., Valiakhmetova, Z.A. 2018: *Lyudi arkheologii Yuzhnogo Zaural'ya (XVIII vek – seredina 1970-kh godov)* [*People of the Archaeology of the Southern Trans-Urals (18th Century – Mid-1970s)*]. Chelyabinsk.
- Виноградов, Н.Б., Валиахметова, З.А. *Люди археологии Южного Зауралья (XVIII век – середина 1970-х годов)*. Челябинск.
- Zakharov, E.V., Smirnov, S.V. 2018: [Seleucid Coins from the Collection of the Ivanovo State Museum of Local History]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 78/4, 959–969.
- Захаров, Е.В., Смирнов, С.В. Монеты государства Селевкидов из собрания Ивановского областного краеведческого музея. *ВДИ* 78/4, 959–969.

Табл. 1. Коллекция Н.К. Минко. Монеты Малой Азии, Селевкидов, Сирии, Парфии.
© Государственный исторический музей Южного Урала

Вестник древней истории, том 83 № 1
(вклейка к статье М. Г. Абрамзона, Е. В. Захарова,
А. Б. Никитина, С. В. Смирнова, стр. 114–133)

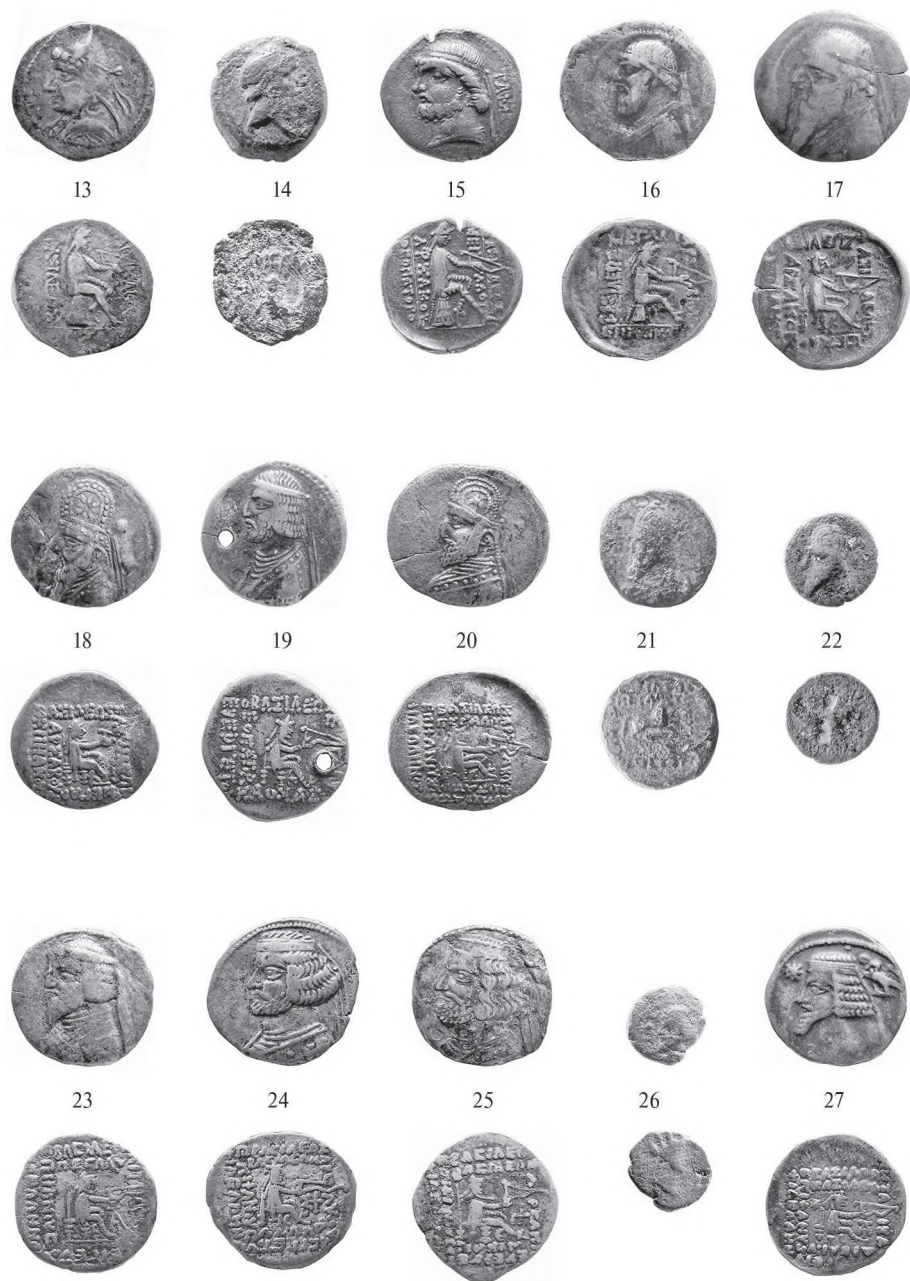

Табл. 2. Коллекция Н.К. Минко. Парфянские монеты. © Государственный исторический музей Южного Урала

Вестник древней истории, том 83 № 1
 (вклейка к статье М. Г. Абрамзона, Е. В. Захарова,
 А. Б. Никитина, С. В. Смирнова, стр. 114–133)

Табл. 3. Коллекция Н.К. Минко. Монеты Парфии, Элимаиды, Персии и Сасанидов.
 © Государственный исторический музей Южного Урала

Вестник древней истории, том 83 № 1
 (вклейка к статье М. Г. Абрамзона, Е. В. Захарова,
 А. Б. Никитина, С. В. Смирнова, стр. 114–133)

Табл. 4. Коллекция Н.К. Минко. Монеты Птолемеев и *александринер* Нерона.
 © Государственный исторический музей Южного Урала

Вестник древней истории, том 83 № 1
 (вклейка к статье М. Г. Абрамзона, Е. В. Захарова,
 А. Б. Никитина, С. В. Смирнова, стр. 114–133)

DOI: 10.31857/S032103910017770-0

ГРЕЧЕСКИЕ ПАПИРУСЫ ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (P. PERM.)

Е. Ю. Чепель¹, Я. А. Шаврин²

¹ *Центр египтологических исследований РАН, Москва, Россия*

² *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*

¹E-mail: euchepe1@gmail.com ²E-mail: permiensis@gmail.com

¹ORCID: 0000-0003-0924-3108 ²ORCID: 0009-0003-1203-7193

В статье впервые публикуются фрагменты греческих папирусов из собрания Музея истории Пермского университета. Большинство издаваемых фрагментов было спрессовано и склеено между собой в целях укрепления книжного переплета. Папирусы, относящиеся к этой группе, могут быть датированы византийским или раннеарабским временем ввиду соседства с фрагментами, написанными на арабском и пехлеви. Небольшая группа папирусов относится к IV в. Всего публикуется 26 фрагментов.

Ключевые слова: греческая папирология, Музей истории Пермского университета, российские папирусные коллекции

GREEK PAPYRI FROM THE COLLECTION OF THE PERM UNIVERSITY HISTORY MUSEUM (P. PERM.)

Elena Yu. Chepel¹, Jan A. Shavrin²

¹ *Centre for Egyptological Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

² *Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia*

¹E-mail: euchepe1@gmail.com ²E-mail: permiensis@gmail.com

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-59-14002

Данные об авторах. Елена Юрьевна Чепель – научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН. Ян Алексеевич Шаврин – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.

Статья подготовлена к публикации при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-59-14002).

This article contains *editio princeps* of the Greek papyri held at the History Museum of Perm State University. The majority of these papyri were glued and pressed together as a means of strengthening a book cover. These papyri can be dated to the Byzantine or early Islamic period since they were pressed together with Pahlavi and Arabic fragments. Two papyri can be dated to the fourth century AD. In total, 26 papyri are published.

Keywords: Greek papyrology, University History Museum of Perm State University, Russian papyrus collections

Публикуемые в этой статье папирусы являются частью коллекции египетских древностей Музея истории Пермского университета¹. В отличие от других папирусов коллекции (иератических, демотических и коптских²), происходящих из частного собрания А.А. Пальникова, обстоятельства и источник поступления издаваемых фрагментов остаются нам достоверно неизвестными. Однако, судя по всему, все папирусы оказались в Пермском университете примерно в одно время — в начале 1920-х годов³.

Документы 1–3 представляют собой два отдельных папирусных фрагмента и датируются нами на основании палеографии и содержания. Документы 4–26 являются обрывками различных текстов, которые были склеены между собой и, по-видимому, вторично использованы для укрепления книжного переплета. Всего в коллекции Музея истории Пермского университета хранится семь таких кусков переплета, состоящих из спрессованных папирусов. Исходя из схожего внешнего вида кусков, мы предполагаем, что все они или по крайней мере некоторые могли происходить из одного переплета или из одной книжной мастерской. Однако этот вопрос остается открытым за неимением никаких прямых указаний на связь кусков переплета между собой.

Разделить куски переплета на отдельные фрагменты не представляется возможным, так как это повредило бы и без того хрупкие папирусы. Поэтому нами было принято решение издать тексты так, как мы имеем их в переиспользованном виде, отобрав для публикации все читаемые фрагменты. Это обусловило некоторые особенности настоящего издания, необычные для стандартных папирологических публикаций: так, для

¹ Оригиналы папирусов были изучены нами в сентябре 2021 г. Мы выражаем глубокую благодарность директору Музея истории Пермского университета М.В. Ромашовой, а также главному хранителю В.В. Яковлевой и всем сотрудникам и волонтерам музея за оказанные нам содействие и помощь в работе с папирусами. Мы также благодарим С.В. Иванова за фотографирование папирусов и А.К. Шаврину за подготовку иллюстраций. Особую признательность мы хотим выразить реставратору высшей категории И.А. Мелиховой за осмотр и первичную консервацию папирусов, консультацию о дальнейших шагах реставрации и помощь в работе с особенно незащищенными фрагментами. Наконец, мы благодарим И.Ю. Мирошникова за внимательное прочтение черновика статьи и ценные замечания.

² Издание коптских папирусов см. в статье Miroshnikov 2021. Среди папирусов из коллекции А.А. Пальникова есть также три маленьких фрагмента на греческом языке, по-видимому, одного документа, наклеенные на подложку вместе с коптскими фрагментами и помещенные в рамку (МИПУ ХФ 3397). Поскольку они относятся к более ранней птолемеевской эпохе, мы не публикуем их в этой статье.

³ О коллекции и истории ее формирования см. Miroshnikov *et al.* 2020 (в статье также были впервые описаны все папирусы коллекции); Romashova *et al.* 2020.

большинства фрагментов неизвестно состояние обратной стороны, а размеры каждого фрагмента даны по его видимой части. Разбор трех кусков МИПУ КП 361/1–3 на фрагменты был выполнен нами виртуально (см. рис. 6–13). Тексты, содержащиеся на этих кусках, в настоящем издании объединены в три группы по числу фрагментов обложки и последовательно пронумерованы (6–14, 15–21, 22–26).

На одном из кусков среди папирусных фрагментов нами был идентифицирован текст на пехлеви (МИПУ КП 361/1 verso, рис. 8), а на другом — текст на арабском (МИПУ КП 361/2, рис. 10). Это позволяет датировать время создания этих двух кусков переплета VII в.⁴ Однако греческие документы, использованные в этих кусках, могли быть написаны и ранее и храниться в течение нескольких десятилетий в частных или официальных архивах, прежде чем были вторично использованы. Исходя из этих соображений, мы датируем фрагменты, входящие в состав этих кусков, более широко VI–VII вв. Эта датировка согласуется также с палеографией фрагментов.

С точки зрения жанра и содержания среди публикуемых фрагментов можно выделить списки и различные подсчеты административно-хозяйственного характера (1–8, 11–13, 18–19, 21, 22, 25), юридические документы (9, 10, 14–17, 23–24, 26) и одно письмо (20). Наиболее интересными текстами являются: список имен (1), список официальных курьеров (2), список продовольственных продуктов (19) и два списка выплат, связанных с армией (5–6). Несмотря на обрывочность и, на первый взгляд, незначительность большинства публикуемых фрагментов, они содержат в себе сведения по ономастике (1–2, 5, 13, 22, 23), топонимике (5), юридическим формулам (14, 24), ценам (6) и редкое упоминание должности эпистолафора (2) в византийском Египте, что делает их ценными для сопоставительного анализа с другими документами, а также в целом для работы папирологов и историков.

1. СПИСОК ИМЕН

Происх. неизв.
МИПУ КП 361/4

9 x 9,3 см

IV в.
Рис. 1

Документ оборван справа и снизу, верхний и левый край сохранились. В первой строчке и в некоторых других местах чернила стерты, однако на возможность прочтения текста это не влияет. Имеются мелкие дырки, вероятно, от червяков, а также три большие дыры: две сверху (посередине и справа), третья справа внизу. Почерк курсивный; буквы ровные, прямые. В качестве параллели можно отметить *P. Oxy. XLVIII 3387*⁵ (09.05.342 г.), в котором также присутствуют *ипсилон* в виде галки, *пи* с круглой верхней частью, *альфа* с двумя крупными петлями, *эта* с более длинной левой и более короткой правой гастами, *сигма* с почти прямой и горизонтальной верхней частью. Ср. также *P. Cair. Isid. 3* (11.09.299 г.). В целом фрагмент может быть датирован по почерку IV в.

⁴ Ср. время персидского завоевания Египта 619–623 гг. и арабское завоевание Египта 639–646 гг. Здесь и далее все даты нашей эры, если не указано иное.

⁵ Ссылки на издания папирусов даются по *Checklist of Editions of Greek, Latin, Demotic, and Coptic Papyri, Ostraca, and Tablets*: URL: <https://papyri.info/docs/checklist>; дата обращения: 20.02.2023.

Рис. 1. P. Perm. 1

Сохранившаяся часть списка построена по схеме «имя в им. п. + патроним». Исключения из этой схемы составляют две первые строки: в стк. 1 на втором месте дается второе имя Гора; в стк. 2 сразу за именем идет термин родства (брат, см. комментарий). Справа, вероятно, располагалась вторая колонка с какими-либо сведениями напротив каждого имени. Все имена мужские, большинство — египетского происхождения, но есть также два греческих и одно римское. Интересно, что четыре имени повторяются по два раза, а имя Гор — четыре раза.

→

- Ὠρος ὁ καὶ Ἡρα[κλ]ῆς [
 Ἡρακλῆς ἀδελφὸς .[
 Ἀνοῦπις Φαήσιος α[
 Ὠρος Ἀτρήτος τᾱ[
 5 Ἀνήσις Παουήτος [
 Ὠρος Κορνηλίῳ[υ
 Ὠ]ρος Φαήσιος [

Ψάις Ἀνήσιος .[
 Ἀνοῦπις ρ[
 10 [Ἰ]σοκ[ράτης?] ... [

Гор, он же Геракл ... Геракл брат ... Анубис сын Паисия ... Гор сын Хатреса ... Анесис сын Павеса ... Гор сын Корнелия ... Гор сын Паисия ... Псаис сын Анесиса ... Анубис ... Исократ? ...

1 Теофорное имя Ὡρος было довольно распространенным именем как во времена Птолемеев, так и в первые два века римского владычества в Египте, однако же начиная с III в. появляется в папирусах все реже.

2 Вероятно, Геракл был братом Гора-Геракла из стк. 1. В пользу такой гипотезы может говорить их соседствующее положение. Ср. *P. Bodl.* I 28.12–14 (II в., Каранис): Πτολεμαῖος Κολοβοῦ / Πτολεμαῖος υἱός / Σαραπίων ἀδελ(φός) Πτολ(εμαίου); *SB* VI 9319.23–26 (116 г., Бакхияс): [Πετ]εῖσις Ψενατύμεως / [Ὅρσεν]οῦφις ἀδελφός / [Πετ]εῖσις Ὅρσενούφεως / [Πετ]εῖσις νεώτ(ερος) ἀδελφός.

3 Теофорное имя Ἀνοῦπις (варианты: Ἀνοῦπ, Ἀνοῦβις, Ἀνοῦφις и др.) не встречается в папирусах эпохи Птолемеев, распространяется в римское время и чаще всего встречается в папирусах византийского времени.

3 Имя Φαῖσις, представляющее собой вариант египетского теофорного имени Παῖσις («принадлежащий Исиде»), многократно засвидетельствовано в папирусах начиная с эпохи Птолемеев, однако в более позднее время (с V в.) встречается довольно редко. Вариант имени Φαῖσις встречается почти исключительно в папирусах, происходящих из Фаюма.

4 Имя Ἀτρῆς (вариант: Ἀθρῆς) имеет египетское происхождение и чаще всего встречается в папирусах римского времени (до V в.).

5 Имя Ἀνῆσις (см. также стк. 8), по-видимому, является вариантом редкого греческого имени Ἀνήσιος/Ἀνέσιος. Этот вариант, однако, не засвидетельствован в других папирусах. Имя Παουῆς является редкой формой распространенного египетского имени Παυῆς/Φαυῆς.

6 Римские патронимы при египетских именах (и наоборот) довольно редки, но все же встречаются. Ср. *BGU* I 21.4 (IV в., Пректис): Κορνῆλιος Παῖσιος; *P. Erlang. Diosp.* 1.332 (IV в., Диосполис Парва): Βῆς Κορνηλίου; *P. Cair. Preis.* 19.5 (IV в., Пректис): Ὡρος Ἀμμωνιανοῦ.

8 Теофорное имя Ψάις (варианты: Ψόις, Ψῶις, Ψαῦος) встречается лишь несколько раз в папирусах птолемеевской эпохи, но многократно засвидетельствовано в папирусах римского и византийского времени.

2. ФРАГМЕНТ СПИСКА

Происх. неизв.
 МИПУ КП 361/4 verso

9 x 9,3 см

IV в.
 Рис. 2

Фрагмент расположен на verso фр. 1. Нижняя часть смята и более темного цвета. Справа приклеен круглый номер с цифрой 10. Сохранился левый и, вероятно, верхний края. Слева сохранилось также поле документа. Справа и снизу края оборваны. До конца не ясно, утеряно ли начало документа сверху. Стк. 1–2

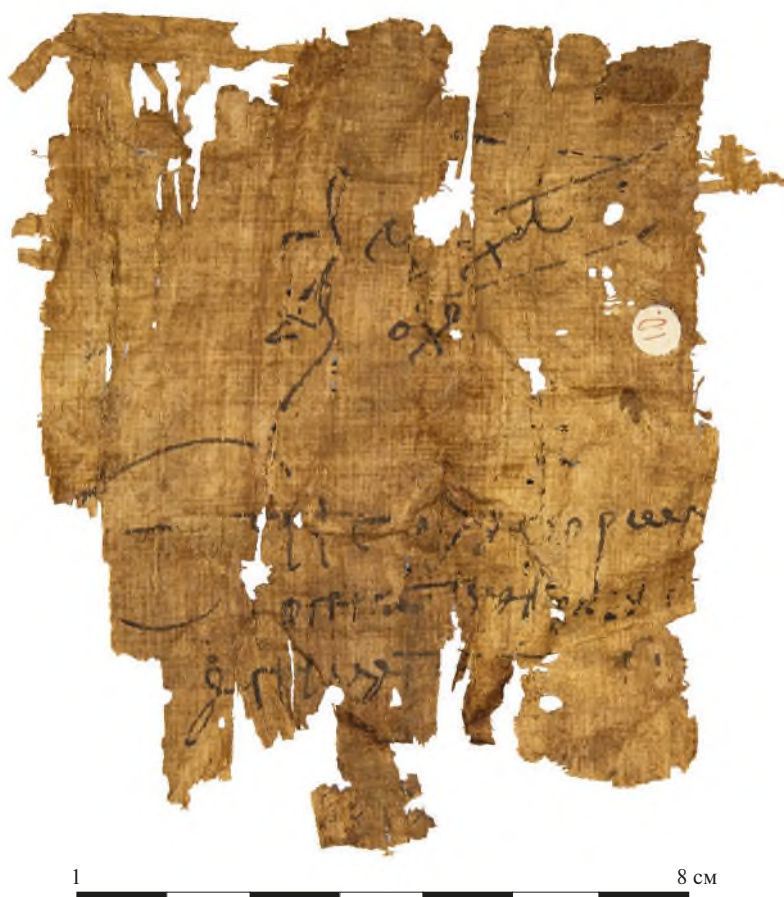

Рис. 2. P. Perm. 2

с подсчетами смещены вправо; между ними и стк. 3–5 пропущена примерно одна строка. Почерк курсивный, характерный для IV в.: большая размашистая *эпсилон* в начале строки, крупная *альфа* с широкими петлями, *омега* с соединением направо и *пи* с длинной горизонтальной гостой имеют явные параллели с *PSI Congr. XVII 27* (IV в., происх. неизв.) и *CPR XIX 60* (нач. IV в., Гераклеополь). Документ, предположительно, является списком (или подсчетом) выплат курьерам официальной корреспонденции, которые после общего заголовка в стк. 3 перечисляются поименно в стк. 4–5 и далее в утерянной части списка.

↓

γλ' Ερ() χδ()

δλ' Ο() χο()

vacat linea 1

ἐπισ<τ>ολαφόρων [

Λογγεῖνο(υ) καθαρὸν δι . [
 5 Ἀγῆ καθαρ) . vac. π. [

3 l. ἐπιστοληφόρων 4 l. Λογγίνω

3 ½ Гермупольского нома? ... 4 ½ Оксиринхского нома?... список курьеров ... Лонгину чистое (зерно? золото?) ... Агесу чистое?...

1–2 Две первые строки представляют собой подсчеты, смысл которых остается неясным. Сокращение в стк. 1 обычно расшифровывается в папирусах как город Гермуполь или гермупольский ном: Ἐρ(μουπολίτου). Сокращение с буквой χ может означать меру сыпучих тел хойникс. В стк. 2 первая *омикрон* может означать Оксиринх или Оксиринхский ном, Ὁ(ξυριγχίτου), ср. *P. Оху*. LIV 3750.5 (319 г.) и 3775.4 (1.07.342 г.).

3 Эпистолафор (варианты написания: ἐπιστοληφόρος, ἐπιστολαφόρος, ἐπιστολοφόρος) — литургическая должность в римском Египте в системе *cursus publicus*, курьер для официальной корреспонденции, назначался администрацией каждого нома из жителей деревни⁶. Услугами таких курьеров для доставки писем могли воспользоваться лишь представители римской власти, в то время как обычным людям они были практически недоступны⁷. После IV в. слово не встречается в папирусах, а аналогичная должность называется σύμμαχος, а также γραμματηφόρος⁸.

4 Строки должны были начинаться на одном уровне, поэтому строка не может начинаться с *омикрон*. Первые буквы строк в этом документе отличаются более крупным размером по сравнению с остальными буквами в строке, поэтому одна большая буква как раз уместилась бы над *альфой*. Мы восстанавливаем эту букву как *лямбду*, которая почти полностью стерлась, однако, возможно, от нее осталась точка, расположенная над *альфой*. Следующая буква в строке *омикрон* как будто зачеркнута. Вероятно, писец забыл написать вторую *гамму* и вписал ее чуть позже, так что она наложилась на *омикрон*. Латинское имя Longinus (*cognomen*) было весьма распространено в римском Египте, особенно во II–III веках. В нашем папирусе буквы окончания читаются плохо, поэтому возможным вариантом прочтения является также сокращенный дат. или род. п. от имени — греческого деривата Λογγινᾶς: Λογγεῖν(τι) — форма засвидетельствована в *O. Claud.* II 249.3 (125–175 гг.).

4 и 5 Обычно в папирусных документах прилагательное καθαρὸς относится к пшенице. Однако в нашем фрагменте нет никаких указаний на это. Единственный случай, когда это слово сокращается, как (согласно нашему чтению) в стк. 5, — это квитанция об уплате чистого, то есть не отчеканенного в виде монет, золота *SB XIV* 11885 (329 г., Гермуполь)⁹.

5 Редкое мужское имя Ἀγῆς встречается в папирусах со II в. до н.э. по начало V в. Возможно, это форма того же египетского имени, что и Παυῆς/Παγῆς (фр. 1.5), утратившая артикль [p]. Египетская фонема [w] по-гречески часто передается через γ.

⁶ См. Lewis 1982, 28; также подробно об обязанностях и вознаграждении эпистолафора *P. Оху*. XLIII 3095 (217/218 г.).

⁷ О слове см. Sarri 2018, 18–19.

⁸ См. Blumell 2014, 50–53; Morelli 2007.

⁹ См. Bagnall, Worp 1977, 321.

3. ФРАГМЕНТ СПИСКА ДЕНЕЖНЫХ РАСХОДОВ ИЛИ ВЫПЛАТ

Происх. неизв.
МИПУ КП 361/6

5,5 x 10,5 см

IV в.
Рис. 3

Отдельный фрагмент; оборван со всех сторон. Курсивный почерк, характерный для IV–V вв., ср. *P. Оху.* XLVIII 3429 (IV) и *P. Laur.* III 70 (367 г., Оксиринх). На verso следы текста, в том числе подсчеты ячменя.

→

vestigia

] . (δηναρίων μυριάδες) [Αχι] . . [

] . ὑπὲρ συνηθείας

] . Β (κερατίου) ο//...

5] (δηναρίων μυριάδες) ἦ

] νοδρα(δηναρίων μυριάδες) ρκ

1

8 cm

Рис. 3. *P. Perm.* 3

]αλ () πρω . κ . . [

]αμ () α

vestigia

... 10 000? денариев ... в счет синитии ... 2000 ... 1/70 карата? ... 9 000 000 денариев ... 1 200 000 денариев ...

1 Денарий — бронзовая монета римской империи. В IV в. произошла огромная инфляция, и 10 000 (мириада) денариев стали обычной денежной мерой. Соотношение одной мириады с золотой монетой могло быть различным¹⁰.

3 Синития — вознаграждение за службу или компенсация расходов, выплачиваемая официальным лицам¹¹.

4. ФРАГМЕНТ СПИСКА С ПОДСЧЕТАМИ ЗЕРНА

Происх. неизв.

5 x 15 см

VI—VII вв.

МИПУ КП 361/5

Рис. 4

Достаточно большой папирусный фрагмент светлого цвета. Составляет около половины куска переплета. Сохранились правые край и поле, а также большое нижнее поле. Текст представляет собой окончания строк списка с мерами зерна и числами. Скорее всего, в строках, где сохранились только числа, следует перед ними реконструировать артабы, по аналогии со стк. 7—8 и 10—11. В стк. 2—3 от числа сохранилась только дробная часть, в то время как целое число справа утеряно.

→

] ε

] δ//

] . d//

] .

] .

5

] α\

] (ἀρτάβαι) ια γ//

] (ἀρτάβη) α

] γί(νεται)

10

] (ἀρτάβαι) πζ

σίτου] καὶ(κῆλλω) (ἀρτάβη) α

... 5 артаб ... 3/4 артабы ... 1/4 артабы ... 1 ½ артабы ... 11 ½ артабы ... 1 артаба ... итого ... 87 артаб ... зерна по мере канкеллон 1 артаба.

7 Артаба — персидская мера емкости, ставшая основной для сыпучих тел в Египте (зерна, семян, бобов и т.д.). Считается, что артаба равна примерно 40 литрам, однако существовало большое количество разных артаб¹².

11 Канкеллон — специальная система меры зерна, которая характеризовала артабу, sc. μέτρον καγκέλλω. Точный объем такой артабы остается неизвестным. О происхождении слова также нет единого мнения: возможно, от лат. *cancelli* либо от персидского qanqal¹³.

¹⁰ См. Bagnall 2009, 190—191; Morelli 2004, 55.

¹¹ См. Tost 2007, 40.

¹² См. Fikhman 1987, 114; Bagnall 2009, 186—187.

¹³ См. Kreuzsaler 2007, xxxi—xxxiii.

Рис. 4. МИПУ КП 361/5

5. ФРАГМЕНТ СПИСКА

Происх. неизв.
МИПУ КП 361/11

7,4 x 14,1 см

VI–VII вв.

Рис. 5

Большой фрагмент папируса темного цвета, который составляет больше половины куска переплета. На поверхности имеются загрязнения. Правый край документа сохранился; возможно, также нижний край является изначальным краем документа. В нескольких местах повреждения волокон и надломы. Имена в стк. 4 и 8 подчеркнуты горизонтальной линией снизу. Жанр документа можно предположительно определить как список расходов, связанных с военной средой. Фрагментарность текста не позволяет сделать перевод.

↓

] καὶ πάντα ἀπολ[
]ραι σπαθαρι(ῶ?)
λεγ[?] ἐξ ὧνος Συή(νης) καὶ Σαραπάμμου[
Ἀ]θανασίου

Рис. 5. МИПУ КП 361/11

- 5] ὑπὲρ . μ[.]ως ἄλλ[
]τερ()
vacant lineae 5–6
] . α ὑπὲρ Ναρμούθ(εως)
] Μέλανος μέρος α

2 От лат. *spatha*, вид меча с широким клинком. Соответственно, речь идет о воине, вооруженном таким мечом. В папирусах встречается в основном в VI–VII вв.¹⁴ В документах должность может сопровождаться эпитетом λαμπρότατος, что указывает на высокий статус спатария.

3 О римских военных частях в Сиене в византийский период см. Keenan 1990.

5 Возможно, за ὑπὲρ следует топоним так же, как в стк. 7. На основании сохранившихся букв можно предположить, что могло быть утрачено слово Μέμφεως.

7 Нармутис указывает на возможное происхождение документа из Фаюма, но смысл словосочетания неясен.

8 Имя Μέλας было распространено в Египте V–VII вв.

¹⁴ См. Keenan 2015; Messeri, Pintaudi 2004, 171.

Рис. 6. МИПУ КП 361/1

МИПУ КП 361/1: 6–14 (Рис. 6–9)

6. ФРАГМЕНТ СПИСКА ВЫПЛАТ ИЛИ РАСХОДОВ

Происх. неизв.

7,2 x 11,4 см

VI–VII вв.

Рис. 7

Большой фрагмент папируса светлого цвета, составляющий чуть меньше половины куска переплета. Оборван со всех сторон, кроме правой, где сохранились поля. Курсивный почерк, характерный для VI–VII вв. Документ оформлен в виде списка, правая колонка которого содержит назначенные суммы. Выплаты делаются как деньгами (стк. 1–3), так и натуральными продуктами (стк. 4–10). Основание для выплаты сохранилось только в стк. 2 — за одежду, вероятно, военную.

→

-
-] ηλ (δηναρίων μυριάδες) Β
] αρης θλ ὑπὲρ χλαμ(υδ) (δηναρίων μυριάδες) Αφ
] . κου νό(μισμα) α
] ης μέρους κριθ(ῆς) δ
 5] . vacat σπάθ(ια) κ
] . καθαρ(οῦ) σίτ(ου) λ
] vacat κριθ(ῆς) ε
] vacat σπάθ(ια) δ
] . ἀρτ(άβαι) καθαρ(οῦ) (πυροῦ) ψο
 10] vacat κριθ(ῆς) ιζ

... 8 ½ ... 20 000 денариев ... 9 ½ за плащ? 15 000 000 денариев ... 1 солид ... части ячменя — 4 ...
 20 спатиев ... чистого зерна 30 ... ячменя 5 ... 4 спатия ... 770 артаб чистой пшеницы ... яч-
 меня 17 ...

Рис. 7. *P. Perm.* 6, 8–12

1 О денарии см. комментарий к фр. 3.

2 В период V–VII вв. этот вид плаща появляется лишь в одном папирусе VI в. (*P. Prag.* I 93.5, Фаюм?) и в одном V в. (*SB XX* 14211.12, происх. неизв.). Оба документа являются списками предметов одежды. В более ранних папирусах IV в. плащ-хламидий в основном упоминается в контексте снабжения римской армии как часть *vestis militaris*. В нескольких документах указывается налог на военную одежду, в том числе

Рис. 8. МИПУ КП 361/1 verso

на хламидий (*P. Oxy.* LXII 4348, IV в.; *P. Dubl.* 21, IV в., Ахмим). В данном случае речь может идти о расходах на один или несколько плащей. Сравнимые цены за плащ-хламидий указаны в *P. Ross. Georg.* V 61 A r 9, C r 5–6, 12, A v 18, D v 18 (IV–V вв.)¹⁵.

3 Солид — золотая монета весом 4,55 г; составляла 1/72 фунта и являлась основной денежной системы Византии; введена Диоклетианом¹⁶.

5 Спатий иногда использовался как мера для зерна, но чаще все же для жидкостей: вина, масла, меда и т.п.

9 Об артабе см. комментарий к фр. 3.

7. ФРАГМЕНТ СПИСКА

Происх. неизв.

7,2 x 11,4 см

VI–VII вв.

Рис. 9

Фрагмент расположен на verso фр. 6 на обратной стороне куска переплета в левой части. Оборван со всех сторон, кроме левой.

↓

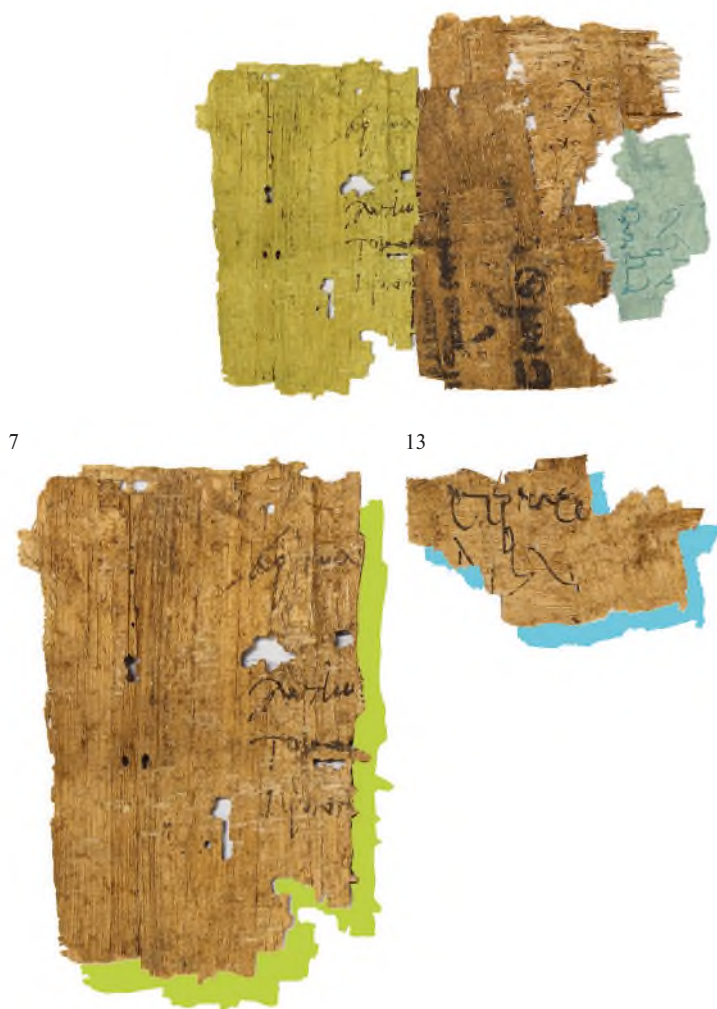
κριθῶν [
 Φλαῦ[υ] [
 Ἀντιν[ο]
 τοῖς .. [

5 παρόντι [

... ячменя ... Флавий ... Антиной? ... в настоящем (месяце?) ...

¹⁵ См. также Morelli 2004, 65–66.

¹⁶ См. Bagnall 2009, 191; Morelli 2004, 55.

Рис. 9. *P. Perm.* 7, 13

1 Обозначение зерна в родительном падеже, вынесенное в начало, указывает на список, ср. *SB XIV 12053* (V/VI в., происх. неизв.).

3 Ἀντίνοος — распространенное мужское имя в Египте византийского времени.

5 Возможно, формула, указывающая на текущий месяц.

8. ФРАГМЕНТ СПИСКА ВЫПЛАТ ИЛИ РАСХОДОВ

Происх. неизв.

2,8 x 2,7 см

VI–VII вв.

Рис. 7

Маленький фрагмент светлого папируса, расположенный посередине верхнего края куска переплета. Перевернут на 180° по сравнению с фр. 6. Оборван со всех сторон. По почерку, содержанию, расположению текста и цвету папируса, скорее

всего, является частью того же документа, что и фр. 6. Обратная сторона текста не содержит.

→

] ηλ (πυροῦ) ν
] ἄχρ(ου) [ρ] ⤵

... 8 ½ ... пшеницы 50 ... сена 100? 200 ...

2 Вероятно, первая цифра была написана по ошибке и затем зачеркнута. Зачеркивающая диагональная линия видна слева.

9. ФРАГМЕНТ ДОКУМЕНТА

Происх. неизв.

4,2 x 5,7 см

VI–VII вв.

Рис. 7

Фрагмент среднего размера и прямоугольной формы с загрязнениями. Расположен посередине в верхней части куска переплета слева и снизу от 6 и 8. Перевернут на 180° по сравнению с фр. 6. Яркие чернила и жирные линии. Курсивный почерк, характерный для VI–VII вв. Оборван со всех сторон, в верхней части оторвана горизонтальная полоска верхнего слоя волокон. Жанр и содержание документа не поддаются определению.

→

vestigia

] . τοι αυ[

] . σατω ὀβο[λ

κατ]ᾱ λέξιν ἐν παρ[

5] ἀπεργαζ[

κο?]σμ[ι]ωτατ[η

5 Форма глагола ἀπεργάζομαι.

6 κοσμιωτάτη — почтительный эпитет в византийском Египте, употреблявшийся исключительно по отношению к женщинам.

10. ФРАГМЕНТ ДОКУМЕНТА

Происх. неизв.

5,7 x 6,6 см

VI–VII в.в.

Рис. 7

Фрагмент папируса темного цвета, расположенный в нижней левой части куска переплета. Перевернут на 90° по отношению к фр. 6. Фрагмент оборван со всех сторон. Почерк крупный и размашистый; большое расстояние между строками. Эти особенности могут указывать на то, что перед нами официальный документ. Жанр и содержание документа не поддаются более точному определению.

↓

vestigia

τ]οῦ Θεοῦ το[

] . τ . . δουλη

11. ФРАГМЕНТ СПИСКА ВЫПЛАТ ИЛИ РАСХОДОВ

Происх. неизв.

2,3 x 2,3 см

VI–VII вв.

Рис. 7

Маленький фрагмент светлого папируса, расположенный в левой нижней части куска переплета. Оборван со всех сторон.

→

vestigia

ὕ]πὲρ τιμ(ῆς) [

ὕπ]ὲρ τιμ(ῆς) . [

... в счет стоимости ... в счет стоимости ...

12. ДВА ФРАГМЕНТА СПИСКА ДЕНЕЖНЫХ ВЫПЛАТ ИЛИ РАСХОДОВ

Происх. неизв.

2,8 x 3,2 см; 3,5 x 4,2 см

VI–VII вв.

Рис. 7

Оба фрагмента находятся в левой части куска переплета. По расположению текста, содержанию и почерку можно установить их принадлежность к одному документу. Первый фрагмент перевернут на 90°, второй фрагмент — на 180° по отношению к фр. 6. Оба фрагмента оборваны со всех сторон.

1

↓

] νομ(ίσματα) β[

] νομ(ίσματα) ι . [

... 2 солида ... 10 солидов ...

2

↓

] νομ(ίσματα) ιδ[

] (δηναρίων μυριάδες) ε . η[

... 14 солидов ... 50 000 денариев ... 8 ...

1 О солиде см. комментарий к фр. 6.

2 О денарии см. комментарий к фр. 3.

13. ФРАГМЕНТ СПИСКА ИМЕН

Происх. неизв.

4 x 3,5 см

VI–VII вв.

Рис. 9

Фрагмент расположен на обратной стороне куска переплета в правой части. Повернут на 90° по отношению к фр. 7. Оборван со всех сторон, кроме левой.

→

Σερίνω [

Νείλω

vestigia

1. Νείλω

... Серену ... Нилу

1 Распространенное в Египте римское имя (*cognomen*).

2 Теофорное имя Νεῖλος было наиболее распространено в Египте в римский период.

МИПУ КП 361/2: 14–21 (Рис. 10–11)

14. НАЧАЛО ДОКУМЕНТА

Происх. неизв.

5,2 x 2,5 см

VI–VII вв.

Рис. 11

Фрагмент расположен в верхнем левом углу куска переплета. Оборван со всех сторон, кроме левой, где, по-видимому, сохранился край документа с началами строк и небольшими полями. Папирус сильно поврежден: надломан в нескольких местах поперек и посередине. На поверхности имеются загрязнения. Почерк представляет из себя курсив, характерный для VI–VII вв. Можно наблюдать достаточно большой отступ между строками. По форме букв и отступу сходен с фр. 15–17; возможно, все четыре фрагмента относятся к одному документу. Судя по стандартной формуле датировки, фрагмент является началом частного документа, например договора сдачи в аренду, купли-продажи или найма. Исходя из направления волокон, можно предположить, что документ имел формат *transversa charta*.

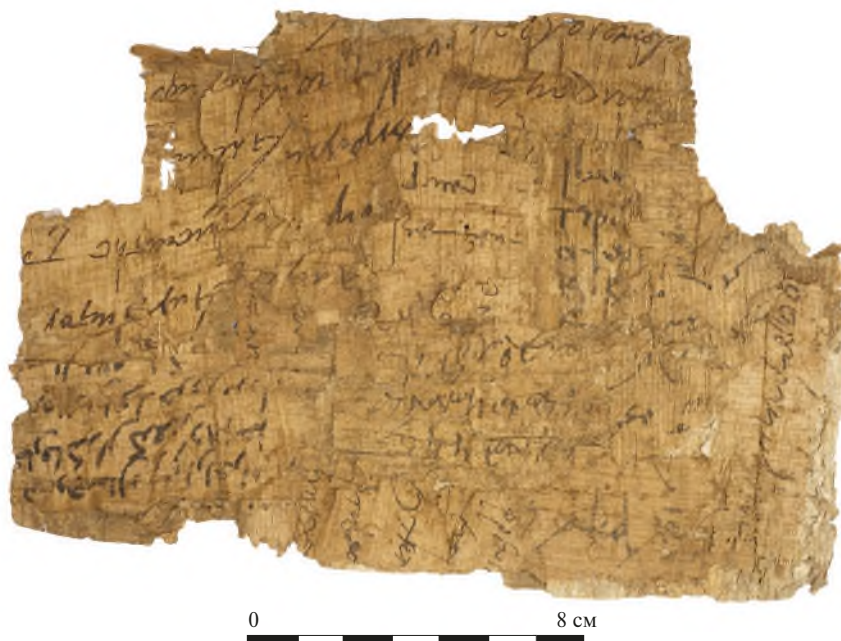

Рис. 10. МИПУ КП 361/2

↓

. . † τοῖς μετὰ [τὴν ὑπατείαν ---]
 αὐτῆς δύο θ[
vestigia

† При консулах после консульства... ее два ...

1 Верхняя часть строки оборвана в начале. Перед формулой датировки часто ставились христианские символы: крест или ставрограмма. В данном случае, кроме креста в начале строки, было написано еще несколько символов. С точки зрения палеографии мог бы подойти акроним $\chi\mu$, христианская аббревиатура или исопсефизм, который часто ставился в заглавии документов¹⁷. Однако обычно он писался над первой строкой в середине папирусного листа, см., например, *P. Lond.* III 1003 (562 г). Датировки по консульствам употреблялась в папирусных документах из Египта начиная с времени Диоклетиана до середины VII в., а формула «после консульства» впервые засвидетельствована в начале IV в.¹⁸ Формула с τοῖς *sc.* ὑπάτοις встречается в основном в конце V в. (475–486 гг.) и в середине VI в. (после 540 г.)¹⁹.

2 Вторая строка не является частью формулы датировки, из чего можно сделать вывод, что вся формула уместилась в первой строке и, следовательно, документ был достаточно широким.

15. ФРАГМЕНТ ДОКУМЕНТА

Происх. неизв.

5,3 x 6 см

VI–VII вв.

Рис. 11

Фрагмент расположен в левом верхнем углу куска переплета; перевернут на 180° по отношению к фр. 14. Все края оборваны; имеются повреждения волокон и загрязнения. Почерк курсивный; имеется ряд сходств с фр. 14 и 16–17, в том числе по форме букв и по расстоянию между строками — возможно, все четыре фрагмента относятся к одному документу. Первая строка отличается от остальных более жирными линиями, что может объясняться разным количеством чернил на каламе. Жанр и содержание документа не поддаются определению.

↓

vestigia
 [. .] καὶ ἀπὸ αὐτοῦ [
 λογίας αὐτῆς το[
 Ἑρμῶ[

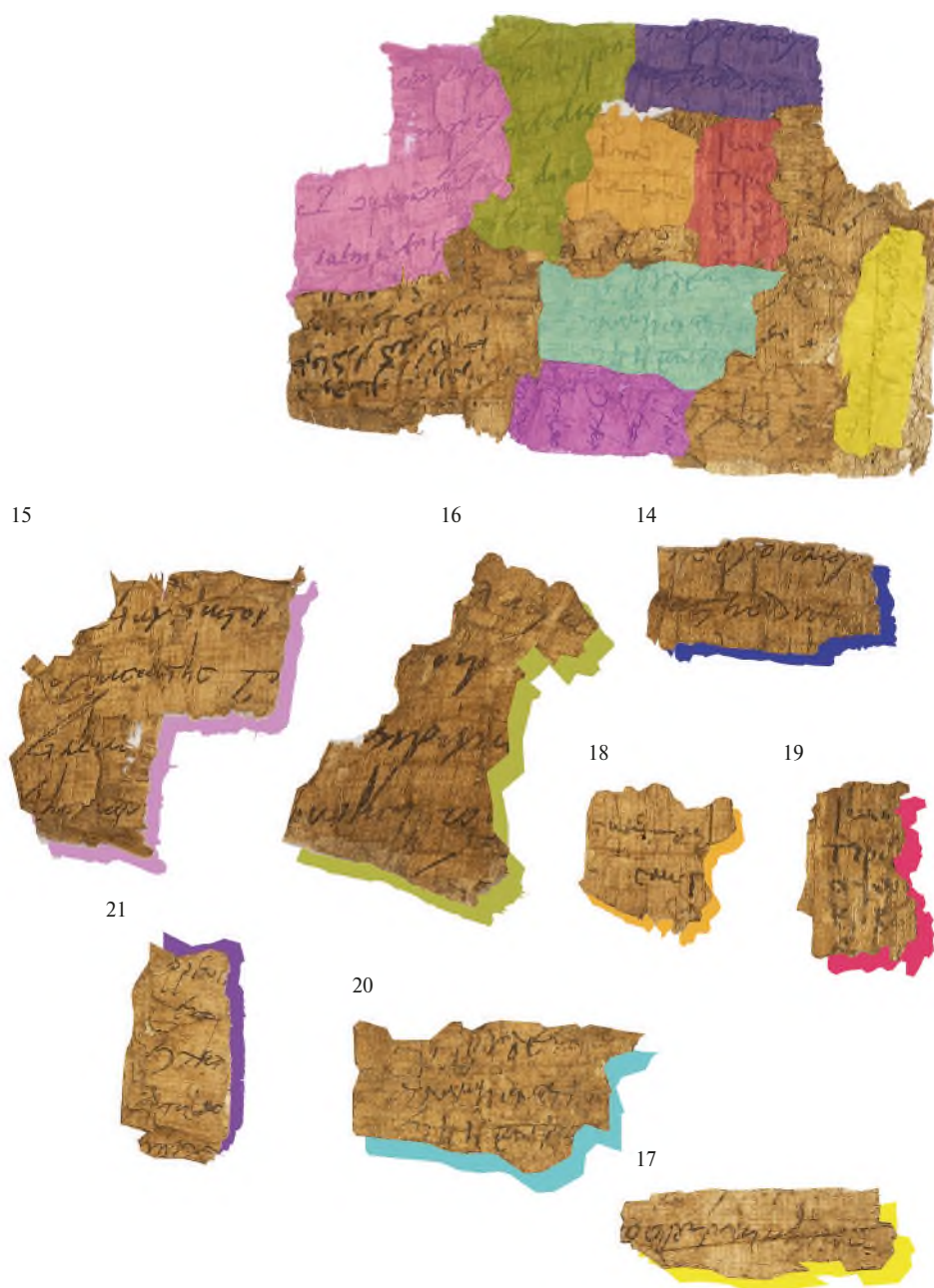
5 ε[.]ης . κρ . [

3 λογίας: перенос слова с предыдущей строки (напр., ὁμολογίας) либо слово λογεῖα, сбор налогов.

¹⁷ О значении $\chi\mu$ см. Llewelyn 1998; Nongbri 2011.

¹⁸ См. Bagnall, Worp 2004, 88–98, 172–216.

¹⁹ См. Gonis 2000, 74–75; 2008, 163.

Рис. 11. *P. Perm.* 14–21

4 Ἐρμαῶ[; имя Ἐρμαῶς является вариантом египетского теофорного имени Ἐρμαῖος («Гор великий лев» или «Гор от великой матери»), который встречается только в папирусах VI и VIII в. из деревни Афродито.

16. ФРАГМЕНТ ДОКУМЕНТА

Происх. неизв.

4,2 x 6 см

VI–VII вв.

Рис. 11

Фрагмент расположен сверху в середине куска переплета между фр. 14 и 15; перевернут на 180° по отношению к фр. 14. Все края оборваны; имеются повреждения волокон и загрязнения. Почерк курсивный; имеется ряд сходств с фр. 14–15 и 17, в том числе по форме букв и по расстоянию между строками. Возможно, все четыре фрагмента относятся к одному документу. Верхняя часть фрагмента с первой строкой смещена вправо и почти оторвана от остальной части.

↓

Φ]λαυία Δι[δύμη?

] αὐτ. . [

τ?]ὰ πράγμα[τα?

ἀκολ[?]οῦθήσῃ τῷ α[

I. ἀκολουθήσει

... Флавии Дидиме ... дела ... будет следовать

1 Имя (nomen) Флавия указывает на высокий социальный статус упомянутой женщины. Форму можно понять как дательный или именительный падеж. Буквы второго имени видны плохо, так как находятся на обрыве фрагмента. Женщина по имени Флавия Дидима упомянута также в папирусе VI в. из Фаюма (*SPP* (2) 3 72A.2). Существует вероятность, что это одно и то же лицо²⁰. В таком случае у данного документа появляется также географическая привязка.

4 Скорее всего, был использован глагол с приставкой ἐξ- или παρ- . Данный глагол характерен для различных договоров.

17. ФРАГМЕНТ ДОКУМЕНТА С ДАТОЙ

Происх. неизв.

6 x 2,2 см

VI–VII вв.

Рис. 11

Полоска папируса с одной строкой текста расположена вертикально на правом краю куска переплета. Фрагмент повернут на 90° по сравнению с фр. 14. По почерку (размеру и форме букв) также сходен с ними. Таким образом, фр. 14–17, возможно, являются частью одного документа. Фрагмент оборван со всех сторон; по верхнему краю расположены хвосты букв несохранившейся строки. Текст представляет собой часть датировки документа и содержит название месяца и, возможно, число.

↓

vestigia

]ος τοῦ Τῦβι μηνός [

... месяца Тюби ...

²⁰ Ср. Ruffini 2006.

1 Один из возможных вариантов восстановления первого слова — εἰκόδοϛ. В таком случае сохранились число и месяц: 20-е Тюби. Тюби — пятый месяц египетского календаря, примерно соответствующий январю.

18. ФРАГМЕНТ ДОКУМЕНТА С ПОДСЧЕТАМИ ЗЕРНА

Происх. неизв.

3,4 x 3,7 см

VI–VII вв.

Рис. 11

Фрагмент светлого папируса, расположенного в центре куска переплета. Текст перевернут на 180° по сравнению с фр. 14. Папирус оборван со всех сторон. Почерк курсивный мелкий. Расположение текста указывает на список как жанр документа.

→

] κ(ρι)θ(ῆς) (ἀρτάβη) α υ [
] . *vacat* σάκ(κοι) ιδ [

... 1 ¾ артабы ячменя ... 14 мешков ...

1 Об артабе см. комментарий к фр. 4.

19. ФРАГМЕНТ СПИСКА ПРОДУКТОВ

Происх. неизв.

2,6 x 3,9 см

VI–VII вв.

Рис. 11

Фрагмент расположен в верхней части куска переплета справа от фр. 18. Сохранилась левая сторона, со всех остальных сторон оборван. На поверхности имеются загрязнения, чернила в некоторых местах стерты. Сохранившийся текст представляет собой список продуктов, которые, вероятно, предназначались для выдачи в качестве рациона работнику или должностному лицу. В правой утерянной части списка могли располагаться указания на количество каждого продукта. Похожие документы были обнаружены среди папирусов из архива высокопоставленного римского чиновника Феофана (IV в.), совершившего поездку из Египта в Антиохию и оставившего записи о ежедневных тратах на те или иные нужды, в том числе и на продукты для себя и своей свиты. См. также другие списки: *SB XVI 12246* (IV в., происх. неизв.); *CPR VII 42* (V в., Фаюм); *P. Apoll. 94* (VIII в., Эдфу).

↓

 Ἰωάν[ννη?
 τυρόν [
 ὀψαρ[
 κίβαρ[
 5 ἐλαί[

2 τυρο^v ραρ.

для? Иоанна ... сыр ... рыба ... хлеб ... оливковое масло (или оливки)

1 Возможны дательный или родительный падежи. Если обратиться к примеру *P. Ryl. IV 629* (317–323 гг., Гермуполь) из архива Феофана, можно увидеть, что

список содержит также имена людей из свиты Феофана, которым предназначались выплаты на продукты (см. стк. 49, 156).

2 Продукты в списках могли стоять в именительном, родительном или же винительном падеже, и при этом неясно, чем писавшие руководствовались при выборе того или иного падежа²¹. По этой причине мы не восстанавливаем утраченные окончания в этом папирусе.

3 Слово ὀψάριον (также ὀψαρίδιον) имело несколько разных значений, среди которых «закуска», «рыба», «деликатесы», «лакомство» и др.²².

4 От лат. cibarius, использовалось по отношению к хлебу из муки грубого помола. Субстантив κιβάριον означает пищу солдат, вольных работников или же рабов²³.

5 ἔλαιον, «оливковое масло» или ἔλαια, «оливки».

20. ФРАГМЕНТ ЧАСТНОГО ИЛИ ДЕЛОВОГО ПИСЬМА

Происх. неизв.

5,7 x 3,3 см

VI–VII вв.

Рис. 11

Фрагмент расположен в середине в нижней части куска переплета под фр. 18 и 19. Слева сохранились край и поле шириной 0,8 см; со всех остальных сторон папирус оборван. Имеются загрязнения и повреждения волокон. Почерк курсивный.

→

μαίρου δὲ καὶ .[
ἀλλὰ μὴ ἀμελήσ[ης
ἐπὶ τῇ ἐν ..[

1 I. μαίρου

... а повара ... подойди к этому со всей ответственностью...

2 Фраза используется для введения просьбы и является типичной для частных писем. Ср. *P. Apoll.* 13.7 (VII в., Эдфу); *CPR XXV* 16.4 (VI–VII вв., Гермупольский ном); *PSI XIV* 1430.11 (VII в., происх. неизв.).

21. ФРАГМЕНТ ДОКУМЕНТА ИЛИ СПИСКА

Происх. неизв.

2,2 x 4,8 см

VI–VII вв.

Рис. 11

Фрагмент расположен по нижнему краю куска переплета под фр. 20 и повернут на 90° по отношению к фр. 14. Оборван со всех сторон. Курсивный почерк с тонкими линиями.

→

] ἄρρενι .[
] δὲ ὕγρ[

²¹ См. Roberts, Turner 1952, 117.

²² Аргументацию в пользу второго значения см. Łukaszewicz 1994, 102.

²³ См. Nachtergaele 2003, 41. Ср. *P. RyI.* IV 629.14: κίβαρ(ίων) τοῖς παιδίοις; *SB XXII* 15302.405: παιδίων ... κίβαρ(ίων) (V в., Гермуполь).

ολην [
] ἀρτάβας [
 5] . ὑπὲρ χλ . [

... артабы ... за ...

1 Прилагательное ἀρρενικός в папирусах использовалось почти исключительно по отношению к рабам (ἀρρενικὸν σωματίον) или к мелкому скоту (ἀρρενικὸν πρόβατον). Поскольку в пятой строчке речь, вероятнее всего, идёт о расходах на корм для скота, то и здесь более вероятным вариантом представляется последний.

2 ὑγρόπισσα — жидкая смола, которую использовали в византийском Египте для различных технических работ. Ср. *P. Prag.* II 187 (V в., происх. неизв.) и *SB XX* 14403.7 (527/642 г., Фаюм).

3 Один из возможных вариантов восстановления — εἰς τὴν ἐμβολήν, т.е. «за погрузку». Ср. *P. Ant.* III 190.11 (VI–VIII вв., Антинополь): εἰς τὴν ἐμβολ(ήν) σί(του) (ἀρτάβαι) ση.

4 Об артабе см. комментарий к фр. 4.

5 Одним из вероятных вариантов восстановления является ὑπὲρ χλωροφάγίας, т.е. «свежий корм/трава». Другой вариант — ὑπὲρ χλαμύδιων за плащи, ср. фр. 6.

МИПУ КП 361/3: 22–26 (рис. 12–13)

22. ФРАГМЕНТ СПИСКА

Происх. неизв.

3,3 x 5,7 см

VI–VII вв.

Рис. 13

Прямоугольный фрагмент папируса светлого цвета, занимающий верхний левый угол куска переплета. Оборван со всех сторон, кроме левой. Правый край не виден из-за других фрагментов, наклеенных сверху. Курсивный почерк, характерный для VI–VII вв. Список имеет структуру διὰ + имя. От имен сохранилось только несколько первых букв. Правая часть списка, по-видимому, содержала суммы, заплаченные этими людьми или подлежащие уплате, возможно, в качестве налога. Повторяющийся знак в начале каждой строки, скорее всего, имеет функцию контроля каждой записи, как галочка или крестик, либо является числом ½. Последняя интерпретация менее вероятна, так как отсутствует денежная мера или мера объема, а сам знак стоит в начале каждой записи, а не в конце, как обычно бывает в списках денежных и налоговых сборов.

→

 \ δι(ὰ) . . . [
 \ δι(ὰ) Ἀφ[
 \ δι(ὰ) Ταμ[
 \ δι(ὰ) Νεστ[ορίου
 5 \ δι(ὰ) Παη[
 \ δι(ὰ) Ἀιω[

2 Напр., Ἀφοῦς или Ἀφθόνιος.

3 Женское имя египетского происхождения, например Ταμοῦνις.

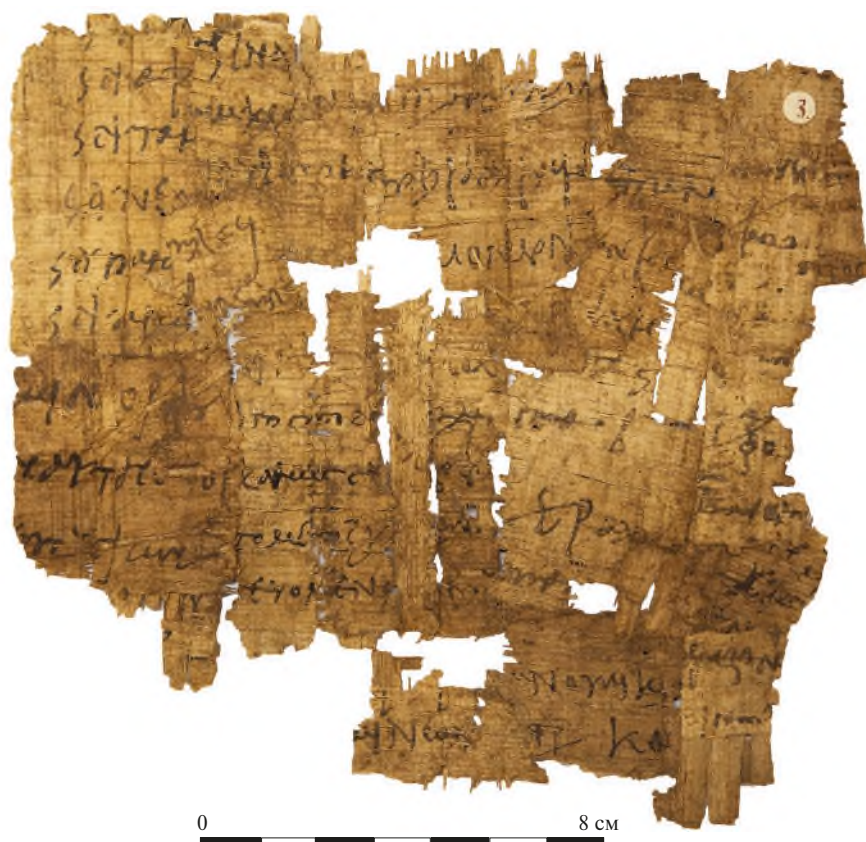

Рис. 12. МИПУ КП 361/3

4 Единственным подходящим именем кажется Νεστόριος.

5 Мужское имя египетского происхождения, например Παῖσις, Παῖς или Παιεῦς.

6 Мужское имя греческого происхождения Ἀῖων или Ἀιώνις.

23. ФРАГМЕНТ ДОКУМЕНТА

Происх. неизв.

4 x 4,2 см

VI–VII вв.

Рис. 13

Небольшой почти квадратный фрагмент папируса темного цвета, занимающий нижний левый угол куска переплета под фр. 22. Оборван со всех сторон. Волокна сильно повреждены и загрязнены. Жанр и содержание документа не поддаются более точному определению.

→

 ὅ?] μὴν ορ., [
] γαυταῖς ορ., [
] . γου Σίων [
vestigia

Рис. 13. *P. Perm.* 22–26

1 Возможно также местоимение ἡμῖν или существительное в в.п. ед.ч., например δύναν.

4 Имя библейского происхождения Σίων несколько раз встречается в папирусах римского времени и значительно чаще в поздневизантийское и раннеарабское время.

24. ФРАГМЕНТ ДОКУМЕНТА

Происх. неизв.

3 x 5 см

VI–VII вв.

Рис. 13

Небольшой прямоугольный фрагмент папируса светлого цвета, расположенный справа от фр. 23. Оборван со всех сторон.

→

] το συνδο[
] καθὼς συ[ναρέσκει?
]το μετὰξὺ [
 πολι?]τευόμενω[

... согласно договоренности ... между ... куриалу? ...

1 Вероятно, форма глагола συνδοξάω, «быть согласным с», «согласовываться», который встречается в основном в византийскую эпоху в таких документах, как судебные протоколы (*P. Lond.* I 113, 1.52, VI в., Фаюм) и договоры купли-продажи, и используется в отношении цены: τιμῆς τῆς μετὰξὺ ἡμῶν συμπεφωνημένης καὶ συναρεσάσης καὶ συνδοξάσης, ср. *P. Köln.* Gr. VII 323.16, VI/VII в., Гераклео-польский ном; *SB* VI 9191.17, 527–565 гг. Гермупольский ном, и др. Однако здесь глагол используется вне устоявшейся формулы.

2 Слово καθὼς используется в договорах и других юридических документах как ссылка на установленные соглашения. Например, в таких выражениях канцелярского стиля, как: καθὼς πρόκειται «как заявлено», καθὼς προέγγραπται «как сказано выше», καθὼς προεδήλωται «как было ранее заявлено» и т.п. Параллелью к нашему фрагменту может служить договор о поставке фиников *SPP* III(2) 192.6 (VII в., Арсиноя): καθὼς συναρέσκει μετὰξὺ ἡμῶν «как было решено между нами». Ср. ту же фразу συνήρεσεν μετὰξὺ ἡμῶν, но с глаголом в аористе в брачном договоре *SB* XVIII 13886.9 (489/490 г., Оксирих) и в договоре о покупке земли *P. Berl. Monte* 13.14 (19.10.597 г., Арсиноя), а также с другим порядком слов καθὼς μετὰξὺ ἡμῶν συνήρεσεν в договоре аренды *SB* VIII 9876.13–14 (16.07.534 г., Гераклеополь).

3 Первое слово может быть окончанием глагола, например ἐγένετο, или артиклем τὸ, относящимся к существительному, при котором μετὰξὺ выполняет атрибутивную функцию, например τὸ μετὰξὺ (e.g. αὐτῶν/ἡμῶν) πρᾶγμα. Это слово в папирусных документах используется в официальных контекстах и отсылает к юридическим отношениям между двумя сторонами, например при тяжбе или заключении договора, ср. *P. Lond.* V 1708.16 (567 г., Антинополь), *P. Cair. Masp.* I 67066.2 (VI в., Афродито).

4 Медио-пассивное причастие от глагола на -εύω (πραγματεύομαι, νομιτεύω, πολιτεύω и т.п.). Причастие νομιτευόμενα характеризует деньги (монеты) как относящиеся к современной документу чеканке (напр., *P. Wisc.* I 8.27, 561 г., Оксирих) и часто появляется в счетах и квитанциях. Термин πολιτευόμενος является греческим переводом латинского *curialis* и обозначает члена городского совета.

В византийском Египте эта должность означала высокий статус и принадлежность к знати²⁴. Второй вариант более вероятен, если исходить из лексики в стк. 1–3.

25. ФРАГМЕНТ СПИСКА

Происх. неизв.

3,5 x 5 см

VI–VII вв.

Рис. 13

Небольшой фрагмент папируса светлого цвета, расположенный в правой части куска переплета. Оборван со всех сторон. Правый и верхний края закрыты другими наклеенными фрагментами.

→

σπ]άθ(ια) ς

] σπάθ(ια) β

] (πυροῦ) ρ ἀλλ()

] σπάθ(ια) [

... 6 спатиев ... 2 спатия ... пшеницы 100 ... спатиев ...

1 О спатии см. комментарий к фр. 6.

26. ФРАГМЕНТ ДОКУМЕНТА

Происх. неизв.

4,2 x 4,5 см

VI–VII вв.

Рис. 13

Небольшой фрагмент папируса, расположенный в середине верхней части куска переплета. Перевернут на 180° по сравнению с фр. 22. Оборван со всех сторон. Содержит дату: число и месяц. Слово ἀναγνοῦς в стк. 1 входило в заключительную формулу подписи сторон (ἀναγνοῦς καὶ ὑπογράφας «прочитав написанное выше и подписав») в документах, имеющих юридическую силу. Определить содержание данного документа не представляется возможным.

→

ἀ]ναγνοῦ[ς καὶ ὑπογράφας

] τῇ εἰκάδῃ Αθ[ύρ

] . ἡμέρας ω[

... прочитав и подписав ... в 20-й день хатира ... дня/дней ...

1 Ср., напр., *P. Cair. Masp.* III 67298.42, 49, 64 (527–565 гг., Афродито); *SPP XX* 139.19 (531 г., Фаюм).

3 Хатир — третий месяц египетского календаря. 20 хатира соответствует 16 или 17 ноября по юлианскому календарю²⁵.

²⁴ См. Worp 1997; 1999; Sijpesteijn, Worp 2011, 23–27.

²⁵ Bagnall, Worp 2004, 160.

Литература / References

- Bagnall, R.S. 2009: Practical Help: Chronology, Geography, Measures, Currency, Names, Prosopography, and Technical Vocabulary. In: R. Bagnall (ed.), *The Oxford Handbook of Papyrology*. Oxford—New York, 179—196.
- Bagnall, R.S., Worp, K.A. 1977: A Receipt for Gold Bullion. *Chronique d'Égypte* 52, 319—321.
- Bagnall, R.S., Worp, K.A. 2004: *Chronological Systems of Byzantine Egypt*. Boston—Leiden.
- Blumell, L. 2014: The Message and the Medium: Some Observations on Epistolary Communication in Late Antiquity. *Journal of Greco-Roman Christianity and Judaism* 10, 24—67.
- Fikhman, I.F. 1987: *Vvedenie v dokumental'nyu papirologiyu* [Introduction into Documentary Papyrology]. Moscow.
- Фихман, И.Ф. *Введение в документальную папиологию*. М.
- Gonis, N. 2000: Six Small Byzantine Papyri from the Duke Collection. *Bulletin of the American Society of Papyrologists* 37, 71—81.
- Gonis, N. 2008: 4920. Top of Contract. In: N. Gonis, D. Colomo (eds.), *The Oxyrhynchus papyri* 72. London, 163—164.
- Keenan, J.G. 1990: Evidence for the Byzantine Army in the Syene Papyri. *Bulletin of the American Society of Papyrologists* 27, 139—150.
- Keenan, J.G. 2015: Payment Order for Cavalry Fodder: SB XIV 12116. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 193, 244—248.
- Kreuzsaler, C. 2007: *Griechische Papyrusurkunden kleineren Formats. Neuedition. Quittungen für die Getreidesteuer*. Vienna.
- Lewis, N. 1982: *The Compulsory Public Services of Roman Egypt*. (Papyrologica Florentina, 11). Florence.
- Llewelyn, S.R. 1998: The Christian Symbol ΧΜΓ, an Acrostic or an Isopsephism? In: S.R. Llewelyn (ed.), *New Documents Illustrating Early Christianity*. Vol. 8: *A Review of the Greek Inscriptions and Papyri Published 1984—85*. Grand Rapids, 156—168.
- Łukaszewicz, A. 1994: "Ονησις ἀπὸ βιβλίων. *Journal of Juristic Papyrology* 24, 97—103.
- Messeri, G., Pintaudi, R. 2004: P. Horak 46. In: H. Harrauer, R. Pintaudi (eds.), *Gedenkschrift Ulrike Horak (Pap. Flor. XXXIV)*. Florence, 171.
- Miroshnikov, I.Yu. 2021: [Coptic Papyri of the University History Museum of Perm State University]. *Orientalistica* [Orientalistics] 4, 823—841.
- Мирошников, И.Ю. Коптские папирусы из собрания Музея истории Пермского университета. *Ориенталистика* 4, 823—841.
- Miroshnikov, I.Yu., Chepel', E.Yu., Shavrin, Ya.A. 2020: [The Papyrus Collection of Perm State University: an Overview and Prospects for Future Research]. *Egipt i sopredel'nye strany* [Egypt and Neighbouring Countries] 1, 32—44.
- Мирошников, И.Ю., Чепель, Е.Ю., Шаврин, Я.А. Папирусы из собрания Музея истории Пермского университета: предварительные результаты изучения. *Egipt i сопредельные страны* 1, 32—44.
- Morelli, F. 2004: Tessuti e indumenti nel contesto economico tardoantico: i prezzi. *Antiquité Tardive: revue internationale d'histoire et d'archéologie* 12, 55—78.
- Morelli, F. 2007: Grammatêphoroi e vie della giustizia nell'Egitto tardo antico. In: E. Cantarella, J.M. Modrzejewski, G. Thür (eds.), *Symposion 2005. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte (Salerno 14—18 September 2005)*. Vienna, 351—371.
- Nachtergaele, G. 2003: *La Collection Marcel Hombert. Tome II. Nouveaux documents grecs d'Égypte et addenda au tome I*. (Papyrologica Bruxellensia, 32). Brussels.
- Nongbri, B. 2011: The Lord's Prayer and ΧΜΓ: Two Christian Papyrus Amulets. *Harvard Theological Review* 104/1, 59—68.
- Roberts, C.H., Turner, E.G. 1952: *Catalogue of the Greek and Latin papyri in the John Rylands Library, Manchester*. Vol. IV. *Documents of the Ptolemaic, Roman, and Byzantine periods (Nos. 552—717)*. Manchester.
- Romashova, M.V., Chepel', E.Yu., Shavrin, Ya.A. 2020: [From the History of Russian Papyrus Collections: Catalogue of A.A. Pal'nikov]. *Egipt i sopredel'nye strany* [Egypt and Neighbouring Countries] 3, 49—75.

-
- Ромашова, М.В., Чепель, Е.Ю., Шаврин, Я.А. Из истории российских папирологических собраний: каталог А.А. Пальникова. *Египет и сопредельные страны* 3, 49–75.
- Ruffini, G. 2006: The Commonality of Rare Names in Byzantine Egypt. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 158, 213–225.
- Sarri, A. 2018: *Material Aspects of Letter Writing in the Greco-Roman World (500 BC – AD 300)*. Berlin–Boston.
- Sijpesteijn, P.J., Worp, K.A. 2011: *A Transportation Archive from Fourth-Century Oxyrynchus (P. Mich. XX)*. (American Studies in Papyrology, 49). Durham.
- Tost, S. 2007: *Griechische Papyrusurkunden kleineren Formats – Neuedition: Quittungen, Lieferungskäufe, und Darlehen*. Vienna.
- Worp, K.A. 1997: Ἀρχάντες and πολιτευόμενοι in Papyri from Graeco-Roman Egypt. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 115, 201–220.
- Worp, K.A. 1999: Bouleutai and politeuomenoi in Later Byzantine Egypt Again. *Chronique d'Égypte* 74, 124–132.

DOI: 10.31857/S032103910016305-8

МАСКИ СВЯЩЕННЫХ СОКОЛОВ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЦАРЯ ИЗ ЕГИПЕТСКОГО СОБРАНИЯ ГМИИ ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА

И. А. Ладынин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

E-mail: ladynin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8779-993X

Статья посвящена публикации и интерпретации группы памятников из египетского собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина (ГМИИ I.1a.5001, 4688, 4687, 4689, 4691, 4690–5005). Памятники представляют собой гипсовые маски, помещавшиеся на мумии священных соколов и изображавшие египетского царя. Аналогии им неизвестны. Проведенный анализ показал, что данные изображения соответствуют стандарту царской иконографии, принятому в IV–III вв. до н.э. и со значительной уверенностью могут быть атрибутированы Птолемею II Филадельфу (282–246 гг. до н.э.). Маски происходят из коллекции В.С. Голенищева, их происхождение и обстоятельства приобретения неизвестны, однако можно допустить, что они происходят из некрополя священных соколов в Северной Саккара, где бытовали в царствование Птолемея II, будучи призваны подчеркивать присутствие в нем божества и его сакральную легитимность.

Ключевые слова: древний Египет, ГМИИ имени А.С. Пушкина, В.С. Голенищев, маски, соколы, мумии, царь, иконография, Птолемей II, царский культ

Данные об авторе. Иван Андреевич Ладынин — доктор исторических наук, доцент, руководитель научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369-П в МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 19-18-00369-П «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников)».

Автор глубоко благодарен зав. Отделом древнего Востока ГМИИ имени А.С. Пушкина О.А. Васильевой за возможность работы с памятниками египетского собрания ГМИИ и подробное обсуждение их интерпретации.

THE MASKS OF SACRED FALCONS WITH THE IMAGE OF A KING IN THE EGYPTIAN COLLECTION OF THE A.S. PUSHKIN MUSEUM OF FINE ARTS

Ivan A. Ladynin

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia*

E-mail: ladynin@mail.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 19-18-00369-П

The article contains a publication and a tentative interpretation of a group of artifacts from the Egyptian collection of the A.S. Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow (ГМИИ I.1a.5001, 4688, 4687, 4689, 4691, 4690–5005). The artifacts are masks placed on the mummies of sacred falcons and representing an Egyptian king. No analogies to them are known. The analysis shows that the masks' images correspond to the standard of royal iconography used in the fourth and the third centuries B.C. and that they can be identified with sufficient certainty with Ptolemy II Philadelphus (282–246 B.C.). The masks belonged initially to the collection of Vladimir Golenischev. Their provenance and the circumstances of their acquisition are unknown but it is possible to suggest that they originate from the necropolis of sacred falcons at North Saqqara. They might have been in use there in the reign of Ptolemy II, and intended to stress the incorporation of divinity in the king and his sacral legitimacy.

Keywords: Ancient Egypt, A.S. Pushkin State Museum of Fine Arts, Vladimir Golenischev, masks, falcons, mummies, kingship, iconography, Ptolemy II, royal cult

В египетском собрании Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина хранится шесть скульптурных изображений царя, которые, как представляется, необходимо воспринимать как единую группу. В известном каталоге скульптуры древнего Египта в собрании ГМИИ эти памятники получили одинаковое определение «Лицо царской статуэтки», причем в связи с первым из них авторы каталога О.Д. Берлев и С.И. Ходжаш сделали следующее замечание: «Этот и последующие памятники... можно было бы отнести к разряду “Модели”... однако черты лица в этих произведениях слишком индивидуальны»¹. Вместе с тем эти же авторы относят к категории скульптурных моделей «и пробы скульптора, и упражнения учеников на разных стадиях работы, и заготовки, которые еще не начали переводить в готовую форму, и вещи уже почти готовые, ожидающие отделки, и слепки лиц статуи для “тиража” (последнее, конечно, касается царских статуй)»². Такое определение не противоречит тому, что модели изображений конкретных царей могли (собственно, должны были) быть индивидуализирующими по своей иконографии, не говоря о том, что само понятие индивидуальности и портретности в искусстве древнего

¹ Berlev, Hodgeash 2004, 400.

² Berlev, Hodgeash 2004, 423; см. также Liepsner 1982.

Египта, в особенности в изображении царей, предполагает важные оговорки³. Кроме того, некоторые отнесенные к скульптурным моделям памятники собрания ГМИИ (I.1a. 4118⁴, I.1a. 4127⁵, I.1a.4126⁶) можно с учетом указанных оговорок безусловно признать индивидуализирующими; что же касается памятников интересующей нас группы, то стоит, забегаая вперед, сказать, что, на наш взгляд, они принадлежат к этапу развития царской иконографии, на котором индивидуальные черты намечались чрезвычайно слабо в рамках прочно установившегося и воспроизводившегося изобразительного стандарта. Однако важнейшим препятствием к тому, чтобы отнести данные памятники как к портретной скульптуре в собственном смысле слова, так и к категории скульптурных моделей служит то, что они изготовлены из тонкого слоя гипса и являются полыми внутри; соответственно, они представляют собой маски, использовавшиеся в ритуальной практике. Как мы увидим далее, это находит подтверждение и в описании данных памятников, сделанном при их передаче в собрание музея, и в особенностях некоторых из них (см. далее о вероятном наличии на (2) и (5) бальзамирующего вещества). По-видимому, в рамках каталога их отнес к портретной скульптуре О.Д. Берлев, который был основным интерпретатором учтенных в этом издании памятников, однако работал с ними только по предоставленным ему С.И. Ходжаш фотографиям и не вполне представлял себе их реальный вид, помимо иконографии изображений.

Авторы каталога отнесли все эти памятники ко времени Птолемеев (см. более конкретные отсылки к публикации далее), и, как мы увидим, такая их датировка не вызывает сомнений. Все они были переданы в собрание ГМИИ (тогда — Музея изящных искусств имени императора Александра III) в составе коллекции В.С. Голенищева⁷, и, как и в случае едва ли не с большинством относящихся

³ Дж. Джозефсон в своем исследовании царской скульптуры IV—III вв. до н.э. справедливо указывает, что понятие «портрет» применительно к древнеегипетской традиции предполагает не «точное или фотографическое подобие» (“an exact or photographic likeness”), а лишь «образ, отличимый в смысле отображения в нем конкретного лица, независимо от стиля» (“an image recognizable as that of a specific individual, regardless of style”), а «натуралистическими» или «реалистичными» (“naturalistic” or “realistic”) приходится называть такие черты, «которые носят отличительный характер и отходят от идеализированных моделей» (“feature or features that are distinctive and that differ from idealized patterns”): Josephson 1997, 3—4. Пожалуй, еще более жестко суждение Р.С. Бианки, согласно которому портреты царей дома Птолемеев вообще не являются портретами в современном понимании, а представляют собой «клише, служившие идеологическими декларациями, создававшиеся скульпторами, лишенными творческой свободы, которые работали по предустановленным образцам под четким надзором царских чиновников»: Bianchi 2018, 141. См. также в отечественной литературе Pavlov 1957; новейшая полезная сводка суждений по проблеме египетского портрета: Scafici 2021, 51—59 (мы благодарны автору этой книги за предоставление заинтересовавшей нас ее главы).

⁴ Berlev, Hodjash 2004, 426 (№ 150).

⁵ Berlev, Hodjash 2004, 427 (№ 151).

⁶ Berlev, Hodjash 2004, 429 (№ 153).

⁷ См. в целом Demskaya *et al.* 1987.

Рис. 1. Маска священного сокола, изображающая царя (ГМИИ I.1a.5001). 1 — вид спереди; 2 — вид с правой стороны; 3 — вид сзади © ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва

к ней предметов, их происхождение и точные обстоятельства их приобретения выдающимся египтологом остаются неизвестны. Отметим, что однотипность рассматриваемых памятников подчеркивается их чрезвычайно близкими размерами.

В рамках данной группы изображений можно выделить две подгруппы, различающиеся качеством и отчасти сохранностью памятников. К первой из них относятся три маски с особенно высоким качеством проработки деталей лица царя: в машинописном инвентаре, составленном при передаче коллекции В.С. Голенищева в Музей изящных искусств, они получили одинаковое описание «Картонаж в виде лица фараона, с ястребиной мумии»⁸.

(1) ГМИИ I.1a.5001 (ИГ 2229)⁹. Высота 7,8 см, ширина 5,3 см, толщина 2 см. Рис. 1, 1–3.

Изображение царя в платке-*немесе*¹⁰ с краем и полосами, прочерченными коричневой с красноватым оттенком краской. За исключением линий краски гипс светлый, как с внешней, так и с внутренней стороны. Волосы полностью закрыты платком, на челе окрашенный той же краской не очень большой урей с двумя симметричными кольцами змеи¹¹. Глаза миндалевидной формы, с веками, намеченными сравнительно широкой линией краски того же цвета, внешний угол глаза удлинён косметической линией на висок (справа; слева внешняя сторона глаза не сохранилась); сохранились слабые следы такой же краски, обозначавшей большие зрачки. Линия бровей намечена той же краской, практически прямая, со скруглением с внешней стороны глаз; кончик носа не

⁸ ИГ. Л. 46. Нет сомнений, что в описаниях инвентаря коллекции В.С. Голенищева имеются в виду именно священные соколы.

⁹ Berlev, Hodjash 2004, 400 (№ 129).

¹⁰ См. Collier 1996, 69–78.

¹¹ См. о типологии колец змеи на урее Josephson 1997, 4.

Рис. 2. Маска священного сокола, изображающая царя (ГМИИ I.1a.4688). 1 — вид спереди; 2 — вид с правой стороны; 3 — вид сзади © ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва

сохранился. Нос с широкими крыльями, с прямой переносицей и подъемом спинки носа ниже, без горбинок. Губы широкие, пухлые, нижняя губа больше верхней, можно сказать, что на изображении намечена улыбка. Уши большие, овальной формы. Лицо овальной формы; его левая часть не сохранилась полностью, но правая часть позволяет отметить округлость щек. Подбородок имеет небольшое продолжение вниз со сколом, показывающим, что он должен был завершаться бородакой.

(2) ГМИИ I.1a.4688 (ИГ 2228)¹². Высота 7 см, ширина 4,6 см, толщина 3,5 см. Рис. 2, 1–3.

Изображение царя в платке-немесе, полностью закрывающем волосы, боковые части которого не сохранились. Справа сохранилась нижняя часть уха, слева — конец немеса, спускавшийся на плечо. Гипс темный с обеих сторон, по-видимому, вследствие химической реакции с бальзамирующими веществами; с внутренней стороны сохранились подтверждающие назначение памятника фрагменты бинтов, прилипшие к поверхности гипса из-за бальзамирующих веществ. Фактура немеса показана полосами коричневой с красноватым оттенком краски, перемежающимися светлыми (видимо, первоначального естественного цвета гипса) и темными полосами. Край немеса над лбом обозначен двумя параллельными углублениями. Глаза и брови намечены темной краской, в глазах ею же обозначены большие зрачки, внешние углы глаз удлинены плохо заметной косметической линией на висок. Урей, форма глаз, бровей, носа, трактовка век аналогичны (1); форма губ и носа в целом аналогична, но нижняя губа показана меньшего размера, а нос кажется приплюснутым. Лицо овальной формы, с округлыми щеками. На подбородке скол, показывающий, что он должен был завершаться бородакой.

¹² Berlev, Hodjash 2004, 404 (№ 133).

Рис. 3. Маска священного сокола, изображающая царя (ГМИИ I.1a.4687). 1 — вид спереди; 2 — вид с левой стороны; 3 — вид сзади © ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва

(3) ГМИИ I.1a.4687 (ИГ 2227)¹³. Высота 8 см, ширина 4,4 см, толщина 4 см. Рис. 3, 1–3.

Изображение царя в платке-*немесе*, полностью закрывающем волосы, боковые части которого и уши царя не сохранились. Гипс темный с обеих сторон, по-видимому, из-за копоти (более темного оттенка, чем у (2)). Фактура *немеса* показана темными линиями, его край — двумя линиями со слабым углублением, аналогично (2). Урей, как и на (1) и (2) небольшой, с двумя симметричными кольцами змеи, которые, в отличие от (1) и (2), где они чуть вытянуты в овал, в данном случае практически круглые. Как и на (2), брови и веки намечены темными линиями, показаны зрачки; в отличие от (1) и (2) брови скругляются не только с внешней стороны глаз, но и к носу, в линии которого смыкаются. Форма глаз, век и рта аналогична (2); переносица выдается сильнее, чем на (1) и (2), но подъем спинки носа ниже нее все равно заметен; спинка носа с небольшой горбинкой. Лицо овальной формы, щеки округлые. На подбородке скол, показывающий, что он должен был завершаться бородкой.

Как представляется, иконографические различия между рассмотренными памятниками крайне невелики, и это позволяет заключить, что они изображают одного и того же царя. При этом если в (1) детали лица передаются прежде всего при помощи краски, то в (2) и (3) для этой цели используется и пластика, причем в (2) — особенно успешно (пожалуй, эту маску можно назвать наиболее совершенной в художественном отношении в нашей группе). Два других изображения иного качества: детали лица на них заметны слабее (скорее не из-за порчи, а в силу изначальных особенностей памятников, возможно, вследствие того, что изображения были получены оттиском на гипсе матрицы худшего качества). Примечательно, что в коллекции Голенищева они, по-видимому, хранились в ящике

¹³ Berlev, Hodjash 2004, 405 (№ 134).

Рис. 4. Маска священного сокола, изображающая царя (ГМИИ I.1a.4689). 1 — вид спереди; 2 — вид с правой стороны; 3 — вид сзади © ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва

с неклассифицированными предметами меньшей ценности¹⁴ и при составлении инвентаря в ходе передачи коллекции в музей были описаны не в машинописной, а в дополнительной рукописной ее части, получив следующую характеристику: «Головы фараона Осириса с мумий кобчиков»¹⁵.

(4) ГМИИ I.1a.4689 (ИГ 5923; именно в связи с этим памятником публикаторы отметили, что «лицо напоминает черты Птолемея II», правда, не верифицировав это аналогиями)¹⁶. Высота 7,1 см, ширина 5 см, толщина 4,8 см. Рис. 4, 1–3.

Изображение царя в платке-*немесе*, полностью закрывающем волосы, фактура которого намечена плохо сохранившимися линиями краски. Гипс светлый с обеих сторон. Верхняя правая часть памятника повреждена, от урея сохранилось только правое кольцо змеи, позволяющее заключить, что он должен был быть аналогичен (1) и (2). О чертах лица трудно судить вполне определенно, однако форма носа аналогична (1), форма бровей со скруглением в обе стороны — (3), форма рта — (2) и (3). Левое ухо большое, овальной формы, как на (1). Лицо и щеки округлые, подбородок завершается бородкой, конец которой загнут вперед.

(5) ГМИИ I.1a.4691 (ИГ 5924)¹⁷. Высота 7,1 см, ширина 5,8 см, толщина 3,5 см. Рис. 5, 1–3.

Изображение царя в платке-*немесе*, полностью закрывающем волосы, фактура которого, возможно, была намечена темными линиями; сейчас более или менее заметна лишь линия, обозначающая край *немеса*. Гипс темный с обеих сторон, по-видимому, из-за копоти; с внутренней стороны, как на (2), фрагменты

¹⁴ См. упоминания в письмах Голенищева И. В. Цветаеву от 13 августа 1909 г. и 1 октября 1911 г.: Demskaya et al. 1987, 95 («ящик с гипсами, которые я считал давно пропавшими»), 103.

¹⁵ ИГ. Л. 119.

¹⁶ Berlev, Hodjash 2004, 401 (№ 130).

¹⁷ Berlev, Hodjash 2004, 402 (№ 131).

Рис. 5. Маска священного сокола, изображающая царя (ГМИИ I.1a.4691). 1 — вид спереди; 2 — вид с правой стороны; 3 — вид сзади © ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва

бальзамировочных бинтов, прилипшие к поверхности гипса из-за бальзамирующих веществ. В темени отверстие, возможно, для крепления короны. Урея и бородки, а также указывающего на ее наличие скола нет. Глаза и брови были намечены темными линиями, сохранившимися слабо; заметны обозначенные в глазах зрачки. Брови, по-видимому, имели, как на (3) и (4), скругление в обе стороны; однако форма носа аналогична (1) и (4), форма рта — (2)—(4). Правое ухо, как и другие детали лица, проработано слабо, однако по форме аналогично (1) и (4); левое ухо не сохранилось. Лицо более округлой формы, округлость щек выражена сильнее, чем на других памятниках группы.

Как представляется, в связи с (4) и (5) не возникает сомнений, что эти памятники, несмотря на более слабую проработку черт лица, изображают того же царя, что и (1)—(3). Кроме того, нам кажется возможным, что к этим пяти маскам близок еще один, на первый взгляд, сильно отличающийся от них внешне памятник (в инвентаре коллекции В.С. Голенищева получил, как и (1)—(3), описание «Картонаж в виде лица фараона, с ястребиной мумии»¹⁸).

(6) ГМИИ I.1a.4690 (ИГ 2226)¹⁹. Высота 7 см, ширина 3,5 см, толщина 2 см. Рис. 6, 1—3.

Изображение, принадлежность которого царю устанавливается по наличию остатков урея (левого кольца овальной формы; видимо, урей был аналогичен (1), (2) и (4)). На голове не видно трактовки волос, что показывает, что она должна была быть перекрыта гладким головным убором, вероятнее всего, платком-*немесом*, закрывающим волосы (его фактура не показана или не сохранилась). Гипс светлый с обеих сторон. Боковые части памятника с ушами не сохранились. Форма бровей, образующих прямую линию со скруглением с внешней стороны глаз

¹⁸ См. выше прим. 8.

¹⁹ Berlev, Hodjash 2004, 403 (№ 132).

Рис. 6. Маска священного сокола, изображающая царя (ГМИИ I.1a.4690). 1 — вид спереди (вместе с фрагментом ГМИИ I.1a.5005); 2 — вид с правой стороны (вместе с фрагментом ГМИИ I.1a.5005); 3 — вид сзади © ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва

и продолжением на висок, аналогична (1) и (2), форма рта — (2)—(5). Кончик носа не сохранился; подъем спинки носа по сравнению с переносицей выражен слабо (переносица не прямая, а также поднимающаяся), но все же заметен. Главная особенность памятника — хорошо заметная, благодаря светлому цвету гипса, проработка очертаний бровей и глаз памятника линиями черной и коричневой краски: миндалевидность глаз по сравнению с (1)—(3) почти не выражена, они практически симметричной формы, большие, с обозначенным большим кружком зрачком и косметической линией от внешних углов на виски, как на (1)—(3). Форма лица овальная, щеки округлые, следов бородки нет.

(6а) ГМИИ I.1a.5005 (в ИГ отсутствует, в каталоге скульптуры ГМИИ не учитывается). Длина 4,7 см, ширина 2,6 см, толщина 0,8 см. Рис. 7, 1—2.

Фрагмент правой стороны (6) с ухом и завершением линий правой брови и удлинения правого глаза. Ухо овальной формы, аналогичной (1) и (4)—(5).

Главные отличия (6—6а) от (1)—(5) — хорошо заметная проработка глаз и бровей краской, иная форма глаз и отчасти носа. Существенно, однако, большое сходство с (1)—(2) и (5) в трактовке бровей, а также сходство общих очертаний лица с остальными памятниками этой группы. При этом само использование краски вообще не отличает этот памятник от других; повторим, что на нем оно бросается в глаза прежде всего за счет контраста с основным цветом гипса. Не настаиваем на таком выводе, но, по нашему мнению, стоит считаться с возможностью того, что он изображает того же царя, что и остальные пять масок.

Разумеется, главная проблема, возникающая в связи с этой группой скульптурных моделей, — атрибуция их изображений конкретному царю. Как уже было сказано, О.Д. Берлев и С.И. Ходжаш предложили их общую датировку временем Птолемея, причем применительно к (4) эта датировка была конкретизирована

Рис. 7. Фрагмент правой стороны маски священного сокола, изображающей царя (ГМИИ I.Ia.5005). 1 — вид спереди; 2 — вид сзади © ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва

сходством памятника с чертами Птолемея II Филадельфа (282–246 гг. до н.э.)²⁰. Возможно, констатация этого сходства восходит опять же к суждению О.Д. Берлева, основанному на общем знании памятников (в частности, по используемым и нами труду Х. Кириелейса по птолемеевской иконографии и каталогу египетской скульптуры Б. Ботмера, которые учтены в библиографии его каталога²¹). Вместе с тем очевидно, что для придания ему полного веса (собственно, для его верификации) было бы желательно подтвердить его аналогиями и вообще оценить в контексте той эволюции, которую древнеегипетская царская скульптура проходила в конце Позднего и в начале эллинистического времени.

Прежде всего следует отметить, что данные памятники в целом соответствуют тому стандарту египетских царских изображений, который появился в IV в. до н.э., возможно, при XXIX династии²², окончательно сложился при царях XXX династии и далее сохранялся на протяжении III в. до н.э. («группа А» в типологии египетских изображений Птолемея П.Э. Стэнвика²³). Характерной чертой этого стандарта оказывается высокая степень деиндивидуализации царских изображений, их сведение к схеме, включающей «треугольник» из прямой линии бровей и основания носа, миндалевидные, слегка опущенные к носу

²⁰ Здесь и далее мы указываем датировки по Ladynin 2013a (для IV в. до н.э.) и Hölbl 2001 (для времени Птолемея).

²¹ Berlev, Hodge 2004, 552, 557.

²² Вопрос о том, следует ли атрибутировать ее представителю Акорику (392/391–379/378 гг. до н.э.) скульптурную голову Cairo CG 838, спорен: Josephson 1997, 3, 18, 28.

²³ Stanwick 2002, 66–69.

глаза, сравнительно широкие нос и рот с обозначенной на нем улыбкой. Выявляя эти черты на примере портрета Нектанеба I (379/378–361/360 гг. до н.э.) из Баклии (Mansoura 25), Дж. Джозефсон приводит в качестве наиболее показательной более ранней аналогии этому типу изображений портрет Априя (XXVI династия, 589–570 гг. до н.э.; Bologna, Museo Civico 1801)²⁴, однако очевидно, что его истоки нельзя сводить к единичному памятнику²⁵.

В эпоху Птолемеев соблюдение данного стандарта предполагало лишь некоторые отступления в сторону появления отдельных индивидуальных черт правителей²⁶. Так, в портретах, предположительно атрибутируемых Птолемеем I Сотеру, можно отметить такие отходящие от идеализированного образа черты, как более реалистичная трактовка рта и подбородка, возможное греческое влияние в трактовке ушей (Канзас Сити, Nelson-Atkins Museum of Art 34.141)²⁷, показ широкого основания и небольшой горбинки носа и полной нижней губы (Brooklyn 53.75)²⁸. Критерии для атрибуции египетских памятников Птолемеем II Филадельфу задают его надписанные скульптурные изображения – статуя из Ватикана, парная хранящейся там же статуе Арсиной II (Museo Gregoriano Egizio 22681) (Рис. 8)²⁹, и фрагмент статуи из Страсбурга (Université de Strasbourg 1585) (Рис. 9)³⁰. Ватиканская статуя очень близка к стандарту царских изображений IV в. до н.э.: от него ее отличают более широкие, хотя миндалевидные по форме глаза, и более широкое и полное лицо с живым выражением. На страсбургском портрете сильнее акцентирована полнота лица, нарушаются миндалевидная форма глаз (нижние веки сильно спрямлены) и типичный

²⁴ Josephson 1997, 5, fig. 2 (суммирующая этот изобразительный стандарт схема П. Дер Мануэляна), 6–7, pl. 2a (Mansoura 25), 2b (Bologna, Museo Civico 1801).

²⁵ Ср. с более обобщенной характеристикой этого же стандарта П.Э. Стэнвиком с более подробной отсылкой к скульптуре Нектанеба I: Stanwick 2002, 66; 216, fig. 201, a (стоящая статуя Cairo JE 87298), 201, b (скульптурная голова Louvre E27124), 201, c (сфинкс Louvre A 29).

²⁶ Необычный пример отступления от этого стандарта – статуя розового гранита, атрибутированная Александру Великому и отнесенная к началу эллинизма, с выраженными индивидуальными чертами и таким симптомом греческого влияния, как выбивающиеся из-под *немеса* вьющиеся волосы (Франкфурт-на-Майне, Liebighaus, St.P. 565). Принципиально важные для нас исследования Дж. Джозефсона и П.Э. Стэнвика не учитывают этот памятник, поскольку он был введен в оборот, когда они были уже завершены (Bol 2001; cf. Beck *et al.* 2005, 563–564 (Kat.-Nr. 134); Seipel 2015, 146–147 (Kat.-Nr. II.1)). При этом довольно очевидной аналогией этому памятнику можно считать статую Августа (Cairo CG 730), происходящую, возможно, из Карнака и в свое время атрибутированную Александру (IV), сыну Александра Великого и Роксаны (PM II² 283): Stanwick 2002, 61, 88, 213 (fig. 194–196). Данная аналогия столь показательна, что стоит либо усомниться в предложенной публикатором атрибуции и/или датировке памятника (см., например, Schäfer 2007, 55), или (на наш взгляд, с меньшей вероятностью) допустить, что необходимость изобразить великого завоевателя могла вызвать резкий и единичный разрыв с преобладавшим в этот период стандартом.

²⁷ Josephson 1997, 42–43, pl. 13a.

²⁸ Josephson 1997, 43, pl. 13b.

²⁹ Stanwick 2002, 66, 98, 175, fig. 2–3 (no. A3).

³⁰ Bothmer 1969, 121–121 (cat. no. 96), pl. 90; Stanwick 2002, 99, 158, fig. 6 (no. A5).

Рис. 8. Статуя Птолемея II (Museo Gregoriano Egizio 22681): лицо. *Museo Gregoriano Egizio—Vatican Museums. Wikimedia Commons*

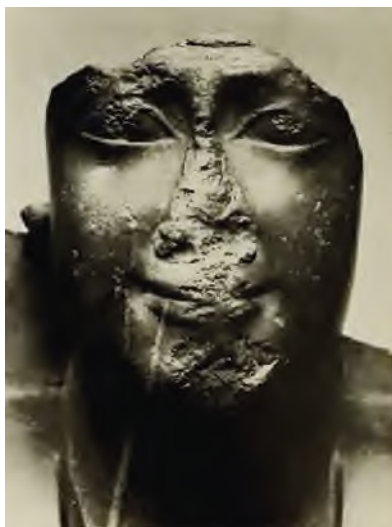

Рис. 9. Фрагмент статуи Птолемея II (Université de Strasbourg 1585; по: Bothmer 1969, pl. 90, fig. 241)

для IV в. до н.э. «треугольник» (брови скруглены не только к внешней стороне глаз, но и к основанию носа)³¹. При этом П.Э. Стэнвик делает важное наблюдение о резком расхождении между египетскими царскими изображениями Птолемея II и его портретами греческой стилистики (на примере бюста Louvre Ma 3261) и изображениями на монетах³²: по сути дела, это наблюдение позволяет констатировать слабую применимость критериев «греческой» иконографии этого царя для атрибуции его египетских изображений.

Возвращаясь теперь к памятникам рассмотренной нами группы, отметим, что как очертания лица царя на них, так и расхождения между ними в принципе соответствуют тому, что наблюдается в упомянутых надписанных изображениях Птолемея II: стоит специально отметить овальную форму достаточно полного лица на всех изученных памятниках, а также скругление бровей в обе стороны на (3)—(5), аналогично страсбургскому портрету. Особенно выгоден для подбора более конкретных аналогий памятник (1), с его четкой проработкой деталей лица. Яркие аналогии ему представляют, на наш взгляд, атрибутируемые Птолемею II скульптурные головы Walters Art Museum 22109 (рис. 10)³³ и Turin Cat. 1399 (рис. 11)³⁴; обратим внимание, что на последнем памятнике заметно косметическое удлинение внешнего угла глаза на висок, и его же мы видим на фрагменте статуи ВМ ЕА 941, который также считается изображением Птолемея II³⁵. На (1) эта деталь более утрирована, однако

³¹ Josephson 1997, 43—44.

³² Stanwick 2002, 56, 226, fig. 246—247 (Louvre Ma 3261); 221, fig. 214 (золотая октодрахма).

³³ Josephson 1997, 25; Stanwick 2002, 102, 163, fig. 22 (no. A25).

³⁴ Josephson 1997, 25, pl. 8, d; Stanwick 2002, 101—102, 161, fig. 14 (no. A20).

³⁵ Stanwick 2002, 102, 162, fig. 18—19 (no. A23); Walker, Higgs 2001, 42—43 (cat. no. 5); ср. с атрибуцией Нектанебу II: Josephson 1997, 30.

Рис. 10. Голова царя, атрибутируемая Птолемею II (Walters Art Museum 22.109). *The Walters Art Museum* (URL: <https://art.thewalters.org/detail/12551/head-of-ptolemy-ii/>; дата обращения: 11.02.2023)

Рис. 11. Голова царя, атрибутируемая Птолемею II (Turin Cat. 1399). *Museo Egizio Collezione* (URL: https://collezioni.museoegizio.it/it-IT/material/Cat_1399; дата обращения: 11.02.2023)

это может считаться достаточно закономерным следствием того, что она выполнена краской. Любопытны особенности носа на (2) и (3). Изображения Птолемея II на монетах показывают, что кончик носа у него свисал и на нем имелась небольшая горбинка (рис. 12)³⁶: последнюю черту мы и видим на (3), однако первую в рамках изобразительного стандарта, принятого в наших памятниках, отобразить адекватно было невозможно, и приплюснутость носа на (2) может представлять собой попытку все же ее передать. То, что в данных случаях в изображениях в рамках принятого стандарта проявляются индивидуальные черты царя, не удивляет, учитывая высокое качество (2) и (3). Таким образом, на наш взгляд, данную группу масок — во всяком случае, (1)—(5) — можно считать изображениями Птолемея II Филадельфа, причем следует специально отметить, что небольшие размеры и специфическое назначение этих памятников, в общем, не препятствуют их атрибуции конкретному правителю.

Достаточно уверенное решение вопроса об атрибуции этих изображений порождает еще одну проблему в связи с их назначением. Как видно, прямые сообщения инвентаря коллекции В.С. Голенищева, восходящие к сведениям ее прежнего владельца и, несомненно, к обстоятельствам приобретения этих памятников, указывают на их использование в качестве масок мумий священных соколов. Известно, что в атрибуциях памятников своей коллекции Голенищев нередко ориентировался на сведения торговцев, у которых их покупал, притом что эти сведения могли быть неточны; однако квалификация изображений царя именно как масок мумий священных соколов для случайной ошибки была бы, пожалуй, слишком причудлива, а в качестве сознательного вымысла едва ли могла как-то поднять стоимость памятника. Вполне соответствует

³⁶ Kyrieleis 1975, 17, Taf. 8, 1—2.

использованию этих масок на мумиях и наличие следов бальзамирующего вещества и бинтов на (2) и (5). Вместе с тем, как мы видели, маски второй подгруппы описаны в инвентаре как якобы изображения «фараона Осириса», помещенные на головы «кобчиков». В принципе можно понять, что именно побудило Голенищева и/или составителей инвентаря его коллекции счесть эти маски изображениями не просто царя, а его воплощения в Осирисе: как упоминалось, на (4) сохранилась борода, конец которой загнут вперед, что в принципе соответствует форме бороды бога (в т.ч. Осириса), а не царя, причем с такой бородой могли изображаться и усопшие цари³⁷. Стоит, правда, обратить внимание на небольшую статую Амасиса в собрании Национального музея в Копенгагене (инв. 3603), изображающую его в двойной короне и явно с загнутой вперед бородкой³⁸:

Рис. 12: Золотая октодрахма с изображениями Птолемея II и Арсинои II (American Numismatic Society 1956.183.28), аверс. *Ptolemaic Coins Online* (URL: <http://numismatics.org/pco/>; дата обращения: 11.02.2023)

логично считать ее прижизненной, поскольку между смертью этого царя и завоеванием Египта Камбисом, после которого она заведомо не была бы изготовлена, прошло слишком мало времени, причем она сопоставляется опять же с иконографией статуй Осириса³⁹. Конечно, невозможно понять, на всех ли масках данной группы форма бородки была идентична (4), что вообще было бы логично. Однако, как мы видели, головной убор на масках ГМII — это *немес*, а не свойственные образу Осириса белая корона или корона-*атеш*⁴⁰. Кроме того, предположение о том, что эти маски изображают Осириса или конкретного царя в образе Осириса, заставило бы задуматься об их использовании не на мумиях соколов, а скорее на т.н. «зерновых мумиях» Осириса из смеси земли, песка, глины и т.п. с зерном, лица которых также закрывались масками⁴¹. Выяснить совершенно точно, связаны ли следы бальзамирования на наших памятниках с их использованием на реальных мумиях или же на «зерновых мумиях», при изготовлении которых тоже применялись бинты и бальзамирующие вещества⁴², позволило бы только технологическое исследование, которое пока не проводилось. По-видимому, решающим аргументом против допущения, что маски ГМII могли использоваться на «зерновых мумиях», является опять же их головной убор: «зерновые мумии», как

³⁷ Volokhine 2019, 64, fig. 2; 66 (мы благодарны автору за предоставление этой статьи).

³⁸ Myśliwiec 1988, pl. LXIV.

³⁹ Scott, Dodd 2002, 336–337, fig. 7.

⁴⁰ Griffiths 1982, 627–628; Collier 1996, 37–61. Изображения Осириса в *немесе* в принципе известны, однако это прежде всего царская регалия, а не его специфический атрибут как божества: Smith 2017, 111–112, 201.

⁴¹ Raven 1982; Centrone 2009.

⁴² Centrone 2009, 33.

и изображения Осириса, бывали увенчаны белой короной или короной-*атеф*⁴³, но не *немесом*. Кроме того, размеры масок ГМИИ достаточно хорошо соотносятся с реальными размерами мумий соколов (с учетом того, что указанная нами максимальная длина масок соответствует их размеру с бородкой и остатками *немеса*)⁴⁴. Наконец, в коллекции В.С. Голенищева имелось 11 масок священных соколов, выполненных в их собственном облике: соответствующая запись в рукописной части инвентаря коллекции Голенищева («5925. Головы и части голов кобчиков с мумий ястребов»)⁴⁵ непосредственно примыкает к описаниям (4) и (5); а некоторые из этих памятников схожи с рассмотренными нами по своей трактовке (например, ГМИИ I.1a.5010 – маска из светлого гипса с прорисовкой коричневой краской, ср. с (1); рис. 13). Думается, что рассмотренные нами памятники следует признать действительно масками мумий священных соколов, скорее всего, приобретенными Голенищевым в качестве единого комплекса (вполне вероятно, вместе с собственно «соколиными» масками, а возможно, и с мумиями соколов небольшого размера; см. выше наше прим. 43).

Нам неизвестны прямые аналогии этим памятникам, которые представляли бы собой маски мумий соколов с портретными изображениями царей из дома Птолемеев или иной египетской династии. В принципе известен ряд мумий священных птиц (не только соколов, но и ибисов) с масками в виде человеческого (в частности, детского) лица⁴⁶, однако эти маски не изображают царей. Вместе с тем обращают на себя внимание два металлических предмета, которые издатели памятников некрополя священных животных в Северной Саккара определяют как «протомы» (*protome*) составных статуй, изображавших царя. Одна из них (Cairo JE 91435) – погрудное бронзовое изображение царя с бородкой, изначально в головном уборе, возможно, увенчанного уреем; это изображение крепилось к телу статуи, изготовленному, очевидно, из другого материала. Шея этого изображения выдвинута вперед, наподобие шеи птицы-*ба*; на плечах намечена фактура крыльев сокола с оперением, а на его груди, под очертаниями скарабея с распростертыми крыльями и с головой сокола, увенчанной *немесом* и солнечным диском, находятся картуши с «солнечным» и личным именами царя Нектанеба II. Трактовка лица царя соответствует

⁴³ Centrone 2009, 1; см. также в целом материал данной книги.

⁴⁴ В общих работах о древнеегипетских мумиях птиц (например, Ikram 2012) мы не находим данных о длине мумий соколов, очевидно, по причине того, что она в принципе бывает разной и плохо поддается усреднению. В собрании ГМИИ имени А.С. Пушкина находятся две мумии соколов небольшого размера – ГМИИ I.1a.7621 (общая длина 21,5 см, длина лица 4,8 см) и ГМИИ I.1a.7144 (общая длина 25,5 см, длина лица 5 см; мы благодарны О.А. Васильевой за предоставление этих сведений). По публикациям нам известны мумии соколов больших размеров – например MMA 90.6.107 (общая длина 37,5 см, длина лица по промеру по фотографии ок. 5,9 см; ок. 400 г. до н.э. – 100 г.н.э.; URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/547744>; дата обращения: 29.01.2023) и Manchester Inv. 11293 (общая длина 36,8 см, длина лица по промеру по фотографии ок. 4,2 см; Ikram 2007, 277, Abb. 488). Однако во всех этих случаях мы имеем дело с размерами лиц мумий, которые, как представляется, могли бы быть перекрыты рассмотренными нами масками.

⁴⁵ ИГ. Л. 119.

⁴⁶ Diener 1973.

Рис. 13: Фрагмент маски с мумии священного сокола (ГМИИ I.1a.5010). 1 — вид спереди; 2 — вид сзади © ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва

охарактеризованному выше изобразительному стандарту IV—III вв. до н.э.⁴⁷ Кроме того, в этом же храмовом комплексе было найдено аналогичное, меньших размеров изображение, изготовленное из серебра⁴⁸. Насколько нам известно, данные памятники не получали подробной интерпретации: их очевидной аналогией являются «соколиные статуи» времени Нового царства, изображавшие царей в оперении, т.е. в отождествлении с соколом-Хором⁴⁹, однако в царствование Нектанеба II их «идеологический контекст» задают, безусловно, знаменитые изображения «соколов-Нектанебов» (скульптурных групп, представлявших этого царя стоящим перед превышающим его по размерам соколом-Хором)⁵⁰.

Концептуальный смысл всех этих изображений достаточно очевиден. Воплощение в царе бога Хора, чтившегося в обличье сокола, было неизменным топосом древнеегипетской идеологии и, насколько можно судить, с V—IV вв. до н.э. стало определяющим для признания наличия сакральности в конкретном правителе (его «деривативной сакральности», согласно предложенному нами термину)⁵¹. По крайней мере с IV в. до н.э. мы с уверенностью можем констатировать переосмысление образа данного божества в рамках данного топоса: теперь это не самостоятельное солнечное божество, а Хор, сын Осириса и Исиды, что проявляется как в надписях на статуях «соколов-Нектанебов»⁵², так и в царской титулатуре, начиная с Александра (IV), сына

⁴⁷ Davies, Smith 2005, 91–92, pl. XLII (FCO-170). Мы благодарны А.А. Ильину-Томичу, обратившему наше внимание на этот и следующий памятники.

⁴⁸ Davies, Smith 2005, 123–124, fig. 24 (FCO-472).

⁴⁹ Bolshakov 2000, 81–86.

⁵⁰ Ladynin 2009; Gorre 2009a; см. также вновь открытые фрагменты памятников этой группы: Emam, el-Zaher 2018.

⁵¹ Ladynin 2011; 2020; 2021, 213–215.

⁵² См. эпитет *bik ntr(y) pr m St* («Сокол божественный, вышедший из Исиды») в титулатуре Нектанеба II на таком памятнике, происходящем из Таниса: Montet 1959, 59–60; Ladynin 2009, 5.

Александра Великого и Роксаны⁵³. Собственно, мотив, связанный с образом этого божества, ошутим и в титулатуре Птолемея II (Хорово имя — *hwnw qni* «Юноша до-блестный», имя Златого Хора — *shꜥy.n-sw-it.f* «/Тот,/ кого возвел на престол его отец»)⁵⁴. Указанные выше памятники из Северной Саккара принципиальны для нас, поскольку прямо указывают на значимость представления о воплощении в царе сокола-Хора в зоне некрополя священных соколов. При этом на вторую половину царствования Птолемея II может приходиться восстановление почитания «соколов-Нектанебов» в Мемфисе: примерно в это время титул «“слуга бога” Нектанеба» (*hm-ntr Nht-Hr-Hbyt*) носит Хонсу-иу, сын мемфисского верховного жреца Несисти Петубаста (согласно его стеле BM EA 375), а аналогичный титул «“слуга бога” Нектанеба-сокола» (*hm-ntr Nht-Hr-Hbyt p3 bik*) — другой его сын Анемхор (согласно стеле Wien 153)⁵⁵. Думается, что с известной осторожностью можно допустить происхождение изученных нами масок соколов из этого некрополя и предположить, что они и были призваны выявить присутствие в Птолемеи II Хора, проявлениями которого и считались эти священные птицы⁵⁶. Практика использования таких масок могла быть ограниченной и не закрепиться, чем и объясняется отсутствие их аналогов; однако ее появление было бы достаточно ожидаемо в ситуации царствования Птолемея II — по сути дела, первого, которое полностью пришлось на уже стабильное существование эллинистической государственности в Египте и закономерно вызвало ряд идеологических новаций, призванных укрепить позиции македонской династии⁵⁷.

В заключение мы воспользуемся поводом, который дает интерпретация масок из египетского собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина и выскажем некоторые замечания об истоках того стандарта царских изображений IV—III вв. до н.э., который они представляют, и о его идеологическом значении. В свое время К. Мышлевиц связал царские изображения V и IV в. до н.э. в целом с традицией XXVI династии, а этот идеализированный стандарт — с тенденциями ее конца⁵⁸; как мы уже отмечали, Дж. Джозефсон даже указал в качестве ближайшего аналога этого стандарта конкретный памятник царствования Априя. В то же время Дж. Бэйнс и Кр. Риггс на основе сравнения уже упоминавшегося фрагмента BM EA 941 и статуи Джосера из сердаба его пирамиды, а М.А. Штадлер — сопоставляя особенности *немесов* на

⁵³ Хорово имя *hwnw wsr-phity* «Юноша, могучий мощью» или в более кратком варианте просто *hwnw* «Юноша»; имя Обоих Владычиц *mry-ntrw rdi-n.f-i3wt-n-it.f* «Возлюбленный богами, которому передан сан отца его»: von Beckerath 1999, 232–233; Blöbaum 2006, 426; см. Ladynin 2013b, 119–120; 2021, 213–214.

⁵⁴ von Beckerath 1999, 234–235.

⁵⁵ Gorre 2009b, 285–286, 297–304.

⁵⁶ Kessler 1989, 117.

⁵⁷ В качестве примеров такого рода можно назвать совершенствование династического культа и в особенности широкое распространение почитания супруги Птолемея II Арсиной II после ее смерти (см. сводки в Hölbl 2001, 92–98, 101–104; Ladynin 2016, 277–280), первые «опыты» создания института «синодов» жрецов египетских храмов (Thiers 1999; Ladynin 2016, 281–282), «вписывание» македонского времени в общую последовательность этапов египетской истории в труде Манефона Севенитского (Ladynin 2017, 19–74, 114–125). О разных аспектах царствования Птолемея II Филадельфа см. McKechnie, Guillaume 2008.

⁵⁸ Myśliwiec 1988, 83.

статуях IV—III вв. до н.э. и эпохи Древнего царства, пришли к выводу о гораздо более архаизирующих прототипах этого стандарта⁵⁹. Как нам представляется, достаточно важным аспектом данной проблемы является выяснение того, зачем идеологам последних египетских династий IV в. до н.э. вообще понадобилось поддерживать в царской иконографии этот деиндивидуализирующий стандарт. Общепринятое объяснение этого сводится к необходимости демонстрировать преемственность династий IV в. до н.э., а затем и Птолемеев по отношению к прежним царским домам, однако все же ориентация на древность совсем не обязательно должна была предполагать деиндивидуализацию царских изображений.

Рис. 14. Фрагмент царской статуи Cairo JE 67345 (по: Aldred 1970, 32, fig. 5)

Думается, что эта их черта может быть связана с утверждением в идеологии последних египетских династий уже упомянутой выше концепции «деривативной сакральности» царей: коль скоро их сакральный статус и связанная с этим способность поддерживать миропорядок ритуалом зависят от воплощения в них божества, достаточно логично, что оно и могло бы придавать царям некий «унифицированный» облик, иконографический прототип которого было естественно искать в памятниках царей древности, чья сакральность не вызывала сомнений.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на казус с интерпретацией фрагмента царской статуи Cairo JE 67345 (рис. 14): изначально он был отнесен к IV—III вв. до н.э. (с предположительной атрибуцией Акорису)⁶⁰, однако более внимательное исследование позволило датировать его началом Среднего царства и предположить, что он изображает Ментухотепа III, или Сенусерта I⁶¹, либо Аменемхета I⁶². Думается, что памятники царей XI — начала XII династий, к которым относится это изображение и которым свойственно определенное единство в передаче очертаний тела и черт лица⁶³, заслуживают обсуждения в качестве одного из прототипов иконографического стандарта IV—III вв. до н.э. (в частности, в связи с этим к уже упомянутому памятнику можно было бы добавить фрагмент статуи Аменемхета I Cairo JE 60520⁶⁴ и сирийский колосс Сенусерта I из Карнака Cairo JE 38286⁶⁵). Объяснить апелляцию к этому этапу развития царской скульптуры было бы

⁵⁹ Baines, Riggs 2001; Stadler 2014.

⁶⁰ Bisson de la Roque 1940, 73; Schweitzer 1952, 129—131, pl. II.

⁶¹ Aldred 1970, 32, fig. 5, 33—34; см. в целом оценку полемики вокруг этого памятника в Josephson 1997, 18, n. 124.

⁶² Lorand 2011, 33, fig. 3; 2016, 92, 94, fig. 7.

⁶³ Lorand 2016, 88.

⁶⁴ Aldred 1970, 35—36, fig. 13.

⁶⁵ Lorand 2011, 37, fig. 6.

достаточно просто: по-видимому, в идеологии IV в. до н.э. достаточно значительную роль должны были играть реминисценции Сенусерта I как царя-строителя, повторителем деяний которого, принявшим такое же солнечное имя *Hpr-k3-R^c*, представал основатель XXX династии Нектанеб I⁶⁶. Наше суждение об этом носит предварительный характер, но, как нам кажется, заслуживает дальнейшей разработки.

Литература / References

- Aldred, C. 1970: Some Royal Portraits of the Middle Kingdom in Ancient Egypt. *Metropolitan Museum Journal* 3, 27–50.
- Baines, J., Riggs, Chr. 2001: Archaism and Kingship: A Late Royal Statue and Its Early Dynastic Model. *Journal of Egyptian Archaeology* 81, 103–118.
- Beck, H., Bol, P., Bückling, M. (Hrsg.) 2005: *Ägypten – Griechenland – Rom: Abwehr und Berührung. Städtisches Kunstinstitut und Städtische Galerie*, 26. November 2005–26. Februar 2006. Frankfurt am Main.
- Beckerath, J. von. 1999: *Handbuch der ägyptischen Königsnamen*. (Münchner ägyptologische Studien, 49). 2. Aufl. München.
- Berlev, O.D., Hodjash, S.I. 2004: *Skul'ptura drevnego Egipta v sobranii Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina. Katalog [The Sculpture of Ancient Egypt in the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts. Catalogue]*. Moscow.
- Берлев, О.Д., Ходжаш, С.И. *Скульптура древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Каталог*. М.
- Bianchi, R.S. 2018: "Portrait" Sculpture in Ptolemaic Egypt. In: J. Spier, T. Potts, S.E. Cole (eds.), *Beyond the Nile. Egypt and the Classical World*. Los Angeles, 141–147.
- Bisson de la Roque, F. 1940: Tôd: fouilles antérieures à 1938. *Revue d'égyptologie* 4, 67–74.
- Blöbaum, A.I. 2006: "Denn ich bin ein König, der die Maat liebt": Herrscherlegitimation im spätezeitlichen Ägypten. Eine vergleichende Untersuchung der Phraseologie in den offiziellen Königsinschriften vom Beginn der 25. Dynastie bis zum Ende der makedonischen Herrschaft. (Aegyptiaca Monasteriensia, 4). Aachen.
- Bol, P.C. 2001: Alexander der Große als Pharao im Liebieghaus in Frankfurt am Main. *Antike Welt* 32/1, 65–69.
- Bolshakov, A.O. 2000: [Ancient Egyptian Royal Sculpture and "Horus Name"]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 73–87.
- Большаков, А.О. Древнеегипетская скульптура и «хорово имя». *ВДИ* 2, 73–87.
- Bothmer, B. 1969: *Egyptian Sculpture of the Late Period, 700 B.C. to A.D. 100*. New York.
- Cafici, G. 2021: *The Egyptian Elite as Roman Citizens. Looking at Ptolemaic Private Portraiture*. (Harvard Egyptological Studies, 14). Leiden.
- Centrone, M.C. 2009: *Egyptian Corn-Mummies: A Class of Religious Artefacts Catalogued and Systematically Analysed*. Saarbrücken.
- Collier, S. 1996: *The Crowns of Pharaoh: Their Development and Significance in Ancient Egyptian Kingship*. PhD thesis. Ann Arbor.
- Davies, S., Smith, H.S. 2005: *The Sacred Animal Necropolis at North Saqqara: The Falcon Complex and Catacomb. The Archaeological Report*. London.
- Demskaya, A.A., Khodzhash, S.I., Berlev, O.D., Kachalina, G.I., Yakovleva, E.M., Smirnova, L.M. (eds.) 1987: *Vydayushchiysya russkiy vostokoved V.S. Golenishchev i istoriya priobreteniya ego kolleksii v Muzei izyashchnykh iskusstv (1909–1912) [Outstanding Russian Orientalist V.S. Golenishcheff and the Acquisition of His Collection for the Museum of Fine Arts (1909–1912)]*. Moscow.
- Демская, А.А., Ходжаш, С.И., Берлев, О.Д., Качалина, Г.И., Яковлева, Е.М., Смирнова, Л.М. (сост.). *Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1909–1912)*. (Из архива ГМИИ, 3). М.
- Diener, L. 1973: A Human-Masked and Doll-Shaped Hawk-Mummy. *Chronique d'Égypte* 48 (95), 60–65.
- Emam, M.A., el-Zaher, E.A. 2018: New Fragments of "Nectanebo the Falcon" from the Temple of Behbeit el-Hagar. *Near Eastern Archaeology* 81/4, 239–243.

⁶⁶ Ladynin 2017, 193–205; см. также в целом разделы части 2 этой монографии.

- Gorre, G. 2009a: “Nectanébo-le-faucon” et la dynastie lagide. *Ancient Society* 39, 55–69.
- Gorre, G. 2009b: *Les relations du clergé égyptien et des Lagides d'après les sources privées*. (Studia hellenistica, 45). Leuven.
- Griffiths, J.G. 1982: Osiris. In: W. Helck, E. Otto, W. Westendorf (Hrsg.), *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. IV. *Megiddo—Pyramiden*. Wiesbaden, 623–633.
- Hölbl, G. 2001: *A History of the Ptolemaic Empire*. London—New York.
- Ikram, S. 2007: Tiermumien im Alten Ägypten. In: D. von Recklinghausen, R. Germer (Hrsg.), *Ägyptische Mumien, Unsterblichkeit im Land der Pharaonen*. Mainz am Rhein, 275–285.
- Ikram, S. 2012: An Eternal Aviary: Bird Mummies from Ancient Egypt. In: R. Bailleul-LeSuer (ed.), *Between Heaven and Earth: Birds in Ancient Egypt*. (Oriental Institute Museum Publications, 35). Chicago, 41–48.
- Josephson, J.A. 1997: *Egyptian Royal Sculpture of the Late Period 400–246 B.C.* (Deutsches Archäologisches Institut, Abt. Kairo. Sonderschrift, 30). Mainz.
- Kessler, D. 1989: *Die heiligen Tiere und der König*. Teil I. *Beiträge zu Organisation, Kult und Theologie der spätzeitlichen Tierfriedhöfe*. (Ägypten und Altes Testament, 16). Wiesbaden.
- Kyrieleis, H. 1975: *Bildnisse der Ptolemäer*. (Archäologische Forschungen, 2). Berlin.
- Ladynin, I.A. 2009: “Nectanebos-the-Falcons”: Sculpture Images of Nectanebo II before the God Horus and Their Concept. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 3–26.
- Ладынин, И.А. «Соколы-Нектанебы»: Скульптурные изображения Нектанеба II перед богом Хором и их концепция. *ВДИ* 4, 3–26.
- Ladynin, I.A. 2011: [“King on the Way of God”: On the Principles of Assessing the Royal Activities in Egyptian Ideology of the Fourth–Third Centuries B.C.]. In: A.O. Bolshakov (ed.), *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2009–2010: pamyati S.I. Hoddzhash. Pamyati A.S. Chetverukhina. Doklady [St. Petersburg Egyptological Readings 2009–2010. In Commemoration of S.I. Hodjash. In commemoration of A.S. Chetrevukhin. Papers of the Conference]*. Saint Petersburg, 139–169.
- Ладынин, И.А. «Царь на пути бога»: О принципах оценки деятельности царя в египетской идеологии IV–III вв. до н.э. В сб.: А.О. Большаков (ред.), *Петербургские египтологические чтения 2009–2010. Памяти С.И. Ходжаши. Памяти А.С. Четверухина. Доклады*. (Труды Государственного Эрмитажа, 55). СПб., 139–169.
- Ladynin, I.A. 2013a: Late Dynastic Period. In: W. Wendrich, J. Dieleman, E. Frood, W. Grajetzki, J. Baines (eds.), *UCLA Encyclopedia of Egyptology*. Los Angeles. URL: <https://escholarship.org/uc/item/2zg136m8>; accessed on: 29.01.2023.
- Ladynin, I.A. 2013b: [Notes on the Egyptian “Protocol” of the Argeadai Kings]. In: A.O. Bolshakov (ed.), *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2011–2012: pamyati E.S. Bogoslovskogo. Doklady [St. Petersburg Egyptological Readings 2011–2012: In Commemoration of E.S. Bogoslovski. On the Occasion of his 70th Birthday. Papers of the Conference]*. Saint Petersburg, 116–131.
- Ладынин, И.А. Замечания о египетском «протоколе» царей династии Аргеадов. В сб.: А.О. Большаков (ред.), *Петербургские египтологические чтения 2011–2012: памяти Е.С. Богословского. Доклады*. (Труды Государственного Эрмитажа, 56). СПб., 116–131.
- Ladynin, I.A. 2016: [The Dynastic Cult and the Eponymous Priesthood of the Ptolemies]. In: S. Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.), *«Bogi sredi lyudey»: Kul't praviteley v ellinisticheskom, postellinisticheskom i rimskom mire [“Gods among Men”: The Rulers’ Cult in the Hellenistic, Post-Hellenistic and Roman World]*. Moscow—Saint Petersburg, 265–312.
- Ладынин, И.А. Династический культ и эпонимное жречество Птолемеев. В кн.: С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (ред.), *«Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире*. (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, 82; Серия II: Исторические исследования, 39). М.— СПб., 265–312.
- Ladynin, I.A. 2017: *«Snova pravil Egipet!» Nachalo ellinisticheskogo vremeni v kontseptsyakh i konstruktakh pozdneegipetskikh istoriografii i propagandy [“Egypt Rules Again!” The Start of the Hellenistic Period in the Concepts and Constructs of Late Egyptian Historiography and Propaganda]*. Moscow—Saint Petersburg.
- Ладынин, И.А. *«Снова правит Египет!» Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды*. (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, 84, Серия II: Исторические исследования, 40). М.— СПб.
- Ladynin, I.A. 2020: Udjahorresnet and the Royal Name of Cambyses: The “Derivative Sacrality” of Achaemenids in Egypt. *Journal of Ancient Egyptian Interconnections* 26, 88–99.

- Ladynin, I.A. 2021: [A Sculpture Head of Ptolemy V from the A.S. Pushkin Museum of Fine Arts and the Problem of “Egyptianization” of the Ptolemaic Kingship in the Late 3rd and the Early 2nd Centuries B.C.]. *Vostok [The East (Oriens)]* 2, 206–220.
- Ладынин, И.А. Голова статуи Птолемея V из собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина и проблема египтизации царской власти Птолемея в конце III – начале II вв. до н.э. *Восток (Oriens)* 2, 206–220.
- Liepsner, T.F. 1982: Modelle. In: W. Helck, E. Otto, W. Westendorf (Hrsg.), *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. IV. *Megiddo–Pyramiden*. Wiesbaden, 168–180.
- Lorand, D. 2011: La statuaire royale de Sésostri Ier. Art et politique au début de la XIIe dynastie. *Bulletin de la société française d'égyptologie* 180, 23–43.
- Lorand, D. 2016: Did the “Reunification Style” Affect the Production of Middle Kingdom Royal Statuary? In: L. Hudáková, P. Jánosi, A. Kahlbacher (eds.), *Change and Innovation in Middle Kingdom Art*. (Middle Kingdom Studies, 4). London, 83–94.
- McKechnie, P., Guillaume, Ph. 2008: *Ptolemy II Philadelphus and His World*. (Mnemosyne. Supplements. History and Archaeology of Classical Antiquity, 300). Leiden.
- Montet, P. 1959: Inscriptions de Basse Époque trouvées à Tanis. *Kêmi: revue de philologie et d'archéologie égyptiennes et coptes* 15, 42–64.
- Myśliwiec, K. 1988: *Royal Portraiture of the Dynasties XXI–XXX*. Mainz.
- Pavlov, V.V. 1957: *Skulpturnyy portret drevnego Egipta [The Sculpture Portrait of Ancient Egypt]*. Moscow.
- Павлов, В.В. *Скульптурный портрет древнего Египта*. М.
- Raven, M.J. 1982: Corn-Mummies. *Oudheidkundige mededelingen uit het Rijksmuseum van Oudheden* 63, 7–38.
- Schäfer, D. 2007: Alexander der Große. Pharaon und Priester. In: St. Pfeiffer (Hrsg.), *Ägypten unter fremden Herrschern zwischen persischer Satrapie und römischer Provinz*. (Oikumene. Studien zur antiken Weltgeschichte, 3). Frankfurt am Main, 54–74.
- Schweitzer, U. 1952: Ein spätzeitlicher Königskopf in Basel. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 50, 119–132.
- Scott, D.A., Dodd, L.S. 2002: Examination, Conservation and Analysis of a Gilded Egyptian Bronze Osiris. *Journal of Cultural Heritage* 3/4, 333–345.
- Seipel, W. 2015: *Ägypten – Die letzten Pharaonen: Von Alexander dem Großen bis Kleopatra*. Regensburg.
- Smith, M. 2017: *Following Osiris: Perspectives on the Osirian Afterlife from Four Millennia*. Oxford–New York.
- Stadler, M.A. 2014: «Ach, das ist gestreift!» – Anmerkungen zur ägyptischen Königsplastik im 4. und 3. Jahrhundert v. Chr. In: S.L. Lippert, M.A. Stadler (Hrsg.), *Gehilfe des Thot. Festschrift für Karl-Theodor Zaunich zu seinem 75. Geburtstag*. Wiesbaden, 105–127.
- Stanwick, P.E. 2002: *Portraits of the Ptolemies. Greek Kings as Egyptian Pharaohs*. Austin.
- Thiers, Chr. 1999: Ptolémée Philadelphie et les prêtres de Saïs: La stèle de Codex Ursinianus, fol. 6 r° + Naples 1034 + Louvre C.123. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 99, 423–445.
- Volokhine, Y. 2019: Barbe et barbus en Égypte ancienne. In: Y. Volokhine, B. Fudge, Th. Herzog (éd.), *Barbe et barbus: symboliques, rites et pratiques du port de la barbe dans le Proche-Orient ancien et moderne*. Bern, 59–87.
- Walker, S., Higgs, P. 2001: *Cleopatra of Egypt. From History to Myth*. London–Princeton.

DOI: 10.31857/S032103910014141-8

«СЕЙЧАС ПРЕДСТОИТ ИЛИ ВОЗРОДИТЬ...
ИЛИ ОКОНЧАТЕЛЬНО ЕГО ПОГУБИТЬ»:
ВВЕДЕНИЕ И СКОРАЯ ОТМЕНА ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА
В СОВЕТСКИХ ШКОЛАХ
(конец 1940-х — первая половина 1950-х годов)

А. М. Скворцов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

E-mail: artyom-skvorcov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3287-4154

Введение латинского языка в советских школах остается недостаточно изученной на сегодняшний день темой. Об этом эксперименте содержатся лишь краткие сообщения в воспоминаниях современников. В статье на основании нормативно-правовых документов, делопроизводственной документации и мемуаров восстанавливается ход реформы, в котором можно выделить наиболее активные фазы: 1944–1948 гг. и 1952–1954 гг. Автору удается определить, что наибольшее влияние на продвижение идеи введения латыни в школе оказали А.В. Мишулин и Н.Ф. Дератани. Однако непоследовательность осуществления инициативы, отсутствие должной организационно-методической работы и деятельности по разъяснению широкой общественности нововведения привели к скорому сворачиванию реформы. В качестве решающей причины исключения латыни из учебных планов советских школ называется отмена раздельного обучения в 1954 г.

Ключевые слова: латинский язык, советская школа, реформа образования, образовательная политика, Н.Ф. Дератани, А.В. Мишулин, С.П. Кондратьев, учебник латинского языка

Данные об авторе. Артём Михайлович Скворцов — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00557.

“NOW WE HAVE EITHER TO RESTORE...
OR TO RUIN IT COMPLETELY”: THE INTRODUCTION
AND RAPID ABOLITION OF LATIN IN SOVIET SCHOOLS
(late 1940s – first half of the 1950s)

Artyom M. Skvortsov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

E-mail: artyom-skvorcov@yandex.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 22-28-00557

The introduction of Latin in Soviet schools remains an unexplored topic today. There are only brief accounts of this experiment in the memoirs of contemporaries. This article reconstructs the course of the reform on the basis of normative and legal documents, records, and memoirs, in which two most active phases can be distinguished: 1944–1948 and 1952–1954. The author establishes that A.V. Mishulin and N.F. Deratani had the greatest influence on the promotion of the idea of introducing Latin in schools. However, the inconsistent implementation of the initiative, the lack of proper organization and methodological work, as well as the lack of measures to explain the innovations to the general public led to rapid curtailment of the reform. The abolition of separate education for boys and girls in 1954 is considered to be a decisive reason for the exclusion of Latin from the curricula of Soviet schools.

Keywords: Latin language, Soviet school, education reform, education policy, N.F. Deratani, A.V. Mishulin, S.P. Kondratyev, Latin textbook

Образовательная политика советского государства эпохи позднего сталинизма и хрущевского времени остается на сегодняшний день одной из востребованных тем в историографии. Достаточно обратить внимание на то, какой широкий отклик вызвала вышедшая в 2018 г. книга Г.М. Ивановой «Советская школа в 1950–1960-е годы»¹. И при этом одна из самых противоречивых реформ той поры – введение в школах латинского языка – остается совершенно неизученной. Даже в упомянутой обстоятельной 400-страничной монографии Г.М. Ивановой не нашлось место хотя бы упоминанию этого эпизода из истории образования. Реформа остается обойденной вниманием уже с середины 1950-х годов. Так, в статье Н.Ф. Дератани, посвященной юбилейной дате – 40 лет советской классической филологии², где подробно перечисляются достижения ученых в области языкознания, литературоведения, приводятся темы защищенных диссертаций – ни слова нет о существовавшей еще недавно практике преподавания латыни в школах. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что уже в период «оттепели» возобладало мнение о признании эксперимента неудачным. Его предпочли вычеркнуть из анналов истории классической филологии и истории школьного образования. Настоящая статья, основывающаяся на

¹ Pikhoya 2020.

² Deratani 1957, 55–65.

официальной документации из Государственного архива РФ, архивных материалах фонда Б.В. Казанского (Отдел рукописей РНБ) и фонда С.И. Радцига (Отдел рукописей РГБ), призвана заполнить эту лауну.

Можно представить, каково было удивление некоторых советских восьмиклассников (а потом и их родителей), которые, придя 1 сентября 1948 г. на уроки, обнаружили в расписании новый предмет «Латинский язык». Казалось бы, с этим «пережитком» царского режима тридцать лет как покончено, и вдруг снова латынь в учебных программах?

Если для школьников это нововведение и стало неожиданностью, то филологи-классики о планирующихся преобразованиях знали уже несколько лет и всячески их приветствовали. Еще на заключительном этапе Великой Отечественной войны Всесоюзный комитет по делам высшей школы (далее — ВКВШ) при СНК СССР 27–29 июня 1944 г. провел конференцию о постановке классического образования в СССР³. Вскоре при отделе вузов иностранных языков ВКВШ была создана методическая комиссия классической филологии под председательством Н.Ф. Дератани, которая в июле 1946 г. организовала конференцию преподавателей древних языков вузов Москвы. Названия докладов свидетельствуют о необходимости актуализации педагогического опыта и обмена им. Так, тема выступления С.И. Радцига — «Латинский и греческий языки в мировой культуре и системе образования», А.Н. Попова — «Основы методики преподавания древних языков в вузах», С.П. Кондратьева — «Роль и мастерство преподавателя в изучении древних языков»⁴. Приказом ВКВШ от 4 ноября 1944 г. был увеличен набор на классические отделения в Московском и Ленинградском университетах до 45 человек в 1944 и 1945 гг.⁵ Были открыты классические отделения в Казани и Томске⁶, в МГПИ им. В.И. Ленина⁷. Для обеспечения учебного процесса была основана специальная серия «Римские классики», в рамках которой в 1946–1948 гг. вышло 10 выпусков, представляющих комментированные издания латинских авторов, среди них: Гай Юлий Цезарь («Записки о галльской войне»), Саллюстий («Заговор Катилины»), Тит Ливий («История Рима от основания Города») и др. А.И. Солопов считает, что происхождение этой серии не связано с опытом введения латинского языка в школах в конце 1940-х годов⁸. Однако наши данные позволяют не согласиться с таким утверждением: в конце 1944 г. был взят курс на массовую подготовку учителей-латинистов для школ, в связи с чем актуализировался вопрос издания учебной литературы (в виде оригинальных текстов древних писателей). А прекращение серии в 1949 г. связано с приостановкой исследуемой реформы (об этом будет сказано ниже) и отсутствием в течение двух лет набора на классические отделения.

Такой большой по сравнению с предшествующими годами набор не означал соответствующего многочисленного выпуска. Специальность филолога-классика по-прежнему выбирали по остаточному принципу. По воспоминаниям Н.А. Федорова, на

³ Подробнее см. Skvortsov 2022, 1299–1308.

⁴ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 21. Д. 16. Л. 1.

⁵ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 15. Д. 20. Л. 1.

⁶ Об истории классического отделения в Томске см. Leushina, Fominykh 2009, 121.

⁷ Editorial 1947, 6.

⁸ Solopov 2010, ii–iii.

40 заявленных в приемную кампанию мест удалось набрать «30 с лишним»⁹. А.Н. Попов на заседании кафедры в январе 1945 г. жаловался на крайне низкий уровень подготовки поступивших на классическое отделение первокурсников¹⁰, что, впрочем, вполне объяснимо тяжелым бытом в условиях войны. В итоге из набора 1944 г. в 1949 г. закончили полный курс обучения лишь 21 человек, а из набора 1945 г. в 1950 г. — 18¹¹.

Но начало было положено. Во исполнение Постановления Совета министров СССР от 22 июля 1947 за № 3315 и Постановления Совета министров РСФСР от 18 августа 1947 за № 618 «О введении в некоторых средних школах университетских городов преподавания латинского языка» с 1948—1949 учебного года в девяти средних школах РСФСР (в четырех школах Москвы, в двух школах Ленинграда, в одной школе Саратова, в одной школе Свердловска и в одной школе в Казани) у восьмиклассников в расписании появилась латынь¹². Начало изучения языка древних римлян в школах именно в 1948 г. объясняется тем, что в этот год был проведен первый выпуск специалистов по классической филологии в МГПИ им. В.И. Ленина¹³, которым и предстояло стать советскими учителями-латинистами. Они поступили в вуз в 1944 г. (в педагогических институтах нормативный срок обучения тогда составлял четыре года), когда, вероятно, на высшем уровне дали добро на изучение латыни в школе.

Таким образом, предварительная работа по подготовке новых кадров была проведена. Но общество пребывало в неведении относительно готовящихся преобразований. Невозможно найти публикации тех лет в массовых изданиях, которые бы разъясняли причины и смысл нововведения. Лишь в «Вестнике древней истории» печатаются передовицы «Классическая филология и ее задачи в советской науке»¹⁴, «О подготовке кадров специалистов по истории древнего мира»¹⁵, представляющие отклики на постановления партии и руководящих органов и тем самым актуализирующие вопросы, стоящие на повестке дня¹⁶, но эти материалы, естественно, читала очень узкая группа лиц — ученые. Показательно, что установить точную дату введения латыни в школе невозможно, если обращаться лишь к воспоминаниям. Современники об этом говорят абстрактно: «сразу после войны»¹⁷, либо же вообще неверно называют год¹⁸. Даже в передовице «Вестника

⁹ «Научить читать, то есть понимать...». Интервью с Николаем Алексеевичем Федоровым 2004 г. URL: http://librarius.narod.ru/personae/fedorov_memoir.htm; дата обращения: 20.01.2023 г.

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 21. Д. 14. Л. 1.

¹¹ Выпускники кафедры классической филологии МГУ 1939—2007. URL: <http://librarius.narod.ru/msu.htm>; дата обращения: 21.01.2023 г.

¹² ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 71. Д. 617. Л. 19.

¹³ Deratani 1948, 184.

¹⁴ Editorial 1947, 3—8.

¹⁵ Editorial 1950, 3—10.

¹⁶ Подробнее о функциях передовиц см. Карпух 2021, 377—390.

¹⁷ См., например, интервью Елены Малер с Азой Алибековной Тахо-Годи в честь ее 85-летия (осень 2007 г.). URL: <http://katehon.ru/oshhushhenie-bozhestvennogo-prisutstviya-u-menya-bylo-vsegda-beseda-s-professorom-a-a-taho-godi/>; дата обращения: 21.01.2023 г.

¹⁸ См., например, статью С.И. Радцига «Введение в античность (древние языки и античная культура в программе средних школ)»: ОР РГБ. Ф. 662. Картон 13. Д. 27. Л. 1.

древней истории» за 1950 г., № 4, содержится ошибка: «С прошлого учебного года (т.е. с 1949—1950 учебного года. — А. С.) в ряде средних школ Москвы, Ленинграда и некоторых других городов введено преподавание латинского языка...»¹⁹. Вероятно, все перечисленное является свидетельством отсутствия развернутой и продуманной пропаганды нововведения и должных разъяснений. Эксперимент начался (и проходил) тихо, без широкой огласки. Впрочем, практики действительных общественных обсуждений реформ в условиях сталинского режима попросту не существовало. К тому же латынь ассоциировалась с ненавистным для советского человека царским режимом. Обращает на себя внимание и довольно узкий круг школ, участвующих в эксперименте, хотя иначе, при отсутствии соответствующего учительского контингента, и быть не могло. Но здесь следует заметить, что со временем планировалось распространить латынь на большее количество средних учебных заведений (что и было сделано), а по словам С.И. Радцига, намечалась постановка преподавания у школьников и древнегреческого языка (!)²⁰. Несмотря на такие планы, необходимых разъяснений не последовало. Не было их дано и в 1952 г., когда эксперимент расширили. Тот же С.И. Радциг в преамбуле одной из своих статей популяризаторского характера замечал: «Так как со стороны Министерства просвещения не было сделано никаких объяснений данному мероприятию, это вызвало много недоразумений и недоумений. В некоторых школах заявили протест преподаватели физики и естественных наук, у которых были несколько срезаны часы. Некоторые из родителей подали даже ходатайства об отмене преподавания латинского языка как ненужного»²¹.

Между тем немаловажное значение имеет формулировка Постановления Совета министров «О введении в некоторых средних школах *университетских городов* (курсив мой. — А. С.) преподавания латинского языка». Из этого словосочетания вырисовывается цель реформы: повысить уровень абитуриентов, поступающих на те специальности, где латынь представлена как составляющая учебного процесса — филология, история, юриспруденция, а кроме того — на специальности медицинских вузов.

Одним из центральных, но вместе с тем и трудно решаемых, остается вопрос об инициаторе реформы. Вероятно, у филологов-классиков той поры сформировалось представление об определяющей роли в этом вопросе И.В. Сталина, о чем свидетельствуют, в частности, мемуары М.Н. Ботвинника. Марк Наумович ставит введение преподавания латыни в школах в один ряд с учреждением погон, офицерских званий, института денщиков, награждением орденами и медалями за выслугу лет²², что в целом укладывается в понятие «сталинский ампи́р» или «сталинский неоклассицизм». Каких-либо документальных свидетельств, способных подтвердить или опровергнуть такое суждение, нам не удалось обнаружить. Но соответствующее распоряжение могло быть дано и устно; кроме того, сложно

¹⁹ Editorial 1950, 6.

²⁰ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 13. Д. 27. Л. 2.

²¹ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 15. Д. 14. Л. 1.

²² Botvinnik 1997, 108.

представить, чтобы столь необычная для советской действительности реформа проводилась без указания свыше.

Нельзя не заметить активную роль в этом процессе и других лиц. С.Г. Карпюк в одной из последних статей цитирует траурную речь С.П. Кондратьева, свидетельствующую о значимости А.В. Мишулина в деле постановки преподавания латыни в школах: «Александр Васильевич был историком, он был археологом, но он был также и поборником классического образования. И когда мы видим, что классическая наука переходит сейчас из стен высших учебных заведений в школы, — это заслуга А.В. Те многие докладные записки, которые писались и обращались к руководителям нашей школы, они писались и в первую голову подписывались Александром Васильевичем. И в своей работе, которую он вел, он считал, что знание языка является прежде всего и главным образом основным знанием для историка античного мира... В этом смысле он в своей работе был удивительно последовательным»²³. Действительно, послужной список скоропостижно скончавшегося в 1948 г. историка позволяет присоединиться к суждению С.П. Кондратьева. С мая 1946 г. по август 1948 г. А.В. Мишулин занимал руководящий пост в аппарате ЦК ВКП(б), а с августа 1948 г. являлся ректором Академии общественных наук при ЦК ВКП(б)²⁴.

Отметим и важную роль Н.Ф. Дератани в продвижении «школьной» латыни. Его коллеги в воспоминаниях единодушно относятся к нему как к «партийцу»²⁵. Е.С. Цыпилева в своей статье замечает, что из всех опрошенных ею людей, знавших его, лишь М.Г. Лопатина отзывалась о нем с теплотой²⁶. Приведем в качестве примера воспоминания А.А. Тахо-Годи: «Он (Н.Ф. Дератани. — А. С.) диссертацию на латинском языке, кстати сказать, защитил в самую революцию в Московском университете по риторике Овидия, знаток был латыни, прошел старую муштру классическую... а вот пришлось приспособливаться, крутиться, объединяться с молодыми партийными неучами, самому вступать в эту проклятую, но такую нужную партию... Знаменитые старики, академики М.М. Покровский, И.И. Толстой, терпеть не могли партийного Дератани, не выносили его и С.И. Радциг, Н.А. Кун, Ф.А. Петровский, А.Н. Попов и др. В ИФЛИ, цитадель советской гуманитарной науки, не пускали, а он, окопавшись в МГПИ, в партийных кругах наркомата просвещения, в околоцеховских чиновничьих службах, презирал в свою очередь бывших учителей и сотоварищей»²⁷. А.А. Тахо-Годи создает образ беспринципного интригана, который, «воспользовавшись тяжелой болезнью заведующего кафедрой классической филологии МГУ профессора Радцига... добился отстранения беспартийного профессора и сам стал заведовать кафедрой вплоть до своей смерти в 1958 году»²⁸. Автор мемуаров совершенно не связывает введение в средних образовательных учреждениях РСФСР латинского языка с личностью Н.Ф. Дератани. Более того, он предстает корыстным человеком, который извлек для себя выгоду

²³ Цит. по: Карпюк 2021, 388.

²⁴ Editorial 1948, 139.

²⁵ См. фрагменты воспоминаний в статье Tsypileva 2009, 28–37.

²⁶ Tsypileva 2009, 33.

²⁷ Takho-Godi 2009, 422.

²⁸ Takho-Godi 2009, 321.

из этой реформы, открыв в МГПИ им. В.И. Ленина классическое отделение с целью подготовки учителей по соответствующей специальности. «Однако когда латинской язык исключили из школ за ненадобностью... Дератани закрыл отделение, не раздумывая о судьбе учащихся студентов и преподавателей»²⁹. Такие отзывы выглядят довольно тенденциозно, особенно если учесть напряженные отношения между Н.Ф. Дератани и А.Ф. Лосевым. Известные нам архивные данные вносят некоторые коррективы в однозначно отрицательный образ профессора, оставшийся в памяти коллег. Из переписки Б.В. Казанского и Н.Ф. Дератани следует, что после отмены латыни в школе, когда в середине 1950-х годов остро встал вопрос о судьбе классических отделений СССР, именно Дератани, будучи заведующим кафедрой в МГУ, добивался сохранения наборов на специальность путем введения у студентов-классиков второй квалификации — учителя русского языка и литературы, а также пытался расширить поле деятельности для выпускников, лоббируя дисциплину «Латинский язык» в качестве обязательной на гуманитарных факультетах педагогических вузов. Приведем несколько цитат. В письме от 18 апреля 1955 г. Дератани настаивает: «С этим (введением второй специальности на классических отделениях. — А. С.) надо примириться, иначе классики не всегда смогут найти себе работу по специальности»³⁰; в письме от 12 июля 1955 г. он замечает, что новый «учебный план (подразумевающий введение второй специальности. — А. С.) не ущемляет классиков, а усиливает русский язык, чтобы имели право преподавать [его] после университета»³¹. Наверное, лучше всего позицию профессора можно выразить его же словами: «Я всецело приветствовал бы его введение (латинского языка в школе. — А. С.), но нужно считаться с потребностями страны, теперь нужна политехнизация»³². Заметим также, что именно Н.Ф. Дератани организовал в 1957 г. первое общесоюзное совещание преподавателей классических отделений и опубликовал в 1955 г. статью «В защиту “забытой науки”» в «Литературной газете», пытаясь обратить внимание интеллигенции на проблемы классической филологии.

Обращаясь снова к роли Н.Ф. Дератани в постановке преподавания латыни в школе, заметим, что, безусловно, он был близок к партийным кругам, состоял членом секции народного просвещения Моссовета³³. По его инициативе прошли методические конференции в 1944 г. Показательно и то, что один из авторов учебника латинского языка для школ, С.П. Кондратьев, был профессором кафедры классической филологии МГПИ, заведовал которой Н.Ф. Дератани.

Обратимся к учебнику, который лежал в основе преподавания латыни в школе. Вообще, подготовка соответствующего пособия являлась первоочередной задачей, без чего нововведение быстро бы провалилось. Имеющаяся на тот момент учебная литература либо была ориентирована на студентов вузов (как, например, издания из серии «Римские классики»), либо считалась морально и материально

²⁹ Takho-Godi 2009, 321.

³⁰ ОР РНБ. Ф. 1393. Д. 590. Л. 34.

³¹ ОР РНБ. Ф. 1393. Д. 590. Л. 38—38 об.

³² ОР РНБ. Ф. 1393. Д. 590. Л. 38 об.

³³ Editorial 1958, 248.

устаревшей (опубликованной до революции). В приведенных выше постановлениях Министерства просвещения РСФСР обращают на себя внимание даты: документы подписаны практически за год до их воплощения в жизнь. Тем самым отводилось время на решение организационно-методических вопросов. Трудно сказать, достаточно ли года для написания пособия опытными педагогами. Но рукопись была подписана в печать только 28 октября 1948 г.³⁴, соответственно, школы получили учебник не раньше 1949 г. Остается только догадываться, как выходили из этой ситуации учителя. А ведь среди них были не только (а точнее — не столько) выпускники классического отделения, но и педагоги современных европейских языков, географы³⁵ и даже бывшие священники и аптекари³⁶. Можно сказать, относительно везло тем подросткам, у которых преподаватели, имевшие широкую подготовку, которая включала и владение древними языками, и знание греко-римских древностей, творчески подходили к процессу. М. Н. Ботвинник, один из педагогов латыни конца 1940-х годов, по его словам, сразу понял бессмысленность требования от учеников «зазубривания» правил грамматики и старался заинтересовывать подростков культурой античности и многочисленными связями языка древних римлян с современными европейскими языками³⁷. Учитель Беляйкина (выпускница кафедры классической филологии МГПИ) на заседании секции иностранных языков по обсуждению программы латинского языка заявляла о том, что несправедливо говорить о тотально враждебном отношении в школах у родителей и школьников к древнему языку. По ее словам, все зависело от учителя³⁸. С последним тезисом трудно спорить, но нельзя не видеть уже на начальном этапе реализации реформы признаков неудачи. Причем появившийся учебник сильно ситуацию не изменил.

Несмотря на, казалось бы, возрождение латыни, а вместе с этим и определенных классицистических традиций, характерных для императорской России, в статьях филологов часто встречаются заявления о необходимости дистанцирования от дореволюционных практик преподавания. Подобную риторику можно отнести к средству защиты небесспорного в условиях советской власти исследуемого нововведения: совершенно очевидна невозможность полного отказа от накопленного в прошлом опыта. Так, после выхода советского учебника латыни для школ специалистам было ясно, что в его основу положены гимназические и семинаристские пособия Санчурского, Михайловского и др.³⁹ Однако на страницах печати заявлялось о классовой подоплеке в характере преподавания древних языков в старых гимназиях. Показательны слова В. С. Соколова: «Классицизм использовался прежде всего как фактор классового отбора, с тем чтобы классическое образование, открывавшее беспрепятственный доступ в университеты или по служебной карьере, служило отличительным признаком барских

³⁴ Kondrat'ev, Vasnetsov 1948, 320.

³⁵ Botvinnik 1997, 109.

³⁶ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 689. Л. 41.

³⁷ Botvinnik 1997, 113.

³⁸ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 689. Л. 19–20.

³⁹ Botvinnik 1997, 108.

детей от детей кухарок»⁴⁰. Схожую мысль мы находим у С.И. Радцига, который, выступая с докладами, акцентировал внимание собравшихся на необходимости понимания изменившейся роли латыни в школах: в дореволюционной России, по его мнению, латынь оказалась противопоставлена вольнодумству, выполняла охранительную роль, являясь средством насаждения самодержавия, православия, народности⁴¹. Общий посыл многих выступлений (как в печати, так и перед публикой) таков. В нынешних обстоятельствах перед «школьной» латынью стоят пропедевтические задачи: облегчение постижения обучающимися современных языков, для чего постоянно должна проводиться связь между древностью и современностью, а кроме того — расширение кругозора учеников, приобщение их к сокровищам мировой культуры. В связи с этим предполагалось искоренить в педагогической практике формализм, давать больше оригинальных текстов для перевода. Однако зачастую за этими декларациями никаких принципиальных методических новаций не стояло, да и вряд ли они могли появиться. В этой связи, на наш взгляд, показательна ситуация со сдачей экзамена В.Н. Ярхо по методике преподавания древних языков в послевоенное время. Профессор А.Н. Попов обратился к пришедшему на испытание студенту со следующими словами: «В.Н., на самом-то деле никакой методики нет. Есть люди, которым от рождения предназначено быть преподавателями, а есть такие, которым это не дано. Им никакая методика не поможет. Вы относитесь к первым, и у Вас все получится, — давайте зачетку»⁴². Заметим, что описанная ситуация произошла в период, когда на классических отделениях уже был взят курс на подготовку учителей.

Актуализировать латинский язык и преодолеть «антикварную ограниченность» предполагалось за счет включения в программу сочинений, повествующих об истории регионов СССР в древности, а также текстов на средневековой латыни и латыни Нового времени. Так, в книге для чтения по латинскому языку «*Aula linguae Latinae*» раздел I носит название «Древние и средневековые писатели о нашей Родине». Этот раздел открывается большим отрывком из описания Скифии Геродота в средневековом переводе (!), далее — отрывок о Скифии из Юстина, «Зима у гетов» Овидия и отрывок из «Трактата о двух Сарматиях» польского средневекового писателя М. Меховского. Раздел III «Латинский язык в работах русских ученых» включает фрагменты из переписки М.В. Ломоносова и приветственное слово академику И.П. Павлову в Кембриджском университете⁴³. Этот, третий, раздел включает примеры использования латыни как языка общения в XVIII—XX вв. Н.Н. Пикус, поддерживая авторов в методических новациях, с одобрением отмечал, что в книге для чтения «преодолена историческая ограниченность, точнее — антикварность, обычно свойственная хрестоматиям по древним языкам. Непосредственным следствием этой антикварности и был пониженный интерес учащихся к латинскому языку, как к чему-то ветхому, отжившему. Совсем иное, возбуждающее интерес учащихся содержание мы

⁴⁰ Sokolov 1949, 192.

⁴¹ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 15. Д. 14. Л. 2

⁴² Yarkho 2003, 108.

⁴³ Kondrat'ev, Vasnetsov 1950, 128.

видим в разбираемом пособии»⁴⁴. Добавим к этому, что последнее утверждение Пикуса — лишь его предположение.

В целом организационно-методическая работа перед введением латинского языка в школах проводилась довольно слабо. Первоначально никаких методических рекомендаций, программы курса издано не было, а сам материал в учебнике не подразделялся на классы. И это при том, что в провинции зачастую к преподаванию древнего языка допускались люди, не являвшиеся филологами-классиками. Такое положение дел наблюдалось не только в отношении латыни. Г.М. Иванова приводит следующие цифры: в 8–10 классах в 1951/1952 учебном году по всему Советскому Союзу 19,8% учителей не имели соответствующего образования, что приводило к низкому уровню преподавания⁴⁵. Она же сообщает и другую важную для понимания ситуации цифру: в 1950/1951 учебном году в школах РСФСР 13,7% обучающихся остались на второй год⁴⁶. Эти данные красноречиво свидетельствуют о степени готовности учебных заведений к широкомасштабной реформе по введению латыни. К первостепенным задачам все же относилось усиление кадрового состава и повышение успеваемости учащихся, не говоря уже о преодолении материальных трудностей послевоенного времени.

Сам С.П. Кондратьев объяснял отсутствие программы желанием дать учителям простор для творчества, не ограничивать их строгими рамками⁴⁷. Председатель секции иностранных языков учебно-методического совета при Министерстве просвещения РСФСР В.В. Рахманов недоумевал на заседании 19 ноября 1952 г. по обсуждению первой программы, как можно было составить учебник без программы курса⁴⁸. Именно данное обстоятельство стало причиной многочисленных нареканий по поводу распределения между годами обучения грамматического материала. Особенно сильной критике подверглось раннее прохождение темы «*Praesens coniunctivi activi*». Ее (согласно учебнику) предполагалось осваивать параллельно с формами изъявительного наклонения во второй теме, еще даже до получения сведений об имени существительном. Но важнее то, что педагогам не предоставили никакой объяснительной записки о том, как пользоваться учебником, как проводить проверку знаний обучающихся, какие задачи в целом стоят перед предметом, и т.д.

Споры вызвало и желание С.П. Кондратьева и А.И. Васнецова реализовать буквально замечания И.В. Сталина, который в работе «Марксизм и вопросы языкознания» (1950 г.) высказался о языке как историческом явлении и обратил внимание на постоянно меняющийся под воздействием различных факторов словарный состав. Стремление следовать этому тезису привело к включению в учебник многочисленных элементов исторической грамматики. В.В. Рахманов так охарактеризовал итог такого подхода: «Берутся определенные положения из работ Сталина и затем делаются какие-то попытки их нарочито ввести в преподавание

⁴⁴ Pikus 1951, 165.

⁴⁵ Ivanova 2018, 27.

⁴⁶ Ivanova 2018, 26.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 689. Л. 44.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 689. Л. 22.

лат[инского] языка. Если приводится положение о непрерывном изменении словарного состава — тут же нужно дать историю лат[инского] языка, но это невозможно для 9 класса»⁴⁹. Председатель заседания высказался о необходимости рассмотрения латинского языка как самостоятельного предмета, а не «привеска» к другим языкам⁵⁰. На что С.П. Кондратьев высокопарно заявил: «Латинский язык должен и обязан не только объяснять формы нашего родного языка, но и указывать, как он претворялся в языках романских и как он с большим трудом претворялся в языках германских и как он закончился в английском. И поэтому не удивляйтесь, уважаемые товарищи, что мы прежде всего говорили об этом гениальном труде Сталина. Это всеобъемлющая работа. *Мы — маленькая капля, это солнце лингвистики отражающие* (курсив мой. — А. С.). Поэтому мы вполне сознательно приводили все эти тезисы товарища Сталина, внедряя его (их. — А. С.) в нашу науку. Они, эти мысли, очень глубоки и лишний раз их повторить мы считали, что это неплохо»⁵¹. Действительно, подобному аргументу сложно было что-либо противопоставить. В итоге, закрывая заседание, В.В. Рахманов ограничился лишь формальными замечаниями: программу нужно обязательно издать, но без опоры на учебник (чтобы в будущем на ее основании написать новое пособие), дать методические требования по грамматике, лексике с разбивкой по классам, проработать объяснительную записку⁵².

Вскоре, в 1953 г., появилось первое методическое руководство к преподаванию латинского языка в школе. Во избежание нареканий со стороны коллег авторы сочли необходимым в качестве эпиграфа поместить слова И.В. Сталина о важности изучения языка в связи с историей общества⁵³, а в заключении дать цитаты из статьи академика В.В. Виноградова «Значение работ товарища Сталина для советского языкознания»⁵⁴. Через весь текст красной нитью проходила идея о том, что данная брошюра представляет собой не в полной мере руководство, а всего лишь некое собрание опытов, которые можно и вовсе не использовать в практике: «Эти очерки являются только первым опытом... и не претендуют на законченность и полноту. Это именно указания молодому *вдумчивому* (курсив мой. — А. С.) преподавателю, как вести работу по некоторым трудным разделам учебника»⁵⁵. При этом меньшая часть — 40 страниц из 100 уделено конкретным рекомендациям, остальное же — учению И.В. Сталина о языке и идейно-политическому воспитанию учащихся на уроках латыни «в свете постановлений ЦК КПСС по идеологическим вопросам».

Справедливости ради заметим, что С.П. Кондратьев и А.И. Васнецов все же пошли на уступки критикам. В учебнике 1954 г. грамматический материал сгруппирован по годам обучения, пресловутый конъюнктив отнесен на более поздний срок постижения латыни, уменьшены отсылки к исторической грамматике.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 689. Л. 25.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 689. Л. 23.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 689. Л. 39–40.

⁵² ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 689. Л. 49–50.

⁵³ Kondrat'ev, Vasnetsov 1953, 5.

⁵⁴ Kondrat'ev, Vasnetsov 1953, 98–99.

⁵⁵ Kondrat'ev, Vasnetsov 1953, 58.

Переработаны в сторону добавления большего количества оригинальных «классических» латинских текстов книги для чтения «*Aula linguae Latinae*» и «Избранные латинские поэты» — такова была реакция на требование о включении большего количества оригинальных текстов в курс обучения. Но заметим, что все эти публикации относятся к 1954 г., и им суждено было стать последними. Практически в это же время был взят курс на сворачивание «школьной» латыни.

Вообще сама реформа проводилась крайне непоследовательно, видна нерешительность «верхов» в этом вопросе. Нацеленность правительства на введение латыни в школах прослеживается в период 1944–1948 гг. С.И. Радциг в отчете за 1946–1947 гг. сообщал следующее: в состав кафедры входит 32 преподавателя и 11 аспирантов (!)⁵⁶. А в 1948 г. президиум филологического факультета МГУ согласно указанию Министерства высшего образования на своем заседании 24 апреля вынес постановление о разделении кафедры классической филологии на самостоятельные кафедры греческой и римской филологии. С.И. Радциг протестовал, считая такое механическое размежевание как по смыслу дисциплины классической филологии, так и по читаемым дисциплинам и по преподавательскому составу (многие сотрудники — С.И. Соболевский, А.Н. Попов, Ж.С. Покровская, П.М. Шендяпин, В.С. Соколов и др. — вели занятия сразу по двум языкам) невозможным. Один из его аргументов состоял в том, что выпускники кафедры древнегреческого языка оставались бы явно в ущемленном положении по сравнению с латинистами: последние могли реализовать себя в средних учебных заведениях⁵⁷. В качестве предложения С.И. Радциг внес проект по созданию должностей помощников или заместителей заведующего кафедрой, на которых лежало бы руководство преподаванием древних языков на историческом, философском и юридическом факультетах, а также ведение некоторых организационных дел⁵⁸. Не вдаваясь в сущность обсуждения, заметим, что сама постановка вопроса о разделении кафедры очень показательна.

В 1949 и 1950 гг. наблюдается некоторый откат назад, о чем свидетельствует, в частности, отсутствие в эти годы набора на классические отделения университетов СССР. Вероятно, такой поворот связан с изменениями в руководстве министерства. 15 июля 1949 г. в результате сфабрикованного «Ленинградского дела» отстранен от своей должности министр просвещения РСФСР А.А. Вознесенский⁵⁹ и назначен И.А. Каиров. Как это обычно происходило в то время, специальная комиссия установила множество нарушений в работе предыдущего руководителя, к числу которых относились, например, неудовлетворительное выполнение закона о всеобщем обязательном обучении, большой процент второгодников в школах, необеспеченность учащихся литературой⁶⁰ и т.д. Новый министр начал деятельность с решения этих вопросов и, в частности, с 1 сентября 1949 г. осуществил повсеместный переход к обязательному семилетнему образованию⁶¹.

⁵⁶ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 21. Д. 8. Л. 30.

⁵⁷ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 21. Д. 25. Л. 1–1 об.

⁵⁸ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 21. Д. 25. Л. 1 об.

⁵⁹ Позже, в 1950 г., расстрелян.

⁶⁰ Ivanova 2018, 16.

⁶¹ Ivanova 2018, 94.

Очевидно, вопрос о латинском языке в средних образовательных учреждениях не являлся первоочередным, поэтому оказался в подвешенном состоянии.

В результате половина выпускников 1949 и 1950 годов (а это, напомним, «массовые» выпуски) не получили работу по специальности, о чем с обеспокоенностью заявлял С.И. Радциг⁶². Но в 1952 г. случился новый виток реформы: латынь в качестве обязательного предмета была введена еще в 32 средних школах РСФСР⁶³. В итоге преподавание древнего языка территориально распределилось следующим образом: 13 школ Москвы, 8 школ Ленинграда, 2 школы Горького, 1 школа Ростова-на-Дону, 3 школы Саратова, 1 школа Краснодар, 2 школы Воронежа, 1 школа Грозного, 2 школы Тулы, 2 школы Рязани, 1 школа Свердловска, 1 школа Молотова, 1 школа Калинина, 2 школы Куйбышева⁶⁴. В учебном плане латыни отводилось по 3 часа в неделю в 8, 9, 10 классах. А зарплата учителей-латинистов (выпускников классических отделений) устанавливалась повышенной на 15%. Конечно, это привело к росту набора на классические отделения университетов: в Московском, Ленинградском, Киевском и Харьковском университетах устанавливалась цифра в 25 человек на 1 курс.

Данный приказ филологами-классиками был встречен с энтузиазмом и вызвал восторженные отзывы. Я.М. Боровский на заседании кафедры перед новым 1952/1953 учебным годом отмечал, что «кафедра в 21 год своего существования вступает с новыми надеждами»⁶⁵. По его словам, кафедра наконец-то получила определенную целевую установку в своей работе, а новое распределение на работу должно было повысить активность обучающихся. И.М. Тронский отметил, что введенные меры свидетельствуют о воспитательном значении классики в современном обществе, включают ее в общую сокровищницу советской культуры. С нескрываемой радостью преподаватели говорили об отпавшей необходимости во введении в учебный план отделения классической филологии курсов для получения второй специальности⁶⁶.

В приказе содержалась и директива о предоставлении «городскими отделами народного образования гг. Куйбышева, Молотова, Новосибирска, Краснодарским краевым отделом народного образования, Иркутским, Калининским, Рязанским, Томским, Тульским, Ярославским областными отделами народного образования» списка школ, в которых должно быть введено преподавание латыни с 1953/1954 и 1954/1955 учебных годов⁶⁷. То есть видна нацеленность на расширение реформы. Более того, такой список действительно оказался сформирован, и уже 23 сентября 1952 г. подписан приказ о постановке с 1 сентября 1953 г.

⁶² ОР РГБ. Ф. 662. Картон 15. Д. 20. Л. 1.

⁶³ Приказ министра просвещения РСФСР от 26 июня 1952 г. № 487 «О преподавании латинского языка в средних школах». Сборник приказов и распоряжений Министерства просвещения РСФСР. № 24. Июнь. М., 1952.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 259. Оп. 7. Д. 6010. Л. 4.

⁶⁵ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 15. Д. 995. Л. 1.

⁶⁶ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 15. Д. 995. Л. 6.

⁶⁷ Приказ министра просвещения РСФСР от 26 июня 1952 г. № 487 «О преподавании латинского языка в средних школах». Сборник приказов и распоряжений Министерства просвещения РСФСР. № 24. Июнь. М., 1952.

латыни дополнительно в 10 школах РСФСР, а с 1954 г. еще в 8⁶⁸. В 1954 г. издательство «Учпедгиз» выпустило 30 000 учебников латинского языка⁶⁹ (по плану 1953 г.), что в три (!) раза превышало тираж 1952 г. Но проекту не суждено было осуществиться.

В Государственном архиве РФ сохранилось дело о прекращении преподавания латинского языка в школе, которое позволяет восстановить ход этого процесса. Еще 9 сентября 1954 г. заместитель министра просвещения РСФСР Л. В. Дубровина подала записку на имя председателя Совета министров РСФСР А. М. Пузанова с просьбой о рассмотрении вопроса о переводе предмета латинского языка в школах из разряда обязательных в факультативные, причем уже с 1954/1955 учебного года⁷⁰. Из-за возражений Министерства высшего образования решено было организовать комиссию для изучения этого вопроса. Решений самой комиссии не сохранилось, но в очередной докладной записке Л. В. Дубровиной на имя А. М. Пузанова содержалось развернутое объяснение причин, скорее всего позаимствованных из документа по обследованию средних школ. По словам Дубровиной, практика показала, что три часа в неделю в каждом классе на преподавание латинского языка — недостаточный срок для основательного изучения этого предмета. Само введение латыни произошло за счет сокращения часов по другим предметам, прежде всего — естественнонаучного цикла, что, по словам автора записки, отрицательно сказалось на успеваемости учеников⁷¹. Другой ее аргумент — отсутствие практической пользы: знание языка «имеет некоторое значение для небольшой части выпускников средних школ, поступающих в медицинские, юридические институты и на филологические факультеты университетов. Однако в этих учебных заведениях изучение латинского языка начинается вновь в связи с тем, что основная масса поступающих на 1 курс латинского языка не знает, так как его изучение введено в незначительной части школ»⁷². Кроме того, Л. В. Дубровина обращает внимание на большое количество записок от родителей с просьбой об отмене латыни как предмета, ведущего к перегрузке подростков. Однако заметим, что возражения родителей имели место и до этого. О них упоминает С. И. Радциг в 1952 г.,⁷³ причем данное обстоятельство не помешало в этом же году расширить круг школ с преподаванием латыни. Этот же вопрос поднимали на совещании по утверждению методического руководства по латинскому языку. Но, очевидно, только смерть И. В. Сталина в марте 1953 г. позволила поставить вопрос об отмене латыни в средних образовательных учреждениях на высшем уровне. Кроме того, пресловутая перегрузка детей, как установила Г. М. Иванова, происходила отнюдь не от большого количества уроков или

⁶⁸ Приказ по Министерству просвещения РСФСР от 23 сентября 1952 г. № 830 «О введении преподавания латинского языка в средних школах РСФСР в 1953/54 и 1954/55 гг.». Сборник приказов и распоряжений Министерства просвещения РСФСР. № 43. Октябрь. М., 1952.

⁶⁹ Kondrat'ev, Vasnetsov 1954, 2.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 259. Оп. 7. Д. 6010. Л. 17.

⁷¹ ГА РФ. Ф. 259. Оп. 7. Д. 6010. Л. 11.

⁷² ГА РФ. Ф. 259. Оп. 7. Д. 6010. Л. 12.

⁷³ ОР РГБ. Ф. 662. Оп. 15. Д. 14. Л. 2.

заданий, а от интенсивной общественной работы школьников⁷⁴. Но думается, что даже не это стало основным аргументом для правительства. Важно учесть восстановление в 1954 г. совместного обучения мальчиков и девочек в школах, в результате чего дети буквально перемешались: в 9 и 10 классах оказывались и те, кто изучал латынь, и те, кто даже не приступал к ней. Фактически с сентября 1954 г. ряд директоров школ самостоятельно принял решение о прекращении преподавания латыни⁷⁵. Такую неприятную тенденцию наблюдали и на кафедре классической филологии ЛГУ, где новый учебный год (1954/1955) начался с выражения недоумения по вопросу свертывания латыни в некоторых школах и требований проведения дискуссий по этому вопросу⁷⁶. Очевидно, преподаватели понимали проблему неглубоко. Попытки кафедры изменить ситуацию путем введения кружков по изучению античности в школах выглядели наивными⁷⁷. Более дальновидные члены кафедры (как, например, Н.А. Чистякова) предлагали не увязывать вопрос о месте античности в советской культуре с вопросом преподавания латыни в школе⁷⁸.

Правительство стремилось не допустить конфликта в школах. Существовала реальная угроза того, что многие дети, не изучавшие древний язык, но оказавшиеся в классах, где уже год или два его изучали, автоматически попадут в разряд неуспевающих, чего не могли позволить чиновники образовательного ведомства, для которых проблема второгодников, как уже говорилось, стояла чрезвычайно остро. Кроме того, в эти годы набирает темп процесс политехнизации образования, подразумевающий уменьшение компонента гуманитарных дисциплин в школах и приближение школы к производству⁷⁹. Поэтому итог вполне закономерен: 22 апреля 1955 г. вышел приказ Министерства просвещения РСФСР № 107 «О прекращении преподавания латинского языка в средних школах».

Изучение опыта по введению латинского языка в школах РСФСР в конце 1940-х — середине 1950-х годов позволило определить причины его неудачи: непоследовательность осуществления реформы, отсутствие должной организационно-методической работы в школах и разъяснений нововведения для широкой общественности. Учебные пособия и книги для чтения публиковались, но качество их оставляло желать лучшего. Решающим фактором исключения латыни из учебных планов советских школ стала отмена раздельного обучения в 1954 г. В целом реформа в условиях послевоенных лет оказалась крайне несвоевременной: перед школой тогда стояли более насущные задачи.

⁷⁴ Ivanova 2018, 182.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 259. Оп. 7. Д. 6010. Л. 4.

⁷⁶ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 15. Д. 1478. Л. 2.

⁷⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 15. Д. 1478. Л. 10.

⁷⁸ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 15. Д. 1478. Л. 10.

⁷⁹ Подробнее см. Ryzhikov 2004, 95–104. Согласно статистическим данным А.Г. Аллахвердяна, рост численности кадров в области общественных наук с 1950-х годов происходил значительно медленнее, чем в естественнонаучной области, а именно: в два раза ниже средней величины (Allakhverdyan 2014, 112).

Литература / References

- Allakhverdyan, A.G. 2014: *Dinamika nauchnykh kadrov v sovetской i rossiyskoy nauke: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [Dynamics of Scientific Personnel in Soviet and Russian Science: A Comparative and Historical Study]. Moscow.
- Аллахвердян, А.Г. Динамика научных кадров в советской и российской науке: сравнительно-историческое исследование. М.
- Botvinnik, M.N. 1997: [Latin in the Soviet School]. In: *Pamyati Marka Naumovicha Botvinnika* [In Memory of Mark Naumovich Botvinnik]. Saint Petersburg, 107–113.
- Ботвинник, М.Н. Латинский язык в советской школе. В кн.: Памяти Марка Наумовича Ботвинника. СПб., 107–113.
- Deratani, N.F. 1948: [Department of Classical Philology, Moscow State Pedagogical Institute named after V.I. Lenin]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 184–185.
- Дератани, Н.Ф. Кафедра классической филологии МГПИ им. В.И. Ленина. ВДИ 1, 184–185.
- Deratani, N.F. 1957: [Classical Philology in the USSR in Forty Years]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 55–65.
- Дератани, Н.Ф. Классическая филология в СССР за сорок лет. ВДИ 3, 55–65.
- Editorial 1947: [Classical Philology and Its Mission in Soviet Science]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 3–8.
- Классическая филология и ее задачи в советской науке. ВДИ 2, 3–8.
- Editorial 1948: [Professor Alexander Vasilievich Mishulin (1901–1948)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 135–142.
- Профессор Александр Васильевич Мишулин (1901–1948). ВДИ 4, 135–142.
- Editorial 1950: [On the Training of Specialists in the History of the Ancient World]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 3–10.
- О подготовке кадров специалистов по истории древнего мира. ВДИ 4, 3–10.
- Editorial 1958: [In Memory of N.F. Deratani]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 246–248.
- Памяти Н.Ф. Дератани. ВДИ 1, 246–248.
- Ivanova, G.M. 2018: *Sovetskaya shkola v 1950–1960-e gg.* [The Soviet School in the 1950s and 1960s]. Moscow.
- Иванова, Г.М. Советская школа в 1950–1960-е гг. М.
- Karpyuk, S.G. 2021: [Politics and Science: Advances in the First Decade of “Vestnik Drevnei Istorii” (1937–1947)]. *Scripta antiqua: Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva, material'noy kul'tury* [Scripta antiqua: Ancient History, Philology, Arts and Material Culture] 9, 377–390.
- Карпюк, С.Г. Политика и наука: передовицы в первое десятилетие существования «Вестника древней истории» (1937–1947). Scripta antiqua: Вопросы древней истории, филологии, искусства, материальной культуры 9, 377–390.
- Kondrat'ev, S.P., Vasnetsov, A.I. 1948: *Uchebnik latinskogo yazyka dlya 8–10 klassov sredney shkoly* [Latin Textbook for 8–10 Grades of Secondary School]. Moscow.
- Кондратьев, С.П., Васнецов, А.И. Учебник латинского языка для 8–10 классов средней школы. М.
- Kondrat'ev, S.P., Vasnetsov, A.I. 1950: *Aula linguae Latinae. Kniga dlya chteniya po latinskomu yazyku* [Aula linguae Latinae. A Book for Reading in Latin]. Moscow–Leningrad.
- Кондратьев, С.П., Васнецов, А.И. Aula linguae Latinae. Книга для чтения по латинскому языку. М. – Л.
- Kondrat'ev, S.P., Vasnetsov, A.I. 1953: *Metodicheskoe rukovodstvo k prepodavaniiyu latinskogo yazyka v 8–10-h klassakh sredney shkoly* [A Methodological Guide to Teaching Latin in Grades 8 to 10 in Secondary Schools]. Moscow.
- Кондратьев, С.П., Васнецов, А.И. Методическое руководство к преподаванию латинского языка в 8–10-х классах средней школы. М.
- Kondrat'ev, S.P., Vasnetsov, A.I. 1954: *Uchebnik latinskogo yazyka dlya 8–10 klassov sredney shkoly* [Latin Textbook for 8–10 Grades of Secondary School]. 5th ed. Moscow.
- Кондратьев, С.П., Васнецов, А.И. Учебник латинского языка для 8–10 классов средней школы. 5-е изд. М.

- Leushina, L.T., Fominykh, S.F. 2009: [Classical Philology in Tomsk State University and St. Petersburg Classical Philologists]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology] 2 (6), 116–126.
- Леушина, Л.Т., Фоминых, С.Ф. Классическая филология в Томском государственном университете и Санкт-Петербургские филологи-классики. *Вестник Томского государственного университета. Филология* 2 (6), 116–126.
- Pikhoya, R.G. 2020: [Dialogue about the Book: G.M. Ivanova. The Soviet School in the 1950s and 1960s]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History] 6, 156–179.
- Пихоя, Р.Г. (ред.). Диалог о книге: Г.М. Иванова. Советская школа в 1950–1960-е гг. *Российская история* 6, 156–179.
- Pikus, N.N. 1951: [Review of: S.P. Kondratyev, A.I. Vasnetsov. Aula linguae Latinae. A reading book on the Latin language. M., 1950]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 164–165.
- Пикус, Н.Н. Рец. на: С.П. Кондратьев, А.И. Васнецов. Aula linguae Latinae. Книга для чтения по латинскому языку. М., 1950. *ВДИ* 2, 164–165.
- Pyzhikov, A.V. 2004: [Reforming the Education System in the USSR during the “Thaw” (1953–1964)]. *Voprosy istorii* [Questions of History] 9, 95–104.
- Пыжиков, А.В. Реформирование системы образования в СССР в период «оттепели» (1953–1964 гг.). *Вопросы истории* 9, 95–104.
- Skvortsov, A.M. 2022: [Classical Philology at the Final Stage of the Great Patriotic War: Actualization of the Discipline]. *Indoevropeskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] 26/2, 1299–1308.
- Скворцов, А.М. Классическая филология на заключительном этапе Великой Отечественной войны: актуализация дисциплины. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 26/2, 1299–1308.
- Sokolov, V.S. 1949: [On the Methodology of Textbooks on Ancient Languages]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 189–197.
- Соколов, В.С. К вопросу о методике и методологии учебников по древним языкам. *ВДИ* 4, 189–197.
- Solopov, A.I. 2010: [Preface to the 2010 Edition]. In: *C. Iulii Caesaris Commentariorum belli Gallici liber primus*. Praefatus est et commentario instruxit Sergius Sobolevski. Moscow, i–iv.
- Солопов, А.И. Предисловие к переизданию 2010 г. В кн.: *Гай Юлий Цезарь. Записки о войне с галлами. Книга первая*. С введением и комментариями С.И. Соболевского. (Римские классики). М., i–iv.
- Takho-Godi, A.A. 2009: *Zhizn' i sud'ba: Vospominaniya* [Life and Destiny: Memories]. Moscow.
- Тахо-Годи, А.А. *Жизнь и судьба: Воспоминания*. М.
- Tsypileva, E.S. 2009: [N.F. Deratani in Memoirs of Contemporaries]. In: *Experimenta Lucifera. Materialy VI Povolzhskogo nauchno-metodicheskogo seminara po problemam prepodavaniya i izucheniya disciplin antichnogo tsikla* [Materials of the VI Volga Region Scientific-Methodical Seminar on the Problems of Teaching and Studying the Disciplines of the Ancient Cycle]. Issue 5. Nizhniy Novgorod, 28–37.
- Цыпилева, Е.С. Н.Ф. Дератани в воспоминаниях современников. В сб.: *Experimenta Lucifera. Материалы VI Поволжского научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин античного цикла*. Нижний Новгород, 28–37.
- Yarkho, V.N. 2003: *Vnutri i vne Sadovogo kol'tsa. Vospominaniya obychnogo zaveduyushchego kafedroy* [Inside and Outside the Garden Ring. Recollections of a Regular Department Head]. Moscow.
- Ярхо, В.Н. *Внутри и вне Садового кольца. Воспоминания обычного заведующего кафедрой*. М.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Vestnik drevney istorii
83/1 (2023), 202–206
© The Author(s) 2023

Вестник древней истории
83/1 (2023), 202–206
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.31857/S032103910019191-3

J.A. ROSENBLITT. Rome after Sulla. London—New York: Bloomsbury Academic, 2019. xiv, 219 p. ISBN: 978-1-4725-8057-3

Насколько нам известно, монографий, специально посвященных первым годам послесулланского Рима, до недавнего времени не существовало, и выход в свет рассматриваемой работы преподавательницы Оксфордского университета Элисон Розенблит можно только приветствовать. Автор так представляет читателю свой труд: «Эта книга — о непрочности сулланского урегулирования. Поэтому, с одной стороны, это рассказ о 70-х годах и особенно тех, что последовали непосредственно за единовластием Суллы, 79–77 гг.¹ С другой стороны, это книга о характере римской политики в послесулланскую эпоху, в том числе о переменах в римском политическом дискурсе, крахе политики согласия, о ненадежной псевдостабильности, достигнутой ценой несправедливости, и провале попыток власти добиться полной легитимности в глазах управляемых» (с. 1).

В монографии идет речь о политических событиях в самом Городе. Она распадается на три части. Первая посвящена 80–79 гг., т.е. последним годам жизни Суллы (с. 17–41), вторая — 78–77 гг. и предыстории восстания Лепида (с. 45–90), третья — освещению в «Истории» Саллюстия событий 70-х годов и политическому дискурсу 70-х годов (с. 93–139); завершают книгу эпилог (с. 141–144) и два историографических приложения (с. 145–154). Таким образом, анализируются события не только послесулланского, но и сулланского времени, пусть, как мы увидим, лишь в отдельных аспектах.

Розенблит констатирует длительность гражданской войны — хотя Сулла одержал решающую победу еще в конце 82 г., Нола пала только в 80 г., а Волатерры и вовсе в 79 г. Прокрипции нанесли серьезную травму обществу и породили атмосферу гнетущего страха, тогда как Сулла рекламировал идею восстановления нормального положения дел. Римляне же с интересом наблюдали за инцидентами, которые могли трактоваться как вызов новому режиму и помогали понять пределы допустимой оппозиции ему — столкновением Суллы и Помпея из-за триумфа последнего и отказом Лентула Суры дать отчет по окончании квестуры (с. 17–20). Следует, однако, заметить, что в источниках нет данных, позволяющих оценить, какой резонанс имели эти эпизоды. Кроме того, история о конфликте между Суллой и Помпеем, хотя и не подвергаемая никем сомнению, мало похожа на правду — трудно поверить, что последний настолько утратил чувство реальности, чтобы шантажировать диктатора; немаловажно также, что столь важный в случае своей аутентичности эпизод не упоминается ни в одном источнике, кроме Плутарха, жившего спустя два века после описываемых событий.

Ситуация осложнялась неопределенностью характера и продолжительности власти Суллы, а также восприятием его как человека непредсказуемого. Эта черта была частью античного образа тирана. Так, Афелла неверно понял смысл возвращения к нормальному положению, среди прочего к соревновательным выборам. В 78 г., когда Сулла умирал, Граний из Дикеархии недооценил решимость Суллы и был в итоге задушен за неуплату долга. Неясность того, что ждет римлян в нынешних условиях, обыгрывает Цицерон в речи «За Росция Америкского» (7; 123) — намеренно недоговаривая, он предоставляет аудитории самой решать, какие опасности грозят обществу при новом положении дел. При этом автором проводится интересное сравнение с речью «За Марцелла», где в адрес Цезаря звучат щедрые похвалы, но столь же двусмысленные, как в отношении Суллы в ‘pro Roscio Amerino’; однако если в последней Цицерон предоставляет слушателям самим додумывать, что таится за его словами, то в речи в защиту Марцелла он подробно разъясняет свои мысли, боясь быть

¹ Здесь и далее все даты — до н.э.

неверно понятым. В 79 г. Сулла сложил с себя власть, и неопределенность начала приобретать иные формы — теперь возникал вопрос, насколько прочен созданный им порядок (с. 20–29).

Скорее всего, в центре внимания общества находилась судьба изгнанных сулланским режимом и возможность обвинений за действия, предпринятые во время гражданской войны и проскрипций. Это говорит о характере сулланского «урегулирования»: его творец хотел добиться стабильности, устранив или лишив всякого влияния политических оппонентов. Как показывают процессы по делам Росция и женщины из Арреция, судьба тех, кого Сулла лишил прав, открыто обсуждалась, что подразумевало возможность изменений. Правда, большинство ученых полагает, что в условиях доминирования сулланской идеологии не могло идти и речи о переменах. Но, как считает Розенблит, в 79 г. перспектива возвращения изгнанников и дальнейшие попытки мести с их стороны могли казаться более реальной угрозой, чем чуть раньше или позже.

Показателен, по мнению автора, и случай с провалом обвинения в адрес Лепида, который вызывал опасения у консерваторов. Из Псевдо-Аскония (259 St.), как полагает Розенблит вслед за другими учеными, следует, что обвинение в адрес Лепида не привело к суду над ним из-за благосклонности народа к нему ([Metelli] qui cum legibus interrogassent, victi apud populum gratia destiterunt). Она развивает эту идею: возможно, уже тогда шло восстановление базилики Эмилия, и рабочие вполне могли личным присутствием влиять на обстановку на Форуме (с. 34, 65, 72). Думается, однако, что здесь слишком много допущений; к тому же если Лепид действительно опирался на «чернь», то рисковал непоправимо подорвать свою репутацию в глазах *boni* — достаточно вспомнить упреки Метелла (Македонского?) в адрес Тиберия Гракха, которому, по его словам, «по ночам освещают дорогу самые дерзкие и нищие из простолудинов» (Plut. Tib. Gr. 14.4. Пер. С.П. Маркиша)². В нашем же случае речь шла, если соглашаться с Розенблит, фактически о вооруженном давлении низов на органы власти, и предугадать реакцию верхушки сената (в том числе и самому Лепиду) было бы несложно. Весьма спорен и тезис о предвыборной кампании Лепида, будто бы представлявшей угрозу для сулланцев, поскольку он наверняка предлагал вернуть изгнанников (с. 35)³. Стоит учитывать, что и это не более чем шаткая гипотеза; нелишне напомнить, что предвыборные кампании в Риме не предполагали каких-либо программ и конкретных обещаний избирателям⁴. Зато вполне убедительно предположение, что Помпей не обеспечил избрания Лепида (Plut. Pomp. 15. 1–2), а поддержал его как сильнейшего из кандидатов — так же он поступит и в 71 г. в отношении Красса (с. 35–36). Вполне справедливо и замечание об уязвимости позиций Помпея в 79 г., что и стало одной из причин его сотрудничества с Лепидом, который мог в будущем оказать ему необходимую поддержку (с. 36, 44).

Важную роль стал играть в умах политиков, по мнению Розенблит, контроль над собственно Римом, о чем свидетельствует упорная борьба за городскую префектуру, словно речь шла, как пишет Саллюстий, о власти над *res publica* (Sall. Hist. I. 54; с. 39–40). Однако, заметим, не вполне понятно, какими возможностями в те времена обладал префект для контроля над *Urbs*, чтобы его должность казалась столь значительной; недаром, как признаёт автор, большинство комментаторов видят в словах Саллюстия иронию (с. 164, прим. 54).

Переходя к мятежу Лепида, автор отмечает, что словосочетание *tumultus Lepidi* основывается на тексте Саллюстия, хотя именно в таком виде оно в нем отсутствует. Весьма спорно именование Лепида мятежником — сам он мог не считать сулланский порядок законным. «Мы проявляем чрезмерную готовность видеть в сулланской системе, созданной победителем в гражданской войне, захватившим Город и устроившим террор, легитимное выражение государственной власти» (с. 59). В случае успеха Лепид воспринимался бы точно так же. Суждение вполне верное, однако стоило бы обсудить достаточно убедительную версию П. Бёртона, согласно которой Лепида, в сущности, «назначили» мятежником по инициативе Л. Марция Филиппа, расценив как бунт его желание

² К тому же упоминание Псевдо-Аскинием (259 St.) *apud populum gratia* Лепида еще не означает присутствие *populus* у преторского трибунала при попытке Метеллов предъявить иск. Но даже если так, то *apud populum gratia*, которую с давних времен понимают как благосклонность народа (Klebs 1893, 554), может означать не народ как таковой, а лишь политический класс.

³ Розенблит указывает на личную заинтересованность Лепида в восстановлении прав проскриптов и их детей, поскольку приемный сын проскрибированного Л. Сципиона Азиатского, судя по всему, был родным сыном Лепида (с. 33). Однако вряд ли ради него (к тому же принадлежавшего теперь к другой фамилии) последний стал бы рисковать своей политической будущностью, предлагая такие конфликтные меры.

⁴ См. Mouritsen 2017, 43–44, 93 (эта книга в монографии практически не используется).

позволить ему вторично выдвинуть свою кандидатуру в консулы⁵. Сама Розенблит признаёт, что Лепид во время своего консулата действовал вполне легальными средствами, проведя хлебный закон и выступив против восстановления прав трибунов — по мнению автора, в последних Лепид видел конкурентов в борьбе за благосклонность народа (с. 67). Правда, использование Лепидом легальных методов не означает, что он был «умеренным», поскольку исправить несправедливости сулланского порядка «умеренными» средствами (прежде всего вернуть изгнанников) было невозможно, и Лепид это наверняка понимал (с. 79). При этом под изгнанниками Розенблит понимает не столько самих проскриптов, которых выжило немного, сколько их детей и внуков, живших, вероятно, за пределами Города. Однако ее аргументация весьма уязвима. Она, в частности, ссылается на серторианский сенат как пример существования множества изгнанников. Но этот орган возник, скорее всего, после восстания Лепида, когда Перперна после его подавления присоединился к Серторию⁶. Дети и внуки проскриптов также к числу изгнанников не относились⁷. Если же речь шла о восстановлении их в правах, то о соответствующем предложении Лепида, сделанном еще в 78 г., пишет *expressis verbis* только Граний Лициниан (34F)⁸. Однако он сообщает, будто Лепид обещал также вернуть отданную ветеранам Суллы землю бывшим владельцам и вообще отменить сулланские порядки. Это немедленно привело бы к громкому скандалу, а не к назначению Лепида во главе армии для подавления восстания в Этрυрии. Судя по всему, сработала нехитрая логика: если Лепид в 77 г. стал мятежником, то он готовился к этому с самого начала. Видимо, указанные обещания прозвучали явно уже после начала восстания (в отношении прав трибунов так считает и сама Розенблит, см. ниже)⁹.

В то же время вполне убедительны суждения Розенблит относительно *lex Aemilia frumentaria*. Она резонно возражает против точки зрения, согласно которой Сулла не отменял хлебные дотации, поскольку в 73 г., когда они были восстановлены, речь шла всего лишь о пяти модиях, фигурировавших и в законе Гая Гракха, т.е. о минимальной норме. О ней же говорилось и в законе Лепида, но он, судя по всему, был отменен после разгрома лепиданского движения. Розенблит подчеркивает, что неспособность сената решить хлебный вопрос до 73 г. — один из крупнейших провалов сената в деле руководства государством; по ее мнению, хлебный закон был не менее важен в понимании того, что такое государство и зачем оно нужно, чем вопрос о судах или правах трибунов, тем более что его связь с последними налицо (с. 63–65, 86–87).

Переходя к анализу труда Саллюстия как источника по событиям 70-х годов, Розенблит начинает его с речи Лепида. Она свидетельствует о раздоре, возникшем еще до ухода Суллы от власти и вызванного недовольством его порядками, и представляет собой ответ тем, кто считал, будто правление диктатора принесло отдохновение от смуты. Саллюстиев Лепид доказывает, что сулланская идея стабильности основывается на увековечивании несправедливости. Он тоже выводит связь между претензиями на *concordia* и *felicitas*, но только чтобы подвергнуть ее обличению. *Felicitas* Суллы — миф, коим он прикрывает свои злодеяния или обосновывает претензии на восстановление *concordia* в государстве. Другое дело, что к самому Лепиду Саллюстий относится отрицательно, и любой внимательный читатель понимает пристрастность изображения власти Суллы в его речи. Но ее обличительная сила в отношении *concordia* и *felicitas* диктатора сохраняется (с. 93–99). Думается, что перед нами один из парадоксов писателя. Как известно, Катилина обвиняет правящую верхушку Рима примерно в тех же выражениях, что и сам Саллюстий¹⁰, и это, естественно, не значит, что последний согласен со своим героем — одни и те же слова в устах разных людей могут обрести неодинаковый смысл, ибо Катилина стремился не исправить положение дел в Риме, а захватить власть, что привело к новой, хотя и небольшой гражданской войне. То же, вероятно, имелось в виду и в случае с Лепидом, параллель которого с Катилиной в глазах Саллюстия отмечает вслед за другими учеными и сама Розенблит (с. 50–53).

Затем автор останавливается на фрагменте I. 12M. По мнению Розенблит, речь в нем идет о гражданской войне не 80-х, а 40-х годов. Если Р. Сайм прав, что Саллюстий хотел довести «Историю» до 51 или 50 г., то в таком случае в ней описывался путь к гражданской войне 40-х годов. Ско-

⁵ Burton 2014, 414, 420. Отметим, что статья П. Бёртона Розенблит известна.

⁶ Schulten 1926, 80; Gabba 1958, 298.

⁷ В подтверждение тезиса о выступлении Лепида за возвращение изгнанников Розенблит ссылается на Флору (III. 23. 3–5), однако это весьма сомнительный источник — достаточно сказать, что у него Помпей сражается с Лепидом бок о бок с Катилом у стен Рима (§ 6).

⁸ У Эксуперанция (6.45Z) хронология событий неясна.

⁹ См. Hayne 1972, 665 (хотя и более осторожно).

¹⁰ Cat. 13. 1 и 7; 20.8 и 11; *Iug.* 41. 7; Ramsey 2007, 120–121.

рее всего, этот пассаж выходит за пределы хронологии «Истории», предсказывая тяжелое состояние, до которого дойдет римское государство (с. 102–104).

Главной темой последнего сочинения Саллюстия является восхождение Помпея к вершинам власти, в связи с чем встает вопрос о непомерном могуществе одного человека. Анализ личности Помпея в «Истории» — один из мотивов в изучении Саллюстием природы единовластия. Лживость и неискренность — главные черты Помпея в изображении Саллюстия, который старательно представляет Серторианскую войну как чисто внешнюю, изображает в своем письме сенату дело так, будто его чуть ли не силой отправили в Испанию, уверяет, что действовал *neque ex ambitione* (*Hist.* II. 98. 1, 5), хотя именно свою *ambitio* Помпей постоянно демонстрирует, и т.д. Саллюстий видит в его лицемерии не просто частный случай, а пример истории крушения гражданской политики. Митридат в «Истории» (IV. 69. 5–6) утверждает, что римляне жаждут лишь власти и богатств, коих они добиваются притворством и лживостью. Помпей может оказаться «метонимией» такого восприятия Рима (с. 105–110). Тезис, заметим, весьма спорный, поскольку рассуждения понтийского царя явно не отражают мысли самого писателя — Митридат обличает римскую экспансию III–II вв., т.е. времени, с точки зрения Саллюстия, благополучного¹¹.

Тема неискренности встает и в связи с речью консула 75 г. Гая Котты у Саллюстия, который лицемерно совершает *devotio*, но умирать, разумеется, не собирается. Если Помпей стирает разницу между внешней и гражданской войной, то плебейский трибун Лициний Макр (естественно, в изображении Саллюстия) утверждает, что внешние войны нужны для обеспечения господства олигархии. При этом себя он позиционирует как искреннего политика, но как оценивал его сам Саллюстий, мы не знаем. В его словах, предположительно о Сертории (*Hist.* I. 90: *inter arma civilia aequi bonique famas petit*), чувствуется горькая ирония: человек добивался доброй славы среди ужасов гражданской войны. Саллюстий же в «Истории» искал человека, способного воплотить идеал политического лидера даже в условиях крушения *res publica*. В условиях автократии особое значение приобретают честность и мотивация ведущего политика. И, как показал опыт Суллы, тирания, нестабильность и лживость тесно связаны между собой (с. 110–114).

Переходя к важному вопросу о политическом дискурсе в послесулланскую эпоху, Розенблит отмечает такую особенность, как уподобление внутреннего врага внешнему, называя этот прием *hostile politics*. Так, Лепид у Саллюстия говорит, что народ под властью Суллы — порабощенный пленник, а сам Рим — военная добыча. В итоге о *concordia* не может идти и речи. Саллюстий относит эту *hostile model* и к более раннему времени, вкладывая соответствующие суждения в уста Меммия. При этом и он, и Лепид, и Макр не призывают к насильственным методам, но, как резонно полагает автор, не стоит преувеличивать это обстоятельство, ибо открытые призывы к насилию были просто опасны.

Hostile politics возникла после гракханских времен, а в 80-х годах набрала силу, о чем говорит обаяние политических оппонентов *hostes* в 88, 87, 83, 77 г. Свою роль в ее развитии сыграли и речи Суллы. Среди прочего после гражданской войны он требовал от народа послушания, слово от рабов, что нарушало все нормы публичного произнесения речей. Если верить Цицерону (*Verr.* II. 3. 81), о продаже имущества проскриптов он говорил *praedam suam vendere*. Его триумф являл, как и у Помпея, пример смешения гражданской и внешней войн. Позднее Клодий и его люди сожгут построенную при Сулле курию — символический результат сулланской *hostile politics*, основанной на страхе (с. 115–130). Ее рассмотрение у Саллюстия явно повлияло на рассмотрение принципата Тиберия у Тацита, который, по мнению Розенблит, был его самым внимательным читателем. В «Анналах» Тиберий напоминает завоевателя, до неестественности враждебно относящегося к Риму (с. 137–138).

Контраст *hostile politics* являет Цицерон с идеями гражданского единства. Моральное единение, на котором покоилась римская конституция, ставит ее особняком среди других видов смешанного государственного строя. Другое дело, что, когда Цицерон писал это, Рим уже не соответствовал таким идеалам. Саллюстий же писал и вовсе в 30-х годах, зная о последующих событиях, новой гражданской войне и гибели самого Цицерона. Неудивительно, что в его «Истории» подчеркивается дезинтеграция в Риме после Суллы. *Hostile politics* — дискурс терпевшего крушение государства (с. 138–139).

Подводя итоги, Розенблит отмечает, что Саллюстий описывает политический мир, где многие рассматривали римский народ как покоренный своими предводителями. *Hostile relationship* по-

¹¹ См. La Penna 1963, 249–254.

родила кризис легитимности. Победа Суллы не положила конец смуте вплоть до 49 г., как нередко считается — за ней последовали восстания Сертория, Лепида, Спартака, Манлия и Катилины. Рим не прошел перековку, необходимую для стабилизации общества после гражданской войны 80-х годов, вплоть до эпохи Августа, времени также не самого лучшего в истории Рима, учитывая потерю свободы. Так что Саллюстий ясно видел: Сулла положил начало крушению Республики (с. 60–61, 141–144).

Завершается книга двумя приложениями. В первом из них автор излагает доводы против точки зрения П. Бёртона, согласно которой Лепид ни на каком этапе своей деятельности не собирался восстанавливать права трибунов (Розенблит принимает сообщение Саллюстия о том, что Лепид выдвинул соответствующее требование уже в Этрурии); во втором приводятся возражения против тезиса П. Бёртона, считающего, что в речи Лепида нашли отражение реалии конца 70-х годов (с. 145–154).

В заключение можно констатировать следующее. Это первая монография, где так подробно анализируются многие важные аспекты внутриримской политики освещаемого периода. Правда, название не совсем отражает содержание — рассмотрение предмета начинается с 80 г., который никак не относится к периоду после Суллы, а 77 г., заявленный автором как конечная точка исследования, полностью выпал из ее поля зрения. Тем не менее перед нами интересная и содержательная, хотя и весьма спорная книга. Дискуссионность многих суждений Розенблит во многом следствие не только скудости, но и ненадежности источников. Порой, однако, ее причины, как представляется, обусловлены недостаточным вниманием к историческому контексту. Не всегда, как мы видели, учитываются и точки зрения предшественников, да и вообще налицо явное пренебрежение к неанглоязычным работам (не используются даже статьи из энциклопедии Паули–Виссова, не говоря уже о трудах М. Гельцера, К. Майера, Ю. фон Унгерн-Штернберга и др.). Вызывают нарекания и ссылки на источники¹². Таким образом, перед нами интересная попытка анализа событий начала 70-х годов, которая, однако, сильно проигрывает из-за указанных недостатков.

Литература / References

- Burton, P. 2014: The Revolt of Lepidus (Cos. 78 BC) Revisited. *Historia* 63/4, 404–421.
 Gabba, E. (ed.) 1958: *Appiani bellorum civilium liber primus*. Florence.
 Hayne, L. 1972: M. Lepidus (Cos. 78): A Re-Appraisal. *Historia* 21/4, 661–668.
 Klebs, E. 1893: Aemilius (72). In: *RE*. Hlbd. 1, 554–556.
 La Penna, A. 1963: Le «Historiae» di Sallustio e l'interpretazione della crisi repubblicana. *Athenaeum* 41, 201–274.
 Mouritsen, H. 2017: *Politics in the Roman Republic*. Cambridge.
 Ramsey, J.T. 2007: *Sallust's Bellum Catilinae*. Oxford.
 Rawson, E. 1987: Sallust on the Eighties? *Classical Quarterly* 37/1, 163–180.
 Schulten, A. 1926: *Sertorius*. Leipzig.

Anton V. Korolenkov,

State Academic University
for the Humanities

Moscow, Russia

E-mail: sallust@list.ru

ORCID: 0000-0002-3628-2754

A.B. Короленьков,

к.и.н.,

доцент Государственного академического
университета гуманитарных наук

Москва, Россия

¹² Так, на с. 72 сообщение об обвинении Катуты Цезарем в растратах подкрепляется ссылкой на Светония (*Div. Iul.* 15), хотя на деле об этом сказано у Кассия Диона (XXXVII. 44. 1); здесь же упоминание о том, как Лепид украсил дом изображениями предков на щитах, сопровождается ссылкой на Ф. Мюнцера (с. 172, прим. 45), а не на Плиния Старшего (*NH* XXXV. 13), к которому эти сведения и восходят; на с. 134 цитируется фраза из Э. Роусон (Rawson 1987, 179), где Асконию приписывается именование Серторианской войны как «полугражданской», хотя у самой Роусон это явный *lapsus calami*, поскольку ссылку она дает на Авзония (ер. 22), на что следовало бы обратить внимание. На с. 129 сообщается, что во время триумфа Суллы несли картины, на которых изображалось поражение Мария Младшего, чего, однако, в источниках нет.

DOI: 10.31857/S032103910019003-6

R. GAGNÉ. Cosmography and the Idea of Hyperborea in Ancient Greece. A Philology of Worlds. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. i–xv + 553 p., ill. ISBN: 978-1-108-83323-3

Книга Рено Ганье, профессора Кембриджского университета, продолжает серию его трудов в области античной литературы и религии¹. Этот труд, как видно из заглавия, посвящен образу гипербореев и идее Гипербореи в античной литературе, а также филологическому осмыслению космографических аспектов этого мифологического дискурса. Существует много частных исследований, посвященных этому загадочному народу, но никогда эта тема не рассматривалась на монографическом уровне, предполагающем многоаспектность исследования. И в самом деле, концепт Гипербореи прослеживается здесь в самых разных жанрах и на протяжении всей истории греческого восприятия этого концепта — от архаического до императорского.

Уже Введение к книге называется “Cosmography”, и первая фраза звучит почти провокационно: “Pindar is a cosmographer” (с. 1). Далее автор показывает, как прославление победителей в спортивных состязаниях в эпиникиях Пиндара образует «песенные тропы» (“paths of song”), отражающие пространственную структуру мира, включая богов и людей, и соединяющие мир автора и мир аудитории с возможными мирами нарратива. К одному из таких миров и принадлежит крайний предел ойкумены — Гиперборея, отвечающая стремлению Пиндара вписать близкий мир в пространство всего мира. Под космографией Ганье понимает, как он пишет во Введении, «риторику космологии», т.е. искусство придумывания миров, включая «космографию культа» и «космографию литературы». Уже здесь видна та многоаспектность исследования, которая характерна для книги Ганье.

В первом разделе Введения, который называется “A Hyperborean Tree” (с. 4–24), автор анализирует 3-ю Олимпийскую оду Пиндара в качестве конкретного примера «филологии космографии». В этой оде поэт рассказывает миф о путешествии Геракла в страну гипербореев, жителей Аполлона, и о доставке оттуда в Олимпию оливкового дерева, которое должно было давать тень спортсменам и увенчивать победителей своей листвою (Pind. *Ol.* 3. 9–35). Кстати, этот эпизод «истории» Олимпии и ее игр не упоминает ни один другой античный автор.

Подробный анализ композиции и смыслов сложного метафорического текста оды (написана в 476 г.) показывает, как именно встраивает поэт хвалу Ферону в общий космологический контекст. И здесь мы сталкиваемся не только с «космографией литературы», но и, возможно, с «космографией политики», поскольку Ганье усматривает в оливковом дереве, принесенном Гераклом из Гипербореи в Олимпию, некий противовес политике и идеологии ионийско-афинско-делосского объединения (478 г. — образование Делосской Лиги), в центре которого, на Делосе, «гиперборейские дары», и в частности оливковое дерево, воспринимались как символическое начало всех начал (в том числе, по предположению Ганье, и знаменитого фороса объединенных в Лиге городов). Киренейская лань, которую Геракл будто бы достиг в Гиперборее, будучи также «находкой» Пиндара, в такой же степени служит космографическому осмыслению победы колесниц Фера на Акрагантском на Олимпийских играх, как и гиперборейская олива Геракла.

¹ См. его книги: *Ancestral Fault in Ancient Greece* (Cambridge, 2013); *Choral Meditations in Greek Tragedy* (Cambridge, 2013; в соавторстве с М. Hopman); *Sacrifices humains* (Liège, 2013; в соавторстве с Р. Bonnechere); *Regimes of Comparatism: Frameworks of Comparison in History, Religion and Anthropology* (Leiden, 2018; в соавторстве с S. Goldhill и G.E.R. Lloyd); *Les dieux d'Homère II. Anthropomorphismes* (Paris, 2019; в соавторстве с М. Herrero de Jáuregui).

Я, правда, не вижу в тексте Пиндара описания двух визитов Геракла к гиперборейцам, как видит их Ганье (с. 6–7): он считает, что в 13 строке и в 19 речь идет о разных путешествиях Геракла в Гиперборею. На мой взгляд, это рассказ об одном визите, просто в первый раз говорится, что Геракл принес оливковое дерево из Гипербореи, уговорив ее жителей дать ему это дерево, а затем поэт рассказывает, в связи с чем он это сделал (земля вокруг Олимпии была голой, безлесой), и еще раз описывает его путешествие, связав его с погоней за Лернейской ланью, во время которой он достиг земли гипербореев и, увидев там оливу, захотел украсить ею олимпийскую землю.

Второй раздел Введения называется “Philological Worlds” (с. 24–79) и посвящен технике литературно-антропологического создания миров (Ганье употребляет здесь термин *worlding*, переняв его у Филиппа Десколы²), которые каждый раз состоят из индивидуальной, особой рекомпозиции существующих в данной культуре элементов. Свою книгу Ганье характеризует так: «Эта книга — исследование поэтики создания миров (*worlding*)» (с. 27). Автор настаивает на отличии такого рода космографии от той, которую позже развили представители естественнонаучных дисциплин — географы, картографы, астрономы, — а также философы. В связи с этим Ганье прослеживает употребление и смысл понятия «космография» в античности и в средние века вплоть до Нового времени (с. 29–40), обращая внимание на включение в космографические (в основном картографические) памятники гиперборейских элементов. Сам Ганье, как уже говорилось выше, видит цель своей работы в исследовании того, как космология отражалась в космографии — репрезентации миров, представленной часто во фрагментарном виде, в противоречии одних репрезентаций другим, в различной эстетической и риторической оболочке, образуя большое сплетение текстов, существующих в диалоге друг с другом (с. 42).

Далее Ганье критически оценивает такие смежные и, очевидно, близкие его постановке вопроса направления в науке, как «картина мира (*worldview*, *Weltanschauung*)», представление о космосе (*cosmovision*), география (в виде *Erdkunde*), «пространственный поворот (*spatial turn*)», «непрофессиональная география (*Common Space Geography*)», мифическая география, поиски «реалий», скрывающихся за мифом, история религии (особенно «сакральное пространство»), геокритицизм, и пытается найти свой путь в индивидуализирующем взгляде на Гиперборею как плюралистический объект, фрагментированный многочисленными противоположными перспективами ее восприятия и презентации, несводимый к «изначальной», «исконной» и единственной версии путем соединения и исправления (*mending*) разнообразных фрагментов³. При этом Ганье настаивает на том, что миры, создаваемые индивидуально, тем не менее существуют в диалоге с другими мирами, который он называет «памятью о мирах» (*a memory of worlds*), или «архивом», существовавшим в сознании античных авторов (в случае с Гипербореей) на протяжении тысячи лет. Задачу своей книги автор определяет следующим образом: «Она состоит в том, чтобы проследить эволюцию особой космографической связи в меняющемся архиве памяти о мирах» (с. 69).

После этого методологического обширного Введения следуют пять глав, в которых последовательно рассматриваются античные тексты, упоминающие или подробно описывающие Гиперборею и гипербореев, анализируются связи этих текстов со святынями Аполлона и их сакральный смысл, их отражение в поэтической, исторической, философской, географической литературе на протяжении всей античной истории (в конце книги есть также очерк бытования концепта Гипербореи в последующие эпохи вплоть до Роджера Бэкона в XIII в.).

Изучение гиперборейской идеи проводится автором в согласии с продекларированным во Введении принципом «медленного чтения»⁴, поэтому в настоящей рецензии нет возможности коснуться каждого из аспектов всестороннего анализа. Позволю себе подробнее остановиться лишь на нескольких моментах, которые к тому же имеют немалое значение для истории Восточной Европы.

² Descola 2010, 334–340; 2014.

³ На с. 50 Ганье упоминает расистские, особенно культивировавшиеся нацистами, но живущие до сих пор представления о древней Гиперборее как прародине белой, нордическо-арийской расы и отказывается обсуждать эту тему, которая потребовала бы написания отдельной книги. Здесь автор цитирует критическую работу российского исследователя В.А. Шнирельмана об использовании этого мифа российскими националистами (Shnirelman 2014, 121–138).

⁴ См. с. 62: “Philology, the art of reading slowly, is a powerful tool for analysing and translating the rhetoric of cosmology produced by distant cultures” (см. также с. 70).

В I главе (“Hyperborea between Cult and Song”, с. 83–138) автор исследует роль гиперборейского экскурса в гимнах и легендах святилищ, в особенности в главных святилищах Аполлона в Дидимах, в Дельфах и на Делосе. Главным нервом исследования является то, как в результате сложения ритуала и храмовой легенды гиперборей становились олицетворением северной удаленности и в то же время божественного присутствия в святилищах, которые претендовали на центральную позицию в мире и космосе. Боги могли приходить в «свое» святилище и покидать его, и гимны, сложенные в этих святилищах и воспевающие их основание и богов, в честь которых они были основаны, неизбежно должны были иметь в виду эту связь между центром и периферией, откуда приходит бог, и создавать «космографические тексты» (с. 87). Анализу священных гимнических и прочих текстов о трех святилищах Аполлона и посвящена эта глава.

Если связь с гиперборейями Аполлона (его святилищ) в Дельфах и на Делосе зафиксирована и хорошо документирована (Ганье подробно анализирует все релевантные тексты), то связь святилища Аполлона в Дидимах с гиперборейями исследуется автором на материале знаменитой греческой надписи на каменной таблице второй половины VI до н.э., происходящей с острова Березань. Ганье ссылается на многочисленные работы, посвященные этой надписи, включая труды первоиздателя надписи А.С. Русяевой и Ю.Г. Виноградова, и публикует ее греческий текст с различными вариантами чтения и английским переводом. Напомню, что текст обращен к «Аполлону из милетской Дидимы», он дважды назван «победителем Борея (=севера)» (Νικηφόρος Βορέω)⁵, а также «Несущим лук», «Врачевателем», «Дельфином». Упоминается и его мать Лето, и «город Ольвия», которой желают «мира» (εἰρήνῃ Ὀλβίῃ[ι] πόλι). По мнению некоторых исследователей, текст таблички может представлять собой оракул Аполлона в Дидимах⁶. Ганье со ссылкой на труды специалистов по практике оракулов считает, что веских аргументов для этого нет (с. 103).

Обращение к дидимскому Аполлону в надписи из Ольвии неслучайно, ведь Ольвия была основана Милетом и поддерживала с ним тесную связь, а эпиклеса «Врачеватель» и «Дельфиний» отразились и в ольвийской нумизматике и эпиграфике. Ганье приводит еще несколько надписей из Ольвии, которые называют милетского (дидимского) Аполлона с разными его эпиклесами⁷.

Упоминание в надписи матери Аполлона Лето, которая, согласно известному мифу, преследуемая Герой, оказалась на крайнем севере, а потом с помощью Борея попала на Делос, где родила Аполлона и Артемиду, тесно связывает в единое целое север, Лето, Аполлона, Ольвию, Борея и гипербореев, которых Аполлон часто навещает из благодарности за их участие в судьбе матери. Ольвия, по мнению Ганье, понималась как последний концептуальный форпост на границе между греческим миром и «бореальным» пространством, как символический маркер конца мира, связанного с центрально расположенными Дидимами. Тем самым, по мнению Ганье, основание города вписывается в рамки событий божественного и космологического характера, а сама Ольвия создает вместе с Милетом единый космографический комплекс. Таково толкование Ганье этого уникального ольвийского документа. Представляется, что такой взгляд на интерпретацию надписи, с одной стороны, вполне вписывается в контекст методологических построений автора, с другой — вносит новые нюансы в понимание ее смысла.

Во II главе, озаглавленной “Cosmography and Epiphany” (с. 139–200), автор рассматривает описания передвижений Аполлона, его *эпифаний*, когда он отправляется к гиперборейям или возвращается от них в Грецию. Особое внимание обращено на описанную Аполлонием Родосским (*Arg.* II. 674–684) эпифанию Аполлона на острове Финиада у побережья Вифинии, где аргонавты остановились на пути в Колхиду (с. 144–149). Аполлон как «странствующий бог» (*travelling god*) остановился на короткое мгновение на острове, летя из Ликии в страну гипербореев, и аргонавты стали свидетелями его явления, воздвигли ему алтарь, а аргонавт Орфей

⁵ Существует несколько версий того, как понимать это выражение: «несущий победу с севера (с точки зрения южного Милета)», «победитель севера (Аполлон как архетип в северной Ольвии)», «победитель на севере» и др. (см. их критический обзор на с. 98–99).

⁶ Ганье указывает следующих сторонников этого мнения: Rusyaeva 1986, 39–42; Burkert 1994; Herda 2006, 272–273; Bravo 2007, 82–87. Должен отметить, что А.С. Русяева на указанных страницах ничего не пишет о тексте таблицы как об оракульном тексте, а на с. 32 довольно осторожно говорит, что «из-за отсутствия сравнительной характеристики со сходными документами можно лишь предполагать, что оно имеет отношение к этому (дидимскому. — А. П.) оракулу» (ср. также с. 58).

⁷ IGDOP 59, 65, 83, 93, 95, 99.

сочинил в его честь пеан, в котором напомнил и о подвигах Аполлона, убившего в Дельфах Пифона, и о Корикийских (= Дельфийских) нимфах, поющих строку из гимна в честь Феба. Это богоявление Ганье рассматривает как собранное из ментального «архива» хорошо известных (в том числе гиперборейских) мотивов соединения космографических, географических и ритуально-религиозных аспектов пути Аполлона к гипербореям: Ликия и Дельфы, находящиеся на юге, связываются через южное побережье Черного моря с самыми северными жителями ойкумены — гипербореями — через эпифанию Аполлона, которая оказывается маркером пространства, описывая контуры мира.

Далее Ганье рассматривает графические образы эпифании Аполлона в вазописи и элементах храмов (в основном — в рельефах на метопах) в поисках фиксации «отправления» бога из Гипербореи, но ввиду неопределенности изобразительных элементов большинство таких изображений трудно отнести именно к гипербореям. Наиболее ярким примером эпифании Аполлона, его «прибытия» в Дельфы, является реконструированная скульптурная группа на восточном фронте храма Алкмеонидов в Дельфах, на котором Аполлон прибывает в город на колеснице. Ганье подробно изучает это изображение (с. 173–179), но и здесь вынужден констатировать, что гиперборейское окружение фигуры едва ли просматривается в сюжете фронтона.

Глава III называется «The Wondrous Road: Archaic Travel Narrative» (с. 203–265) и посвящена древним повествованиям, в которых рассказывалось о локализации гипербореев и о путях в Гиперборею и оттуда. Естественно, одним из самых ярких и древних рассказов об этом является знаменитый текст Геродота о дарах, которые гипербореи ежегодно посылали через множество посредников на Делос (Herod. IV. 33). Ганье подробно анализирует данные Геродота и других авторов (Каллимаха, Павсания, Стефана Византийского, Пиндара, Вакхилида, Псевдо-Гесиода) о пути следования гиперборейских даров и самих гипербореев в Грецию. Автор обращает внимание на два пути даров гипербореев в Элладу — первый через Додону на западе Греции до Делоса и второй через Синопу в Афины, а затем на Делос. Второй путь, описанный Павсанием, представляется странным и неожиданным. Павсаний (I. 31. 2) пишет, что, «как говорят, гипербореи передают свои дары аримаспам, аримаспы исседонам, от них скифы доставляют их в Синопу, оттуда они привозятся греками в Прасии⁸ и афиняне отвозят их на Делос». Дельфы и Додона остались в этой версии в стороне от обычного пути гиперборейских даров. Ганье правильно, на мой взгляд, оценивает эту переориентацию пути (теперь через Афины/посредством Афин на Делос) или, по выражению Ганье, «реконфигурацию 'архива' в соответствии с обстоятельствами» как продиктованную политическими и экономическими интересами Афин, которые имели с Синопой тесные связи, в том числе в хлебной торговле. Ганье ссылается на время Перикла как на момент, когда эти связи были наиболее интенсивными (с. 210).

В этой связи напрашивается вопрос, не была ли знаменитая экспедиция Перикла в Черное море (ок. 437–436 гг. до н.э.), в ходе которой афиняне сыграли большую роль в политических событиях городов Южного (а также, весьма вероятно, Северного и Западного) Причерноморья, и в особенности Синопы, устроив даже в некоторых из них колонии из афинских клерухов, причиной и катализатором возникновения «синопской» версии мифа⁹. Следует также учесть, что Синопа контролировала кратчайший морской путь в Северное Причерноморье (от малоазийского Карамбиса к крымскому Бараньему Лбу), так что доставка северночерноморскими скифами в Синопу гиперборейских даров создает, по словам Ганье, новую «космографию», связанную с гипербореями. Напомню, что и Аполлоний Родосский описывает маршрут Аполлона к гипербореям через южнопонтийскую Вифинию и Черное море (см. об этом выше), и Софокл заставляет Борея лететь к гипербореям через Понт Эвксинский на север Восточной Европы (см. об этом ниже), т.е. эта траектория направления к гипербореям также в какой-то момент становится актуальной.

В последнем разделе этой главы, который он считает главным в ней, Ганье рассматривает эпическую поэму Аристия Проконнесского «Аримаспея», где рассказывалось о путешествии в отдаленные части северо-восточной ойкумены и в том числе упоминались гипербореи. Этот

⁸ Прасии — гавань и дем на восточном побережье Аттики, откуда отправлялись священные посольства (феории) на Делос и где находился храм Аполлона (Paus. I. 31. 1).

⁹ Отечественная историография этой экспедиции довольно обширна, см., например, работы С.А. Жебелёва, Т.В. Блаватской, В.Д. Блаватского, М.И. Максимовой, И.Б. Брашинского, П.И. Карышковского, В.Ф. Гайдукевича, Ю.Г. Виноградова, С.Ю. Сапрыкина, И.Е. Сурикова и др.

раздел должен, по мнению Ганье, проиллюстрировать «важность изучения космографии через ‘архив’ жанров и хронологических периодов» (с. 73). Сначала Ганье подробно обсуждает проблему датировки жизни Аристея (с. 244–246), которая занимает умы историков уже много десятилетий¹⁰, и приходит к выводу, что поэма была написана еще до первой половины V в. до н.э., при том что некоторые исследователи датируют ее второй половиной VII в., а некоторые — второй половиной VI в. Здесь Ганье подробно обсуждает точку зрения А.И. Иванчика¹¹, датирующего, по его мнению, поэму первой половиной V в.¹², характеризуя его работу как «самую тщательную по этому вопросу» (с. 245–246). Сам Ганье склонен датировать «Аримаспею» началом или серединой VI в., хотя и оставляет открытым вопрос о более раннем или позднем времени (с. 246)¹³. Ганье видит в описании Аристеем народов (греков, киммерийцев, скифов, исседонов, аримаспов, грифонов и гипербореев) презентацию пространства от милетского Понта до Северного океана гипербореев с глубоко оригинальным видением наиболее парадигматических окраин (*eschatiai*) ойкумены и ее значения для центра. Если Одиссей Гомера достиг киммерийцев на «краю земли», где находился спуск в подземное царство мертвых, то для Аристея киммерийцы были началом его путешествия на край земли. В этом Ганье видит еще одно (наряду со многими другими, им обнаруживаемыми) соприкосновение (переключку, контакт) двух эпосов. Особое внимание Ганье уделяет мотиву Аполлонова сопровождения поездки (полета?) Аристея в отдаленные страны и преодоление смертного барьера в жизни «одержимого Фебом» поэта (имеются в виду легенды о его странной смерти и возвращении к жизни, в том числе в образе ворона — птицы Аполлона). Резюмируя, Ганье подчеркивает: «Аримаспея — один из самых интригующих экспериментов раннего архаического периода с гекзаметрическими повествованиями о дальних путешествиях и описаниями стран и народов... и это сделало Аримаспею важной отправной точкой для всех дальнейших рекомпозиций возможных миров окраин (recompositions of the possible worlds of the *eschatia*)» (с. 264–265).

В IV главе, озаглавленной “Hyperborea and the Classical Economies of Knowledge” (с. 266–319), Ганье рассматривает знакомство с гиперборейской темой в классической аттической драме — у Эсхила, Софокла, Ксенофана и других авторов, а также у прозаиков — Гекатея Милетского, Дамаста Сигейского, Гелланика Лесбосского, Псевдо-Гиппократ. Ганье видит в упоминаниях Гипербореи обновление темы в перспективе общей культурной эволюции и расширения реальных знаний об ойкумене в это время и в этой среде (Ганье называет этот перелом “revolution of wisdom”), стремясь в то же время уйти от традиционного представления об эволюции «от мифа к логосу». Интересно замечание Ганье о том, что множество нового, что возникает в классическую «рационалистическую» эпоху («греческое чудо»), не касается не-греков в отдаленных уголках ойкумены, и это имеет прямое отношение к гиперборейской теме, которая теперь эволюционирует в тесном диалоге с предшествующей поэтической традицией, в частности — аристеевской. В одном из разделов главы рассматривается Геродотово отношение (deconstruction) к проблеме гипербореев в связи с дискуссией, предпринятой Ганье в предыдущей главе относительно Аристея. Речь идет о появлении Аристея после смены семи поколений в италийском Метапонте и установке там его статуи, а также о пифагорейских ассоциациях с Аристеем и гиперборейцами¹⁴. Много внимания уделено также фигуре гиперборея Абариса, тесно связанного с пифагореизмом (Ганье называет Абариса “an inversed mirror of Aristeeas” — с. 289). В италийской истории Аристея и новых связях Гипербореи с Италией Ганье видит отражение переноса милетских «миров» на запад в Италию и конструирование новых

¹⁰ Этой проблеме посвящено несколько статей, опубликованных в журнале «Аристей. Вестник классической филологии и античной истории», см. Sheglov 2010 (цитируется в книге Ганье); Musbachova 2012; Dan 2012 (цитируется в книге Ганье); Bianchetti 2021.

¹¹ Ivantchik 1993, 35–67.

¹² А.И. Иванчик на самом деле дает более широкую датировку, см. Ivantchik 1993, 67: “L’*Arimaspée* a été écrite durant la deuxième moitié, ou plus probablement, durant le dernier quart du VIe ou le premier quart du Ve siècle avant J.-C.”.

¹³ См. с. 246, прим. 282: “Ivantchik’s attempt to show that the vocabulary of the fragments corresponds to the 6th century better than the 7th century provides a serious cluster of evidence and it should not be dismissed lightly... There is, however, no definitive demonstration to be made through this method”.

¹⁴ Здесь Ганье активно ссылается на работы Л.Я. Жмудя, особенно на его статью Zhmud’ 2016, 446–462.

миров с использованием материала из «архива» предыдущих. Ганье подробно останавливается на соотношении поэтической эпической «Аримаспеи» с научным прозаическим скифским рассказом Геродота, показывая, как одни «миры» перетекают и «внедряются» (incorporate) в другие при изменении оптики и цели повествования и как возникает специфически Геродотова «полифония», по выражению Ганье, в передаче «голосов» гиперборейской традиции.

Создается впечатление, что Ганье собрал и рассмотрел абсолютно все античные свидетельства о гипербореях, даже те, в которых они прямо не называются. В частности, он целую страницу (с. 268–269) посвятил небольшому тексту из Страбона (VII. 3. 1), в котором тот цитирует фрагмент из неизвестной трагедии Софокла о похищении афинской принцессы Орифии фракийским царем-ветром Бореем. Борея уносит свою будущую жену «через весь Понт к крайним пределам земли, к истокам ночи, к открытому небу, (и) к древнему саду Феба». Мне пришлось недавно написать небольшую работу с анализом этого текста¹⁵, и я рад, что утверждаемая там идея о том, что «древний сад Феба» означает землю гипербореев, вотчину Аполлона, находит поддержку Ганье, который считает, что «Софокл не просто воспроизводит традицию с образом Гипербореи. Он создает мир, который возобновляет традицию» (с. 269). Опять, как и в случае с павсаниевым описанием маршрута даров гипербореев (см. выше), Афины оказываются напрямую связаны с отдаленнейшей частью ойкумены — с Гипербореей.

Глава IV “Impossible Worlds? Hellenistic Reconfigurations” (с. 320–386) посвящена метаморфозам гиперборейской идеи (literary process of worlding) в эллинистическое и более позднее время — от Эратосфена, Пифея и Страбона вплоть до Помпония Мелы и Плиния Старшего. Анализируются также труды Каллимаха, Феопомпа, Симмия Родосского, Гекатея Абдерского, Птолемея, Солина и некоторых других писателей. «Медленное чтение» этих авторов позволяет увидеть, как, используя «архив» и установившиеся каноны, они находят новые возможности актуализировать старые схемы и мотивы в соответствии с насущными потребностями в политической сфере, в рамках различных жанров и при «научности» новых трактовок.

Остановимся несколько подробнее на анализе, проведенном Ганье на материале античной утопической литературы. Она, уже по определению описывая несуществующие, поэтому находящиеся вне известной ойкумены “impossible worlds”, неоднократно обращалась к теме гипербореев. В частности, Феопомп Хиосский (IV в. до н.э.), придумавший страну Меропиду, представляет Гиперборею в рамках пародийного отклика на Платонову Атлантиду (меропы отказались завоевывать нашу ойкумену, столкнувшись с гипербореями, жизнь которых, описываемая обычно как блаженная и счастливая, не показалась им таковой¹⁶). Ганье метко, на мой взгляд, указывает на реверсивность нового «мира-космографии» у Феопомпа, когда гиперборей, бывшие традиционно на дальней окраине ойкумены, оказываются первым народом на нашем континенте, с которым сталкиваются пришельцы, и наш космос оказывается уже “beyond the Hyperboreans”.

Далее Ганье обращается к фрагментам произведения Гекатея Абдерского «О гипербореях» (IV–III вв. до н.э.)¹⁷. Здесь Гекатей конструирует, основываясь на «архиве», свою собственную модель Гипербореи, которая сильно отличается от всех предыдущих. В частности, она находится не на материке за аримаспами, грифонами или исседонами, как у Аристея и его продолжателей, а на острове в океане, как Туле у Пифея или Атлантида у Платона. Рассказ Гекатея построен как этнографический очерк, описывающий жизнь гипербореев реалистичным языком «пост-аристотелевской (но до-эратосфеновской) космологии и истории» (с. 339). Гиперборея уже стала доступной, ведь туда приплыл сам автор, обнаруживший на острове следы посещения греками («пышные дары, надписанные эллинскими буквами» — ἀναθήματα πολυτέλει καταλιπεῖν ὑράσματος Ἑλληνικοῖς ἐπιγεγραμμένα — Diod. II. 47. 4). Гекатей описывает храм Аполлона, разделение гипербореев на три рода, рассказывает о бореадах, царствовавших в Гиперборее и считавшихся главными жрецами культа Аполлона.

Ганье считает невозможным определение (воображаемого) маршрута следования Гекатея к острову гипербореев¹⁸. Тем не менее представляется, что некоторые данные для восстанов-

¹⁵ Podossinov 2021, 699–712.

¹⁶ Aelian. *Var. Hist.* 3. 18 = 115 F 74–75 *FGrHist*.

¹⁷ Издание этих фрагментов на древнегреческом и латинском языках, русский перевод и комментарии см. Podossinov 2012, 146–185.

¹⁸ См. с. 339: “There is little point in trying to ascertain which route Hecataeus took to get there, or what real geographical reality should be identified behind the description”.

ления этого маршрута имеются. Автор или герой (герои) сочинения отправляется зачем-то (по-видимому, в познавательных целях) в страну гипербореев, причем плывет туда, скорее всего, через Боспор Киммерийский (фр. 8), а именно через город Киммериду, расположенный на этом проливе (совр. Керченский)¹⁹. Далее его путь лежит, вероятно, через Азовское море и низовье Танаиса-Дона, а затем через Кумо-Манычскую впадину, возможно, соединявшую в античности русло Дона и Каспийское море, ведь Гекатей считал, что Танаис соединяется с Араксом — рекой, впадавшей будто бы с северо-востока в Азовское море (фр. 13). Поскольку в античности Каспийское море, как правило, считалось соединяющимся с Северным океаном проливом, далее можно было плыть по Северному океану вдоль побережья на запад Европы. Каспийское море расположено довольно близко к центральноазиатским горам, откуда вытекает Аракс (Сырдарья), и этой близостью, возможно, следует объяснять появление у Гекатея в качестве восточной границы Северного океана реки Парапанис (фр. 14), название которой обычно связывали с Гиндукушем и прилегающими к нему областями. Северный океан, идущий на запад от реки Парапанис, «где она протекает по Скифии», Гекатей называет Амальхийским, или «Застывшим» (фр. 14). Проплыв по Северному океану до северо-западных пределов Европы, путешественник(и) попал(и) на остров гипербореев, находящийся к северу от Кельтики и по размерам не уступающий Сицилии (фр. 7).

За деталями этого маршрута стоит огромный пласт географических источников, составляющих также обширный «архив», из которого мог черпать Гекатей. Неслучайно автор другого фантастико-утопического романа «Невероятные приключения по ту сторону Фулы» Антоний Диоген (живший, вероятно, в I в. н.э.)²⁰ «повествует о Динии, который покинул родину вместе со своим сыном Демохаром и, пройдя через Понт, дошел от Каспийского и Гирканского морей до гор, называемых Рипейскими, и до устья реки Танаис. Затем, из-за сильных холодов, повернули они к Северному океану и, наконец, направились на восток и пришли к месту восхода солнца. Потом, скитаясь в течение долгого времени и пережив множество разнообразных приключений, они прошли по берегу наружного моря, окружающего землю... Они прибыли на остров Фулу и там остановились на некоторое время» (перевод Н. Мильштейн).

И в том, и в другом романе предполагается океаническое плавание, оба героя проходят по Северному океану, только Диний плывет из Северо-Восточной Европы на восток вокруг Азии, Африки и приплывает снова в Северный океан, а Гекатей плывет от Каспийского моря на запад. Описания в обоих романах переполнены географическими подробностями далеких окраин ойкумены, и, если бы мы стали сейчас разбирать особенности этой информации, мы бы погрузились в мир географических теорий и споров маститых античных географов. Географические рамки этих романов отражают представления своего времени, и это было эллинистическое время в романе Гекатея и раннеримское — в романе Антония Диогена.

Обращает на себя внимание стремление автора книги увидеть в привлечении разными авторами и в разное время гиперборейского мотива каждый раз политическую составляющую, которая состоит в выделении «своего» политического или религиозного центра именно как центра мира, напрямую связанного с наиболее отдаленным в ойкумене, но важным культовым, Аполлоновым, местом — Гипербореей. Это и Дельфы, и Делос, и Афины, и Великая Греция, и Египет Птолемея, и Селевкидская Вавилония, откуда исходили разные варианты связи с гиперборейями. Не везде эту связь, на мой взгляд, следует объяснять именно такими обстоятельствами. Интерес к загадочному блаженному народу, находящемуся вне ойкумены, может иметь и другие причины — философские, географические, культовые, этнографические, развлекательно-экзотические, метафорические и прочие. Ганье отмечает эти причины тоже, но главный интерес все же видит, как представляется, в политическом эгоцентризме разных центров Древней Греции²¹.

В Заключении, которое называется “Further Trajectories” (с. 387–412), Ганье рассматривает жизнь гиперборейского дискурса на римской почве (в основном в римской поэзии), где

¹⁹ Ф. Якоби считает, что по пути герой Гекатея должен был посетить еще и Фанагорию, основанную теосцами (Jacoby 1912, 2753).

²⁰ Роман известен по извлечениям, сделанным в IX в. византийским патриархом Фотием (Bibl. 109a 13–14; см. Morgan 2009, 475–490).

²¹ См., например, на с. 376: “Licurgus’ *Delian Oration* creatively used Hyperborea to situate Athens on a ritual map of oecumenical importance”.

imperium Romanum строит свои собственные взаимоотношения с Гипербореей (по его терминологии — *gecompositions of worlds*), а также коротко анализирует смысл(ы) Гипербореи для средневековой космографии и теологии. Заканчивает этот анализ Ганье текстом из *Opus Majus* (1268 г.) Роджера Бэкона, повествующим о гипербореях, живущих «за Руссией на севере» (!)²², и замечает по этому поводу: «Бэкон интегрировал старые традиции гиперборейской географии и этнографии в актуальное современное видение тотального пространства» (с. 409–410).

Подводя итоги, Ганье вновь подчеркивает, что «каждое индивидуальное проявление мирообразования (*worlding*) может быть плодотворно изучено само по себе, без сведения его частных характеристик к симптомам чего-то еще» (с. 410–411) и что филологическое изучение космографии открывает иные смыслы, нежели космология, космогония, «картина мира» и ментальные структуры, география, миф, священное пространство и прочие сферы антропологического направления, причем интертекстуальность и функционирование «архива» тем и мотивов Гипербореи является неотъемлемой частью литературного процесса создания миров, связанного диалогом культур в их движении.

Впечатляет огромная библиография в конце книги: она занимает более 100 страниц мелким шрифтом (с. 419–520)²³. Следует отметить, что автор книги ссылается и на работы российских и украинских исследователей — М.М. Бахтина, В.А. Шнирельмана, Л.Я. Жмудя, А.С. Русаевой, Ю.Г. Виноградова, С.Б. Буйских, А.В. Буйских, Е.В. Илюшечкиной, А.И. Иванчика, С.Д. Крыжицкого, Н.И. Николаева, С.Б. Охотникова, А.С. Островерхова, Д.А. Щеглова, автора этих строк и Е.В. Ртвеладзе (Узбекистан) — в основном, естественно, написанные на западноевропейских языках.

В конце книги помещены также глоссарий греческих терминов, обсуждаемых в книге, и *Index locorum*.

Подводя итог, должен отметить, что скрупулезное исследование всех свидетельств античных авторов о гипербореях и Гиперборее, проведенное с филологической акрибией и широким диапазоном привлекаемых историко-культурологических и теоретических подходов, делают труд Рено Ганье новым словом в антиковедческих штудиях и образцовым примером для последующих исследований²⁴. Предположу, что тема «гипербореи в античности» на много лет вперед будет считаться исчерпанной.

Литература / References

- Dan, A. 2012: Quand Apollon portait en vol au-delà des Scythes. *Aristeas* 6, 68–90.
 Bonnechere, P., Gagné, R. 2013: *Sacrifices humains*. Liège.
 Bianchetti, S. 2021: The Journey of Aristeas of Proconnesus. *Aristey [Aristeas]* 23, 66–82.
 Бьянкетти, С. Путешествие Аристея Проконнесского. *Арусмей* 23, 66–82.
 Bravo, B. 2007: Testi iniziatici da Olbia Pontica (VI e V sec. a.C.) e osservazioni su orfismo e religione civica. *Palamedes* 2, 55–92.
 Burkert, W. 1994: Olbia and Apollo of Didyma: A New Oracle Text. In: J. Solomon (ed.), *Apollo. Origins and Influence*. Tucson—London, 49–60.
 Descola, P. 2010: Cognition, Perception and Worlding. *Interdisciplinary Science Reviews* 35, 334–340.
 Descola, P. 2014: *La composition des mondes*. Entretiens avec Pierre Charbonnier. Paris.
 Gagné, R. 2013: *Ancestral Fault in Ancient Greece*. Cambridge.
 Gagné, R., Goldhill, S., Lloyd, G.E.R. 2018: *Regimes of Comparatism: Frameworks of Comparison in History, Religion and Anthropology*. Leiden.
 Gagné, R., Herrero de Jáuregui, M. 2019: *Les dieux d'Homère II. Anthropomorphismes*. Paris.
 Gagné, R., Hopman, M.G. 2013: *Choral Meditations in Greek Tragedy*. Cambridge.

²² *Opus Majus*, p. 359 Bridges: “Et ultra Russiam ad aquilonem est gens Hyperborea, quae sic nominatur a montibus magnis, qui vocantur Hyperborei”.

²³ Замеченные опечатки (они весьма редки): в библиографии на с. 516 дважды, но под разными годами, указана одна и та же работа: см. Watson, J. 2010: Rethinking the Sanctuary of Aphaia... и сразу за ней то же, но под 2011 годом. На стр. 268 в сноске 17 вместо Pheobus следует читать Phoebus.

²⁴ См. с. 412: “Further study of cosmography in the literatures of Greece and Rome can open up a considerable body of research and allow us to refine tools and methods”.

- Herda, A. 2006: *Der Apollon-Delphinios-Kult in Milet und die Neujahrprozession nach Didyma: ein neuer Kommentar der sog. Molpoi-Satzung*. Mainz am Rhein.
- Ivanchik, A.I. 1993: La datation du poème L'Arimaspee d'Aristéas de Proconnèse. *L'Antiquité Classique* 62, 35–67.
- Jacoby, F. 1912: Hekataios aus Abdera. In: *RE*. Hlbd. 14, 2750–2769.
- Morgan, J.R. 2009: Lucian's True Histories and the Wonders beyond Thule of Antonius Diogenes. *Classical Quarterly* 35/2, 475–490.
- Musbachova, V.T. 2012: On the Reliability of Herodotus' Calculation of Aristéas Proconnesius' Date. *Aristey [Aristeas]* 5, 21–52.
- Мусбахова, В.Т. К вопросу о достоверности свидетельства Геродота о времени жизни Аристей из Проконнеса и времени создания «Аримаспеи». *Аристей* 5, 21–52.
- Podossinov, A.V. 2012: [Hekataeus of Abdera. "About the Hyperboreans". Introduction, Publication of Ancient Greek and Latin Texts of Fragments, Russian Translation and Commentary]. In: A.V. Podossinov (ed.), *Trudy kafedry drevnikh yazykov istoricheskogo fakul'teta MGU [Proceedings of the Department of Ancient Languages of the Faculty of History of Moscow State University]*. Issue 3. Moscow, 146–185.
- Подосинов, А.В. Гекатей Абдерский. «О гипербореях». Введение, публикация древнегреческого и латинского текста фрагментов, русский перевод и комментарий. В сб.: А.В. Подосинов (ред.), *Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ*. Выпуск 3. М., 146–185.
- Podossinov, A.V. 2021: [On Boreas, Pontos and the Ancient Garden of Phoibos: Some Remarks on the Sophoclean Geography of the European North]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 81/3, 699–712.
- Подосинов, А.В. О Борея, Понте и древнем саде Феба: замечания к географии европейского севера у Софокла. *ВДИ* 81/3, 699–712.
- Rusyaeva, A.S. 1986: [Miletus – Didyma – Borysthenes – Olbia. The Colonization of the Lower Bug Region]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 25–64.
- Русяева, А.С. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья. *ВДИ* 2, 25–64.
- Sheglov, D.A. 2010: Aristéas of Proconnesus: Facts And Interpretations. *Aristey [Aristeas]* 1, 9–34.
- Шеглов, Д.А. Аристей из Проконнеса: факты и интерпретации. *Аристей* 1, 9–34.
- Shnirelman, V. 2014: Hyperborea: the Arctic Myth of Contemporary Russian Radical Nationalists. *Journal of Ethnology and Folkloristics* 8/2, 121–138.
- Zhmud' L. 2016: Pythagoras Northern Connections: Zalmoxis, Abaris, Aristéas. *Classical Quarterly* 66/2, 446–462.

Alexandr V. Podossinov,

Prof. dr. hab.
Lomonosov Moscow State University;
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russia
E-mail: podossinov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2295-9290

А.В. Подосинов,

проф. д. и. н.,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова;
Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия
Петрозаводский государственный
университет
Петрозаводск, Россия

DOI: 10.31857/S032103910022964-3

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ИМПЕРИЙ НА МЕЖДУНАРОДНОМ НАУЧНОМ СИМПОЗИУМЕ «НА ПЛЕЧАХ ГИГАНТОВ: ПЕТР ВЕЛИКИЙ И ИМПЕРСКИЙ ОПЫТ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ»

(Казань, 26–28 сентября 2022 г.)

26–28 сентября 2022 года в Институте международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета прошел международный научный симпозиум «На плечах гигантов: Петр Великий и имперский опыт России в контексте мировой истории».

Симпозиум, организованный Казанским (Приволжским) федеральным университетом в сотрудничестве с Российским историческим обществом (отделение в Республике Татарстан), Российским обществом интеллектуальной истории (Казанское отделение), Российской ассоциацией антиковедов и Институтом всеобщей истории РАН был посвящен 350-летию со дня рождения Петра I (1672 г.) и 1100-летию принятия ислама Волжской Булгарией (922 г.). Выбор тематики научного форума определил тот факт, что история человечества предстает как смена одних империй другими в диахронном измерении, или же как сосуществование синхронных империй. Имперское наследие не только вызывает закономерный исследовательский интерес, но и в большей или меньшей степени продолжает оказывать влияние на политические процессы и практики в современных государствах, многие из которых связаны с империями прошлого прямой исторической преемственностью.

В связи с этим значительный интерес научного сообщества привлекают проблемы места и роли Российской империи, официально провозглашенной Петром I в 1721 г., в истории мировых цивилизаций Евразии, ее связи с политическим и культурным наследием великих империй древности и средневековья, а также ее взаимоотношений с синхронными империями Западной Европы и стран Востока. В рамках заседаний симпозиума (которые прошли как в очной, так и в дистанционной форме) обсуждался целый ряд вопросов, среди которых некоторые имели самое непосредственное отношение к империям древности в рамках обращения участников симпозиума к проблематике *Translatio imperii*: история империй древнего Востока и античного мира, рецепция античности в имперской традиции России. В работе симпозиума участвовали более 80 ученых из разных городов России и стран мира.

26 сентября в рамках пленарного заседания выступил В.В. Емельянов (Санкт-Петербург) с докладом «Метафоры власти в древней Месопотамии и их отражение в древнерусской потестарной идеологии». Автор доклада обратил внимание, что месопотамские централизованные государства — первые прообразы империй в мировой истории. В докладе рассматривались терминология и образы власти в древней Месопотамии и влияние месопотамских метафор власти на потестарную идеологию древней Руси. Освещались такие аспекты темы, как бытие-обладание, власть как имущество, власть как ритуал, образ божественной царственности, образ праведного царя, образ и наказание неправедного царя, противостояние неправедного царя и истинного бога. Проводилось сравнение этих метафор власти с символикой и атрибутами власти в древнерусских сказаниях о Вавилоне-граде и в представлениях о Нимроде. Дальней-

шее обсуждение проблем истории древних империй проходило уже непосредственно в рамках секционных заседаний.

27 сентября в ходе работы секции «*Translatio imperii*: Империи Древнего Востока» (модераторы: М. М. Холод (Санкт-Петербург) и В. П. Орлов (Казань)) в очном формате поднимался целый ряд разнообразных вопросов, касающихся имперской истории и идеологии Древнего Востока. В совместном докладе А. А. Немировского (Москва) и И. А. Ладынина (Москва) «К развитию и составу античных представлений о первых звеньях *translatio imperii*» речь шла о факте удержания в египетской традиции определенной памяти о реальном комплексе международных потрясений XIII в. до н. э. и о формировании сегмента начальных передач имперского великодержавия в античной историографии на основе этих египетских реминисценций. Абед Амир (Ирак) в своем выступлении «Религиозные храмы города Урука» говорил о роли археологических исследований на территории Ирака для выявления архитектурных особенностей храмов Шумера. Совместное выступление Э. В. Рунга (Казань) и А. С. Исаковой (Казань) «“Я поставил царство на место”: закон и порядок в Ахеменидской империи» было посвящено анализу метафоры места в надписях персидских царей, которая, по мнению авторов, была тесным образом связана с концептом *dāta* (закон, установление). Таким образом, когда в персидских надписях говорится о том, что правитель «поставил царство на место», речь идет о восстановлении прежнего миропорядка после хаоса, череды переворотов и восстаний. В докладе Б. С. Баженова (Казань) «*Translatio imperii* в державе Кира Великого: более чем легитимация власти?» внимание слушателей было обращено на адаптированный администрацией Кира Великого жанр месопотамских царских надписей как средства *translatio imperii*. Автор делает вывод о том, что царские надписи были направлены скорее на скрепление особенного союза между царем и богом, нежели на какую-либо пропаганду, легитимирующую царскую власть. Выступление В. П. Орлова (Казань) на тему «Традиции и новации в развитии имперской идеологии на древнем Востоке» касалось этапов становления основных аспектов имперской идеологии в государствах древнего Востока. Автор отметил, что серьезное изменение политической идеологии происходило еще при Саргонидях. Затем, при Хаммурапи, Вавилон впервые объявляется вечным обиталищем царственности и, наконец, персы вводят в текстуальный дискурс термин «Ахемениды» (*Haxāmanišiya*), который стал частью новой царской идеологии, призванной сосредоточить власть в рамках одного рода. М. М. Холод (Санкт-Петербург) в своем докладе коснулся особенностей отражения истории Александра Великого в «Хронике», написанной епископом Иоанном г. Никиу в Египте в конце VII века.

28 сентября в рамках очного заседания секции «*Translatio imperii*: империи Античности и Средневековья» (модераторы: А. В. Махлаюк (Нижний Новгород) и А. О. Кудратов (Казань)) затрагивались вопросы античной истории. В. К. Сорокина (Казань) в своем докладе «Концепт *τὸ τίς τῶν νοσ* в древнегреческой исторической традиции классического периода» проанализировала концепт *τὸ τίς τῶν νοσ*, предприняв попытку определить его генезис, а также выявить контексты, в которых он употреблялся. И. Е. Суриков (Москва) в докладе (онлайн) «Трудный путь к империи: *ἄρχη*, *ἡγεμονία* и империалистические тенденции в классической Греции глазами трех великих античных историков» рассуждает о том, что Геродот в своей «Истории» в завуалированной форме делает грозные предостережения афинянам, пророчески указывая на то, что взятый ими империалистический курс может привести их к плачевному концу, как привел к таковому Персидскую державу. Пророчество оправдалось: о том, как «афинский империализм» в ходе Пелопоннесской войны привел государство к краху, начал рассказывать еще Фукидид. Завершать выполнение этой задачи пришлось Ксенофону, показавшему, как афинский империализм сменился спартанским, который перенял у него ряд негативных черт. В выступлении А. В. Махлаюка (Нижний Новгород) «Римляне как имперский народ» был поставлен вопрос о формировании и особенностях имперского самосознания римлян в эпоху поздней республики и принципата, а также дано обоснование возможности использования и содержательного наполнения понятия «имперский народ». А. О. Кудратов (Казань) в рамках доклада «От легитимации к идеологии: политическая риторика и насилие в процессе перехода от Римской республики к Империи» говорил о специфике перехода от Римской республики к Империи через практики объяснения насилия в политическом пространстве. Л. М. Шмелева (Казань) рассмотрела взаимоотношения между Римом и Латинским союзом VIII–IV веков до н. э. в своем докладе «Латинский союз и Рим: у истоков империи». По мнению автора доклада, в VIII–VII веках до н. э. взаимоотношения между Римом и Латинским союзом развивались

в рамках религиозного объединения латинских общин вокруг культов Юпитера и Венеры, куда Рим входил как один из латинских городов.

По традиции, сложившейся на конференциях, проходящих в Казани, отдельная секция была посвящена проблемам рецепции античного наследия. В рамках данной конференции особый акцент был сделан на трансформацию разнообразных идей и образов, уходящих корнями в античность, в пространстве Российской империи. Так, 28 сентября в ходе работы в дистанционном формате секции «Рецепция античности в имперской традиции России» (модератор: Л.М. Шмелева) обсуждался доклад *И.А. Миролюбова* (Москва) «Античные сюжеты в идеологии самодержавной власти царя Алексея Михайловича», в котором автор рассматривал идеологию самодержавной власти царя Алексея Михайловича, и особенно персоналии, являющиеся объектами подражания для монарха, к которым относились в числе прочих и Александр Македонский, и Юлий Цезарь. *В.В. Дементьева* (Ярославль) в своем выступлении «Ретроспекция в античность при наделении Петра I титулами Отца отечества, императора и Великого» анализировала отсылки к античности в «Прошении сенаторов царю Петру I о принятии им титула «Отца отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого» и в «Речи Петра I, написанной им самим и произнесенной в соборе Пресвятыя Троицы в Петербурге после прочтения трактата о заключении мира со Швецией». *М.П. Самойлова* (Нижний Новгород) рассуждала о рецепции античного наследия в отечественной исторической мысли XVIII века на примере научного, публицистического и литературного творчества М.М. Щербатова, который под воздействием идей западноевропейского Просвещения широко использовал античный материал для аргументации призывов к реформированию российской действительности. Доклад *А.А. Клейменова* (Тула) «Рецепции античности в полководческом искусстве А.В. Суворова: победивший Цезарь и проигравший Александр» был посвящен анализу того, в силу каких причин А.В. Суворов, названный в честь Александра Македонского, долгие века являвшегося главным ориентиром для амбициозных политиков и военачальников, своим полководческим кумиром прямо называл Гая Юлия Цезаря, а образу Александра практически не уделял внимания. *Н.А. Селунская* (Москва) посвятила свое выступление «Персональная биография и “образ Другого” в контексте зарубежных поездок дворянства: проблемы интерпретации» двум казусам персональных биографий представителей элитарной культуры начала и заката Российской Империи в контексте приобретения ими особого опыта и освоения “образа Другого”. На основании анализа российской художественной литературы начала XXI века (как исторических, так и фантастических романов) *В.А. Гончаров* (Воронеж) в докладе «Римская империя в современной российской литературе» коснулся основных особенностей изображения Рима императорского периода в подобного рода текстах, оказывающих значительное влияние на формирование массовых исторических представлений.

Таким образом, на секциях международного научного симпозиума в Казанском (Приволжском) федеральном университете обсуждались наиболее значимые вопросы, связанные с имперским историческим наследием, которые имеют несомненную научную актуальность. Этим и определился безусловный успех данного научного мероприятия.

Natalia A. Shadrina,

E-mail: shadrina_nata@list.ru

ORCID: 0000-0003-0188-4090

Eduard V. Rung,

E-mail: eduard_rung@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4200-4486

Elena A. Venidiktova,

E-mail: e_venidiktova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9214-2441

Department of Archaeology and World History,
Kazan Federal University,
Kazan, Russia

Н.А. Шадрина,

к.и.н., доцент кафедры археологии
и всеобщей истории

Э.В. Рунг,

д.и.н., проф., зав. кафедрой
археологии и всеобщей истории

Е.А. Венидиктова,

к.и.н., доцент кафедры археологии
и всеобщей истории

Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
Казань, Россия

DOI: 10.31857/S032103910023571-1

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ ЗАСЛУЖЕННОГО ПРОФЕССОРА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИИ ЛЕОНИДОВНЫ МАЯК (1922–2018)

(Москва, 30 сентября – 1 октября 2022 г.)

27 сентября 2022 г. исполнилось 100 лет со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова, доктора исторических наук Ии Леонидовны Маяк. В память о крупном ученом, педагоге и организаторе науки в Московском университете при поддержке ИВИ РАН и Российской ассоциации антиковедов прошла юбилейная конференция.

С приветственным словом к участникам пленарного заседания обратился зам. декана исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова *Д.А. Андреев*. Он поделился своими воспоминаниями об Ие Леонидовне и подчеркнул важную роль ее лекций для студентов первого курса. Заведующий кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ *С.Ю. Сан-рыкин* рассказал о совместной работе с И.Л. Маяк, всегда готовой бескорыстно помочь более молодым коллегам. Далее выступил заведующий кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ *А.И. Солопов*, напомнивший о существовании в Московском университете историко-филологического факультета, чьи традиции были продолжены научной деятельностью И.Л. Маяк. На юбилейную конференцию были приглашены потомки Ии Леонидовны — ее внук и правнуки. От их имени слово взял *А.А. Маяк*, перенесший присутствующих в теплую благожелательную атмосферу маленькой квартиры, где писались научные труды, воспитывались дети и ученики, проходило дружеское общение с коллегами.

Вторая часть пленарного заседания была посвящена научной деятельности юбиляра. *В.В. Дементьева* (Ярославль) выступила с докладом «И.Л. Маяк как рецензент научной литературы по истории античного Рима». Были проанализированы рецензии, опубликованные в 1958–1999 гг. в журналах «Вестник древней истории», «IVS ANTIQVVM. Древнее право», «Вопросы истории». В.В. Дементьева рассмотрела мотивы, по которым И.Л. Маяк выбирала книги для рецензирования, методологические позиции анализа трудов, требования к историографическому фундированию работы. Докладчица проследила, каким образом оценивалась структура исследования, логика изложения, аргументация и т.д. Было также отмечено, какие личностные качества И.Л. Маяк нашли отражение в ее рецензиях на работы по римской истории.

Н.В. Бугаева (Москва) в докладе «И.Л. Маяк и исторический факультет» высказала мысль, что активная и многогранная деятельность профессора Маяк была обусловлена ее восприятием себя как члена коллектива — кафедры, истфака, антиковедческого сообщества в широком смысле слова. Помощь конкретному человеку в то же время становилась вкладом в общее дело.

Следующие два доклада затрагивали тематику, близкую научным интересам И.Л. Маяк. Участники пленарного заседания выслушали выступление *Н.Н. Трухиной* (Москва) «*Patres* и *patricii* в Первой декаде Тита Ливия». По мнению докладчицы, терминология древнеримского историка не дает оснований преувеличивать значимость патрицианской «партии» в сенате в период ранней Республики. С другой стороны, эта терминология хорошо согласуется с прямым свидетельством Ливия о происхождении патрициев от *patres* — сенатского сословия царской эпохи. В докладе «*Libertas* в восприятии Валерия Максима: гармония противоречивого» *А.М. Сморгков* (Москва) рассмотрел, каким образом указанная категория интерпретируется автором, жившим в начале Империи. Валерий Максим, сохранив республиканские коннотации, сумел вписать это понятие в новые идеологические парадигмы благодаря связи с понятием

«безопасность / внутренний мир». Докладчик показал, как в сочинении сторонника монархии республиканские идеи подвергались выхолащиванию и тем самым гармонично и непротиворечиво входили в традиционный набор риторических примеров.

Участники конференции продолжили работу по секциям. Первая секция объединила историков и филологов. *И.Е. Суриков* (Москва) выступил с докладом «Греческий историк Антиох Сиракузский о Риме, Италии и Сицилии». Была проанализирована информация о творчестве Антиоха (V в. до н.э.), а также несколько фрагментов его сочинений — «Об Италии» и (предположительно) «Сицилийские дела». Докладчик подчеркнул важность сведений об основании греческих апойкий на Эоловых (Липарских) островах, о заселении Италии, а также ценности одного из первых упоминаний Рима в античной нарративной традиции. *О.М. Савельева* (Москва) в своем докладе «Дионисий Галикарнасский как критик языка и стиля греческих авторов — историков» рассмотрела позицию Дионисия по отношению к Геродоту и Фукидиду. Источниками послужили сочинения «О соединении слов» и «Письмо к Помпею». Автор доклада подробно остановилась на основных критериях оценки Дионисием мастерства историков: выбор темы и освещаемого периода, подбор и распределение материала, художественное построение рассказа (в том числе изображение характеров людей) и соответствие стилю повествованию. *О.В. Осипова* (Москва) в докладе «Дионисий Галикарнасский о произведениях древнеримских историков» проанализировала взгляды Дионисия на труды римских историков, использованные им как источники. Докладчица исходила из классификации исторических сочинений, сформулированной как в «Римских древностях», так и в риторических трактатах. Сходство оценок древнегреческих и римских исторических сочинений дало основание предположить, что Дионисий Галикарнасский включил произведения римских историков в свою риторическую систему.

Т.А. Бобровникова (Москва) в докладе «Взятие Нового Карфагена в “Истории” Полибия» рассмотрела известный эпизод Пунических войн с точки зрения общеисторической концепции греческого автора. Описание захвата Нового Карфагена начинается с историографического экскурса, анализа взглядов предшественников и построения собственной теории, которая строится исключительно на представлениях Полибия о роли божества в истории. По мнению докладчицы, перед нами яркий пример попытки секуляризовать историю и превратить ее в науку. *Д.В. Бубнов* (Пермь) в докладе «Дионисий Старший и святилище Зевса в Олимпии (Cic. *De nat. deorum* III. 83)» обратился к сообщению Цицерона о насильственном изъятии имущества ряда прославленных греческих святилищ, в том числе Зевса в Олимпии. Был сделан вывод, что свидетельство великого оратора возникло на основе исторической традиции и историко-назидательных примеров (exempla), творчески переработанных Цицероном согласно представлениям о личности сиракузского тирана и его деятельности. *И.А. Миролобов* (Москва) в докладе «Образ Ромула в эпоху Диоклетиана и императоров-тетрархов» обратил внимание на то, что в правление императора, начавшего масштабное восстановление державы, образ Ромула очень скудно задействован пропагандой. Корни неприязни, по предположению докладчика, лежат в нелюбви Диоклетиана к Риму. Своеобразным ответом на это стало провозглашение императором Максенция, опиравшегося на римские политические традиции и часто обращавшегося к образу Ромула, что способствовало интересу к этому персонажу со стороны Константина Великого.

Заседание второй секции открылось докладом *Н.К. Спиченко* (Москва) «Организация судебного процесса в муниципиях Флавия по данным lex Irnitana». В выступлении был охарактеризован важный документ, дающий исчерпывающий набор положений, регулировавших гражданский процесс в муниципии. По сути, в уставе воспроизведены правила судебного процесса, принятые в формулярном процессе городского претора, с многочисленными и явными отсылками к нормам гражданского права (ius civile). Докладчица рассматривает муниципальное судопроизводство как низшую судебную инстанцию, разбиравшую мелкие споры. В докладе *Д.А. Усова* (Москва) «Lex и ius в римской поэзии эпохи Августа» на основе семантического анализа этих терминов были исследованы особенности репрезентации образа Августа и его правления как важные компоненты картины мира римского гражданина. У Вергилия Август — император, обеспечивающий безопасность и мир; у Проперция он воюет исключительно ради обогащения; для Горация это блюститель нравов, избавляющий от гражданских войн; Овидий подчеркивает страх, внушаемый принцепсом, который подавляет свободу и счастье граждан. *Е.В. Снедкова* (Москва) в своем докладе «Первые публичные библиотеки в Древнем Риме» про-

анализировала проблемы «организационного» характера: цели создания библиотек, их характер, степень «публичности» и открытости для читателей. Источники не позволяют категорично утверждать, что подобные библиотеки имели очень ограниченный доступ. По мнению докладчицы, с гораздо большей уверенностью можно предполагать, что «публичными» библиотеки стали для самих авторов, которые получали более широкий выход к читателю. *Е. С. Данилов* (Ярославль) в докладе «Богиня Секуритас как покровительница мертвых» предпринял попытку ответить на вопрос, насколько обоснованны параллели между этой богиней, Либитиной и Мортрой. Секуритас вошла в древнеримский пантеон в I в. и воспринималась как покровительница власти императоров, божественная аллегория политической стабильности. Однако со II в. лексема *securitas* влетает в погребальные формулы, что породило мнение, будто персонаифицированная Секуритас могла покровительствовать также усопшим. Вечернее заседание завершилось выступлением *Е. С. Зайцевой* (Екатеринбург) «Социальный статус сенаторской аристократии Рима на основании данных Кодексов Феодосия и Юстиниана».

Второй день работы конференции также предусматривал работу по секциям. Утреннее заседание первой секции открыл доклад *Е. А. Гуськова* (Самара) «Противоречия античных авторов: трибуны и центурионы претория». Докладчик констатировал, что при описании событий греко-римские писатели (Иосиф Флавий, Светоний, Тацит, Дион Кассий, Геродиан, Аммиан Марцеллин) постоянно допускают странные ошибки. Особенно часто они путают ранги командиров, называя одно и то же лицо трибуном либо центурионом. Докладчик рассмотрел различные версии происхождения данных противоречий, отметив, что в некоторых случаях это не могло быть вызвано ошибкой при переводе с латыни на греческий или наоборот. *Н. Д. Кленышева* (Липецк) выступила с докладом «Римские детские амулеты», проанализировав свидетельства источников о буллах для мальчиков, лулулах для девочек и «погремушках» (*scerpundia*). Последние служили оберегом для всех детей до трех-четырёх лет и почти всегда были уникальны. Буллы и лулулы защищали детей старшего возраста, причем прежде всего благодаря своему наполнению. По мысли римлян, силу амулетам придавала не только форма, но и материал. *Д. Б. Меркин* (Москва) в докладе «Римские императоры и святилище в Дидимах: влияние на развитие культа» проследил эволюцию отношений в I–II вв. между императорами и общиной Милета сквозь призму эвергесии принцев в пользу святилища Аполлона в Дидимах. Эта политика началась еще при Цезаре, но после Калигулы императоры потеряли интерес к святилищу. Возобновляется он при Траяне и продолжается при Адриане. Политика династии Антонинов привела к новому расцвету Дидим и стимулировала деятельность оракула. Выступление *В. Г. Черненко* (Москва) «Портреты римских императоров на античных перстнях» было посвящено изображениям императоров и членов их семей на камнях из собраний отечественных музеев. В первые века нашей эры выделяется ряд сюжетов, позволяющих говорить о своеобразии изделий римской глиптики. Резные камни с портретами правителей стали следствием и подтверждением особой роли их культа в эллинистическую и римскую эпохи. Цари и императоры демонстрировали свое божественное происхождение и превосходство, что носило пропагандистский характер.

Л. М. Шмелева (Казань) в докладе «Тит Ливий и его интерпретация *ius gentium*» обратилась к пониманию этого термина в публичном римском праве. Ливий упоминает *ius gentium* только в одном аспекте — как неприкосновенность послов, но не применительно к коллегии фециалов в целом и ее роли в международных отношениях. По мнению докладчицы, историк употреблял термин *ius gentium* для обозначения правовых норм, свойственных всем государствам и народам. *Н. А. Филянов* (Москва) выступил с докладом «Сенат, Кв. Помпедий Силон и *rogatio de sociis (et nomine Latino?) civitate danda* 91 г. до н.э.», предложив собственную реконструкцию последних месяцев трибуната Ливия Друза и переговоров с лидером марсов. В связи с угрозой абrogации законов Друза (аграрного и судебного) представители италийской элиты должны были оказать ему поддержку в сенате, условием которой стало обещание провести закон о предоставлении латинам и италикам прав римского гражданства. *В. А. Гончаров* (Воронеж) в докладе «Рим первых царей в современной западной культуре» рассмотрел довольно широко представленную в литературе, музыке и кинематографе конца XX — начала XXI в. тему древнейшего Рима. В большинстве произведений основной упор делается на историю Ромула и Рема, очевидно стремление рассматривать основание Рима как исток будущей империи. Для кинематографа последних лет характерна тенденция к архаизации с весьма солидной опорой на научные исследования.

Тематика докладов позволила организаторам конференции сформировать отдельную секцию, посвященную христианству и рецепции древнеримской культуры. Заседание этой секции открылось докладом *И. В. Хорьковой* (Москва) «Следы анналистической традиции в апологии Арнобия», посвященным источниковедческим проблемам «*Adversus nationes libri septem*». Арнобий использовал в качестве источника труды Цицерона и Варрона, основанные на анналистической традиции, а также (через посредствующие источники) сочинения самих анналистов; допускается чтение труда Валерия Анциата. Есть основания говорить о значительной ценности приводимой Арнобием информации, поскольку она, в конечном счете, восходит к анналистической традиции. *А. Д. Пантелеев* (Санкт-Петербург) в докладе «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши»: Климент Александрийский, его паства и спасение богатых» обратился к проповеди «Кто из богатых спасется», адресованной представителям состоятельной и образованной молодежи Александрии. Климент разрушает стереотип о нечестивых богачах, прокладывая средний путь между стремлением к роскоши и полного отречения от богатства. Он трактует слова Христа в русле стоического учения о том, что все материальные вещи нравственно индифферентны. *Д. А. Самойлов* (Воронеж) выступил с докладом «Термин *ἀπολογία* в раннехристианских текстах», обратившись к творчеству христианских авторов I–III вв. Изучение данного термина привело автора доклада к выводу, что апология не сводима к обращению к нехристианской публике с целью проповеди своей веры (как полагают А. Гарнак, Ж. Даниэлу, Р. М. Грант, Б. Пудрон); главный признак апологии — опровержение конкретных обвинений, направленных против христианства.

С. Р. Еникеев (Санкт-Петербург) в своем докладе «Античность в представлении наполеоновских солдат» привел многочисленные примеры использования античных образов, ставших инструментами для распространения соответствующей идеологии. По мысли докладчика, античность не вызывала реакции отторжения у подвластных Наполеону народов, она универсальна и понятна большинству европейцев. Самым главным заимствованием императора в военной сфере был состязательный дух — одна из основ всей античной цивилизации, причем это наследие являлось чисто римским по своему происхождению. Доклад *К. В. Вершинина* (Москва) «Фрагменты Галена в славянской традиции» был посвящен тексту, сохранившемуся под заглавием «Галеново на Гиппократе». Это перевод компиляции «Галена о соках, по Гиппократу»; таким образом, памятник является свидетельством пусть отрывочного и опосредованного, но достоверного знакомства средневекового славянского читателя с античными знаниями. По мнению докладчика, текст мог восприниматься как медицинское руководство, поскольку в древнерусской традиции он известен в составе лечебников, в практической применимости которых нельзя усомниться.

И. М. Суворова (Петрозаводск) выступила с докладом «Рецепция античных эстетических категорий в “Философических письмах” П. Я. Чаадаева». Проведенное исследование показало, что Чаадаев использует рецепцию сократовского диалога и таким образом привержен античным традициям. Характеризуя западноевропейскую культуру, автор письма соотносит ее с категорией возвышенного, понимаемого близко к платоникам и Псевдо-Лонгину. Противоположная категория низменного в аристотелевской трактовке более всего характеризует отечественную историю и культуру, что обусловлено мимесисом (в тексте «подражание»). *Е. Л. Смирнова* (Петрозаводск) в своем докладе «Римская история и культура на страницах журнала “Библиотека для чтения” (1834–1865 гг.)» предприняла попытку выявить характерные черты репрезентации истории и культуры древнего Рима в первом массовом журнале Российской империи. Анализ произведений изящной словесности показал, что публикации способствовали размышлению читателя над тремя вопросами: об особенностях интеллектуального досуга; о мимолетности любого могущества; об общих чертах, отличиях и достижениях древнего Рима и Европы Нового времени. *О. В. Кармазина* (Воронеж) в своем докладе «Античность и революция: советские архитекторы 1920-х гг. в поисках нового стиля» обратилась к творчеству И. В. Жолтовского, И. А. Фомина и В. А. Щуко. Эти архитекторы получили классическое образование и понимали, что именно классические элементы в архитектуре позволяют подчеркнуть современные моменту идеи: величие народной власти, пафос освобожденного труда, советскую дисциплину и порядок, интернационализм. Новая архитектура прекрасно вписалась в городское окружение, однако не была простым подражанием античным образцам.

После работы по секциям участников конференции объединил круглый стол «Преподавание истории античности в высших учебных заведениях: опыт, проблемы, задачи», в ходе кото-

рого своими мыслями о судьбах античной науки и проблемах, связанных с преподаванием античной истории, поделились преподаватели из Москвы (МГУ имени М.В. Ломоносова, РГГУ, ГАУГН), Ярославля, Казани, Воронежа, Петрозаводска. Плодотворный обмен идеями и предложениями о сотрудничестве стал достойным завершением юбилейной конференции в честь И.Л. Маяк. В заключение были высказаны благодарности организаторам конференции и пожелание сделать ее регулярной.

Natalia V. Bugaeva,

Lomonosov Moscow State University;
Moscow, Russia
E-mail: cethegilla@gmail.com
ORCID: 0009-0006-7416-2186

Н.В. Бугаева,

к.и.н.,
доцент кафедры истории древнего мира
исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

DOI: 10.31857/S032103910024864-3

XXIV ЖЕБЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

(Санкт-Петербург, 26–28 октября 2022 г.)

26–28 октября 2022 г. в Институте истории Санкт-Петербургского государственного университета состоялась Всероссийская научная конференция «Жебелевские чтения—XXIV». В конференции приняли участие более 80 ученых из университетов, исследовательских институтов и музеев Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Калининграда, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Самары, Саратова, Сургута, Ярославля, а также из Белоруссии, Германии и Мексики.

С приветственным словом участникам конференции выступили директор Института истории СПбГУ профессор А.Х. Даудов, председатель научной комиссии профессор А.И. Филюшкин и заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима профессор О.Ю. Климов. Первое пленарное заседание открылось выступлением *И.Е. Сурикова* (Москва) на тему «Рождение античного политического памфлета: Стесимброт Фасосский». Автором было отмечено, что основателем жанра политического памфлета можно считать Стесимброта Фасосского, писавшего во времена Перикла. В докладе были проанализированы дошедшие фрагменты главного труда Стесимброта «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле» и сделан вывод об общей антидемократической политической направленности памфлета. *Э.В. Рунг* (Казань) в докладе на тему «Ех Oriente jugum: ярмо как символ подчинения на Ближнем Востоке и в греко-римском мире» рассмотрел восприятие ярма как метафоры подчинения в текстах и визуальных свидетельствах с территории Древней Месопотамии и Ближнего Востока. Завоевание рассматривалось как наложение ярма, а борьба за возвращение независимости воспринималась как освобождение от ярма. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва) предложил вниманию аудитории доклад на тему «Основные черты боспорской государственности на рубеже эр». На основе различных категорий источников — надписей, нарративной традиции, монет — автор доклада проанализировал титулатуру царей и должностных лиц Боспорского царства и сделал вывод о том, что черты государственности эллинистического типа Боспорское царство приобрело к рубежу новой эры. В докладе *О.В. Кулишовой* (Санкт-Петербург) «С.А. Жебелёв об антиковедах конца XIX — начала XX века» были проанализированы историографические занятия С.А. Жебелёва, который является автором как обобщающих трудов по истории науки, так и многочисленных рецензий, библиографических заметок, а также поздравительных статей и некрологов. Особенное внимание в докладе было уделено очерку о Ф.Ф. Соколове, а также сохранившемуся в архивных материалах некрологу немецкого антиковеда Эд. Шварца. *С.Г. Карпук* (Москва / Омск) сделал доклад на тему «“Интурист” и конференции: зарубежные контакты советских историков древности в эпоху оттепели», в котором были рассмотрены научные и социальные последствия партийно-правительственного постановления 1958 г. об организации в СССР «научного туризма». В результате этого постановления довольно значительное число советских ученых смогло выезжать за рубеж, участвовать в конгрессах и конференциях, устанавливать контакты с иностранными коллегами.

Программа работы секции «История древней Греции», проходившей 26–27 октября, включала два заседания. Первое из них открылось выступлением «Делосский декрет и гентильная организация Коринфа», в котором *С.М. Жестоканов* (Санкт-Петербург) рассказал о том, что первоначально население Коринфии делилось на три традиционные для дорийцев кровнород-

ственные филы: Гиллеев, Памфилов и Диманов, к которым была добавлена фила Аореев, включавшая в свой состав местное додорийское население; позднее, вероятно, при Кипселидах, была введена система восьми территориальных фил, подразделявшихся на гемиогдооны и триакады. Целью доклада *Л. Г. Печатновой* (Санкт-Петербург) «Роль илотов в воспитании спартанцев» было показать, как и в каких формах спартанцы использовали илотов в процессе воспитания своей молодежи. Она подчеркнула, что жесткая сегрегация, последовательно проводившаяся в Спарте и легшая в основу отношений между гражданами и илотами, была направлена прежде всего на сохранение социальной иерархии. В докладе *Н. А. Шергиной* (Санкт-Петербург) «Работа L. de Libero “Die archaische Tyrannis” (Stuttgart, 1996, 479 S.) в изучении тирании на Самосе» были проанализированы проблематика данной работы и ее значение для исследования истории архаического Самоса. *С. Р. Тимир-Булатова* (Санкт-Петербург) в докладе «Битва героев и людей: попытка интерпретации сюжета о ранении кротонского военачальника Аяксом (Paus. III. 19. 12)» рассмотрела данное сообщение Павсания и, опираясь на традицию об эпифаниях богов и героев на полях сражений, предположила, что подразумевала эта история и как она могла восприниматься в античный период. В докладе *И. В. Вострикова* (Казань) «Воинские преступления в классических Афинах по свидетельствам аттических ораторов» основное внимание было уделено причинам обращения ораторов к данной теме, классификации воинских преступлений и их терминологическому анализу, а также особенностям интерпретации данной темы у различных авторов. Доклад *В. П. Быковой* (Санкт-Петербург), завершивший работу первого заседания, был посвящен теме «Новые исследования дальней хоры Ольвии».

На втором заседании секции «История древней Греции» первым был представлен доклад *С. С. Казарова* (Ростов-на-Дону) «Образ Додоны в исторической памяти (от античности до новейшего времени)». Докладчик отметил, что историческая память о Додонском оракуле, который по праву считался одним из древнейших и авторитетнейших в древней Греции, с распространением христианства начала постепенно исчезать. В то время как первые исследования Нового времени, посвященные этому оракулу, базировались исключительно на литературной традиции, обнаруженные путешественниками остатки святилища привели к началу археологических исследований в XIX в., которые вывели Додону из долгого забвения. *А. М. Бутягин* (Санкт-Петербург) в докладе «Проблема определения богатства населения по данным материальной культуры в античное время» отметил, что в случае археологического изучения античного памятника часто встает вопрос о том, принадлежал ли он представителям элиты или рядовым жителям. Определив основные характеристики, которые следует учитывать при изучении как погребальных памятников, так и жилых объектов, автор доклада отметил, что этот вопрос нуждается в дополнительной теоретической разработке. В докладе «От Геи к Аполлону: ранняя история Дельфийского святилища в античной литературной традиции» *Н. Д. Зонова* (Санкт-Петербург) подчеркнула, что в свидетельствах архаического и классического времени можно проследить подтеречи передачи святилища от некоего хтонического божества (Геи или ее сына Пифона) к Аполлону, в то время как в поздних источниках встречаются попытки рационального объяснения силы оракула (прежде всего испарениями земли). При этом обе эти линии, по заключению автора, отражают более или менее оформленные представления о существовании на месте храма Аполлона более раннего святилища, связанного с почитанием Земли. *С. А. Тахтаджян* (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад теме «Два возможных жеста обвинителя в первой речи Антифонта». Предшествующую рассказу о преступлении фразу — «Да будет Дика кормчим моего рассказа!» — автор доклада вслед за другими учеными определил как молитву и сделал предположение, что обвинитель, произнося ее, простирает руки к небу; в то время как упоминая в заключительной фразе речи «находящихся внизу богов», обвинитель мог указывать рукой на пещеру у подножия Ареопага, где, как считалось, обитали Эрнии. В заключительном докладе «Предание об Атлантиде и Афинах: космология, мифология, дидактика. К вопросу о смыслах платоновского мифа» *Е. Е. Земцова* (Санкт-Петербург), анализируя предание, прежде всего как пример дидактического мифа, сосредоточилась на его космологическом аспекте: структуре космического периода, теории изменения воды и суши, концепции периодических катастроф, влекущих за собой гибель цивилизации.

Секция «История эллинизма» провела два заседания. *А. Б. Шарнина* (Санкт-Петербург) в своем выступлении раскрыла тему «Роль энкtesis в социально-экономической жизни полисов», отметив, что в эпоху эллинизма право владеть землей и домом постоянно присутствовало в списке привилегий, которые полисы даровали чужеземцам за те или иные услу-

ги. Энктеcис стал одним из механизмов преодоления замкнутости полиса, а распространение этого права свидетельствует о размывании основ полисной организации. *С.К. Сизов* (Нижний Новгород) в докладе на тему «Торговля гражданством в греческих полисах эллинистического времени» отметил, что свидетельство о предоставлении в эпоху эллинизма гражданства иноземцам, в основном местным метекам, за определенную сумму денег, уплачиваемую в городскую казну, относятся к Византию, Эфесу, Фасосу, Аспенду, Фаселиде, Афинам, Диме и Тригее. Целями торговли гражданством были пополнение казны полиса и в некоторых случаях увеличение численности гражданского ополчения. Предложение вступить в ряды граждан действовало очень короткое время, а отбор кандидатов производился тщательно, так что это были редкие разовые мероприятия, а не систематическая практика. В докладе *В.Б. Михайлова* (Ростов-на-Дону) на тему «Политический статус Эвмена из Кардии к концу регентства Антипатра» были проанализированы дипломатические отношения между Эвменом и Антигоном Монофталмом ок. 319/318 г. до н.э. Теме «Вторжение галатов в Македонию и Грецию в 280–277 гг. до н.э.: проблемы организации, стратегии и тактики» был посвящен доклад *Е.Б. Мирзоева* (Москва). Автор охарактеризовал стратегию галатов как серию скоординированных атак в различных местах с последующим концентрированным ударом на наиболее перспективном направлении. *А.А. Антонов* (Санкт-Петербург) предложил вниманию аудитории доклад на тему «Политическая элита Приены III–II вв. до н.э. по данным почетных декретов». На основе анализа социального положения выдающихся граждан Приены III–II вв. до н.э. автор доклада сделал вывод о том, что в качестве эвергетов почитались граждане, исполнявшие государственные должности, а не богатые меценаты. *Е.Г. Тейтельбаум* (Казань) представил доклад на тему «Всеобщность исторического процесса глазами Полибия», в котором подчеркнул, что Полибий стремился установить причинно-следственные связи, показать взаимосвязь отдельных событий и представить их в качестве руководства к действию в войне и политике. *Е.О. Стоянов* (Санкт-Петербург) в докладе «“Черные бактрийские всадники” Эсхила — кем они были?» отметил, что трагедия Эсхила «Персы» содержит самые ранние в античной традиции свидетельства о Бактрии и бактрийцах, а именно упоминание «тридцати тысяч черных лошадей (всадников?)» под командованием бактрийца Артама / Артаба (*Aesch. Pers.* 315). В докладе было показано, что свидетельство Эсхила не может служить надежной опорой для реконструкции военного дела ахеменидской Бактрии. *О.Ю. Климов* (Санкт-Петербург) обратился к теме «История эллинизма в исследованиях ученых Санкт-Петербургского университета (дореволюционный период)», охарактеризовав труды, посвященные эпиграфике и отдельным политическим событиям эллинистического периода (*Ф.Ф. Соколов*), социальным категориям (*К.В. Хилинский*), вопросам культуры и религии (*Ф.Ф. Зелинский*), социально-экономическим проблемам (*М.И. Ростовцев*). В докладе *В.И. Кашеева* (Саратов) «Хайнц Хайнен как исследователь эллинизма» был представлен взгляд известного немецкого ученого на эллинизм как эпоху в античной истории. Исследовательский подход Х. Хайнена состоял в том, чтобы проследить линии развития в сферах государственности, социального устройства и экономики и после этого выяснить их сходства и различия. В «мультикультурной цивилизации» эллинизма особое внимание исследователь обращает, с одной стороны, на греческий язык и греческую культуру, с другой — на восточные религии и культы. Х. Хайнен также показал значительное влияние эллинизма на государственность и религию Римской империи.

Секция «История Рима» провела три заседания. Первое из них открыло выступление *Н.А. Филянова* (Москва) «К вопросу о связи между *lex Iunia de peregrinis* 126 г. до н.э. и *rogatio Fulvia de sociis civitate* 125 г. до н.э.», в котором докладчик отметил, что изгнание латинов из Рима в соответствии с *lex Iunia* было отражено в речи Г. Гракха против закона Пенна, и в свою очередь повлияло на содержание законодательной инициативы М. Фульвия Флакка. *И.В. Меркулов* (Новоаннинский, Волгоградская обл.) в докладе «*Arator arpinatus*: к вопросу о социальном происхождении Гая Мария» сделал вывод, что известный римский полководец, несомненно, принадлежал к всадническому сословию, а мнение о его крестьянском происхождении появилось из-за неправильной интерпретации термина *arator*. Выступление *И.Н. Степанова* (Санкт-Петербург) «Войско как важнейший фактор “Гражданских войн” Аппиана Александрийского» было посвящено рассмотрению образа римского войска в сочинении Аппиана. Особое внимание докладчик обратил на развитие самосознания воинов и их личной связи с полководцем. *М.Н. Кириллова* (Москва) в докладе «Выведение Марком Антонием колонии в Касилин: религиозный и земельно-правовой аспекты» отметила изменения, происходившие

в середине I в. до н.э. в римском землепользовании, и системные нарушения связанных с ним религиозных запретов и ритуалов. Завершило первое заседание секции выступление *Е.С. Данилова* (Ярославль) «Почему Домициан не почитал Секуритас?» в котором докладчик изложил свои соображения о причинах прекращения почитания богини *Securitas*, тесно связанной с императорским культом начиная с династии Юлиев-Клавдиев, при Домициане.

Второе заседание секции «История Рима» началось с доклада *В.О. Никишина* (Москва) «История Иродиады по данным Иосифа Флавия: хронологический аспект». Проанализировав сведения источников, докладчик выстроил хронологическую канву событий, происходивших при жизни внуки Ирода Великого. В частности, опираясь на предложенную хронологическую схему, выступающий датировал казнь Иоанна Крестителя 35 г., а распятие Иисуса Христа — 36 г. *А.В. Махлаюк* (Нижний Новгород) в докладе «Римская империя и наследие эллинизма» изложил свои взгляды о влиянии эллинизма на культурные, социальные и политические процессы в римском обществе и сделал вывод, что Римская империя может рассматриваться как продолжательница исторической миссии державы Александра Великого. Выступивший с докладом «Обожествленный образ Пoppеи Сабины: взаимовлияние египетских и греко-римских верований в апофеозе женских членов императорской семьи в римском Египте» *С.А. Качан* отметил, что обожествление Пoppеи Сабины находит египетские параллели, переплетается с идеями плодородия, добродетелей императора, установления справедливого порядка вещей *Маат* и утверждения *Pax Romana*. *В.В. Семенов* (Санкт-Петербург) посвятил свое выступление «Экономическая политика императора Пертинакса» разбору вопроса о том, на какую социальную группу опирался император, осуществляя свою политику, и как последняя соотносилась с политикой предшествующих ему Антонинов и следовавших за ним Северов. В докладе «“Дед мой рассказывал...”»: об одном источнике *SHA*» *И.А. Миролюбов* (Москва) представил анализ такого специфического источника, как «рассказы дедов», которые, по сути дела, являются анекдотами, но позволяют лучше понять работу авторов «*Scriptores Historiae Augustae*». В завершившем второе заседание секции выступлении «Записная книжка Г.А. Мессершмидта, данцигского школьника конца XVII в., как отражение уровня преподавания латинского языка» *Л.Д. Бондарь* (Санкт-Петербург) познакомила присутствующих с записной книжкой ученика Мариинской школы в Данциге, демонстрирующей степень владения латинским языком и уровень образования в названной школе в конце XVII в. в целом.

Предметом доклада *С.В. Никоненко* (Санкт-Петербург) «“Философы презирают людей”. Лукиан Самосатский о философах и общественной пользе», открывшего третье заседание секции «История Рима», стали анализ теоретической и сатирической критики Лукианом образа философа-современника и его идея о двух философиях: общественно-полезной и общественно-вредной. *С.В. Телень* (Мозырь, Белоруссия) выступил с докладом «Провинциальное командование ранней Римской империи и *domus Augusta*», в котором рассмотрел изменение характера империи в условиях становления системы принципата и механизмы контроля наместников со стороны доверенных лиц принцепса. *С.И. Межеричская* (Санкт-Петербург) в докладе «“Вифинские речи” Диона Хрисостома и внутренняя политика провинциальных городов (к вопросу о вероятной датировке *Or. XLVIII*)» показала, что «Вифинские речи» представляют собой ценное дополнение и развернутый историко-литературный комментарий к письмам Плиния Младшего, касающихся событий в Вифинии времен его проконсульства. Заседания секции «История Рима» завершило выступление *В.П. Никонорова* (Санкт-Петербург) «Кавалеристские седла в римской военной терминологии», который, рассмотрев термины, обозначавшие седла, их изображения и находки археологов, изложил свои представления об их конструкции.

27 и 28 октября состоялись три заседания секции «Раннее христианство», где прозвучали доклады по истории и библеистике. Работу секции открыло выступление *Е.Н. Мещерской* (Санкт-Петербург) и *А.В. Сизикова* (Санкт-Петербург) «С кем пить? Сирах 9:9 в разных переводах», посвященное интерпретации этого пассажа, предостерегающего от увлечения замужними женщинами. При его переводе следует ориентироваться на древнееврейский вариант, а не на греческий перевод, так как это создает искаженное представление не только о тексте книги, но и о представленных в нем исторических реалиях. В докладе *Е.А. Дружининой* (Санкт-Петербург) и *С.А. Тахтаджяна* (Санкт-Петербург) «Милосердие царя в “Письме Аристея”» был исследован вопрос об иудейских и греческих источниках, к которым могли восходить советы еврейских мудрецов царю Птолемею II Филадельфу чаще проявлять это качество (*Ep. Arist.* 188, 191–192, 207–208). *К.А. Битнер* (Санкт-Петербург) в докладе «Числовой символизм в “Письме Аристея”»:

влияние ветхозаветной традиции» обратился к проблеме истоков и использования в этом сочинении символических чисел 6, 7, 12, 70, 72. *А.В. Волчков* (Тюбинген, Германия) сделал доклад «“Уверовавшие в Христа выселились из Иерусалима”. Бегство в Пеллу — легенда или исторический факт?», где рассмотрел традицию о бегстве христианской общины из осажденного римлянами Иерусалима в Пеллу, о чем сообщают Евсевий Кесарийский (*HE* III. 5. 1) и Епифаний Кипрский (*Pan.* XIX. 7. 7; XXX. 2. 7; *De Mens.* 13). Хотя С.Г.Ф. Брэндон попытался доказать, что этот рассказ возник как «легенда об основании общины» среди христиан Заиордания в первой половине II в., у нас нет особых причин сомневаться в его историчности. *А.Н. Крюкова* (Москва) в докладе «Первоначальное христианство в “Деяниях святого Тимофея”» проанализировала содержащиеся в этом тексте сведения о распространении христианства в Малой Азии. *А.А. Королев* (Москва) посвятил свой доклад «Происхождение культа святых согласно Ипполиту Делез» критическому рассмотрению предложенной болландистом Делез гипотезе о возникновении культа святых в раннем христианстве и ее эволюции в его сочинениях.

Второе заседание открылось блоком выступлений, посвященных теме богатства и бедности в раннехристианской традиции. *А.Д. Пантелеев* (Санкт-Петербург) сделал доклад «Бедняки и богачи в сочинениях апостольских отцов и апологетов», где были рассмотрены различные точки зрения на проблемы богатства, бедности и их соотношение с добродетелью у раннехристианских писателей. В центре внимания докладчика оказались «Пастырь» Гермия и проповедь Климента Александрийского «Кто из богатых спасется». Доклад *А.В. Каргальцева* (Санкт-Петербург) «Богатство и бедность в апостольской церкви: к вопросу о методологии исследования» был посвящен общетеоретическим вопросам определения и классификации богатых и бедных в Церкви первого века. В нем были изучены вопросы терминологии, употребляемой в Новом Завете и в трудах мужей апостольских, и предпринята попытка выделить региональную специфику и местные традиции отношения к богатству и бедности. В докладе *Е.С. Леонтьева* (Санкт-Петербург) «Бедность как “варварство” в раннехристианской традиции» были проанализированы способы репрезентации и описания этнических групп в греко-римском мире, в том числе то, как использующаяся в «варварском» дискурсе категория бедности/богатства актуализировалась христианскими апологетами для легитимации своей собственной христианской идентичности. *А.Л. Мамонтов* (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад «Донатисты и деньги: полемика, агиография, проповедь» тому, как тема богатства и бедности отразилась в доонатистских источниках. Однозначной оценки денег в них не дается, они рассматриваются только как средство для достижения целей «своими» и «чужими» героями этих сочинений: противниками и преследователями, мучениками или простыми мирянами. *Н.В. Брагинская* (Москва) и *П.Н. Лебедев* (Москва) в докладе «Сколько соавторов было у Перпетуи?» проанализировали формирование текста «Страстей св. Перпетуи». В докладе впервые предлагается выделить в «Страстях» следы работы не трех авторов, как это было принято в научной литературе, и даже не четырех (Т. Хеффернан), а пяти. Следы работы пятого — редактора-составителя, который не был, в отличие от остальных авторов, ни участником, ни современником событий, — проявились в нарушениях структуры памятника и серьезной ошибке, попавшей в представление мучеников читателю. Последним на этом заседании прозвучал доклад *И.А. Копылова* (Мехико, Мексика) «Откровение Иоанна как пророческое послание: экзегетика блаженного Грегорио Лопеса (1542–1596) и современная историография». В своем «Трактате об Апокалипсисе» Лопес еще не отошел от историцистского подхода, характерного для Иохима Флорского, но вместе с тем применил целый ряд новаторских методов. В числе основных экзегетических новаций, предложенных Лопесом, следует указать на характеристику Апокалипсиса не только как истории, но и как послания, обращенного к христианам Азии, а через них — ко всем христианам.

Третье заседание секции, посвященной истории раннего христианства, началось с доклада *Р.М. Мазеева* (Санкт-Петербург) «Стоическая терминология и метафорика в апологии “Октавий” Минуция Феликса». Герой диалога Минуция Феликса христианин Октавий, являющийся выразителем взглядов автора, излагает стоические аргументы в противовес критике христианства, и вводит ряд риторических тропов, которые можно обнаружить у Сенеки. В докладе были рассмотрены вопросы о том, какие элементы стоического учения, термины и метафоры стоических авторов использует апологет, было ли привлечение стоического материала попыткой «мимикрии» христианства под популярную философскую школу и как использованный стоический материал сочетался с христианской доктриной. *А.В. Васильев* (Санкт-Петербург) в докладе «Религиозная политика Коммода и мученичество Аполлония» рассмотрел различ-

ные аспекты религиозной политики Коммода: его отношение к восточным божествам, прежде всего, египетским, императорскому культу и, наконец, к христианству. Особое внимание было уделено анализу данных «Мученичества Аполлония», сохранившегося в греческой и армянской версиях. В докладе «Констанций I и Великое гонение», сделанном *М.А. Ведешкиным* (Москва), были проанализированы особенности проведения Великого гонения на территории западных провинций Римской империи, входивших в домен тетрарха Констанция Хлора. Докладчик пришел к выводу о том, что Константин был вполне лояльным членом тетрархии и в своей религиозной политике был последовательным приверженцем линии августа Максимиана Геркулия, а сообщения Евсевия Памфила, Лактанция и Оптата Милевитанского о неучастии Констанция в гонениях являются продуктом пропаганды его сына Константина *И.В.А. Дмитриев* (Псков) посвятил свой доклад «Свт. Иоанн Златоуст о римско-персидских войнах» изучению сведений о персидской экспедиции императора Юлиана Отступника 363 г. в трудах Иоанна. Эти данные в целом согласуются с тем, что сообщают другие позднеантичные авторы, но описываемые события интерпретируются в рамках христианской парадигмы (связь поражения с гонениями, заключение мира как спасение, ниспосланное Богом и др.). Особое внимание было уделено фрагментам сочинений Иоанна, сообщающим о персидской военной разведке. *А.А. Филатов* (Санкт-Петербург) в докладе «Борьба с иудейским прозелитизмом при Феодосии Великом на примере проповедей Иоанна Златоуста» обратился к изучению иудейского прозелитизма во второй половине IV в. Против популяризации еврейских традиций в среде христиан активно выступал Иоанн Златоуст, яркое свидетельство его деятельности — «Проповеди» против иудеев. Данные, сообщаемые им об «иудеиствующих» христианах, коррелируют с информацией папирусных источников, что при сопоставлении позволяет представить масштаб данного явления. В докладе *Д.М. Омельченко* (Санкт-Петербург) «Реликвии Цезария Арелатского как источник для реконструкции епископских облачений эпохи поздней античности» были изучены реликвии, принадлежащие этому святому: два паллия, подошвы трех кожаных сандалий, погребальная туника, кожаный пояс с пряжкой из слоновой кости, а также мощи, хранящиеся в нескольких реликвариях в разных французских городах. Элементы его одежды, не вызывающие сомнений в аутентичности, позволяют сделать некоторые предположения о епископских облачениях эпохи поздней античности.

Отдельная секция была посвящена проблемам истории поздней античности, в работе которой наряду с антиковедами приняли участие историки-медиевисты. С открывшим заседание секции докладом «Христианская историография и формирование истории о падении Римской империи в V в.н.э.: проблемы позднеантичной хронографии и их отражение в современной историографии» выступил *Д.Н. Старостин* (Санкт-Петербург). Докладчик отметил, что в современной историографии усилились тенденции к пересмотру основанной на сведениях Проспера Аквитанского традиционной точки зрения на события, которые привели к падению Римской империи. Дав краткий анализ источников, выступающий показал, что в них представлены разные версии событий завершающего периода римской истории, отличающиеся от еще недавно общепринятой. *Е.А. Мехамадиев* (Санкт-Петербург) в докладе «Франки в позднеримской Галлии во второй половине IV — первой половине V в.: проблемы правового статуса и военной службы» указал на новые особенности военного и правового статуса франков-летов, которые не были отмечены в предшествующей историографии. В выступлении *П.В. Шувалова* (Санкт-Петербург) «“Запад есть Запад, Восток есть Восток”». Несколько размышлений о падении империи» присутствующим были представлены наиболее важные факторы, способствующие упадку власти императора, децентрализации, варваризации, и в конечном итоге, падению Западной Римской империи. Доклад *О.В. Пржигодской* (Санкт-Петербург) «Письма Синезия Киренского как исторический источник» был посвящен анализу писем епископа Птолемаиды Синезия и определению круга проблем, которые были актуальны для него как церковного главы города в начале V в.н.э. *С.Е. Федоров* (Санкт-Петербург) в завершающем заседании секции докладе «Легенда об Энее: история одной средневековой рецепции» рассмотрел один из вариантов рецепции легенды об Энее в том виде, в котором она сложилась сначала в греческой, а затем в римской традиции, а позднее была заимствована раннесредневековыми авторами. Основное внимание докладчик уделит тому варианту рецепции, который сложился в валлийском историописании.

Во время конференции работала секция, специально посвященная Иоанну Никиускому и его «Хронике», созданной около 700 г.; ее заседание состоялось 27 октября. В докладе «Македонские цари из династии Аргеадов в “Хронике” Иоанна Никиуского» *М.М. Холод*

(Санкт-Петербург) отметил, что в этом сочинении упоминаются лишь три царя данного дома — Филипп II, Александр Великий и Филипп III Арридей, причем основное внимание уделяется Александру. Рассмотрев релевантные пассажи, докладчик пришел к заключению, что хотя в изложении истории Александра Иоанн Никиуский следует в значительной степени Иоанну Малале (VI в.), оно отнюдь не является усеченной версией соответствующего рассказа последнего, но отличается известной самостоятельностью. В докладе *Д.Д. Копаневой* (Санкт-Петербург) «Император Нерон в “Хронике” Иоанна Никиуского: к постановке вопроса» был представлен подробный анализ образа этого римского императора в данном произведении. Затронув при этом вопрос об источнике, на который в данном случае опирался Иоанн Никиуский, *Д.Д. Копанева* указала на уникальность выведенного в нем образа Нерона. В свою очередь, *В.В. Василиком* (Санкт-Петербург) в докладе «Образ императора Константина в “Хронике” Иоанна Никиуского» было, помимо прочего, показано, что особенностью этого труда является представление Константина как победителя персов и завоевателя части Персидской державы. С точки зрения *В.В. Василика*, здесь возможно увидеть влияние образа императора Ираклия (ум. в 641 г.) как «нового Константина» и его побед над персами. В докладе *С.А. Французова* (Санкт-Петербург) «Передача элементов доисламской южноаравийской традиции через Египет» в центре внимания оказался тот факт, что у Иоанна Никиуского монарх-гонитель христиан в «Стране темнокожих» по имени Тамнус носит титул «царь народов (племен)», весьма точно соответствующий реальной титулатуре правившего Химйаром в начале 20-х гг. VI в. царя-иудея Иосифа: «царь всех общин (племен)», — которую до него никто не носил. Как отметил *С.А. Французов*, арабо-мусульманской традиции эта титулатура также не известна. Однако в эфиопском переложении копто-арабского агиографического памятника «Житие мучеников» сохранилось предание о св. Азкире (60-е гг. V в.), в котором обнаруживается много реалий, присущих Химйаритскому царству того периода. Наконец, доклад *Д.И. Савельевой* (Санкт-Петербург) «Город Никиу в представлении эфиопов» был посвящен этому египетскому городу, епископскую кафедру которого как раз и занимал Иоанн, автор «Хроники». *Д.И. Савельева* указала, что хотя о Никиу сохранились лишь немногие сведения и до сих пор спорным остается вопрос о его местоположении, он, по всей видимости, был вполне хорошо известен эфиопам — об этом свидетельствует упоминание его названия в эфиопском синаксаре более десяти раз за шесть месяцев.

28 октября проходила работа секции «Культура античного мира, историография и рецепция», которая открылась выступлением *А.Е. Барышниковой* (Нижний Новгород) на тему «В поисках Дуроверна: проблемы реконструкции истории римского Кентербери». Автор доклада отметил, что систематически изучаемый с 1950-х годов римский Кентербери (или Дуроверн кантиаков) традиционно воспринимался как типичный центр провинциального урбанизма, однако работы последних лет показывают, что такой взгляд не соответствует действительности. В докладе *А.В. Зибеева* (Сургут / Тюмень) «Из истории античной фармакологии: классификация лекарственных растений в Гиппократовом корпусе (Hipp. *De diet.* II. 54–55)» была проанализирована первая в античности классификация лекарственных растений, представленная в трактате «О диете», в котором, опираясь на идею Гераклита о противостоянии природных стихий, автор трактата попытался разделить лекарственные растения на «огненные» и «водные». *М.С. Назарова* (Санкт-Петербург) в докладе «“Парфянская тема” в римской нумизматике поздней Республики и ранней Империи» обратилась к изучению проблемы конструирования и репрезентации образа Парфии и парфян в изобразительном искусстве и культуре Древнего Рима, проследив процесс формирования данного образа, а также способы его использования в официальном искусстве и государственной пропаганде. В докладе *А.А. Силицына* (Санкт-Петербург) на тему «Трагический и комический образ античного мудреца Сократа в кинематографе» были рассмотрены отечественные и зарубежные фильмы, в которых образ прославленного философа изображен в двух аспектах: трагическом, где герой показан в «момент истины» (суд и смерть Сократа), и комическом, где он представлен непримиримым спорщиком, наивным борцом за справедливость, терпящим постоянные упреки своей жены Ксантиппы. В докладе на примере более чем 20 кинокартин было показано, что оба аспекта «сократических» фильмов демонстрируют устойчивый художественный типаж афинского мудреца-правдоискателя.

Заключительное пленарное заседание конференции состоялось 28 октября 2022 г. Тему «Девкалион и Мисфрагмутосис: об одном греко-египетском синхронизме в труде Манефона (Manetho, frg. 52 Waddell)» раскрыл в своем докладе *И.А. Ладынин* (Москва). Автор дал собствен-

ное объяснение сообщению царского списка Манефона Севеннитского о том, что Девкалионов потоп произошел во времена шестого царя XVIII династии Мисфрагмутосиса (форма имени, соответствующая египетскому «Менхеперра Тутмос» — тронному и личному именам Тутмоса III). *А.А. Трофимова* (Санкт-Петербург) посвятила свой доклад «Куда направляется старый поселенин? О сюжете статуи пастуха из собрания Государственного Эрмитажа» характеристике первой античной скульптуры в России — статуе пастуха, приобретенной в 1718 г. в Риме по указанию Петра Великого. В докладе отмечено, что дошедшие до нас реплики римского времени относятся к типу, распространенному в эпоху эллинизма. Все версии отличаются деталями, но имеют в основе один образец. В докладе предложена трактовка сюжета в сопоставлении с текстами I, V, VII «Идиллий» Феокрита и других источников. Тему «Архив А.Н. Егунова в контексте переводов платоновских текстов в России» раскрыл *Р.В. Светлов* (Калининград). Докладчиком было отмечено, что выдающийся отечественный переводчик, филолог, писатель и поэт А.Н. Егунов, оставил после себя архив, документы которого раскрывают особенности подхода к передаче античного философского текста, переводческие приемы А.Н. Егунова и принципы его редакторской работы. *Ю.А. Виноградов* (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад теме «Таманская экспедиция ГАИМК (1930–1931). Вопросы недолгой истории». Докладчик отметил, что Таманская экспедиция ГАИМК во главе с А.А. Миллером была запланирована на долгий срок и должна была стать школой для Академии. За два года на Таманском полуострове были проведены масштабные разведки и составлена археологическая карта района, на ряде памятников (Тмутаракань/Гермонасса, Фанагория, Патрей, Суворовское поселение) удалось провести раскопки. Однако установка на доминирование ГАИМК в археологических исследованиях в стране стала одной из причин недолгой истории Таманской экспедиции. *И.Л. Тихонов* (Санкт-Петербург) в докладе на тему «Отзыв О.О. Крюгера на рукопись С.А. Жебелева «История Русского археологического общества» охарактеризовал обнаруженный в архиве резко отрицательный отзыв О.О. Крюгера на рукопись С.А. Жебелева «История Русского археологического общества за третью четверть века своего существования. 1897–1921 гг.».

Подводя итоги конференции, председатель программного комитета О.Ю. Климов поблагодарил всех участников — докладчиков и слушателей, отметил актуальную тематику докладов, их высокий научный уровень, весьма содержательные дискуссии, которые развернулись по поводу многих выступлений. О.Ю. Климов подчеркнул, что конференция остается востребованным ежегодным научным форумом и пригласил всех участников на «Жебелевские чтения—XXV», проведение которых планируется в октябре 2023 г.

Oleg Yu. Klimov,

E-mail: o.klimov@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-8379-5456

Oksana V. Kulishova,

E-mail: o.kulishova@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-7892-0083

Aleksei D. Panteleev,

E-mail: a.panteleev@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-3333-7980

Sergei M. Zhestokanov

E-mail: s.zhestokanov@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-9793-3891

St. Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

О.Ю. Климов,

д.и.н., профессор кафедры
истории древней Греции и Рима

О.В. Кулишова,

д.и.н., профессор кафедры
истории древней Греции и Рима

А.Д. Пантелеев,

к.и.н., доцент кафедры истории
древней Греции и Рима

С.М. Жестоканов,

к.и.н., доцент кафедры истории
древней Греции и Рима

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

ЮЛИЙ БЕРКОВИЧ ЦИРКИН (20.IV.1935–3.II.2022)

3 февраля 2022 г. в Санкт-Петербурге скончался выдающийся российский ученый, доктор исторических наук, профессор Юлий Беркович Циркин.

Путь Юлия Берковича в науку был непростым. В 1954 г. он не прошел по конкурсу на исторический факультет ЛГПИ им. А.И. Герцена и в 1954–1957 гг. проходил срочную военную службу в Туркменистане. Затем была работа на заводе, и только в 1958 г. Юлий Беркович поступил на исторический факультет ЛГУ им. А.А. Жданова. Еще в школе Юлий Беркович заинтересовался Испанией. Поначалу он хотел изучать историю Испании 1930-х годов, но молодой преподаватель Э.Д. Фролов уговорил его обратить свое внимание на античность, и Юлий Беркович выбрал специализацию по кафедре истории Древней Греции и Рима, занявшись изучением древней Испании.

Учителями Юлия Берковича на кафедре истории Древней Греции и Рима были К.М. Колобова, А.И. Доватур, Д.П. Каллистов, а научным руководителем (начиная с курсовой работы на первом курсе) стал профессор Н.Н. Залесский. В 1963 г. Юлий Беркович с отличием закончил университет и был принят в аспирантуру, которую закончил в 1966 г. Из-за пресловутой «пятой графы» перспективного молодого специалиста не позволили оставить на кафедре. В последующие несколько лет Юлий Беркович жил случайными заработками: работал преподавателем-«почасовиком» в разных вузах Ленинграда, внештатным экскурсоводом в Эрмитаже. В 1968 г. под руководством Н.Н. Залесского он защитил кандидатскую диссертацию «Фокейцы в Испании (VII–IV вв. до н.э.)».

Даже после защиты найти постоянную работу в родном городе Юлию Берковичу не удалось. Поэтому в 1970 г. он пришел на исторический факультет Новгородского педагогического института (в 1993 г. преобразованного в Новгородский университет им. Ярослава Мудрого), в котором проработал более 40 лет (до 2014 г.): с 1971 г. — в качестве старшего преподавателя, с 1974 г. — доцента, с 1980 г. — профессора. В 1981 г. Юлий Беркович стал первым заведующим вновь созданной кафедры всеобщей истории, и в этой должности он оставался до 1992 г. В годы работы Юлия Берковича в НовГУ под его руководством защитили кандидатские дис-

сертации несколько аспирантов. Его вклад в развитие антиковедения в Великом Новгороде сложно переоценить.

Научные интересы Юлия Берковича были удивительно широки. О его занятиях историей Древней Испании и греческой колонизации в Западном Средиземноморье уже было сказано. Юлий Беркович был одним из лучших в нашей стране знатоков истории Древней Финикии и крупнейшей финикийской колонии – Карфагена, которому посвящена одна из его первых монографий «Карфаген и его культура» (1986). Он также много занимался изучением царского Рима, эпохи гражданских войн в Римской республике (I в. до н.э.) и историей Рима периода Империи.

В последние годы жизни, уже выйдя на пенсию, Юлий Беркович продолжал свою научную работу, написав несколько значимых монографий: «Военная анархия в Римской империи» (СПб., 2015), «На краю греческой Ойкумены: фокейцы на Западе» (М., 2017), «Политическая история Римской империи» (в 2х т.; СПб., 2018–2019). Последним его крупным трудом стала книга «История Рима. Царский Рим в Тирренской Италии» (СПб., 2020). К сожалению, Юлий Беркович не успел завершить все задуманное, однако есть надежда, что несколько работ, подготовленных к печати, но не вышедших в свет при его жизни, тоже когда-нибудь станут достоянием читающей публики.

Научное наследие Юлия Берковича очень велико. Оно включает в себя около 30 монографий, научно-популярных книг и учебно-методических изданий, десятки статей, переводы античных источников («Истории лангобардов» Павла Диакона, «Испанской войны» Псевдо-Цезаря). Первая монография Юлия Берковича, «Финикийская культура в Испании», вышла в свет в 1976 г. По совету И.Ш. Шифмана он переработал ее в докторскую диссертацию («Финикийцы в Испании. К проблеме культурных контактов в древнем Средиземноморье»), которую и защитил в 1978 г. в ЛГУ. Книги Юлия Берковича написаны живым, ярким языком, так что они вызывают интерес не только у специалистов, но и у широкого читателя. Его научные заслуги получили признание как в нашей стране, так и за рубежом. С 1972 г. он регулярно публиковал статьи на русском, немецком, английском и испанском языках в солидных европейских журналах («Klio», «Gerión», «Polis», «Rivista di studi fenici» и др.) и сборниках трудов научных конференций. В 1989 г. Юлия Берковича пригласили прочесть лекции в нескольких испанских университетах (Комплутенском университете Мадрида, университетах Кордовы и Алькала-де-Энарес). Он неоднократно принимал участие в международных конгрессах и симпозиумах. Монография «Финикийская культура в Испании» была переведена на немецкий и арабский языки.

Юлий Беркович был интеллигентным и обаятельным человеком, блестящим лектором, интересным и остроумным собеседником, гостеприимным хозяином. Его смерть стала тяжелой утратой для всех его друзей, коллег и учеников и, конечно, для нашей науки о древности. С ним уходит старая эпоха – он был одним из последних крупных антиковедов советского поколения. Добрая память о Юлии Берковиче навсегда сохранится в сердцах всех, кому посчастливилось его знать, общаться с ним и учиться у него. Юлий Беркович Циркин останется для нас примером верного и честного служения Науке, которому он посвятил всю свою долгую и насыщенную жизнь.

Друзья и коллеги

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА БОРИСОВИЧА НИКИТИНА (16.VI.1956–31.V.2022)

Александр Борисович Никитин родился в Москве. Его мать, Валентина Ивановна, преподавала в Московском Архитектурном институте, отец, Борис Семенович, был капитаном I ранга, автором документальной повести о буднях разведки «Зеленые рукава». Будучи прекрасным музыкантом, он, выйдя в отставку, увлекся историей музыки и издал две книги, посвященные биографиям П.И. Чайковского и С.В. Рахманинова.

Благодаря работе отца на дипломатической службе часть детства и подросткового возраста А.Б. Никитин провел в США и Англии и потому был прекрасным знатоком английского, что было редкостью в советские годы и очень помогло ему в дальнейшем (как и его друзьям, желавшим публиковаться за рубежом). В 1973 г. он окончил московскую среднюю школу № 31 и сразу поступил в МГУ на кафедру истории древнего мира исторического факультета. Там он застал ярких представителей прошедшей эпохи: В.И. Авдиева, А.Г. Бокшанина, а заведовал кафедрой в то время В.И. Кузищин. Студента заметил Н.С. Петровский, профессор тогда Ленинградского университета, который читал в Москве «Введение в египтологию». Уже в университете в сферу интересов Александра Борисовича вошла нумизматика. Со своей способностью к языкам, Никитин прекрасно изучил классические языки, у А.А. Вигасина учил санскрит, занимался древне- и среднеиранскими языками.

После окончания университета он недолго работал в Научно-методическом совете по охране памятников культуры Министерства культуры СССР, а с 1980 по 1987 г. трудился младшим научным сотрудником в отделе нумизматики Государственного исторического музея, где занимался парфянскими и сасанидскими монетами.

В 1981 г. Никитин поступил в заочную аспирантуру Института археологии РАН, где его научным руководителем стал крупнейший специалист по Парфии Г.А. Кошеленко, заведующий сектором античной археологии. В аспирантуре была написана диссертация «Организация монетного дела ранней Парфии», которая была обсуждена и одобрена, но не защищена. Позже материалы этой диссертации вошли в монографию Александра Борисовича «Становление

Парфянского государства». Почти готовую рукопись он разослал коллегам и обсудил на научном заседании в Эрмитаже около 10 лет назад, но в дальнейшем публикация застопорилась.

На рубеже 1970–1980-х годов на конференции в Москве Никитин познакомился с Г. В. Луконым, заведующим отделом Востока Государственного Эрмитажа. Они произвели друг на друга яркое впечатление и отлично провели время, обсуждая общую для них научную тему — сасанидскую нумизматику. В 1987 г. А. Б. Никитин переезжает в Ленинград и, по приглашению выдающегося нумизмата Е. В. Зеймалю, начинает работать в отделе Востока Эрмитажа, в секторе древнего Востока в качестве специалиста по Ирану. По рассказам самого Никитина, Зеймаль пригласил его, «чтобы спорить». В Эрмитаже Александр Борисович хранил коллекции Древнего Ирана, парфянских остратов, сасанидских печатей и монет из археологических раскопок Средней Азии. В Петербурге он знакомится с корифеем среднеиранской эпиграфики В. А. Лившицем и издает с ним несколько совместных работ.

Александр Борисович Никитин много ездил в среднеазиатские экспедиции. В 1970-х годах он участвовал в раскопках Джигербента (Туркмения, Хорезмский оазис), в 1980-х годах — в раскопках на Топрак-кале (Узбекистанская часть Хорезма), на Кара-тепе в Старом Термезе, а непосредственно перед поступлением в Эрмитаж — в Сибирской экспедиции. Кроме археологической, нумизматической, эпиграфической работы он фотографировал археологические находки.

Особенно важной для научных исследований А. Б. Никитина стала его работа в Южном Туркменистане, сначала в составе экспедиции Г. А. Кошеленко, а затем в международном Мервском проекте в 1992–2000 годах, которым он руководил с российской стороны.

Последним экспедиционным проектом Александра Борисовича была работа на городище Каррон в Дарвазе в 2013–2014 годах, а незадолго до этого Никитин, хранитель пальмирской коллекции Эрмитажа, был в научной командировке в Сирии.

Сферу основных научных интересов А. Б. Никитина можно охарактеризовать как Иран и сопредельные страны в парфянскую и сасанидскую эпохи, причем в своих работах он выступал и как филолог, и как историк. Он публиковал эпиграфические памятники на среднеперсидском, парфянском и бактрийском языках, исследовал геммы и буллы, серебряную посуду, терракоты, и особенно нумизматические памятники. В своих работах (часто в соавторстве с С. Д. Логиновым) он, по сути дела, выступил первооткрывателем сасанидской медной монеты. Большинство специалистов по нумизматике Сасанидов объектом исследований выбирают серебряные драхмы и золотые динары, которые в коллекциях, как правило, не имеют надежного провенанса. Раскопки в оазисе Мерва дали большой объем документированной медной чеканки Сасанидов, оказавшейся, как показал Никитин, важнейшим источником информации; позднее он исследовал медь сасанидского времени из Арахосии и Систана.

Часто он выходил за пределы этого и без того широкого круга тем, публикуя то древнеперсидский фрагмент из Фанагории, то сооружения Дарваза позднесредневекового времени или историографию русских исследований в Сирии. В общей сложности, А. Б. Никитиным опубликовано более 200 статей на русском, английском, немецком языках.

Нельзя пройти мимо и другой деятельности Никитина. В начале 2000-х годов он участвовал в работе Экспертно-консультативного совета по охране культурного наследия при Комитете по культуре Государственной Думы. Отдельным направлением деятельности Александра Борисовича были переводы с английского языка различных книг, от военной истории самураев до мемуаров У. Черчилля, а также переиздание литературы, посвященной истории флота, которая его очень интересовала. В этом же ряду стоит русское издание «Библейской археологии» Дж. Э. Райта (2003), включающее объемные примечания научного редактора — А. Б. Никитина. В Эрмитажном лектории — и не только в нем — он читал циклы лекций «История и культура Древнего Ирана», «Библейская археология», «Древняя Пальмира», «Археология Средней Азии». Он подготовил экспозицию Пальмиры в Эрмитаже, издал брошюру о пальмирском таможенном тарифе.

Академическая карьера с ее должностями, степенями, званиями и толпой учеников и последователей не очень интересовала Александра Борисовича, который всем формальным костюмам предпочитал вязанные свитера. Он выбирал увлекательные проекты и беседы на научные и околonaучные темы в компании интересных людей, прекрасно готовил и приносил собственноручно приготовленные деликатесы в деревянных коробочках, собственноручно выточенных на токарном станочке. Его коммуникативные навыки, дипломатичность, умение создавать нужную атмосферу и отношение притягивали к нему людей. Это проявилось и в созда-

нии бара «Окоп» на Тучковом переулке в начале 2000-х годов, ставшего своего рода *Stammlokal* расположенных рядом факультетов Санкт-Петербургского государственного университета, который занял подобающее место в неформальной истории университета. В «Окопе», например, традиционно завершались Петербургские египтологические чтения.

Публикуя посмертно работу А. Б. Никитина (как и многое, написанную в соавторстве), мы отдаем дань нашему рано почившему коллеге и другу, который издал в «Вестнике» многие из своих важнейших работ.

Larisa O. Smirnova,

State Hermitage Museum
Saint Petersburg, Russia
E-mail: smirnova@hermitage.ru
ORCID: 0000-0002-5757-3542

Pavel B. Lurje,

State Hermitage Museum
Saint Petersburg, Russia
E-mail: pavlvsivria@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9931-1498

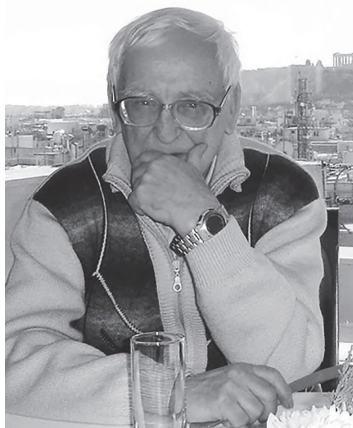
Л. О. Смирнова,

н. с. отдела Востока
Государственного Эрмитажа
Санкт-Петербург, Россия

П. Б. Лурье,

к. филол. н.,
зав. сектором Средней Азии, Кавказа
и Крыма отдела Востока
Государственного Эрмитажа
Санкт-Петербург, Россия

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ КАЦ
(20.IV.1937–31.I.2023)

Всего пять лет назад, в 2017 году, мы посвятили XVIII выпуск научного сборника «Античный мир и археология» 80-летию нашего коллеги и учителя, классика и патриарха античной археологии Владимира Ивановича Каца¹. А теперь приходится писать о том, что его нет с нами. Горько и обидно, так много еще нужно было сделать, согласовать с ним, посоветоваться, тем более, что он до самого конца отличался прекрасной памятью, работоспособностью и разумным отношением к жизни.

Родился Владимир Иванович 20 апреля 1937 года в Саратове, после школы поступил на вечернее отделение истфака СГУ. В далеком 1957 году впервые в истории исторического факультета СГУ состоялась археологическая практика студентов на античном памятнике — в Херсонесе Таврическом. В составе этой группы оказался и третьекурсник В.И. Кац, который начал работать в экспедиции известного исследователя Херсонеса С.Ф. Стржелецкого. Именно он привлек В.И. Каца к обработке массового керамического материала, и здесь произошло его первое знакомство с античными клейменными амфорами и черепицей. После окончания практики Владимир Иванович остался в экспедиции на весь полевой сезон, решив посвятить себя изучению античных древностей. Вернувшись в Саратов, он выбрал для будущего дипломного сочинения тему «Роль внешней торговли в экономике античного Херсонеса». Это определило всю его дальнейшую жизнь.

После окончания университета Владимир Иванович отработал 3 года (с 1959 по 1962 гг.) школьным учителем в г. Мыски Кемеровской области. Там он увлеченно занимался археологией, исследуя андроновские некрополи совместно с преподавателем Кемеровского пединститута А.И. Мартыновым, будущим мэтром археологии, д.и.н. и заслуженным деятелем науки России.

¹ Монахов С.Ю. 2017: К юбилею Владимира Ивановича Каца. *Античный мир и археология* 18, 1–2 (URL: <https://ama.sgu.ru/ru/articles/k-yubileyu-vladimira-ivanovicha-kaca>; дата обращения: 25.02.2023).

С 1962 года Владимир Иванович обучался в аспирантуре Московского Областного пединститута им. Н.К. Крупской. В Москве у него постепенно установились тесные связи с выдающимся археологом и эпиграфистом, профессором МГУ Б.Н. Граковым, под руководством которого и были продолжены исследования в рамках кандидатской диссертации по теме «Внешняя торговля в экономике античного Херсонеса». В эти годы Б.Н. Граков завершал работу над фундаментальным корпусом клейм *IOSPE* III.

На завершающей стадии оформления рукописи свода перед сдачей в архив Института археологии Б.Н. Граков привлек В.И. Каца к технической работе над ним. Когда закончилась работа над «беловым» (машинописным) вариантом корпуса, Б.Н. Граков, как вспоминал позднее Владимир Иванович, как-то сказал: «Жалко выбрасывать черновой экземпляр, может быть ты, Володя, возьмешь?» Так Владимир Иванович привез в Саратов черновой (рукописный) вариант этого корпуса, что, как стало ясно позднее, имело огромное значение. И хотя корпус так никогда и не был опубликован, Владимир Иванович посвятил всю свою жизнь продолжению работы Е.М. Придика и Б.Н. Гракова и весьма серьезно продвинул эту проблематику.

После окончания аспирантуры Владимир Иванович два года проработал в Пединституте г. Борисоглебска. А диссертацию он завершил уже в Саратове, когда вернулся на родную кафедру. Защита состоялась в 1969 году в Воронежском университете, формальным руководителем выступила Ю.С. Крушкол, а Б.Н. Граков стал официальным оппонентом. Вернувшись на кафедру СГУ сложившимся специалистом, Владимир Иванович стал вести подготовку молодежи по специализации «античная археология».

Следующий этап жизни Владимира Ивановича ознаменовался тесным сотрудничеством с сектором античной археологии ЛОИА, и прежде всего с такими признанными лидерами ленинградской школы, как И.Б. Брашинский и А.Н. Щеглов. Работы на поселении и некрополе Панское-1 в Северо-Западном Крыму на протяжении двух с половиной десятилетий позволили В.И. Кацу и его группе отработать методику работы с массовым керамическим материалом, что в конечном счете привело к изданию амфорной коллекции памятника в коллективном труде «Panskoye I. The Monumental Building U6» (2002).

За несколько десятилетий вокруг В.И. Каца сложился творческий коллектив, добившийся серьезных результатов в этой специфической отрасли знания. Опубликованы сотни статей, вышедших как в отечественных, так и в зарубежных изданиях. Увидели свет полтора десятка монографий. Таким образом, Владимир Иванович стал основоположником Школы античной археологии в Саратовском университете.

Параллельно с этим шло накопление источниковой базы по керамической эпиграфике Северного Причерноморья. Владимир Иванович обработал коллекции практически всех музеев с античными коллекциями: Эрмитажа, ГИМа, ГМИИ, Кубанского, Херсонесского, Евпаторийского, Одесского, Ростовского, Анапского и множества других.

С 1990-х годов В.И. Кац без устали публиковал статьи и монографии. Каждая из них является уникальным и неповторимым самостоятельным исследованием, а некоторые превратились в настольные книги для специалистов в области античной истории и археологии.

В 1992 году под редакцией В.И. Каца и С.Ю. Монахова вышел тематический научный сборник «Греческие амфоры» (Саратов). Кроме отечественных ученых в нем приняли участие ведущие зарубежные исследователи. Через два года была опубликована монография В.И. Каца «Керамические клейма Херсонеса Таврического» (Саратов), которая является первым в науке исчерпывающим каталогом и аналитическим исследованием этого важнейшего археологического источника. В 2007 году увидела свет следующая фундаментальная монография «Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)» (Керчь–Симферополь). В ней нашел отражение многолетний опыт автора по работе с амфорными клеймами, и было изложено современное состояние разработок по хронологии клейм основных центров – производителей керамической тары. Эта книга является на сегодняшний день единственным в мировой историографии трудом, охватывающим практически все центры, клеймившие керамическую тару в Средиземноморье и Причерноморье. В 2015 году появилась следующая монография «Керамические клейма Азиатского Боспора. Часть I. Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище» (Саратов). Она стала, пожалуй, эталонным образцом издания Каталога керамических клейм.

Вне всякого сомнения, книгам В.И. Каца суждена долгая жизнь, они многие десятилетия будут активно использоваться археологами и эпиграфистами. Совсем недавно им была завершена новая книга по хронологии энглифических клейм Гераклеи Понтийской, которую еще предстоит издать.

На сегодняшний день, как в России, так и за рубежом В.И. Кац, наряду с И. Гарланом, является самым авторитетным и уважаемым специалистом в области керамической эпиграфики. Уже перечень стран и научных центров, обращавшихся к Владимиру Ивановичу за консультациями, дает представление о его научных связях и известности: США и Франция, Германия и Румыния, Греция и Болгария, не говоря уже о России и Украине.

Трудно не испытывать глубочайшей скорби от того, что столь выдающегося ученого и замечательного человека уже нет среди живущих. Светлую память о нем навсегда сохранят наши сердца.

От имени сотен учеников

Sergei Yu. Monachov,

Saratov State University

Saratov, Russia

E-mail: monachsju@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8098-828X

С.Ю. Монахов,

д.и.н., проф.

руководитель Института археологии

и культурного наследия,

зав. кафедрой истории древнего мира СГУ

им. Н.Г. Чернышевского

Саратов, Россия

ПРИЛОЖЕНИЕ

Vestnik drevney istorii
83/1 (2023), 240–247
© The Author(s) 2023

Вестник древней истории
83/1 (2023), 240–247
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.31857/S032103910018388-9

КОПТСКОЕ МУЧЕНИЧЕСТВО СТЕФАНА (*P. Duke. inv. 438*)

(*Предисловие, перевод с коптского и комментарии А.А. Войтенко*)

В 1995 г. в журнале «*Analecta Bollandiana*» П. ван Минненом был опубликован текст, сохранившийся на папирусе из коллекции Университета Дьюка (Дарем, Северная Каролина)¹. Этот текст является наиболее ранним агиографическим свидетельством о мучениках, сохранившихся на коптском языке, и представляет интерес уже самим этим фактом. Но не менее интересна история странствий самого папируса *P. Duke. inv. 438* в новейшее время. Сначала он был приобретен в 1955 г. Университетом Миссисипи у египетского дилера в Каире в составе лота, включавшего помимо прочего две важные коптские рукописи². Однако со временем Университет Миссисипи потерял интерес к этому документу, решив продать его и выручить деньги для покупки бумаг известного американского писателя У. Фолкнера³. Тогда папирус в составе большого лота был приобретен Университетом Дьюка, где, насколько нам известно, он и находится в настоящее время.

Папирус *P. Duke. inv. 438* относительно скромнен по своим размерам (28 x 11,6 см) и содержит значительные утраты в середине. По оценке издателя, утрачено примерно 45% текста⁴. Однако ван Миннену удалось провести большую работу по сравнительному анализу этого произведения и близких к нему по времени коптских мученичеств⁵, еще не превратившихся в легендаризованные «эпические» полотна, и таким образом реконструировать значительную часть утраченного текста. По палеографическим

¹ Van Minnen 1995.

² Van Minnen 1995, 14.

³ Как пишет П. ван Миннен, сам Фолкнер вряд ли бы одобрил такое решение: по его сведениям, когда Университет Миссисипи искал деньги для покупки лота, о котором идет речь, Фолкнер первым пожертвовал деньги на его приобретение (van Minnen 1995, 27).

⁴ Van Minnen 1995, 15.

⁵ Прежде всего это мученичества Коллуфа, Паэсе и Феклы, Синуфе (Raymond, Barnes 1973), Псоте (Orlandi 1978) и фрагменты мученичества Тимофея (Till 1935). Новое издание всего досье о Коллуфе (включая и его мученичество) предприняла Г. Шенке: Schenke 2013.

данным папирус датируется второй половиной IV в.⁶, а по своему назначению он, безусловно, был литургическим, т.е. читавшимся на богослужении в день памяти святого⁷.

Интересен вопрос жанра этого произведения. Наиболее близкий к нему аналог — «Акты скилитанских мучеников»⁸. Акты как жанр представляют собой наиболее близкий к документальному изложению нарратив, даже если сравнивать его с другими типами ранней агиографии о мучениках (тексты, оформленные как послания, и *passiones*⁹). И П. ван Миннен, и Э. Випшицка, посвятившая этому источнику одно из приложений в своей монографии¹⁰, однозначно пишут о том, что текст «Актів Стефана» не подвергался литературной обработке¹¹. Он является переводом греческого оригинала, лишен каких-либо оценочных суждений и, кроме завершающей фразы, представляет собой конспект судебного процесса над мучеником, либо сделанный с архивного оригинала, либо основанный на тахиграфических записях христиан, присутствовавших на процессе¹². Сам по себе это очень важный факт, позволяющий сделать ряд любопытных заключений. И античная (греко-латинская), и коптская агиография мучеников имела одну и ту же «стартовую позицию», но в первом случае мы чаще всего имеем дело с оригинальными текстами, а во втором — с переводами греческих источников. Правда, хронологически коптская агиография мучеников «отставала» от греко-латинской примерно на двести лет, если мы примем за ее *terminus post quem* датировку папируса с «Актами Стефана»¹³. Но последующее их развитие шло по совершенно сходным траекториям. В жанровом плане оно характеризовалось внедрением в литературные модели ранней агиографии элементов жизнеописания (*βίος*) и энкомия¹⁴. В сюжетно-содержательном плане наиболее ясно выделяются

⁶ Van Minnen 1995, 15–16.

⁷ Ван Миннен в качестве доказательства приводит доксологическое завершение текста: van Minnen 1995, 38. Дополнительные аргументы приводит Э. Випшицка: текст написан только на одной стороне, следовательно, этот лист не мог входить в состав кодекса, где текст располагался на обеих сторонах папируса, и быть частью сборника (“a part of a literary work”), предназначенного для индивидуального чтения, см. Wipszycka 2015, 100.

⁸ «Акты» изданы несколько раз: Robinson 1891, 112–120 (греческая и две латинские версии); Musurillo 1972, 86–89 (латинская версия и английский перевод); Bastiaensen 1987, 100–105 (латинский текст и итальянский перевод). Существуют три перевода «Актів» на русский: А.Н. Крюковой (Kryukova 2011), латинская версия; А.В. Каргальцева (Panteleev 2017, 172–179), латинская и греческая версии; и самый ранний по времени перевод Г.П. Федотова (1886–1951), вероятно, с латинской версии, изданный нами по архивным материалам (Voytenko 2020).

⁹ О разнице актов и *passiones* см., например, Rodorf *et al.* 2014, 704–707. К сожалению, авторы статьи не проводят различий между собственно *passiones* и посланиями. Ср. также краткое, но ёмкое замечание Г.П. Федотова: Fedotov 1928, 223.

¹⁰ «Приложение С» к третьей главе монографии: Wipszycka 2015, 99–105.

¹¹ Вот мнение Э. Випшицкой: “The text is ‘bare’ in its way, and it was not subjected to a literary remake” (Wipszycka 2015, 101), ср. van Minnen 1995, 24–25.

¹² П. ван Миннен предполагает, что в основе греческого оригинала лежал архивный протокол судебного заседания (van Minnen 1995, 24), Э. Випшицка допускает и альтернативный вариант: составитель текста сам присутствовал на суде (Wipszycka 2015, 101).

¹³ Если мы оставим в стороне новозаветный рассказ о первомученике Стефане (Деян 6–8), то наиболее ранние произведения агиографии о мучениках датируются второй половиной II в.: ок. 155 г. или ок. 170 г. — «Мученичество Поликарпа Смирнского», ок. 177 г. — «Послание о лионских и вилленских мучениках», сохранившееся в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (Eus. *HE.* V. 1), ок. 180 г. — «Акты скилитанских мучеников»; см. Ashbrook Harvey 2008, 604; Rodorf *et al.* 2014, 704.

¹⁴ При этом сразу стоит оговорить, что позднеантичный энкомий повлиял как на агиографию, так и на гомилетику, ср. интересный термин «агиографическая проповедь» (*‘hagiographical sermon’*), отличный от понятия «агиография» (*‘formal hagiographies’*), предложенный С. Эшбрук Харви для некоторых произведений Августина, Иоанна Златоуста, Иакова Серутского и Севира Антиохийского, см. Ashbrook Harvey 2008, 615–616. Как нам представляется, применительно к коптской литературе такое различие также имеет место: так, например, бохайрская и саидская версии «Жития Писения» могут быть названы агиографическим энкомием (или житием-похвалой), тогда как «Энкомий св. Антонию» Иоанна Ликопольского — агиографической проповедью. О влиянии греческой риторики на коптскую гомилетику см., например, Sheridan 2011.

следующие особенности: 1) демонизация императоров-гонителей и наместников; 2) расширение диалога судьи с подсудимым, где ответы мученика превращаются в развернутые апологии христианской веры; 3) увеличение по времени и ужесточение пыток¹⁵ и их описаний; 4) обилие чудес (в том числе связанных с воскресениями мученика или его посмертными деяниями). В данном случае отличия коптской агиографии мучеников от греко-латинской носят скорее количественный, а не качественный характер. И. Делез, всесторонне проанализировавший эту тему на материале греко-латинской агиографии, пришел к выводу, что сюжетно-содержательные трансформации были вызваны в первую очередь проникновением в агиографию мучеников стихии фольклора, способствовавшей постепенной замене исторического субстрата «эпическим» легендарием¹⁶. В последнее время эта идея получила новое и неожиданное развитие: на создание агиографического произведения теперь пытаются смотреть как на совместный процесс автора текста и его аудитории, поскольку первый должен был представить повествование о святом в соответствии с традициями коллективной памяти общины¹⁷.

Историческую ценность «Актв Стефана» трудно переоценить. Во-первых, они представляют собой случай суда над сельским жителем, тогда как большинство свидетельств о мучениках, которые можно считать исторически достоверными, повествуют о процессах над горожанами, чаще всего относившимися к средним или высшим слоям. То, что сельский священник Стефан причислялся к категории *humiliores*, ясно видно из приговора к сожжению заживо. Христиан из категории *honestiores* приговаривали к менее мучительной казни — обезглавливанию¹⁸. Как отмечает Э. Випшицка, «Акты» демонстрируют сценарий судебного процесса «между прочим», проходившего, скорее всего, в самом начале инспекционной поездки наместника по провинции¹⁹: без лишних слов и мелких формальностей, без советников, сопровождающих наместника во время судебных заседаний, без адвокатов, защищающих обвиняемых христиан²⁰. Вероятно, такой выездной суд со стороны властей мог преследовать практические цели — устрашение местных христиан, непосредственно знавших Стефана. Если бы его судили в Антиное или Гермополе, т.е. в городах, находившихся в отдалении от его родной деревни Ленайос, и казнили бы там, то эти события представлялись бы местной общине слишком абстрактно²¹.

Всех упомянутых действующих лиц текста вполне можно считать историческими персонажами. Сам священник Стефан, по предположению П. ван Миннена, был христианином, как минимум, во втором поколении — на что указывает его имя²². Презид

¹⁵ При этом сложно отрицать применение пыток к христианам со стороны римских властей. См., например, выдержки из письма Филея (Филеаса), епископа Тмуиса, сохранившиеся в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (Eus. *HE*. VIII. 10: Schwartz 1914, 324–326).

¹⁶ По выражению Делез, трансформация агиографического текста представляет собой совместные усилия легенды и тех, кто ее записывает (Delehayе 1907, 125). О некоторых общих особенностях легендарного нарратива применительно к литературе мучеников см. *ibid.*, 21–26. «Механика» замены исторического нарратива фольклорными легендами прекрасно продемонстрирована Делез на примере традиции о св. Прокопии Кесарийском, досье которого содержит исторически достоверный рассказ Евсевия Кесарийского, а также три легендаризованные версии. При этом видно, как во вторую версию легенды вторгаются элементы жизнеописания (*βίος*), «сконструированные» на основе заимствованных сюжетов, а третья версия легенды представляет собой риторическую отделку второй. С течением времени различные версии легенды полностью вытесняют рассказ Евсевия в менологиях и синаксарях как в Византии, так и на христианском Востоке, см. *ibid.*, 125–146.

¹⁷ Ashbrook Harvey 2008, 617.

¹⁸ Ср. Wipszycka 2015, 101.

¹⁹ На это указывает место суда — Клеопатрис, город с бухтой, который располагался на другом берегу Нила прямо напротив Антиной, резиденции презида Фиваиды, см. Wipszycka 2015, 103–104. Об инспекционных поездках наместников см. Lallemand 1964, 74–75.

²⁰ Wipszycka 2015, 104.

²¹ Wipszycka 2015, 105.

²² Van Minnen 2015, 27. Ван Миннен исходит из того, что библейское имя ребенку дали родители, которые сами уже были христианами.

Фиваиды Сатрий Арриан (Ариан) хорошо засвидетельствован в других источниках, как документальных, так и агиографических²³. Даже имя помощника презида Иеракса упоминается в другом коптском мученичестве²⁴. Датировка события по годам правления августа (Констанций) и цезарей (Север, Максимин) и упоминание в тексте египетского месяца хойяк довольно точно указывает на конец 305 г.²⁵

К сожалению, известная нам история папируса *P. Duke inv. 438* лишает его какого бы то ни было археологического контекста. Но, по предположению П. ван Миннена, он мог быть обнаружен в окрестностях родной деревни Стефана, Ленайос²⁶, где, вероятнее всего, была часовня или церковь его имени. Впоследствии, после исчезновения деревни, святой был забыт, а день его памяти не вошел в известные нам редакции коптского (копто-арабского) синаксаря²⁷. Однако очень важно то, что текст *P. Duke inv. 438* хранит память о деревенском священнике, принявшем мученическую смерть всего за два поколения до его написания. П. ван Миннен, безусловно, прав, когда указывает, что время от времени папирологу выпадает честь исправлять ситуацию долгого забвения кого-то из христианских святых и становиться своего рода небесным архивариусом (*Archivar im Himmel*)²⁸.

Публикация комментированного русского перевода «Актв Стефана» актуальна еще и потому, что в отечественной историографии этому тексту еще не было уделено должного внимания. Так, он ни разу не упоминается в монографии Л.Р. Франгулян, специально посвященной коптской агиографии мучеников²⁹, и упоминается лишь вскользь в недавней статье А.Д. Пантелеева³⁰.

²³ Van Minnen 2015, 21–22; Lallemand 1964, 250. Ж. Лаллеман указывает в качестве известной даты его правления февраль–март 307 г., но из нашего источника совершенно ясно, что он занимал должность презида Фиваиды как минимум с конца 305 г. Ван Миннен, на наш взгляд, неправ, когда пишет, что префект Египта Клодий Кульциан был непосредственным начальником Ариана (van Minnen 2015, 24). После реформ Диоклетиана и до образования в начале 80-х годов IV в. диоцеза Египет префект Египта и президы других египетских провинций выполняли одинаковые обязанности и подчинялись викарию диоцеза Восток с той лишь разницей, что на должность префекта Египта мог претендовать чиновник, уже прослуживший какое-то время президом одной из провинций Империи, см. Lallemand 1964, 59–60.

²⁴ Van Minnen 2015, 22.

²⁵ См. van Minnen 2015, 21.

²⁶ Греческое название деревни несколько раз встречается (в родительном падеже) среди папирусов римского времени (van Minnen 1995, 18). Упоминание деревни Ленайос Антинопольского нома (в родительном падеже) содержится также в *HGV: P. Ant. 1 42*, датированном 557 г., а также в двух папирусах, происходящих из Гермопольского нома: *HGV: CPR 30 17* ([ἡναίου], ок. 643–644), *HGV: CPR 30 27* (ἐν τῷ Ἀηναίου Κολλούθῳ, ок. 643–644), см. URL: <https://papyri.info/browse/hgv/>, дата обращения: 25.01.2023. Таким образом, можно утверждать, что деревня Ленайос Антинопольского нома засвидетельствована с начала III в. по 557 г., а возможно, и позже, если два гермопольских папируса имеют в виду именно ее. Предположительно, эта деревня была расположена в Среднем Египте, к северу от современного города Маллави, см. van Minnen 1995, 18.

²⁷ Van Minnen 1995, 16–17. Ван Миннен объясняет это обстоятельство тем, что сохранившиеся в коптских (копто-арабских) святцах имена мучеников периода Великого гонения Диоклетиана-Максимиана — это, как правило, жители столиц номов. Имена мучеников из хоры имели мало шансов на то, чтобы попасть в синаксари.

²⁸ Van Minnen 1995, 27.

²⁹ Frangulyan 2019.

³⁰ Pantelev 2021, 131. Нам непонятно, почему автор статьи называет «Мученичество Стефана» литературно обработанной версией, учитывая приведенные нами выше мнения П. ван Миннена и Э. Випшицкой (см. прим. 11). Также непонятно, каким образом А.Д. Пантелеев перепутал два разных источника: арабскую «Историю Александрийских патриархов» и текст, условно названный его издателями «Историей епископата Александрии» (*Historia Episcopatus Alexandriae* = *HEPa*), на эфиопские фрагменты которого он указывает, отсылая читателя к монографии Л. Бламмеля, см. Pantelev 2021, 138. Бламмель эту разницу прекрасно понимает, см. Blummel 2012, 114.

* * *

Перевод сделан нами по публикации П. ван Миннена. Все конъектуры издателя нами приняты, в тексте перевода они заключены в квадратные скобки ([]). Безусловно, при переводе с одного языка на другой невозможно добиться точного совпадения конъектур, но мы постарались сделать в данном случае максимально возможное, чтобы читатель смог представить себе объем сохранившегося текста и содержание реконструкций издателя, которые могут быть предметом дискуссий. Многоточия в квадратных скобках ([...]) означают лауну в тексте, которую издателю не удалось восстановить. При этом точное количество утраченных букв мы не указывали. В треугольных скобках (< >) дано название текста, поскольку оно отсутствует в оригинале. В круглые скобки (()) заключены слова, добавленные нами для лучшего понимания смысла. Подстановка существительного вместо местоимения отдельно не оговаривается: главным образом, это касается более точного понимания (в некоторых случаях) коптского выражения **ⲡⲉⲭⲁϥ**, т.е. «сказал он». Мы отказались от деления перевода на строки согласно изданному тексту оригинала, чтобы не перегружать и без того сложный аппарат перевода.

< Мученичество Стефана >

[В четырнадцатый го]д царствования³¹ царя Валерия Констанция³² и во второй год наших повелителей Ва[лерия Севера] и Максимиана³³, царей наших³⁴. Был Ари[ан игемон³⁵ Ф]иваиды, и воссел он на суд³⁶ в Клеопа[трисе³⁷ в день ...] койяхка³⁸. Когда привели Стефана посред[и ...]. Сказал Иеракс, делопроизводитель³⁹:

³¹ Букв. «в царство».

³² Т.е. Флавий Валерий Констанций, более известный как Констанций I Хлор (250–306).

³³ Имя «Максимин» в оригинале искажено: **ⲙⲁⲕⲓⲁⲛⲟⲥ**.

³⁴ П. ван Миннен указывает, что датировка по годам царствования часто встречается в коптской агиографии мучеников, но случай с «Актами Стефана» — беспрецедентный. Обычно тексты указывают зачинщиков гонений, Диоклетиана и Максимиана, и никогда не упоминают поименно Констанция — Валерий. Формула, указанная здесь, соответствует практике, принятой в документальных папирусах. В последние месяцы 304/305 года и в течение 305/306 года, пока 25 июля 306 г. не умер Констанций, документальные папирусы датируются годами правления августов Констанция и Галерия (всегда называемого в текстах Максимианом) и цезарей Севера и Максимиана Дайи (Дазы), см. van Minnen 1995, 32.

³⁵ В тексте использовано греческое заимствование ἡγεμών, которое является точным и официальным соответствием латинского термина praeses, означающего наместника провинции, см. Lallemand 1964, 60.

³⁶ В данном случае употреблено греческое заимствование βῆμα, помимо прочего означающее «кресло судьи». П. ван Миннен указывает, что судебное кресло (βῆμα или δικαστήριον) могло быть установлено где угодно, но наиболее четко засвидетельствованные места для трибунала Ариана — Антинополь, Гермополь и Клеопатрис, см. van Minnen 1995, 32.

³⁷ Клеопатрис предположительно располагался на противоположном берегу от Антиноя (Антинополя), недалеко от современной деревни ар-Рода, см. van Minnen 1995, 20.

³⁸ Койяхк (**ⲕⲟⲓⲁⲕ**, в тексте: **ⲕⲓⲁⲕ**), греч. хойяк (χοῖακ) — четвертый месяц коптского года, соответствующий 27 ноября — 26 декабря юлианского календаря.

³⁹ В оригинале стоит **ⲕⲟⲙⲙⲁⲛⲥⲓⲟⲥ**, что, как указывает издатель, является искаженным вариантом латинского термина commentariensis (греческая форма: κομμενταρήσιος, см. Preisigke 1925, 882) — тюремный надзиратель, регистратор, секретарь, делопроизводитель. Ван Миннен предполагает, что речь в данном случае идет о тюремщике (jailor), который отвечал за вывод подсудимого из тюрьмы и следил за ним после вынесения приговора. Однако он также допускает, что commentariensis мог быть и секретарем судебного заседания, который вел протокол (commentarii), см. van Minnen 1995, 22. Э. Випшица, наоборот, считает, что этот commentariensis состоял в свите наместника, всегда его сопровождал и записывал все его распоряжения, см. Wipszyska 2015, 104.

«Сте[фан — прес]витер (деревни) Ленайос⁴⁰, нома Анти[нополя⁴¹. Повелели же] его в тюрьму бросить (и) после этого п[ривести на суд, (чтобы) принести жер]тву»⁴². Ариан, игемон Фиваиды[, сказал: «Кто ты?»]. Он сказал: «[Стефа]н»⁴³. Сказал игемон: «[Откуда ты?» Ска]зал (Стефан): «Я — [житель Л]енайоса, острова⁴⁴ [...] Господь кто⁴⁵ [...] я — пресви[тер]». Сказал Ариан[, игемо[н: «Мое желани]е, чтобы ты жил»⁴⁶ [...]». Сказал Стефан [ему: «]Я — христианин». [Сказал Ариан: «П]ринеси жертву бога[м]. Сказал Стефан]: «Не принесу я жертвы». Сказал [Ариан: « ...] ты думаешь [...] дать⁴⁷ тебе время на⁴⁸ [...]]. На самом деле, этот [предмет, о котором ты] думаешь, тщетный⁴⁹. [...] богам или [...] в твоих размышлениях о [...] при том, что ты говоришь], прине- сешь ли ты жертву или нет?». Сказал [Стефан: «[Христианин [жертв]ы (богам) не приносит». Сказал Ари[ан ему: «Принеси жертву] богам». Сказал (Стефан): «Нет». Сказал и[гемон: «... чтобы] я оставил тебя [...], чтобы ты [обдумал]. Сказал С[тефан: [...]]. Сказал Ари[ан, игемон Фива]иды: «[...] я встаю»⁵⁰. Сказа[л Стефан: «Я не при- несую жер]тву». Ар[иан, и]гемон [Фиваиды, сказал: «Стефа]н, позволено мне⁵¹, чтобы

⁴⁰ О деревне Ленайос см. выше, прим. 26.

⁴¹ В тексте ван Миннена $\lambda\alpha\delta\iota[\nu\sigma\sigma\upsilon]$ (van Minnen 1995, 30). Издатель предполагает, что в дан- ном случае Иеракс не говорит, а читает текст. В ходе судебного заседания каждый из этих пун- ктов проверялся наместником, см. *ibid.*, 33.

⁴² Мы предполагаем, что именно здесь следует окончание слов Иеракса (издатель это никак не комментирует). В коптском тексте стоит греческое заимствование $\theta\upsilon\sigma\iota\alpha$ ($\theta\upsilon\sigma\iota\alpha$). Использование этого существительного в значении глагола «приносить жертву», наряду с более употребитель- ными и грамматически правильными формами $\rho\epsilon\upsilon\sigma\iota\alpha$ или $\theta\upsilon\sigma\iota\alpha\zeta\epsilon$, засвидетельствовано в дру- гих коптских текстах, например в «Мученичестве Тимофея» (Till 1935, 117, строка 22). Заставить христиан принести жертву языческим богам было главной целью Великого гонения после так на- зываемого четвертого эдикта, обнародованного в январе–феврале 304 г., см. van Minnen 1995, 33.

⁴³ П. ван Миннен предполагает, что предельно короткие ответы Стефана могут говорить о том, что он плохо знал греческий, так как в тексте нет никаких упоминаний о переводчике, а судебное заседание должно было проходить на греческом языке, см. van Minnen 1995, 33. Ж. Лаллеман ука- зывает, что прения в суде могли вестись на двух языках (греческом и латинском), однако в IV в., кроме случаев, когда использование латинского было обязательным, судья в ходе процесса мог использовать один из языков по своему выбору, см. Lallemand 1964, 160.

⁴⁴ П. ван Миннен полагает, что в данном случае речь идет не об острове на середине Нила, а о земельных наносах возле берега (“formed land along Nile”), на котором и могла быть рас- положена деревня. Такие «острова» известны по источникам. Один из них засвидетельствован в Антинопольском номе. Можно предположить, что именно на нем и находилась Ленайос, см. van Minnen 1995, 34.

⁴⁵ Перевод формальный. Коптское слово $\lambda\omega$, которое приводит издатель и после которого в тексте находится лакуна, может означать и «кто», и «что», и «какой», и «какой-нибудь» (см. Crum 1962, 22a). Издатель переводит его как «что» или «который» (what) и предполагает здесь на- чало вопроса, но затрудняется точно восстановить утраченную фразу, см. van Minnen 1995, 31, 34.

⁴⁶ Параллель есть в некоторых коптских мученичествах и в «Актах скилитанских мучеников» (Musurillo 1972, 86): наместник выражает желание пощадить подсудимых, см. van Minnen 1995, 34.

⁴⁷ В связи с тем, что перед фразой лакуна, мы переводим часть фразы инфинитивом. Воз- можный вариант реконструкции: «Я даю тебе время».

⁴⁸ Перевод условный. В коптском тексте до лакуны стоит $\bar{\nu}\varsigma\alpha$ $\sigma\upsilon$. Здесь и далее по тексту намест- ник предлагает подсудимому время на раздумья. Параллели есть как в коптских текстах, например в «Мученичестве Коллуфа» (Reymond, Barnes 1973, 26), так и в ранней мученической агиографии, например в «Актах скилитанских мучеников» (Musurillo 1972, 88), ср. van Minnen 1995, 35.

⁴⁹ Вероятно, в данном случае наместник, стараясь убедить Стефана принести жертву, пыта- ется представить его позицию как нелогичную.

⁵⁰ Здесь повторение полного титула наместника точно так же, как это было бы в любом ори- гинальном протоколе судебного заседания по данным документальных папирусов. Вероятнее всего, наместник объявляет, что он встает совершить жертвоприношение у алтаря, и пригла- шает Стефана присоединиться к нему, см. van Minnen 1995, 36.

⁵¹ Коптская фраза по реконструкции П. ван Миннена выглядит так: $\epsilon\zeta\iota\sigma\tau\iota$ $\lambda\alpha\delta\iota$, что соот- ветствует греческой формуле $\epsilon\tilde{\xi}\epsilon\sigma\tau\iota$ $\mu\omicron\iota$. Для наместника важно было подчеркнуть, что он имеет полномочия как преследовать и наказывать христиан, так и отпускать их на свободу в случае выполнения ими требований суда, см. van Minnen 1995, 36.

я оставил тебе [жизнь]⁵² [...] тебе самому⁵³ [...]». Сказал Сте[фан: «Я — христиа[нин]». Ска[зал и]гемон ему: «[... ч]то я повелев[аю т]ебе⁵⁴, но [...], дабы ты жил [...], ибо [...] установленный [...] или просить тебя, чтобы ты [услышал увещевани]е наших повелителей (и) царей⁵⁵, дабы ты жил [...], приравняв себя к диким зверям⁵⁶. [Слушай свой судебный приго]вор⁵⁷, которого ты достоин». И Ариан повелел [... чтобы] он⁵⁸ написал его имя⁵⁹ следующим образом: «Стефана, [жителя Ленайоса, сжиг]ают заживо»⁶⁰. Он свершил свое свидетельство[тво⁶¹ блажен]но и благородно⁶². Аминь⁶³.

Литература / References

- Ashbrook Harvey, S. 2008: *Martyr Passions and Hagiography*. In: S. Ashbrook Harvey, D.G. Hunter (eds.), *The Oxford Handbook of Early Christian Studies*. Oxford, 603–627.
- Bastiaensen, A.A.R. (ed.) 1987: *Atti e Passioni dei Martiri*. Milano.
- Blumell, L.H. 2012: *Lettered Christians: Christians, Letters, and Late Antique Oxyrhynchus*. Leiden–Boston.
- Crum, W.E. (ed.) 1962: *A Coptic Dictionary*. Oxford.
- Delehaye, H. 1907: *The Legends of the Saints*. London–New York–Bombay–Calcutta.
- Fedotov, G.P. 1928: [Hagiology. Book review: Delehaye H. Les passions des martyrs et les genres littéraires. Bruxelles, 1921]. *Pravoslavnaya mysl'* [*Orthodox Thought*] 1, 223–225.
- Федотов, Г.П. Агиология. Рец. на кн.: Delehaye H. Les passions des martyrs et les genres littéraires. Bruxelles, 1921. *Православная мысль* 1, 223–225.

⁵² Букв. «чтобы я оставил тебя жить».

⁵³ Перевод условный. Из фрагмента фразы [ἵε 2ωκ εὐ] можно понять только слово 2ωκ.

⁵⁴ Как указывает П. ван Миннен, с этого момента наместник превращает диалог в монолог до тех пор, пока не выносит окончательный вердикт.

⁵⁵ Вероятно, ссылка на пожелание императоров используется наместником в качестве последней попытки убедить Стефана принести жертву. Параллели отыскиваются в других коптских текстах, например в «Мученичестве Псоте» (Orlandi 1978, 24, строки 19–20), см. van Minnen 1995, 36–37.

⁵⁶ Вариант перевода: «Ты делаешь себя равным диким зверям». Не совсем привычная для коптской мученической литературы фигура речи. Обычно в более поздних текстах (например, в мученичествах Псоте, Паэсе и Феклы, Синуфе) со зверем сравнивают наместника (Orlandi 1978, 36, строки 21–24; Reymond, Barnes 1973, 75, 115). В тексте есть небольшая лакуна, однако она, на наш взгляд, недостаточна для того, чтобы атрибутировать эту реплику Стефану. Можно предположить, что наместник сравнивает подсудимого с дикими зверями, поскольку поведение Стефана кажется ему иррациональным и асоциальным, ср. van Minnen 1995, 37.

⁵⁷ В данном случае издатель предполагает в тексте греческий термин ἀλόφαις, употреблявшийся в греческих документальных папирусах IV в. в значении «вердикт» или «обвинительный приговор», см. van Minnen 1995, 37.

⁵⁸ Вероятнее всего, имеется в виду Иеракс, хотя издатель предполагает, что это мог быть и кто-то другой, см. van Minnen 1995, 38.

⁵⁹ Употребленное здесь коптское слово 2ωκ («имя»), скорее всего, означает судебный вердикт. Параллель отыскивается в «Мученичестве Тимофея» (Till 1935, 117–118, строки 27–28, 1), где коптское 2ωκ употребляется наряду с греческим ἀλόφαις, см. van Minnen 1995, 37–38.

⁶⁰ Параллель обнаруживается в «Мученичестве Коллуфа», но в последнем вердикт передается от первого лица: «Я повелеваю, чтобы тебя сожгли заживо» (Reymond, Barnes 1973, 29), см. van Minnen 1995, 38.

⁶¹ Т.е. мученичество.

⁶² Букв. «в блаженстве и благородстве».

⁶³ Последние две фразы представляют собой очень краткую доксологическую формулу, т.е. единственное, что составитель текста прибавил к изложению (или конспекту) судебного заседания. Заключительное «аминь», по мнению издателя, указывает на литургическую функцию текста, предположительно зачитывавшегося в церкви или часовне в день памяти мученика. Наиболее близкая текстологическая параллель отыскивается в «Мученичестве Псоте» (Orlandi 1978, 40, строки 23–24), см. van Minnen 1995, 38.

- Frangulyan, L.R. 2019: *Agiograficheskiy mir muchenikov v koptskoy literature* [*The Hagiographic World of Martyrs in Coptic Literature*]. Moscow.
- Франгулян, Л.Р. *Агиографический мир мучеников в коптской литературе*. М.
- Kryukova, A.N. 2011: [Acta Martyrum Scilitanorum]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 246–251.
- Крюкова, А.Н. Акты Скилитанских мучеников. Предисловие, перевод с латинского, комментарии. *ВДИ* 3, 246–251.
- Lallemand, J. 1964: *L'administration civile de l'Égypte de l'avènement de Dioclétien à la création du diocèse (284–382)*. Bruxelles.
- Musurillo, H. (ed.) 1972: *The Acts of the Christian Martyrs*. Oxford.
- Orlandi, T. (ed.) 1978: *Il dossier copto del martire Psote*. (Testi e document per lo studio dell'antichità, 61). Milano.
- Panteleev, A.D. (ed.) 2017: *Rannie muchenichestva. Perevody, kommentarii, issledovaniya* [*Early Martyrdoms. Translations, Comments, Research*]. Saint Petersburg.
- Пантелеев, А.Д. (ред.). *Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования*. СПб.
- Panteleev, A.D. 2021: [Papyri, History of Persecution and Hagiography]. *Bibliya i khristianskaya drevnost'* [*Bible and Christian Antiquity*] 1 (9), 125–151.
- Пантелеев, А.Д. Папирусы, история гонений и агиография. *Библия и христианская древность* 1 (9), 125–151.
- Preisigke, F. 1925 (ed.): *Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden*. Bd. I. Berlin.
- Reymond, E.A.E., Barns, J.W.B. (eds.) 1973: *Four Martyrdoms from the Pierpont Morgan Coptic Codices*. Oxford.
- Robinson, J.A. (ed.) 1891: *The Passion of S. Perpetua*. Cambridge.
- Rodorf, W., Saxer, V., Heid, S., Bisconti, F. 2014: Martyr—Martyrdom. In: A. Di Bernardino (ed.), *Encyclopedia of Ancient Christianity*. Vol. II. Gowners Grove (IL), 700–709.
- Schenke, G. (ed.) 2013: *Das koptisch-hagiographische Dossier des heiligen Kolluthos, Arzt, Martyrer und Wunderheiler*. (Corpus scriptorum christianorum orientalium, 650). Leuven.
- Schwartz, E. (ed.) 1914: *Eusebius. Kirchengeschichte*. (Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte, 6). Leipzig.
- Sheridan, M. 2011: The Encomium in the Coptic Literature of the Late Sixth Century. In: P. Buzi, A. Camplani (eds.), *Christianity in Egypt: Literary Production and Intellectual Trends. Studies in Honor of Tito Orlandi*. Roma, 443–464.
- Till, W.C. (ed.) 1935: *Koptische Heiligen- und Märtyrerlegenden*. 1. Teil. (Orientalia Christiana Analecta, 102). Roma.
- Van Minnen, P. 1995: The Earliest Account of a Martyrdom in Coptic. *Analecta Bollandiana* 113, 13–38.
- Voytenko, A.A. 2020: [Russian Translation of Acta Scilitanorum by Georgii Fedotov]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"* [*The Journal of Education and Science "Istoriya" ("History")*]. Vol. 11. Issue 4 (90). URL: <https://history.jes.su/s207987840009803-2-1/>; accessed on: 29.01.2023.
- Войтенко, А.А. Acta Scilitanorum в переводе Г.П. Федотова. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Т. 11. Вып. 4 (90). URL: <https://history.jes.su/s207987840009803-2-1/>; дата обращения: 29.01.2023.
- Wipszycka, E. 2015: *The Alexandrian Church. People and Institutions*. (The Journal of Juristic Papyrology Supplement Series, 25). Warsaw.

Anton A. Voytenko,

Centre for Egyptological Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
E-mail: voytenko@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3895-9909

А.А. Войтенко,

д.и.н., ведущий научный сотрудник
Центра египтологических
исследований РАН,

Москва, Россия

ADDENDA ET CORRIGENDA

Balakhvantsev, A.S., Kogan, L.E., Lyavdansky, A.K., Tunkina, I.V. 2022: An Unpublished North West Semitic Inscription from the Collection of the Russian Archaeological Institute in Constantinople. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 82/4, 911–940

В 2022 г. в четвертом номере журнала «Вестник древней истории» был опубликован эстамп северозападносемитской надписи из коллекции Русского археологического института в Константинополе, хранящийся ныне в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Далее приводятся два исправления, которые следует учитывать при интерпретации опубликованного текста.

Во-первых, отметим новое понимание группы знаков 8–11. Вместо четырёх букв — *šade, aleph, pe, kap* — мы видим теперь здесь только три знака — *waw, šade, kap* (fig. 1). Вторая поправка касается отсутствующей на прежней прорисовке буквы *taw*, следующей за *bet* (знак No. 19). Таким образом, мы можем предложить следующее чтение надписи:

z d t h š m y w š k b h m l n ḥ z b t h w y d b r k ḥ l s k y r y n k y ? n

Archil S. Balakhvantsev,

Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
E-mail: balakhvantsev@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3028-0109

Alexey K. Lyavdansky,

National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia
E-mail: alyavdansky@hse.ru
ORCID: 0000-0002-2102-8606

А.С. Балахванцев,

д.и.н.,
в.н.с., зав. Центром археологии
Передней и Центральной Азии
Института востоковедения РАН
Москва, Россия

А.К. Лявданский,

старший преподаватель
Института классического Востока
и античности НИУ ВШЭ

Москва, Россия

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	—	<i>Вестник древней истории</i> . Москва
ГА РФ		Государственный архив Российской Федерации, Москва, Россия
ЗООИД	—	<i>Записки Одесского Общества Истории и Древностей</i> . Одесса
ИГ	—	<i>Инвентарная Книга</i> . Опись коллекции В.С. Голенищева (Отдел древнего Востока ГМИИ имени А.С. Пушкина; указывается лист рукописи или порядковый номер памятника в описи)
ИИАК	—	<i>Известия императорской археологической комиссии</i> . Санкт-Петербург
КСИИМК	—	<i>Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры</i> . Москва
КСОГАМ	—	<i>Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея</i> . Одесса
ОАК	—	<i>Отчет императорской археологической комиссии</i> . Санкт-Петербург
ОР РГБ	—	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва, Россия
ОР РНБ		Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург, Россия
ЦГА СПб		Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия
AGD I. 1	—	Brandt, E. <i>Antike Gemmen in deutschen Sammlungen</i> . Bd. I. <i>Staatliche Münzsammlung München</i> . Teil 1. <i>Griechische Gemmen von minoischer Zeit bis zum späten Hellenismus</i> . München, 1968
AGD I. 2	—	Brandt, E., Schmidt, E. <i>Antike Gemmen in deutschen Sammlungen</i> . Bd. I. <i>Staatliche Münzsammlung München</i> . Teil 2. <i>Italische Gemmen etruskisch bis römisch-republikanisch. Italische Glaspasten vorkaiserzeitlich</i> . München, 1970
AGD II	—	Zwierlein-Diehl, E. <i>Antike Gemmen in deutschen Sammlungen</i> . Bd. II. <i>Staatliche Museen Preußischer Kulturbesitz, Antikenabteilung Berlin</i> . München, 1969
AGWien I	—	Zwierlein-Diehl, E. <i>Die antiken Gemmen des Kunsthistorischen Museums in Wien</i> . Bd. I. <i>Die Gemmen von der minoischen Zeit bis zur frühen römischen Kaiserzeit</i> . München, 1973
AGWien III	—	Zwierlein-Diehl, E. <i>Die antiken Gemmen des Kunsthistorischen Museums in Wien</i> . Bd. III. <i>Die Gemmen der späteren römischen Kaiserzeit</i> . Teil 2. München, 1991
BMC28	—	Hill, G. <i>Catalogue of the Greek Coins of Arabia Mesopotamia and Persia (Nabataea, Arabia Provincia, S. Arabia, Mesopotamia, Babylonia, Assyria, Persia, Alexandrine Empire of the East, Persis, Elymais, Characene)</i> . (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum, XXVIII). London, 1922
BMC Lydia	—	Head, B.V. <i>Catalogue of the Greek Coins of Lydia</i> . (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum, 22). London, 1901
Bull. ép.	—	<i>Bulletin épigraphique</i> . Paris
CPR	—	<i>Corpus papyrorum Raineri</i> . Vienna
FGrHist	—	Jacoby, F. (Hrsg.), <i>Die Fragmente der griechischen Historiker</i> . Bd. I–III. Berlin–Leiden, 1923–1958
HGV	—	<i>Heidelberger Gesamtverzeichnis</i> . Heidelberg
IGBulg I ²	—	Mihailov, G. (ed.), <i>Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae</i> . Ed. 2. Vol. I. <i>Inscriptiones orae Ponti Euxini</i> . Sofia, 1970
IGDOP	—	Dubois, L. <i>Inscriptions grecques dialectales d’Olbia du Pont</i> . Genève, 1996
I.Olbia	—	Книпович, Т.Н., Леви, Е.И. <i>Надписи Ольвии</i> (1917–1965). Л., 1968
IOSPE	—	Latyshev, B. et. al. (ed.), <i>Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae</i> . Ed. 1. Vol. I, II, IV. Petropoli, 1885–1901. Ed. 2. Vol. I. Petropoli, 1916. Ed. 3. Vol. I, III, V. Digital ed., 2015–2017. URL: https://iospe.kcl.ac.uk/index.html ; дата обращения: 24.02.2023

-
- ISM I — Pippidi, D.M. *Inscriptiones Daciae et Scythiae Minoris antiquae. Series altera: Inscriptiones Scythiae Minoris graecae et latinae*. Vol. I. *Inscriptiones Histriae et vicinia*. Bucharest, 1983
- ISM II — Stoian, I. *Inscriptiones Daciae et Scythiae Minoris antiquae. Series altera: Inscriptiones Scythiae Minoris graecae et latinae*. Vol. II. *Tomis et territorium*. Bucharest, 1987
- LSJ — Liddell, H.G., Scott, R.A., Jones, H.S., *Greek-English Lexicon with a Revised Supplement*. Oxford, 1996
- PM II² — Porter, B., Moss, R.L.B. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings*. Vol. II. *Theban Temples*. 2nd ed. Oxford, 1972
- RE — Pauly, A., Wissowa, G., Kroll, W., Witte, K., Mittelhaus, K., Ziegler, K. (Hrsg.), *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1894–1980
- RIC I — Mattingly, H., Carson, R.A.G., Sutherland, C.H.V., Sydenham, E.A. (eds.), *The Roman Imperial Coinage*. Vol. II. *Vespasian to Hadrian*. London, 1997
- RPC I — Burnett, A., Amandry, M., Ripollès, P.P. (eds.), *Roman Provincial Coinage*. Vol. I. *From the Death of Caesar to the Death of Vitellius (44 BC – AD69)*. London–Paris, 1992
- SC — Houghton, A., Lorber, C. *Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue*. Pt. 1: *Seleucus I to Antiochus III*. Lancaster–London, 2002
- SEG — *Supplementum epigraphicum Graecum*. Leiden–Boston
- SNG — Sugden, K.F., Hart, R.E. (eds.), *Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain*. Vol. VIII. *The Hart Collection, Blackburn Museum*. Oxford, 1989
- SNG BM I — Price, M.J. (ed.), *Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain*. Vol. IX. *British Museum*. Pt. I. *The Black Sea*. London, 1993
- SNG Cop. 7 — Kroman, A., Mørkholm, O. (eds.), *Sylloge Nummorum Graecorum Denmark. The Royal Collection of Coins and Medals Danish National Museum*. Vol. VII. *Egypt: The Ptolemies*. Copenhagen, 1977
- SNG Copenhagen 27.1 — Breitenstein, N. *Sylloge Nummorum Graecorum, Royal Collection of Coins and Medals, Danish National Museum*. Vol. 27. *Lydia*. Part 1. *Acrasus – Saïta*. Copenhagen, 1947
- SNG Forbat — Westermarck, U. (ed.), *Sylloge Nummorum Graecorum Sweden*. Vol. I. *The Collection of His Late Majesty Gustaf VI Adolf. The Fred Forbat Collection*. Stockholm, 1974
- SNG Hunt. — Goddard, J. (ed.), *Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain*. Vol. XII. *The Hunterian Museum, University of Glasgow*. Pt. 2. *Roman Provincial Coins. Cyprus – Egypt*. Oxford, 2008
- SNG Israel I — Houghton, A., Spaer, A., Lorber, C. (eds.), *Sylloge Nummorum Graecorum Israel*. Vol. I. *The Arnold Spaer Collection of Seleucid Coins*. Jerusalem–London, 1998
- SNG Kayhan — Konuk K., Tekin O., Erol-Özdizbay A. (eds.), *Sylloge Nummorum Graecorum Turkey*. Vol. 1. *The Muharrem Kayhan Collection*. Istanbul–Bordeaux, 2002
- SNG Milano XIII.1 — Martini, R. (ed.), *Sylloge Nummorum Graecorum Italy*. Vol. XIII. *Aegyptus*. Pt. 1. *Ptolemaei*. Milano, 1989
- SNG vA — *Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland. Sammlung v. Aulock Collection of Greek Coins from Asia Minor*. Vol. 2. *Caria, Lydia, Phrygia, Lycia, Pamphylia*. New Jersey, 1987
- SNG Von Aulock II — *Sylloge Nummorum Graecorum, Deutschland, Sammlung V. Aulock*. Vol. II. *Caria, Lydia, Phrygia, Lycia, Pamphylia*. Berlin, 1963
- SNS III — *Sylloge Nummorum Sasanidarum Paris–Berlin–Wien*. Vol. III/1. *Shapur II. – Kawad I. / 2. Regierung. (309–531)*. Vol. III/2. *Katalog*. Wien, 2004
- Syll.³ — Dittenberger, W., von Gaertringen, H., Freiherr, Fr. (Hrsg.), *Sylloge Inscriptionum Graecarum*. Hildesheim–Zürich–New York, 1982
- TGL — Estienne, H., Dindorf, L.A., Dindorf, W., Hase, C.B. (eds.), *Thesaurus Graecae linguae*. Paris, 1831–1865

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Yakubovich I.</i> (Marburg, Germany) – “Daiva Inscription” of Xerxes: Historical Account, Ideological Statement, or Propaganda?.....	5
<i>Никольский Б.М.</i> (Москва) – Папирус <i>Р. Оху</i> . 2180 и текст «Царя Эдипа» Софокла. Часть II. Ошибочные чтения.....	27
<i>Елисеева Л.Г.</i> (Москва) – «Параграфы» мотивировочной части в почетных декретах Ольвии, Истрии, Одесса и Аполлонии Понтийской.....	54
<i>Трейстер М.Ю.</i> (Бонн, Германия) – Двусторонние стеклянные геммы из сарматских погребений Нижнего Поволжья.....	72
<i>Кириллова М.Н.</i> (Москва) – <i>Disciplina Etrusca</i> и формирование римского ортогонального межевания.....	94

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Абрамзон М.Г.</i> (Москва / Магнитогорск), <i>Захаров Е.В.</i> (Москва), <i>Никитин А.Б.</i> (Санкт-Петербург), <i>Смирнов С.В.</i> (Москва) – Античные монеты из коллекции Н.К. Минко (Государственный исторический музей Южного Урала). Часть I. Азия и Египет.....	114
<i>Чепель Е.Ю.</i> (Москва), <i>Шаврин Я.А.</i> (Санкт-Петербург) – Греческие папирусы из собрания Музея истории Пермского университета (<i>P. Perm.</i>).....	134

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Ладынин И.А.</i> (Москва) – Маски священных соколов с изображением царя из египетского собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина.....	164
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Скворцов А.М.</i> (Челябинск) – «Сейчас предстоит или возродить ... или окончательно его погубить»: введение и скорая отмена латинского языка в советских школах (конец 1940-х – первая половина 1950-х годов).....	185
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Короленков А.В.</i> (Москва) – <i>J. A. Rosenblitt. Rome after Sulla. London—New York, 2019</i>	202
<i>Подосинов А.В.</i> (Москва / Петрозаводск) – <i>R. Gagné. Cosmography and the Idea of Hyperborea in Ancient Greece. A Philology of Worlds. Cambridge, 2021</i>	207

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Шадрин Н.А., Рунг Э.В., Вендиктова Е.А.</i> (Казань) – Проблемы истории древних империй на международном научном симпозиуме «На плечах гигантов: Петр Великий и имперский опыт России в контексте мировой истории» (Казань, 26–28 сентября 2022 г.).....	216
<i>Бугаева Н.В.</i> (Москва) – Научная конференция памяти заслуженного профессора Московского университета Ии Леонидовны Маяк (1922–2018) (Москва, 30 сентября – 1 октября 2022 г.).....	219
<i>Климов О.Ю., Кулишова О.В., Пантелеев А.Д., Жестоканов С.М.</i> (Санкт-Петербург) – XXIV Жебелёвские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург, 26–28 октября 2022 г.).....	224

Юлий Беркович Циркин (1935–2022).....	232
<i>Смирнова Л.О., Лурье П.Б.</i> (Санкт-Петербург) – Александр Борисович Никитин (1956–2022).....	234
<i>Монахов С.Ю.</i> (Саратов) – Владимир Иванович Кац (1937–2023).....	237

ПРИЛОЖЕНИЕ

Коптское мученичество Стефана (<i>P. Duke. inv. 438</i>). Предисловие, перевод с коптского и комментария <i>А.А. Войтенко</i> (Москва).....	240
---	-----

ADDENDA ET CORRIGENDA

<i>Балахванцев А.С., Лявданский А.К.</i> (Москва) – <i>Balakhvantsev, A.S., Kogan, L.E., Lyavdansky, A.K., Tunkina, I.V. 2022: An Unpublished North West Semitic Inscription from the Collection of the Russian Archaeological Institute in Constantinople. Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History] 82/4, 911–940....</i>	248
--	-----

CONTENTS

<i>I. Yakubovich</i> (Marburg, Germany) – “Daiva Inscription” of Xerxes: Historical Account, Ideological Statement, or Propaganda?.....	5
<i>B. M. Nikolsky</i> (Moscow) – <i>P. Oxy.</i> 2180 and the Text of Sophocles’ <i>Oedipus Tyrannus</i> . Part II. Incorrect Readings	27
<i>L. G. Eliseeva</i> (Moscow) – Subsections of the Motivation Clause in Honorific Decrees from Olbia, Istros, Odessos and Apollonia Pontica.....	54
<i>M. Yu. Treister</i> (Bonn, Germany) – Two-Sided Glass Gems from the Sarmatian Burials of the Lower Volga Region	72
<i>M. N. Kirillova</i> (Moscow) – <i>Disciplina Etrusca</i> and the Development of the Roman Orthogonal Land Surveying.....	94

PUBLICATIONS

<i>M. G. Abramzon</i> (Moscow / Magnitogorsk), <i>E. V. Zakharov</i> (Moscow), <i>A. B. Nikitin</i> (Saint Petersburg), <i>S. V. Smirnov</i> (Moscow) – Ancient Coins from the N. K. Minko’s Collection (State Historical Museum of the Southern Urals). Part I. Asia and Egypt.....	114
<i>E. Yu. Chepel</i> (Moscow), <i>J. A. Shavrin</i> (Saint Petersburg) – Greek Papyri from the Collection of the Perm University History Museum (<i>P. Perm.</i>).....	134

IN WORLD MUSEUMS

<i>I. A. Ladynin</i> (Moscow) – The Masks of Sacred Falcons with the Image of a King in the Egyptian Collection of the A. S. Pushkin Museum of Fine Arts.....	164
---	-----

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>A. M. Skvortsov</i> (Chelyabinsk) – Now We Have either to Restore... or to Ruin it Completely”: The Introduction and Rapid Abolition of Latin in Soviet Schools (Late 1940s – First Half of the 1950s).....	185
--	-----

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>A. V. Korolenkov</i> (Moscow) – J. A. Rosenblitt. Rome after Sulla. London–New York, 2019.....	202
<i>A. V. Podossinov</i> (Moscow / Petrozavodsk) – R. Gagné. Cosmography and the Idea of Hyperborea in Ancient Greece. A Philology of Worlds. Cambridge, 2021.....	207

NEWS AND EVENTS

<i>N. A. Shadrina</i> , <i>E. V. Rung</i> , <i>E. A. Venidiktova</i> (Kazan) – Problems of the History of Ancient Empires at the International Research Symposium “On the Shoulders of Giants: Peter the Great and the Imperial Experience of Russia in the Context of World History” (Kazan, September 26–28, 2022).....	216
<i>N. V. Bugaeva</i> (Moscow) – The Academic Conference in Memory of the Honorary Professor of the Moscow University Ija Leonidovna Majak (1922–2018) (Moscow, September 30 – October 1, 2022).....	219
<i>O. Yu. Klimov</i> , <i>O. V. Kulishova</i> , <i>A. D. Pantelev</i> , <i>S. M. Zhestokanov</i> (Saint Petersburg) – The 24 th Zhebelev Conference at the St. Petersburg State University (Saint Petersburg, October 26–28, 2022).....	224
Yuli Berkovich Tsirkin (1935–2022)	232
<i>L. O. Smirnova</i> , <i>P. B. Lurje</i> (Saint Petersburg) – Alexandr Borisovich Nikitin (1956–2022)	234
<i>S. Yu. Monachov</i> (Saratov)– Vladimir Ivanovich Katz (1937–2023)	237

SUPPLEMENT

Coptic Martyrdom of Stephen (<i>P. Duke.</i> inv. 438). Introduction, Translation from Coptic and Commentary by <i>A. A. Voytenko</i> (Moscow).....	240
--	-----

ADDENDA ET CORRIGENDA

<i>A. S. Balakhvantsev</i> , <i>A. K. Lyavdansky</i> (Moscow) – Balakhvantsev, A. S., Kogan, L. E., Lyavdansky, A. K., Tunkina, I. V. 2022: An Unpublished North West Semitic Inscription from the Collection of the Russian Archaeological Institute in Constantinople. <i>Vestnik drevney istorii</i> [Journal of Ancient History] 82/4, 911–940.....	248
---	-----

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций

АСПИРАНТУРА

История
Культурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотренных федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).